

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. Н. КАРАЗИНА

Е. В. ЧЕРНЦОВА

**ДИСКУРСИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА:
ОПЫТ ИНТЕГРАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

(на материале глагольных предикатов
казаться, показаться, девербатива
кажимость, парентезы кажется)

Монография

Харьков – 2019

УДК 811.161.1'37'42:165.194

Ч

Рецензенты:

В. А. Глущенко – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и славянской филологии Донбасского государственного педагогического университета;

Н. П. Тропина – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии Херсонского государственного университета;

Ю. А. Шепель – доктор филологических наук, профессор, академик АНВО Украины, профессор кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепровского национального университета имени Олеся Гончара.

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 4 от 25 марта 2019 года)*

Ч

Чернцова Е. В.

Дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова: опыт интегрального исследования (на материале глагольных предикатов *казаться, показаться, девербатива кажимость, парентезы кажутся*): монография. Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2019. 428 с.

ISBN

Монография посвящена исследованию дискурсивного варьирования когнитивной семантики слова в контекстах обыденного, публицистического, научного, художественного дискурса. В исследовании апробируется интегральный, когнитивно-дискурсивный метод, который позволил представить систему дискурсивно обусловленных значений (концептуализаций) слова, обобщить полученную «сумму» значений слова; выявить повторяющуюся структуру когнитивных процессов, отражающую шаблоны понимания и мышления; предложить метакогнитивную репрезентацию исследуемой концептуальной области, а также показать корреляцию между уровнем концептуальной и поверхностной языковой семантики.

Монография может заинтересовать преподавателей, аспирантов, студентов филологических специальностей, интересующихся вопросами лексической семантики, когнитивной семантики, дискурсивного анализа.

УДК 811.161.1'37'42:165.194

ISBN

© Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина, 2019
© Чернцова Е. В., 2019
©, макет обложки, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	22
1.1. Методы синхронической лингвистики.....	25
1.1.1. Семантико-синтаксический анализ как составляющая интегральной методологии исследования.....	26
1.1.2. Когнитивная парадигма как теоретическая база интегрального исследования.....	33
1.1.3. Коммуникативно-дискурсивная парадигма как теоретическая база интегрального исследования.....	47
1.1.3.1. Дискурсивный анализ как метод.....	47
1.1.3.2. Основные понятия коммуникативной грамматики.....	51
1.2. Диахронический анализ: история глагольных слов <i>казаться</i> , <i>показаться</i> , девербатива <i>кажимость</i> , парантезы <i>кажется</i>	58
1.2.1. Внутренняя форма этимологического типа.....	58
1.2.2. Внутренняя форма деривационного типа.....	63
1.2.3. История парантезы <i>кажется</i> в контексте диахронического процесса возникновения парантетической позиции в предложении.....	65
Выводы к разделу I.....	75
РАЗДЕЛ II. ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНЫХ КОНТЕКСТОВ: КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ <i>КАЗАТЬСЯ</i> , <i>ПОКАЗАТЬСЯ</i> , ДЕВЕРБАТИВА <i>КАЖИМОСТЬ</i> В ДИСКУРСИВНОМ РЕЖИМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.....	79
2.1. Когнитивная семантика глагольных предикатов <i>казаться</i> , <i>показаться</i> в контекстах обыденного дискурса.....	81
2.1.1. Репродуктивный 'Я'-контекст.....	81
2.1.2. Информативный 'Я'-контекст.....	89
2.1.3. Метафорический 'Я'-контекст.....	98
2.1.4. Информативный 'Я'-контекст воспоминания.....	100
2.1.5. Реактивно-волеутивный 'ТЫ'-контекст.....	108
2.1.6. Информативный нарративный 'ОН'-контекст.....	113
2.1.7. Информативный нарративный 'ОН'-контекст воспоминания	115
Выводы к подразделу 2.1.	116

2.2. Когнитивная семантика глагольных предикатов <i>казаться, показаться</i> в контекстах публицистического дискурса.....	123
2.2.1. Репродуктивный 'Я'-контекст.....	125
2.2.2. Информативный 'Я'-контекст рассуждения.....	126
2.2.3. Информативный 'ОН'-контекст.....	130
Выводы к подразделу 2.2.	136
2.3. Когнитивная семантика глагольных предикатов <i>казаться, показаться, девербатива кажимость</i> в контекстах научного дискурса.....	141
2.3.1. 'Я'- / 'ОН'-контекст историографической стратегии.....	143
2.3.2. Когнитивная семантика глагольных предикатов <i>казаться, показаться, девербатива кажимость</i> в контекстах эпистемического типа.....	146
2.3.2.1. Эпистемический контекст научного дискурса психологии / медицинской психологии.....	148
2.3.2.2. Эпистемический контекст философского дискурса.....	155
2.3.2.2.1. Философская категория <i>кажимости реальности</i>	157
2.3.2.2.2. Гносеологическая <i>кажимость vs. онтологическая кажимость</i>	159
2.3.2.2.3. Когнитивный анализ абстрактных значений девербатива <i>кажимость</i> и глагольного предиката <i>казаться</i>	166
2.3.2.2.4. <i>Кажимость</i> в структуре обыденного vs. научного знания.....	175
Выводы к подразделу 2.3.....	179
2.4. Когнитивная семантика глагольных предикатов <i>казаться, показаться</i> , их нарративные функции в контекстах художественного дискурса.....	187
2.4.1. Семантика и нарративные функции глагольных предикатов <i>казаться, показаться</i> в контекстах репродуктивного регистра.....	191
2.4.1.1. 'Я'- / 'МЫ'-контекст репродуктивно-описательной нарративной стратегии.....	192
2.4.1.2. 'Я'- / 'МЫ'-контекст нарративной стратегии, строящейся на смене коммуникативных регистров.....	194
2.4.2. Семантика и нарративные функции глагольных предикатов <i>казаться, показаться</i> в художественных контекстах информативного регистра.....	198
2.4.2.1. 'Я'-контекст информативно-описательной стратегии 'внутренней речи персонажа'.....	200
2.4.2.2. 'Я'-контекст воспоминания информативно-описательной стратегии.....	202
2.4.2.3. 'Я'- / 'ОН'-контекст метафорического сравнения.....	209
2.4.2.4. 'ОН'-контекст информативно-описательной стратегии.....	214

Выводы к подразделу 2.4.	223
Выводы к разделу II.....	231
РАЗДЕЛ III. КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ	
ПАРЕНТЕЗЫ КАЖЕТСЯ В РАЗНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ КОНТЕКСТАХ.....	248
3.1. Когнитивная семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в диалогических контекстах обыденного дискурса.....	251
3.1.1. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в инициальном речевом акте.....	253
3.1.2. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в ответном речевом акте 'припоминания запрашиваемой информации'.....	262
3.1.3. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в интерпретационном речевом акте, в котором не возникает значения 'рефлексии над припоминанием'.....	268
3.1.4. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в речевом акте переспроса или пересказа чужой речи.....	270
Выводы к подразделу 3.1.	273
3.2. Дискурсивные проекции парентезы <i>кажется</i> в разных жанрах нарратива.....	276
3.2.1. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в обыденном рассказе.....	277
3.2.2. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в жанре бытового письма.....	281
3.2.3. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в жанре автобиографических / биографических мемуаров.....	283
3.2.4. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в жанре художественного и публицистического эссе.....	289
3.2.5. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в жанре научно-публицистического нарратива.....	291
Выводы к подразделу 3.2.	293
3.3. Когнитивная семантика и нарративные функции парентезы <i>кажется</i> в разных контекстах художественного дискурса.....	299
3.3.1. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в диалогических контекстах прямой речи персонажей.....	301
3.3.1.1. Внешний репродуктивный контекст.....	301
3.3.1.2. Внешний информативный контекст интерпретации.....	302
3.3.1.3. Внешний информативный контекст воспоминания.....	303
3.3.2. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в художественных нарративных контекстах.....	306
3.3.2.1. Внешний 'Я'-контекст информативно-описательной стратегии 'внутренней речи персонажа'.....	307
3.3.2.2. Внешний информативный 'Я'-контекст рассуждения.....	308
3.3.2.3. Внешний 'Я'-контекст эксплицитной авторской рефлексии над собственной дискурсивной деятельностью.....	311

3.3.2.4. Семантика и нарративные функции парентезы <i>кажется</i> в 'Я'- и 'ОН'-контекстах информативно-повествовательной стратегии биографического типа.....	313
3.3.2.5. Внешний 'Я'-контекст воспоминания информативно-описательной стратегии.....	316
3.3.2.6. Внешний 'ОН'-контекст информативно-повествовательной стратегии биографического типа.....	318
3.3.2.7. Внешний контекст репродуктивно-повествовательной стратегии, строящейся на смене коммуникативного регистра с репродуктивного на информативный.....	320
3.3.2.8. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> во внешних 'Я'- / 'ОН'-контекстах репродуктивно-описательной нарративной стратегии.....	323
3.3.2.9. Внешний 'Я'-контекст репродуктивно-повествовательной стратегии, строящейся на смене коммуникативного регистра с репродуктивного на информативный.....	325
3.3.2.10. Внешний 'ОН'-контекст репродуктивно-повествовательной стратегии, строящейся на смене коммуникативного регистра с информативного на репродуктивный.....	328
3.3.2.11. Семантика и функции парентезы <i>кажется</i> в нарративных контекстах свободной косвенной речи.....	330
3.3.2.11.1. Внешний контекст свободной косвенной речи – 'пересказ нарратором слов персонажа'.....	331
3.3.2.11.2. Внешний контекст свободной косвенной речи – 'пересказ нарратором воспоминаний персонажа'....	333
Выводы к подразделу 3.3.	334
Выводы к разделу III.....	341
 ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ.....	 356
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	 373
 СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	 414
 ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	 416

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена исследованию феномена дискурсивного варьирования когнитивной семантики слова. В качестве языкового материала избраны глагольные предикаты *казаться*, *показаться*; девербатив *кажимость*, парентеза *кажется*.

Теоретическая идея дискурсивного варьирования семантики слова отнюдь не является новой. В коллективной монографии, ставшей результатом русско-французского проекта «Описание дискурсивных слов русского языка», излагаются основы нового для своего времени методологического подхода к описанию семантики слов, связанных с регулированием использования языка в ситуации общения. Дискурсивные слова (ДС) не имеют денотата, их значения непредметны, поэтому их можно изучать только через их употребление в речи (дискурсе). ДС обеспечивают связность линейного дискурса, отражают процесс взаимодействия коммуникантов в диалогическом дискурсе; «выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [ПДСРЯ 1993, с. 7]. К дискурсивным словам относят частицы, некоторые типы наречий и вводно-модальные слова (далее – парентезы). Базовые идеи предлагаемого авторами способа описания ДС – исчисление контекстов употребления слова, учет характера взаимодействия слова и дискурсивного контекста. Совместные усилия коллектива французских и российских лингвистов (под руководством Д. Пайара и К. Киселевой) оформились в разработке специальной структуры словарной статьи, позволяющей отразить контекстное варьирование дискурсивного слова. Первой

крупной публикацией в рамках русско-французского проекта стал «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка», вышедший в 1993 г. [ПДСРЯ 1993]; второй – сборник «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания» 1998 года выпуска. Во второй монографии описано около 40 слов и словосочетаний, в частности представлены словарные статьи таких дискурсивных слов, как *авось*, *небось*, *разве*, *неужели*, *только*, *конечно*, *разумеется*, *естественно*, *что ли*, *да и*, *как раз* и др. [ДСРЯ 1998].

Стоит уточнить, во французской лингвистике термин ‘дискурс’ первоначально обозначал речь вообще, текст, а также функциональный стиль [Степанов 1995, с. 36]. В русской научной традиции для описания текстов разного типа – разговорных, газетных, научных, художественных – используется термин ‘функциональный стиль’. В современных исследованиях к названным типам текстов, помимо традиционного термина ‘функциональный стиль’, применяется термин с более широким значением – ‘дискурс’, понимаемый как «язык в языке», представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует не только в виде своей грамматики и своего лексикона, как ‘функциональный стиль’ просто. Дискурс существует в текстах, «за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – ‘возможный (альтернативный) мир’ в полном смысле этого логико-философского термина» [Степанов 1995, с. 44–45].

В качестве языкового материала для исследования феномена дискурсивного варьирования когнитивной семантики слова избраны глагольные предикаты *казаться*, *показаться*; девербатив *кажимость*, парентеза *кажется* в связи с тем, что эти слова служат языковой формой для концептуализации когнитивных актов человека, поэтому в семантике контекстов отражаются интенции, содержание дискурсивной и когнитивной (познавательной) деятельности говорящего, который всегда выступает в роли субъекта определенного типа дискурса. Дискурсивная и когнитивная деятельность субъекта варьируется в зависимости от типа дискурса – обыденного, или публицистического, или

научного, или художественного. В исследовательских разделах монографии проанализируем, как субъекты разных дискурсов (обыватель – публицист – исследователь – писатель) используют слова *казаться*, *показаться* для реализации разных тактико-стратегических установок, и поэтому в разных дискурсивных контекстах у слова всякий раз возникает новая дискурсивная модификация значения.

Пафос предпринимаемого исследования состоит в том, чтобы поставить проблему – продемонстрировать широкий диапазон дискурсивного варьирования когнитивной семантики слов (обозначенного семантического и грамматического типа) – и предложить возможные пути решения проблемы – разработать и апробировать интегральный метод, изменив представления лингвистов о методологии в сторону увеличения количества необходимых для исследования параметров. По мере накопления новых эмпирических и теоретических данных становится очевидной необходимость изменения базовых установок исследования семантики слова. С нашей точки зрения, требуется учесть по возможности **весь диапазон дискурсивно обусловленных значений слова**; решить вопрос о **концептуальных основаниях сохранения полисемантичным словом смысловой целостности**; предложить **лингвокогнитивную модель** процесса создания **полисемии**; осмыслить **особый, «несуммарный» характер связи семантики слова и семантики контекста** и некоторые другие.

Интересующий нас феномен – дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова – напрямую связан с разрабатываемой в лингвистике теорией полисемии. В разные эпохи отношение лингвистов к проблеме многозначности слова различалось (см. [Кацнельсон 1965]). Редукционистский подход к полисемии обнаруживается в структуралистских концепциях, в которых многозначность слова рассматривалась как «некое досадное обстоятельство, с которым нельзя не считаться, но от которого в семантическом описании следует как можно раньше и радикальнее избавиться (...). Отчасти данью этой идеологии является принятый в Московской семантической школе термин *лексема* в понимании «слово в определенном значении» (см., например, [Апресян 2000]), который создает иллюзию решения именно этой задачи – избавления от многозначности: в исход-

ной точке анализа множество употреблений описываемого слова разбивается на непересекающиеся подмножества (соответствующие разным *лексемам*), после чего исследователь имеет дело уже только с этими лексемами, т. е. с единицами, «свободными» от многозначности» [Анна Зализняк 2006, с. 15].

В конце XX века изменился методологический подход, общий взгляд на феномен языкового значения. Семантическая теория за последние десятилетия эволюционировала, прежде всего, изменилось отношение лингвистов к семантической диффузности значений слова. В современных лингвистических исследованиях обсуждается несколько теоретических оппозиций, касающихся устройства языка в целом. Оппозиция дискретность vs. диффузность касается статуса отдельного значения слова: «образуют ли разные значения слова множество дискретных единиц или непрерывный континуум, в котором одно значение плавно переходит в другое» [Анна Зализняк 2006, с. 16]. Вопрос о дискретности vs. диффузности языковых значений остается одним из часто обсуждаемых в современной теоретической лингвистике. Полемика на эту тему ведется в исследованиях [Апресян 1995; Зализняк 2006; Ирисханова 2014; Кибрик 1996; Кубрякова 2012; Перцова 1988; Перцов 1996; Перцов 2001, с. 31–33].

Взгляды лингвистов долгое время определялись одной из главных идей В. фон Гумбольдта – язык есть «вечно возобновляющаяся работа духа», непрерывное действие (*energia*), а не готовый продукт (*ergon*) [Гумбольдт 1984].

В последнее же время в лингвистике утвердились знания о **дискурсивных формациях** (см. работы западных исследователей [Дейк ван 1989; Дейк – Кинч 1988; Йокояма 2005; Филлипс – Йоргенсен 2004; Фуко 2004; Серио 19996; Laclau – Mouffe 1985] и др.); **дискурсивной неоднородности языка** (см. работы российских исследователей [Карасик 2004; Кубрякова – Александрова 2008; Кубрякова 2008а; Макаров 2003; Ревзина 1999; Ревзина 2005; Степанов 1995б; Тюпа 2007] и др.).

В ряду самых влиятельных научных концепций особое место занимает исследование Б. М. Гаспарова, авторский взгляд на язык: «наш язык представляется мне гигантским мнемоническим конгломератом, не имеющим единого строения, неопределенным по своим очертаниям, который к тому же находится

в состоянии постоянного движения и изменения. Он вмещает в себя неопределенно большое – принципиально перечислимое – количество разнородных «кусков» предыдущего языкового опыта, имеющих самую разную форму и объем. (...) Наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток «цитации», черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти. Разумеется, языковая цитация имеет такой же небуквальный, нетвердый, растекающийся характер, как и сам резервуар памяти, который служит источником этого процесса» [Гаспаров 1996, с. 13–14].

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина считают центральной проблемой описания полисемии вопрос о нахождении границы, отделяющей область воспроизводимого от области порождаемого – «того, что запоминается, и того, что конструируется» [Плунгян – Рахилина 1996, с. 5–6]. Анна Зализняк поддерживает такую постановку проблемы: «Если следовать мысли авторов, то описание полисемии должно включать две части: тому, что находится по ту сторону указанной границы, будет соответствовать нечто вроде перечня готовых толкований (которые, по предположению, говорящий помнит, если он владеет значением данного полисемантического слова, – или должен запомнить, если он хочет им овладеть); тому же, что находится по другую сторону, будет соответствовать нечто вроде перечня инструкций, т. е. операций по преобразованию смыслов, которыми, по предположению, говорящий на данном языке умеет – или, соответственно, хочет научиться – пользоваться» [Анна Зализняк 2006, с. 18].

Включаясь в обсуждение этого сложного теоретического вопроса, мы можем выдвинуть предварительное предположение, что разграничение воспроизводимого и порождаемого будет проходить по-разному не только для слов разных семантических и грамматических типов, но и для разных говорящих – субъектов разных дискурсов. Материал нашего исследования показывает, что у глагольных предикатов *казаться*, *показаться*, а также парентезы *кажется* обнаруживается различная смысловая и функциональная нагрузка в контекстах разного дискурсивного типа, что, в свою очередь, позволяет говорить о некоторых закономерностях, эксплицирующих дискурсивные правила использования языковых средств разными говорящими. Дискурсивные правила, регулирующие различное информативное наполнение

слова в контекстах разного дискурсивного типа, мы связываем с глобальными интенциями субъекта, его дискурсивной и когнитивной (познавательной) деятельностью, а также разрабатываемым нами понятием 'дискурсивная логика' субъекта.

Теоретические установки предпринимаемого интегрального исследования определяются, с одной стороны, **идеями теоретической семантики** [Апресян 1995а; Апресян 1995б; Апресян 1995в; Апресян 1995г; Арутюнова 1999; Зализняк 2006; Падучева 1974; Падучева 1985; Падучева 1996]; **методами когнитивной лингвистики**, связанной с именами западных исследователей [Дейк ван 1989; Йокояма 2005; Лакофф 1981; Лакофф – Джонсон 1990; Талми 2006; Филлмор 1988; Чейф 1983; Langacker 1991а; Langacker 1991b; Langacker 2000; Talmy 2001а; Talmy 2001b]; российских исследователей [Болдырев 2006; Болдырев 2009; Болдырев 2016; Демьянков 1992; Демьянков 2006; Ирисханова 2014; Кубрякова 2012]; с другой стороны, – **теорией и методом дискурс-анализа** [Борборотько 2011; Дементьев 2006а; Карасик 2004; Фуко 2004; Филлипс – Йоргенсен 2004] и **методологией коммуникативной грамматики** [Золотова – Онипенко – Сидорова 2004], а также парадигмой **коммуникативной лингвистики** в целом [Абашина 2006; Антоненко 2014; Бацевич 2003; Иссерс 2002].

Ориентируемся также на семантический, когнитивный, коммуникативный и дискурсивный подходы к анализу языка, реализованные в трудах украинских исследователей [Абашина 2006; Бацевич 2003; Гуйванюк 2002; Жаботинская 2010; Жаботинська 2011; Приходько 2003; Приходько 2008].

Особую значимость для нас представляет накопленный представителями Харьковской лингвистической школы опыт поисков адекватной фактам языка методологии, в том числе и когнитивно-дискурсивной. Дополняющие друг друга методологические подходы репрезентированы в работах [Бойко 2004; Бойко 2006; Бондаренко 2009; Бондаренко 2014; Быкова 2010; Кардашова 2016; Мальцева 2018; Маринчак 1982; Маринчак 2004; Мартынюк 2013; Мартинюк 2015; Маслій 2008; Педченко 2013; Педченко 2017; Пихтовникова 2012; Попов 2013; Попов 2014; Савченко 1985; Савченко 2006; Смирнова 1998; Степанченко 2013; Степанченко 2014; Фільчук 2003; Фролова 2009; Шевченко 2003; Шевченко 2005; Шевченко 2013].

Интегральный метод предпринимаемого исследования складывается из частных методик семантико-синтаксического, когнитивного, коммуникативного и дискурсивного видов анализа. Современная лингвистическая теория опирается на данные двух главных парадигм научного знания – когнитивной и коммуникативно-дискурсивной (см. об этом в [Бондаренко – Мартынюк – Фролова – Шевченко 2017; Скребцова 2018]). Потребность в разработке и апробации интегрального метода осознается многими лингвистами, в частности об этом пишет Е. С. Кубрякова: «...становится все более очевидным, что для решения целого ряда актуальных проблем современной лингвистики необходим своеобразный синтез указанных парадигм знаний» [Кубрякова 1997, с. 12].

Коммуникативно-дискурсивная парадигма изучает коммуникативную и дискурсивную деятельность человека, учитывает экстралингвистические условия протекания дискурсивной деятельности, тактико-стратегические установки, глобальные интенции субъекта и др.

Когнитивная лингвистика изучает связь языка с работой сознания, созданием ментальных моделей мира, широким спектром ментальных, психических процессов человеческого интеллекта, главное же – обращается к познавательным процессам, способам получения и хранения знания. «С развитием когнитивной науки мысль об исключительной значимости языка для всех процессов обработки знания, для его передачи от одного поколения к другому, для роста и накопления опыта по познанию мира, по его описанию и т. д., получила все большее признание» [Кубрякова 1997, с. 19–20].

Когнитивный подход к изучению языка базируется на представлении о том, что в основе языковых значений лежит система знаний о мире (концептуальная картина мира), которая формируется в сознании человека в результате его познавательной деятельности. Сам язык выступает как когнитивный механизм, непосредственно участвующий в формировании этой системы – определенным образом организованных структур знаний. Базовыми элементами этой системы являются концепты – содержательные оперативные единицы знания [Кубрякова 1996, с. 90–94; Кубрякова 1997]. Именно этими единицами и структурами человек оперирует в процессе речемыслительной деятельности.

С точки зрения когнитивного подхода к языку, особый интерес вызывают глагольные слова, выполняющие роль средств концептуализации когнитивного процесса человека. Пропозициональная структура *кто / что кому кажется / показался каким / чем* имплицитно логическую структуру процесса восприятия, а именно: субъект восприятия (*кому*), воспринимаемый объект (*кто / что*) и содержание восприятия (*каким / чем*). Глагольное слово выполняет предикативную функцию, интегрируя в своем значении категориальный смысл всего предложения. Являясь центром предложения, глагольный предикат определяет его синтаксическую структуру и категориальные значения заполняющих его элементов. При этом *казаться, показаться* обнаруживают интересное противоречие: с одной стороны, предикаты выполняют функцию организующего центра пропозиции, задают грамматическую форму и семантику актанта, а с другой – относятся к словам с диффузной семантикой, со способностью копировать контекстное окружение, «реагировать» на семантическую и коммуникативную среду. В традиционной синтаксисе данные слова интерпретируются как гибридные – совмещающие функции глагола и связки [Виноградов 1972, с. 529]. Предварительно отметим, что материал нашего исследования не позволяет считать избранные для анализа глагольные слова семантически «опустошенными», десемантизированными, выполняющими только функцию синтаксической связки в составе предиката предложения. Поскольку полисемантические глагольные предикаты *казаться, показаться* обладают диффузной, континуальной семантикой, сложной для экспликации, они стали камнем преткновения для лексикографов (см. об этом подробнее в [Чернцова 2013]).

Актуальность данного исследования обусловлена задачами, стоящими перед современной лингвистикой вообще и когнитивной семантикой в частности, прежде всего, потребностью дальнейшей разработки теории языкового значения, типов языковых значений, типов полисемии. Интересующий нас феномен дискурсивного варьирования когнитивной семантики полнозначного слова напрямую связан с **особым типом полисемии**, который еще не был предметом специального изучения.

Актуальность исследования состоит также в необходимости апробировать **интегральный метод**, сопрягающий в единый аналитический аппарат понятия семантики и синтаксиса,

когнитивной семантики, коммуникативной лингвистики, дискурсивного анализа. Интегральный подход отражает актуальную, назревшую в современной лингвистической науке потребность найти гармонию между атомистическим – дифференцирующим – и холистическим – когнитивным – подходами к языковому значению.

Объектом исследования выступает феномен дискурсивного варьирования когнитивной семантики слова в контекстах быденного, публицистического, научного, художественного дискурса.

Предметом исследования являются дискурсивные и когнитивные факторы, которые обуславливают разное воплощение одной и той же когнитивной структуры, отражающей шаблоны понимания и мышления, в семантике контекстов разного дискурсивного и коммуникативного типа.

Цель исследования состоит в том, чтобы разработать и апробировать интегральный метод исследования дискурсивного варьирования когнитивной семантики слова.

Реализация поставленной цели требует решения следующих **задач**:

1. Определить систему параметров, составляющих единый аналитический аппарат интегрального метода исследования: 'дискурсивный тип контекста', 'коммуникативный тип контекста'; 'коммуникативный регистр', 'коммуникативная (диалогическая / нарративная) стратегия'; 'интенции субъекта', 'субъектная структура контекста', 'концептуализация', 'когнитивная семантика' и некоторые др.

2. Продемонстрировать методологическую значимость диахронического подхода к исследованию концептуальной семантики на материале избранных слов: кратко рассмотреть историю слов, а также диахронический процесс формирования парентетической позиции в русском предложении.

3. Апробировать разрабатываемый когнитивно-дискурсивный метод исследования, представить созданную на его базе типологию дискурсивных контекстов, релевантных для исследования когнитивной семантики слова (на материале глагольных предикатов *казаться*, *показаться*; девербатива *кажливость*, парентезы *кажется*).

4. Проанализировать семантику глагольных предикатов *казаться*, *показаться* (в пропозиции *кто / что кому кажется*).

ся / *показался каким / чем*) в контекстах обыденного, публицистического, научного и художественного дискурса: представить систему контекстных значений (концептуализаций) каждого дискурса; выявить когнитивную значимость слова для организации коммуникативной / нарративной стратегии определенного типа. В когнитивистских терминах 'гештальт', 'фон – фигура', 'фокусирование – дефокусирование' проанализировать, как фундаментальный принцип зрительного восприятия – выделение 'фигуры' на 'фоне' – проецируется в семантико-синтаксическую организацию контекста.

5. Собрав «сумму» дискурсивно обусловленных значений (концептуализаций), обобщить полученные семантические данные, реконструировать гештальт-сценарий концептуальной области *кажмости*. В когнитивистских терминах 'гештальт', 'фон – фигура', 'фокусирование – дефокусирование' проанализировать игру когнитивного фокуса, показать корреляцию между концептуальной областью и семантикой контекста, а также семантикой контекста и значением слова в контексте. Специально рассмотреть когнитивный статус признака 'первое впечатление оценивается субъектом как ошибочное / искаженное'.

6. Проанализировать абстрактную семантику девербатива *кажмость*, определить значимость слова для репрезентации философского концепта, категорий гносеологической vs. онтологической *кажмости*; роль *кажмости* в структуре обыденного vs. научного знания.

7. В целях дополнения существующей теории полисемии предложить лингвокогнитивную модель процесса создания полисемии, коррелирующего с когнитивным процессом порождения новых концептуализаций.

8. Проанализировать исторически обусловленную глагольным словом семантику парентезы *кажется* – семантический результат процесса грамматикализации и прагматикализации исходного значения глагольного слова *казаться*. Определить дискурсивно-интерактивные значения и функции парентезы *кажется* в диалоге и нарративе (разных коммуникативных режимах), в контекстах разного дискурсивного типа – обыденном, публицистическом, научно-публицистическом, художественном.

9. В результате проведенного когнитивно-дискурсивного анализа языкового материала собрать «сумму» дискурсивно-

интерактивных значений парентезы; обобщить полученные данные, соотнести когнитивную семантику парентезы с реконструированным гештальт-сценарием концептуальной области *кажмости*; проанализировать сходства и различия между парентезой *кажется* и глагольным предикатом *казаться*.

Научная новизна и теоретическая значимость монографического исследования состоит в разработке нового теоретического взгляда на полисемию (на материале глагольных слов *казаться*, *показаться*; девербатива *кажмость*, парентезы *кажется*). В монографии проанализирован новый, не описанный ранее тип полисемии полнзначных слов, квалифицируемый как 'дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова' в контекстах обыденного, публицистического, научного, художественного дискурса. В результате проведенного исследования предложена лингвокогнитивная модель, объясняющая появление новых значений слова; сделаны выводы о роли каждого дискурса и 'его правил' в «разработке» системы дискурсивных значений слова; верифицирована теоретическая идея о том, что языковая семантика обуславливается как дискурсивной деятельностью субъекта, так и его познавательным (когнитивным) опытом, его знаниями.

Результаты исследования позволили верифицировать ранее предложенную в рамках когнитивной лингвистики идею о двухуровневой организации когнитивной семантики слова. В целях дополнения и разработки этой теории был реконструирован гештальт-сценарий, предложена метакогнитивная репрезентация исследуемой концептуальной области. Сделаны выводы о целостном, континуальном, диффузном, размытом, неопределенном характере реконструируемой концептуальной области, в отличие от более конкретной семантики языкового контекста, в котором представлен фрагмент концептуальной области, как будто бы выхваченный когнитивным фокусом. С использованием когнитивистских понятий 'гештальт', 'фон – фигура', 'фокусирование – дефокусирование' установлена корреляция между когнитивным уровнем и уровнем поверхностной языковой семантики. Различия между возникающими контекстными значениями (и соответствующими им концептуализациями) проанализированы как игра когнитивного фокуса, а именно: из признаков, составляющих концептуальное целое

(гештальт-сценарий), на первый когнитивный план выдвигаются востребованные признаки (становятся 'фигурой'), невостребованные же дефокусируются, выводятся из фокуса внимания в концептуальный 'фон', но полностью не исчезают.

В работе представлены надежные эмпирические и теоретические данные, свидетельствующие о том, что когнитивная семантика глагольных слов *казаться*, *показаться* отражает онтологический процесс восприятия **иконично**. **Иконичность** семантики проявляется в том, что в контекстах с глагольным предикатом процесс восприятия концептуализируется как динамичный процесс, состоящий из этапов – перцептивного восприятия и последующего ментального осмысления перцептивных данных; в контекстах также концептуализируется знание носителей языка о том, что в случае неблагоприятных условий-обстоятельств осуществления перцептивного акта первое впечатление субъекта может оказаться ошибочными / искаженным.

Монографическое исследование вносит определенный вклад в разработку концептуального аппарата когнитивно-дискурсивной парадигмы, дополняя его понятиями 'гештальт-сценарий', 'дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова'; 'дискурсивно обусловленное значение', 'дискурсивный тип контекста', 'дискурсивная логика субъекта', 'субъектная структура контекста'.

Новизну полученных результатов видим также в представленных в специальном пункте данных об истории происхождения парентетической позиции в русском предложении. **Впервые** исследуется семантический результат диахронического процесса превращения глагола в парентезу, а именно: грамматикализация и прагматикализация исходного лексического значения глагольного слова *казаться*. Впервые выявлены в контекстах – в памяти носителей языка – дискурсивные сценарии употребления исходного глагольного слова, которые определяют функционирование парентезы. Когнитивный анализ выявил концептуальную связь производных слов – девербатива *кажимость*, парентезы *кажется* – с реконструированным гештальт-сценарием.

Интегральный метод исследования объединяет атомистический и холистический – когнитивный – подходы к языковому материалу. Атомистический – дифференцирующий – подход реализуется посредством семантико-синтаксического анализа, а также коммуникативного и дискурсивного. Синтез частных

методик семантико-синтаксического, коммуникативного и дискурсивного видов анализа позволил создать типологию функциональных контекстов слова, проанализировать контекстные значения, обусловленные комплексом дискурсивных и коммуникативных факторов. В результате была получена система значений слова, «порождаемая» каждым из рассматриваемых типов дискурса – обыденным vs. публицистическим vs. научным vs. художественным.

Когнитивный анализ позволил обобщить полученную «сумму» дискурсивных значений слова; выявить повторяющуюся структуру когнитивных процессов, в которой отражены шаблоны понимания и мышления; предложить метакогнитивную репрезентацию исследуемой концептуальной области; реконструировать соответствующий ей гештальт-сценарий, а также условно показать корреляцию между уровнем концептуальной и поверхностной языковой семантики.

Теоретико-методологическую основу предпринимаемого когнитивно-дискурсивного исследования составляет синхронический лингвистический анализ, который дополняется привлечением диахронических данных об избранных средствах русского языка.

Разработанный автором и апробированный в монографическом исследовании интегральный метод может быть применен для анализа других лексических единиц или семантических групп в их различных дискурсивных репрезентациях.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его научные положения и текстовый материал могут быть использованы в учебной вузовской практике: в преподавании курса лексикологии, в содержании которого вопросы о типах языковых значений, типах полисемии являются центральными; а также специальных курсов по когнитивной лингвистике, когнитивной семантике, дискурсивному анализу феноменов языка.

Эмпирическим материалом исследования служат шесть тысяч контекстов, отобранных автором монографии из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], из лексикографических и других источников.

Структура монографии подчинена задаче последовательного изучения объекта и предмета исследования. Монография состоит из введения, трех разделов, выводов к каждому разделу,

заключительных выводов, списка использованной литературы и приложения.

В первом разделе монографии – «Теоретические основы и методология интегрального исследования» – определяется методологический инструментарий исследования: рассматриваются основные научные понятия современной лингвистики и их приложимость к анализу когнитивной семантики слова; обсуждается релевантность частных методов семантико-синтаксического, когнитивного, дискурсивного и коммуникативного видов анализа для решения поставленных в исследовании задач.

В специальном подразделе определяется роль внутренней формы этимологического типа в создании полисемии и запечатленного в слове концептуального содержания: изучается история глагольных слов *казаться*, *показаться*, девербатива *кажимость*. Особое внимание уделяется истории парентетической позиции в русском предложении, с которой связываем диахронический процесс возникновения слова-парентезы *кажется*.

Второй раздел – «Типология дискурсивных контекстов: когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться*, *показаться*, девербатива *кажимость* в дискурсивном режиме интерпретации» – репрезентирует феномен дискурсивного варьирования когнитивной семантики глагольных слов *казаться*, *показаться* в контекстах разного дискурсивного и коммуникативного типа. Структура второго раздела складывается из четырех подразделов, посвященных анализу семантики контекстов быденного, публицистического, научного и художественного дискурса. В каждом подразделе представлена система контекстных значений (концептуализаций) глагольного слова, порождаемая комплексом факторов, среди которых, в первую очередь, исследуются тактико-стратегические установки субъекта дискурса, его дискурсивная логика – то, как мыслит субъект дискурса, как он использует языковые средства для достижения своих целей. Дискурсивно обусловленные контекстные значения слов анализируются с учетом семантики более широкого дискурсивного контекста, в котором, в свою очередь, запечатлены глобальные интенции субъекта дискурса, его дискурсивная и когнитивная деятельность, его знания.

Особое внимание уделяется анализу значений (концептуализаций) глагольных предикатов *казаться*, *показаться*; девер-

батива *кажимость*, возникающих в контекстах научного дискурса психологии / медицинской психологии, а также в контекстах научного дискурса философии.

Когнитивный анализ направлен на экспликацию концептуального целого, реконструкцию гештальт-сценария концептуальной области *кажимости*, а также установление внутренних связей между разными концептуализациями (значениями). Различия между концептуализациями (значениями) описываются в терминах 'гештальт', 'фон – фигура', 'фокусирование – дефокусирование' как игра когнитивного фокуса, а именно: из признаков, составляющих концептуальное целое (гештальт-сценарий), на первый когнитивный план (в 'фигуру') выдвигаются востребованные признаки, невостребованные же «затемняются», выводятся из фокуса внимания в концептуальный 'фон'.

Третий раздел – «Когнитивная семантика и функции парентезы *кажется* в разных дискурсивных контекстах» – посвящен исследованию варьирования когнитивной семантики парентезы в контекстах разного дискурсивного и коммуникативного типа. Структура третьего раздела складывается из трех подразделов, в которых анализируются дискурсивно-интерактивные значения и функции парентезы в диалогических контекстах обыденного дискурса, нарративных контекстах обыденного, публицистического, научного дискурса, а также художественного дискурса. В каждом подразделе представлена система дискурсивно-интерактивных значений и функций парентезы *кажется*, обусловленная комплексом дискурсивных и коммуникативных факторов.

Особое внимание уделяется анализу исторически обусловленной глагольным словом семантики парентезы *кажется*: изучается семантический результат исторического процесса грамматикализации и прагматикализации исходного значения глагольного слова *казаться*. Определяются сходства и различия между парентезой *кажется* и глагольным предикатом *казаться*; на базе проведенного сопоставления выявляются дискурсивные сценарии употребления исходного глагольного слова, которые продолжают определять функционирование парентезы *кажется*.

В третьем разделе монографии реализуется когнитивно-дискурсивный анализ, направленный на реконструкцию когнитивной семантики парентезы, установление корреляции между когнитивной семантикой парентезы и реконструированным гештальт-сценарием концептуальной области *кажимости*.

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Цели и задачи предпринимаемого исследования связаны с изучением когнитивной семантики слова в коммуникативном и дискурсивном измерениях. Предмет исследования представляется нам сложным, многомерным, многосторонним, многоаспектным, в связи с этим требуется изучить разные его свойства. Необходимость разработки интегральной методологии исследования, сопрягающей в единый аналитический аппарат частные методы семантико-синтаксического, когнитивного, коммуникативного и дискурсивного видов анализа, обусловлена также рядом других причин.

В ряду причин назовем в качестве первого важного обстоятельства следующее: в современной теоретической лингвистике нет готового инструментария – адекватного избранному языковому материалу и задачам исследования метаязыка. В процессе предварительного анализа языкового материала мы обнаружили, что традиционная методика осмысления механизмов полисемии в применении к разным значениям наших слов «не работает». В современной теоретической лексикологии основные типы лексических значений в отношении к «общему» смыслу слова хорошо известны и описываются как значения номинативно свободные, вторично производные и экспрессивно-синонимические (см. [Виноградов 1977, с. 162–192]). Если

кратко представить современную теорию полисемии и способы ее представления в лексикографических источниках, то получим следующую картину: 1) в толковых словарях представлен иерархически упорядоченный набор значений полисемантического слова, в частности называются два значения глаголов *казаться, показаться*: первое – ‘иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление’; второе значение с пометой *безл.* – ‘представляться воображению, мысли’ [БАС 1956, т. 5, с. 659–661; БТСРЯ 2008, с. 409; МАС 1983 т. 2, с. 14; СО 1986, с. 232; СУ 1935 т. 1, с. 1280–1281; ТСРЯ 2006, с. 259]; 2) Е. Курилович предложил следующую схему: существует исходное – главное – значение и множество производных значений (семантическая деривация), которые связаны определенными отношениями – семантическими мостами (см. подробнее в [Курилович 1962, с. 264]); 3) Р. Якобсон говорит об инвариантном – общем – значении и вариантных значениях, которые реализуются в разных контекстных условиях (см. об этом в [Якобсон 1985б; Перцов 1996; Перцов 1999; Перцов 2001; Разлогова 1988]); 4) А. Вежбицка определяет значение слова как набор семантических компонентов (компонентов толкования с помощью семантического метаязыка) [Вежбицка 1996; Вежбицка 2002; Wierzbicka 1980; Wierzbicka 1987; Wierzbicka 1988]; 5) Анна Зализняк использует для моделирования многозначности непредметной лексики (прежде всего, глаголов) понятие ‘концептуальной схемы’. Концептуальная схема обеспечивает единство многозначного слова [Зализняк 2006, с. 40–45].

Наибольшей популярностью пользуется модель полисемии, предложенная Е. Куриловичем, которая объясняет порождение производных значений из исходного посредством метафорического, метонимического переноса, синекдохи и др. (см. более подробно в [Кустова 2000; Кустова 2001; Кустова 2002; Падучева 1998; Падучева 1999; Падучева 2000; Падучева 2001; Падучева 2002; Розина 2002; Туровский 1985]).

Когнитивистское же понятие ‘концептуальной схемы’ позволяет осмыслить полисемию слов, которые не поддаются интерпретации в терминах ‘исходное – производные’ значения; ‘инвариантное – вариантные’ значения. Именно к этому, обсуждаемому здесь типу слов относятся глагольные предикаты *казаться, показаться*, девербатив *кажимость*, парентеза *кажется*.

Вторая причина предпринимаемого нами усилия разработать интегральную методологию исследования связана с особой коммуникативно-дискурсивной предназначенностью избранных языковых средств. Как уже говорилось во «Введении», эмпирическим материалом исследования служат шесть тысяч контекстов, отобранных методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Существенной частью поискового аппарата Корпуса является «Паспорт текста» и «метаразметка» (или метаописание) входящих в него текстов. Под «Паспортом текста» понимается название, информация об авторе, времени создания, объеме текста. «Метаразметка» приписывает тексту атрибуты, чтобы исследователь мог составлять выборку текстов с заданными внешними параметрами, такими например, как 'художественные' или 'нехудожественные' тексты. Нехудожественные тексты дифференцированы по сферам употребления: бытовые разговоры – публицистические тексты – учебно-научные тексты. Для художественных текстов указывается тип (жанр) – роман, повесть, рассказ, сказка и т. д. Нехудожественные тексты также получают жанровую характеристику – дневник, автобиография, письмо, эссе, очерк, статья, монография, рецензия и др.

Из метаописания Корпуса мы получили следующие дискурсивные характеристики текстов и их фрагментов (контекстов): во-первых, обыденный диалог – публичная / непубличная устная речь, обыденный рассказ; во-вторых, публицистический текст – статья, эссе, интервью и др.; в-третьих, научная статья, рецензия, монография, научно-популярная статья и некоторые другие; в-четвертых, художественный текст определенного жанра.

В результате анализа данных метаописания Корпуса выяснилось, что ни глагольные слова *казаться*, *показаться*, ни деепричастив *кажимость*, ни парентеза *кажется* не используются в текстах институциональных дискурсов – деловом, юридическом – словом, в тех текстах, которые могут быть классифицированы как запреты, указы, постановления, правила безопасности, инструкции, медицинские предписания и т. д. В контексте задач нашего исследования особо значим факт **определенной коммуникативно-дискурсивной предназначенности** изучаемых слов, этот факт требует осмысления.

1.1. Методы синхронической лингвистики

Основным предметом нашего внимания будет семантика глагольного предиката *казаться / показаться*, который является организующим центром пропозициональной структуры *кто / что кому кажется / показался каким / чем*, и в этом качестве глагольный предикат выступает языковой формой для концептуализации когнитивной деятельности человека. Для исследования семантики глагольного предиката необходимо учитывать семантику пропозиции в целом, т. е. семантику слов-компонентов пропозициональной структуры; особенно важна позиция субъекта (*кому*). Поскольку в пропозициональной структуре **закреплены отношения между субъектом когнитивной деятельности (*кому*), объектом (*кто / что*) и содержанием когнитивной деятельности (*кажется / показался каким / чем*)**, слова-компоненты со значением объект и содержание когнитивной деятельности также участвуют в организации контекстного значения глагольного предиката.

Учитывая теоретическую значимость понятия 'пропозиция' для решения задач нашего исследования, кратко рассмотрим историю становления этого понятия. Понятие 'пропозиция' имеет давнюю историю и употребляется как в логике [Фреге 1987], обозначая суждение как определенную форму мысли, состоящую из модуса утверждения и диктума, так и в семантике, в концепции которой 'пропозиция' – это некоторая семантическая структура [Арутюнова 1976]. В духе логического анализа предложения Г. Фреге ввел понятие пропозициональной функции для характеристики языковой конструкции, которая содержит переменную. Если в конструкцию вместо переменной подставить конкретное предметное значение, то получим содержательное выражение. Например, подстановка в пропозицию 'X – это дерево' аргумента 'вишня' создает истинное высказывание, а подстановка аргумента 'фиалка' создает ложное высказывание. Истолкование предложения в духе феноменов логики – функции и аргументов – было шагом вперед в понимании предложения, поскольку позволило увидеть в предложении определенную логическую формулу $f(x)$ или $f(x, y)$ [Жоль 1982; Жоль 1990].

В рамках семантического изучения пропозиции внимание исследователей сосредоточено не на логическом анализе пред-

ложения, а на собственно лингвистическом и когнитивном анализе (см. об этом подробнее в [Арутюнова 1973; Арутюнова 1976; Богданов 1977; Богданов 1982; Звегинцев 1973; Караулов 1987; Кубрякова 1991; Маринчак 1982; Падучева 1974; Падучева 1985; Панкрац 1992; Савченко 1985; Чейф 1983]).

1.1.1. Семантико-синтаксический анализ как составляющая интегральной методологии исследования

Каждому рассматриваемому нами методу посвящена огромная лингвистическая литература, которую здесь невозможно обсудить детально. Кратко рассмотрим только самые значимые в контексте задач исследования научные понятия. В исследовательских целях, помимо термина 'пропозиция', используем другие термины семантики и синтаксиса: 'предикат', 'валентность', 'актант', 'субъект восприятия / экспериенцер', 'воспринимаемый объект', 'содержание восприятия' и др.

Как уже было отмечено выше, термином 'пропозиция' определяется отраженная в семантике предложения логическая структура ситуации, положения дел, фрагмента действительности. Пропозиция связана с набором семантических валентностей предиката. Семантические валентности – это обязательные участники обозначенной предикатом ситуации, которых нужно назвать, чтобы истолковать лексическое значение слова (предиката) неизбыточным образом. Семантические валентности вытекают из лексического значения предиката и реализуются через сочетаемость предиката с существительными. Набор семантических валентностей константен для каждого предикатного слова, но семантические валентности выражаются по-разному на уровне синтаксиса.

Термин 'валентность' попал в лингвистику из химии (от лат. *valentia* – 'сила') [Кацнельсон 1986]. Теорию семантических валентностей создал французский лингвист Л. Теньер: главное слово в предложении – предикат, который называет основное действие, а существительные выполняют роль его актантов (действителей) [Теньер 1988]. Семантические валентности исследует американский лингвист Ч. Филлмор [Филлмор 1981а; Филлмор 1981б]. Теория семантических валентностей получает дальнейшую разработку в трудах представителей Москов-

ской семантической школы: Ю. Д. Апресяна, О. Ю. Богуславской, И. Б. Левонтиной, Е. В. Урысон, М. Я. Гловинской, Т. В. Крыловой и др. Результаты лингвистических исследований продемонстрировали продуктивность такого подхода в качестве метода семантического анализа, учитывающего взаимодействие грамматики и словаря, синтаксиса и семантики [Апресян – Богуславский – Иомдин – Санников 2010; Левонтина 2000а; Левонтина 2000б; Гловинская 1993; Гловинская 2000].

Рассмотрим более подробно валентную структуру глагольного предиката, выступающего грамматическим и семантическим центром пропозиция *кто / что кому кажется / показался каким / чем*. Глагол *казаться / показаться* как предикат восприятия имеет три валентности, которые реализуются в синтаксической связи с существительными: валентность объекта восприятия (именительный падеж существительного / местоимения), валентность субъекта восприятия (дательный падеж существительного / местоимения) и валентность содержания впечатления (делиберат) (творительный падеж прилагательного / существительного) (см. более подробно о делиберате в [Золотова 1988]). Ср.: *Сестра мне кажется веселой и счастливой; Он показался мне стариком*.

В качестве предиката главного предложения глагол *казаться / показаться* управляет придаточным предложением, обозначающим содержание впечатления, вводимым союзами *что* и *будто*: *Мне кажется, что сестра весела и счастлива, Мне показалось, что он сильно состарился*.

В современной лингвистике прочно утвердилась идея о тесной связи семантики и синтаксиса предложения. Г. А. Золотова пишет, что в русском языке особую группу составляют трехкомпонентные предложения с глаголами восприятия (перцептивными): *Она слышит шаги – Ей слышатся шаги; Татьяна увидела сон – Татьяне привиделся сон*. Если в первых предложениях значение 'произвольности восприятия' не исключается (увидеть можно и намеренно, и случайно), то во вторых предложениях закрепляется значение 'непроизвольного восприятия' (инволютивности субъекта). «В некоторых глаголах значение непроизвольного восприятия сопровождается еще оттенком кажимости, воображаемости объекта (делиберата) (*видится, кажется, чудится, мерещится, грезится, снится, мнится*). Боль-

шинство этих глаголов не имеет нерефлективных пар (ср.: *чудится, мерещится, кажется, снится*). Поскольку само лексическое значение исключает намеренность, соответственно **субъект** восприятия при них всегда стоит в форме **дательного падежа** (ср.: *То чей-то шорох, то шептанье, то крики чудятся ему* [А. Пушкин]; *Только впереди казаку виделся Терек и даль* [Л. Толстой]; *Мне припомнился август месяц в нашей деревне* [Достоевский]; *И мне, как всем, все тот же жребий Мерещится в грядущей мгле* [Блок]; *Мне снятся ваши имена – не помню облика* [Б. Окуджава]; *Сегодня мне слышится призывк усталости в голосе наших руководителей* [Ф. Искандер] [Золотова 2004, с. 126–127].

В русском предложении допускается **пропуск** синтаксемы со значением **субъекта**, однако синтаксическая невыраженность субъекта всегда значима. Ср.: *И каждый год, как желтый лист кружится, Все кажется, и помнится, и мнится, что осень прошлых лет была не так грустна* [А. Блок].

К подобным предложениям традиционно применяется термин 'безличные', хотя в них сообщается о когнитивных процессах **лица**. Г. А. Золотова считает термин 'безличные' неточным, не поддающимся обоснованию. «Конечно, всякое именование условно, конвенционально, но научная дефиниция предпочтительнее, когда она не мотивирована признаком, противоположным сущности явления» [Золотова 2004, с. 122].

А. Вежицка также отметила, что русский язык обладает набором языковых средств, позволяющих носителям языка говорить о своих чувствах, действиях как об активных и вполне осознанных, зависящих от воли человека (*Я слышал крик*). В другом типе предложений, с субъектом в дательном падеже (*Мне послышался крик*), человек представлен как такой, который «пассивно переживает, пассивно накапливает жизненный опыт, но не способен пользоваться накопленным опытом, ибо тот не находится под его контролем» [Вежицка 1996, с. 42–47].

У глагольных предикатов *казаться, показаться*, помимо значения восприятие, выделяется значение ментальной деятельности. Ср.: *Мне эта точка зрения кажется странной. Мне кажется, что ты ошибаешься*. В контексте со значением ментальной деятельности глагольный предикат реализует те же три валентности: валентность субъекта мыслительной

деятельности (дательный падеж существительного / местоимения), валентность объекта, который осмысливается (именительный падеж существительного / местоимения), валентность содержания мыслительного процесса (творительный падеж квалифицирующего прилагательного / придаточное предложение, вводимое союзом *что*, в роли объекта-содержания мысли).

В семантических исследованиях используется также понятие модальной / модусной рамки, которое восходит к традиционному, идущему от идей Шарля Балли, делению содержания высказывания на модус и диктум [Балли 1955]. Это деление отражается в утверждении, что избранные для анализа слова связаны с выражением модуса субъекта речи. Главная часть сложноподчиненного предложения *мне кажется / показалось, что...* получила в лингвистике название модусной рамки, функция которой определяется как введение пропозиции (в другой терминологии – диктума). В семантических исследованиях Ю. Д. Апресяна, Анны А. Зализняк, Е. В. Падучевой, Н. Д. Арутюновой, И. Б. Шатуновского выделяются глаголы в функции предикатов пропозиционального отношения (*думать, считать, полагать, знать* и др.) [Апресян 1989, с. 186–196; Зализняк – Падучева 1989, с. 92–115; Арутюнова 1989, с. 7–30; Шатуновский 1989, с. 155–185]. Н. Д. Арутюнова относит глагол *казаться* к группе средств, выражающих модус полагания (мнения) [Арутюнова 1999, с. 411]. Дифференцируя семантику глаголов пропозиционального отношения, Ю. Д. Апресян выделяет несколько групп: в одну из групп исследователь включает глагол *казаться*, называет выражаемую им модальность «путативной» [Апресян 1995б, с. 114–115]. Е. В. Падучева определяет эту же модальность как нейтральную, противопоставляя ассертивной модальности [Падучева 1996, с. 299–301]. Заметим, что функция пропозиционального отношения определяется прежде всего для глаголов в перформативном употреблении, в ‘Я’-контексте (*мне кажется, что...; мне показалось, что...*). Как представляется, этим значением семантика глагольных предикатов *казаться, показаться* не исчерпывается.

Далее покажем, что в диалогическом типе контекста (‘Ты’-контекст: *Тебе это кажется / показалось! – ‘ты ошибаешься’*) глагольные предикаты несут иную смысловую нагрузку и выполняют особую коммуникативную функцию. Интегральный

подход к языковому материалу позволяет синтезировать два предмета лингвистического анализа – семантику слова и коммуникативную установку говорящего (его интенции, иллюкцию речевого акта) – в одном описании (см. об этом в [Смирнова 1998, р. 271–276]). В работах лингвистов установлены связи между семантикой слова и его коммуникативной ролью – ‘темы’, ‘ремы’ или ‘атонической темы (parenтезы)’ – в организации речевого акта (см. об этом подробнее в [Чернцова 2004, с. 194–199; Янко 1997, с. 281–296]).

Диалогический материал показывает, что выбор рамочных средств (той или иной семантики) определяется коммуникативными установками говорящего. В современных коммуникативно ориентированных исследованиях выделяется несколько видов модусных рамок. Так, Н. Д. Арутюнова пишет о четырех планах модусов [Арутюнова 1988, с. 109]; Г. А. Золотова же выделяет пять модусных рамок: перцептивную, ментальную, волюнтивную, реактивную, речевую [Золотова 2004, с. 280]. Материал нашего исследования свидетельствует, что предикаты *казаться*, *показаться* участвуют в выражении всех пяти типов модуса: перцептивного, ментального, волюнтивного, реактивного, речевого. Особенности семантики данных слов состоят в том, что в разных контекстах (того или иного коммуникативного типа) предикаты не только отражают разные коммуникативные интенции субъекта речи, но и разные когнитивные акты субъекта, коррелирующие с его коммуникативной стратегией.

Если в настоящий момент основной категорией семантики стала полисемия, то в 60–70-ые годы лингвистов интересовали проблемы синонимии. Так, С. Д. Кацнельсон, анализируя «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, пишет, что лексическое значение слова определяется должным образом лишь тогда, когда привлекаются к рассмотрению «сопредельные слова» – синонимы [Кацнельсон 1965, с. 62; Соссюр 1933]. В концепции Р. Якобсона смысл понимается как инвариант синонимических преобразований [Якобсон 1985ж, с. 361–368]. Известная книга Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика» имеет подзаголовок «синонимические средства языка» [Апресян 1995а; Апресян 2003].

Кратко рассмотрим основное содержание парадигматического исследования семантики глагольных слов *казаться*, *показаться*, проведенного Ю. Д. Апресяном. Парадигматические

связи слов-синонимов представлены в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю. Д. Апресяна [НОССРЯ 2003]. В словаре синонимов глаголам *казаться*, *показаться* посвящены две словарные статьи. В них приводятся три ряда синонимов для *казаться*, *показаться*. К первому ряду синонимов Ю. Д. Апресян относит лексемы **выглядеть**, **казаться₁** со значением восприятия: *Х выглядит <кажется> Р-ом* – ‘внешний вид или поведение Х-а дает наблюдателю основание воспринимать Х как Р или считать Х Р-ом, причем наблюдатель может быть не вполне уверен в истинности того, что Х – Р’. Ср.: *Он выглядел уставшим; Деревня казалась вымершей*. Исследователь отмечает, что *выглядеть* описывает чаще всего зрительное восприятие. В отличие от этого, *казаться* описывает любой тип физического восприятия: *Ткань на ощупь казалась шелковой; Напиток кажется солоноватым; Голос показался мне знакомым*. Ср. невозможность **Ткань на ощупь выглядела шелковой*, **Напиток выглядит солоноватым*, **Голос выглядел знакомым* [НОССРЯ 2003, с. 198–202].

Во второй ряд синонимов включаются лексемы **казаться₁**, **сдаваться**, **представляться**, **думаться**: *Х-у кажется <представляется, ...>, что Р* – ‘Человек Х думает, что Р, причем либо сам Х, либо говорящий не вполне уверен в истинности Р или не хочет казаться, чтобы другие думали, что он уверен в этом’. Ср.: *Мне кажется, что дело было еще проще; Сдается мне, что он вообще не придёт; Представляется интересным заявление лидера партии на пресс-конференции; Мне думается, роль Хлестакова как раз для него* [НОССРЯ 2003, с. 456–462].

Третий ряд составляют лексемы **чудиться**, **мерещиться**, **казаться₂** со значением возможного расхождения между образом или мыслью и действительным положением вещей. Синонимы **чудиться**, **мерещиться**, **казаться₂** получают следующее толкование: ‘В сознании человека Х есть образ объекта или ситуации Р, который как бы воспринимается органами чувств, хотя на самом деле он не существует или субъект не уверен, что он его воспринимает’ [НОССРЯ 2003, с. 456–462].

Проанализируем результаты парадигматического сопоставления, проведенного Ю. Д. Апресяном. Синонимический метод толкования значений полисемантических слов, давно разрабатываемый автором, позволил зафиксировать разные ког-

нитивные признаки: 'говорящий воспринимает нечто – видит, слышит, чувствует'; 'говорящий осмысливает увиденное / услышанное / почувствованное'; 'говорящий осознает, что его впечатление было ошибочным, не соответствует тому, что на самом деле имеется в действительности'. Истолкование значений полисемантического слова методом подбора синонимов служит цели эксплицировать разные когнитивные признаки из приведенного выше набора и противопоставить их друг другу. Так, синоним *выглядеть* подчеркивает значение 'восприятия', а синонимы *представляться, думаться* – значение 'ментального осмысления перцептивных данных'; синонимы *мерещиться, чудиться* – значение 'кажущести, мнимости результата восприятия или осмысления'. Значимость синонимического метода толкования для лексикографической практики бесспорна.

Однако в результате такой исследовательской процедуры возникает, во-первых, иллюзия «избавления» от многозначности, во-вторых, иллюзия дискретности трех выделенных значений. С нашей точки зрения, когнитивная семантика *казаться, показаться* характеризуется диффузностью, континуальностью. Выделенные Ю. Д. Апресяном значения в некоторых контекстах невозможно противопоставить друг другу, так как они существуют как смысловой континуум, поэтому их часто трудно истолковать однозначно. Далее покажем, что, помимо трех названных значений, у глагольных предикатов обнаруживается еще несколько десятков контекстных значений, поскольку количество выделяемых исследователем значений, с нашей точки зрения, зависит прежде всего от методологии исследования, научной парадигмы, общего взгляда на языковое значение и феномен полисемии.

Ю. Д. Апресян справедливо определяет для глагола *казаться / показаться* потенциальную возможность в разных контекстах обозначать разные полюса в цепочке смыслов 'реально существующее' vs. 'кажущееся' vs. 'мнимое'. Это свойство семантики слова *казаться / показаться* можно квалифицировать как энантиосемию. Антонимичные значения Ю. Д. Апресян объясняет следующим образом: исследователь называет два контекста, в которых возникает третье значение 'полного несоответствия мысли (обычно высказанной адресатом или третьим лицом) действительному положению вещей', когда *казаться, показаться*

ся образуют рему высказывания. Это, во-первых, контекст выделительных частиц *только* и *лишь*; во-вторых, контекст модальных слов со значением вероятности – *могло, может, может быть, должно быть, вероятно* и т. п. [НОССРЯ 2003, с. 456–462].

В связи с предложенным Ю. Д. Апресяном объяснением, у нас возникает вопрос: почему в контексте появляются выделительные частицы, модальные слова со значением вероятности? Можно ли энантиосемию, т. е. одновременное сосуществование противоречивых значений слова, по сути, внутреннюю антонимию, объяснить так просто? (см. об истории изучения феномена энантиосемии в [Вельмезова 2005]).

С нашей точки зрения, требуется объяснение в духе когнитивного подхода к языку. В задачи когнитивной семантики входит объяснение подобных феноменов языка. Когнитивный подход нацеливает исследователя на поиск концептуальной целостности, а использование когнитивистской системы понятий позволяет установить внутренние, концептуальные связи между антонимичными значениями слова; продемонстрировать, как в каждом отдельно взятом значении «просвечивают» все другие значения, а также некое концептуальное целое. В задачи исследования когнитивной семантики слова входит также определение когнитивных и коммуникативных признаков контекста, которые обуславливают порождение того или иного значения слова – ‘реально существующее’ vs. ‘кажущееся’ vs. ‘мнимое’.

1.1.2. Когнитивная парадигма как теоретическая база интегрального исследования

Основы антропоцентрической парадигмы XX века были заложены в трудах В. Гумбольдта и А. А. Потебни. «В их работах слово рассматривалось не как носитель и передатчик мыслительного содержания, а как возбудитель мысли» [Степанченко 2014, с. 37]. А. А. Потебня пишет о том, что Гумбольдт дал языкознанию новое направление – «Язык есть орган, образующий мысль» [Потебня 1989, с. 51]. В аспекте понимания существен диалог А. А. Потебни с В. Гумбольдтом вокруг его знаменитой формулы: всякое понимание есть непонимание (антиномия речи и понимания). По В. Гумбольдту, речь возбуждает слушателя, но думает он по-своему, соответствующими, но не теми

же понятиями. А. А. Потебня решает эту проблему почти в духе современной науки и стоит на тезисе, что мысль объективна, слова «наследственны», их значения тоже, поэтому слушающий «все равно поймет», хотя цитирует остроумную мысль В. Гумбольдта – «чужая душа потемки» [Быкова 2010, с. 491–496].

Работа выдающегося филолога А. А. Потебни «Мысль и язык» – это фундаментальное лингвогносеологическое исследование, эпистемологическое по своей направленности, раскрывает этапы развития человеческого мышления в фактах языковой эволюции, начиная от доязыкового периода как результата познавательной деятельности человека в диахроническом аспекте – как экзистенциальные движения чувства, воли, познания. Процесс образования языковых единиц представлен у А. А. Потебни в терминах психологии: ‘ассоциации’, ‘перцепции’, ‘апперцепции’ как проявление духа, души, первичного душевного состояния в их отношении к внешнему миру.

Современные исследователи называют А. А. Потебню провозвестником когнитивистики – науки, посягающей на постижение ‘знания’, исследование исключительно сложных и важных феноменов ментальных процессов [Бойко 2006; Быкова 2010; Савченко 2006; Степанченко 2014]. Когнитивная наука имеет междисциплинарный характер, т. к. исследует разум во всех аспектах его существования. С самого начала возникновения этой науки установились контакты между лингвистикой, психологией, математикой, нейронаукой, теорией информации, компьютерной наукой, философией.

В этом подразделе рассмотрим релевантные в контексте задач нашего исследования понятия когнитивной лингвистики: ‘когнитивная структура’, ‘концептуализация’, ‘знание’, ‘восприятие’, ‘гештальт’, ‘фон – фигура’, ‘фокус’, ‘фокусирование – дефокусирование’ и др.

Одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики является понятие ‘концептуализации’. Концептуализация – «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [КСКТ 1997, с. 93]. Каждый акт концептуализации направлен на выделение минимальных единиц человеческого

опыта в их идеальном содержательном представлении (представляет собой пример решения проблемы), в нем задействованы механизмы умозаключений, получения выводных данных (инференции) и другие логические операции.

Исследователи отмечают, что «когнитивное расчленение реальности происходит еще на до-вербальной стадии развития человека: понятийные классификации, возникающие в то время, оказываются более связанными с сенсомоторной деятельностью человека, нежели с его общением с другими людьми. С формированием языка когнитивное освоение реальности приобретает новые формы, обеспечивая выход за пределы непосредственно воспринимаемого и хранение опыта в долговременной памяти человека» [Видинеев 1989, с. 154].

Концептуализацию рассматривают и как способность человека создавать новые смыслы, пополнять уже имеющуюся концептуальную систему. Эти проблемы связывают исследование концептуализаций с семантикой [Lakoff 1987, с. 303].

С возникновением когнитивного направления целью лингвистического анализа становится установление структур знаний (концептуализаций), реконструируемых для изучаемых языковых средств. В когнитивной науке термин 'знание' используется по отношению к семантическому содержанию ментальных репрезентаций, фреймов, скриптов, сценариев, пропозиций.

Ключевое для исследования семантики глагольных предикатов *казаться, показаться* понятие 'пропозиция' также рассматривается в качестве структуры человеческого сознания, единицы хранения знания, единицы, репрезентирующей мир и выступающей в виде определенной формы его репрезентации. Считается, что в сознании человека некоторые сущности связываются определенными отношениями благодаря предметно-практическому опыту, который часто называют повторным осмыслением мира. Пропозиции формируются не только в ходе практического освоения мира, научения (такие пропозиции квалифицируются как 'истинные'), но и в процессе фантазирования, когда человек связывает сущности воображаемого мира (такие пропозиции квалифицируются как 'ложные'). Как 'истинные', так и 'ложные' пропозиции могут быть вербализованы [КСКТ 1997, с. 137–140].

По мнению когнитивистов, слова могут ассоциироваться друг с другом лишь при условии, что понятия, выражаемые словами, входят в пропозиции, которые закодированы в память человека. «С когнитивной точки зрения долговременная память человека представляет собой огромную сеть взаимопересекающихся пропозициональных деревьев, каждое из которых включает некоторый набор узлов памяти с многочисленными связями» [КСКТ 1997, с. 134–136].

Основной вопрос когнитивной семантики – это вопрос о соотношении когнитивных единиц и структур с языковыми, о том, какая часть концептуального содержания и каким образом фиксируется языковыми значениями. Исследование когнитивной семантики слова требует разграничения **семантического** и **когнитивного уровней** анализа, **языковых** и **энциклопедических** знаний, изучения их соотношения [Болдырев 2016, с. 3–4]. Р. Джекендофф первым выдвинул гипотезу о том, что в сознании человека существует **когнитивный уровень**, на который поступает вся полученная извне информация, на котором обрабатываются перцептивные данные: зрительного, слухового, тактильного, моторного и других видов восприятия; а также осуществляется освоение эмпирических данных с помощью языка. Исследователь подчеркивает, что информация, получаемая по разным каналам, оказывается **сопоставимой** [Jackendoff 1984, p. 54]. Раньше лингвисты думали, что концептуальные структуры каким-то образом переводятся в лингвистические, ср.: ‘язык мыслей → естественный язык’; модель ‘смысл ↔ текст’ (см. об этом в [Апресян 1995а, с. 36–55; Вежбицка 1996; Вежбицка 1999; Падучева 1974; Правдин 1991; Правдин 2013; Степанченко 2014; Wierzbicka 1980]).

Когнитологи часто употребляют термин ‘концептуальная система’ в значении ‘тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение’. Наиболее полно понятие **концептуальной системы** было охарактеризовано в работах Р. И. Павилениса. В концепции Р. И. Павилениса концептуальная система выступает «как система мнений и знаний о мире, отражающая познавательный опыт человека, притом как на доязыковом, так и на языковом уровне, но несводимый к какой бы то ни было лингвистической

сущности» [Павиленис 1983, с. 12]. В качестве составляющей концептуальной системы рассматриваются отдельные смыслы, или концепты, сформированные в процессе познания мира и отражающие информацию об этом мире. «Еще до знакомства с языком, – пишет Павиленис, – человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире» [там же, с. 101]. Р. И. Павиленис подчеркивает, что конструирование системы происходит еще на доязыковой (довербальной) стадии существования индивида и вся система приобретает невербальный характер [там же, с. 107].

Е. С. Кубрякова считает, что концептуальная система должна рассматриваться в терминах ментальных репрезентаций двух типов: ментальные репрезентации первого типа отражают неязыковой мир, а ментальные репрезентации второго типа отражают мир языковой, вербальный [КСКТ 1997, с. 94–95].

Ключевой идеей когнитивной лингвистики можно считать представление о том, что категоризация мира и языка осуществляется с помощью определенных когнитивных моделей, или концептуальных схем: «наши знания организуются с помощью определенных структур – когнитивных моделей (или идеализированных когнитивных моделей – ИКМ) и что категориальные структуры и прототипические эффекты – это лишь следствие именно такой организации наших знаний» [Болдырев 2016, с. 5]. Эту идею можно обнаружить в теории фреймовой семантики Ч. Филлмора, в концепции метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в когнитивной грамматике Р. Лэнекера, в теории ментальных пространств Ж. Фоконье, в теории прототипов Э. Рош и др. [Лакофф–Джонсон 1990; Филлмор 1988; Lakoff 1990; Langacker 1991b].

Так, Р. Лэнекер для исследования языковых значений (в том числе и глагольных слов) использует образно-схематические модели [Langacker 1991b; Langacker 2000]. В когнитивной грам-

матике Р. Лэнекера отражен энциклопедический взгляд на семантику: автор считает, что языковое значение «равно» концептуализации, а семантические структуры (в том числе пропозиции) – это концептуальные структуры, вызываемые в сознании языковыми формами. Значение, по мнению Р. Лэнекера, помимо концептуального содержания, включает определенную схему (конфигурацию), которая накладывается на содержание; каждая такая конфигурация представляет собой отдельное значение слова [Langacker 1991b, p. 35].

Выделим несколько важных положений когнитивной грамматики Р. Лэнекера. Первое – часто используемая единица имеет множество взаимосвязанных смыслов. Эти смыслы образуют определенную сеть, в которой выделяются прототипические смыслы и смыслы, являющиеся расширением или уточнением прототипических смыслов. **Задача** когнитивного исследования состоит в том, чтобы **воссоздать** полностью эту **сеть** для каждой лексической единицы, описывая **каждый смысл в отдельности и в его взаимосвязях с другими смыслами** [Болдырев 2016а, с. 8].

Второе теоретическое положение когнитивной грамматики Р. Лэнекера можно свести к следующему: граница между лингвистическим и экстралингвистическим знанием, между словарным и энциклопедическим описанием признается **иллюзорной**, т. е. «значение всегда характеризуется относительно определенной когнитивной области, т. е. структуры знания или концептуальной структуры» [Болдырев 2016а, с. 8].

Третье положение касается категорий объективности и истинности. Значение языковых выражений не сводится к объективной характеристике той сцены (события), которую оно описывает. «Люди способны моделировать любую сцену с помощью различных образных схем таким образом, что определенная семантика не столько формируется под влиянием объективной ситуации, сколько навязывается ей» [Болдырев 2016а, с. 8]. Н. Н. Болдырев подчеркивает, что термин образная схема (образно-схематическая модель) понимается Р. Лэнекером не как чувственный образ, а как способность по-разному структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области, способность по-разному форматировать когнитивное содержание.

Анализируя когнитивную семантику глагола, Р. Лэнекер подчеркивает важность двух оснований – пространства и времени, в которых ‘профилируется’ то или иное состояние субъекта как составной элемент, обозначаемого глаголом процесса. Соответственно, значение глагола определяется взаимосвязью выделенного состояния (‘профиля’) по отношению к пространству и времени.

Р. Лэнекер использует понятия ‘фигуры’ (figure) и ‘фона’ (ground) для описания одного из измерений образно-схематического конструирования концептуального содержания, а именно – относительной **выделенности** элементов (компонентов) предикации. **Выделение** как общее понятие обуславливается множеством факторов, которые влияют на человека в прагматической ситуации коммуникации и вынуждают его подчеркивать особую значимость тех или иных элементов (компонентов). Р. Лэнекер прежде всего говорит о релятивных конструкциях: X resembles Y vs. Y resembles X. Для анализа подобных синтаксических конструкций исследователь использует понятия ‘фона’ и ‘фигуры’ (ground – figure), ‘траектора’ (trajectory – источник любого события по аналогии с источником движения) и ‘точки отсчета’, или ‘референции’ (landmark), которые определяют выделение субъекта / объекта в приведённых конструкциях. Ср. также: David is reading a book vs. David is reading vs. The best way to lean is to read.

В когнитивной грамматике Р. Лэнекера, в отличие от других типов грамматик, не постулируется наличие абстрактных глубинных структур или деривационных связей между различными синтаксическими конструкциями. Разные типы предложений рассматриваются как репрезентации различных способов толкования говорящим события. Поскольку Р. Лэнекер представляет грамматику как способ структурирования и концептуализации содержания с помощью образно-схематических моделей, он, по сути, по целям и когнитивным методам анализа созвучен когнитивной семантике: опирается на ту же **идею когнитивного моделирования результатов познания как основы формирования языковых значений** [Болдырев 2016а, с. 13].

Значения слов соотносимы с определенными когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание. Эти когнитивные

контексты, или блоки знания, Р. Лэнекер называет *cognitive domains*, Ж. Фоконье и Дж. Лакофф – ментальными пространствами, а У. Филлмор – фреймами, скриптами, сценариями [Болдырев 2016а, с. 18].

Когнитивная лингвистика предложила новое понимание **контекста** как **‘фрейма’**, когнитивного контекста, т. е. модели культурно-обусловленного, канонизированного знания [Филлмор 1988; Болдырев 2016а; Болдырев 2016б]. Понятие ‘фрейм’ передает идею значимости фоновых знаний для интерпретации значения языковой единицы. С точки зрения фреймовой семантики, языковая единица приобретает свое значение в результате ‘профилирования’ или фокусирования конкретного участка в пределах соответствующей когнитивной области. ‘Фрейм’ – структура знания, объединяющая многочисленные области, ассоциируемые с данной лингвистической формой [Филлмор 1988; Taylor 2002].

Значения слова контекстуально обусловлены, однако контекстуальная обусловленность понимается по-разному. Для структуралистов это внутриязыковой контекст, т. е. синтагматические и парадигматические отношения между словами. Для когнитивистов контекст, на фоне которого определяется языковое значение, является **внешним по отношению к системе языка**. Значение – это когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения. Значения слов соотносимы с определенными когнитивными контекстами – когнитивными структурами, или блоками. Структуралисты считали, что значение слова не зависит от того, что говорящий знает о положении дел в реальном или воображаемом мире: словарь, лексика – это не энциклопедия (см. [Соссюр 1990; Соссюр 1999; Щерба 1974]). Многочисленные исследования когнитивной семантики показывают, что это не так. Значение слова **энциклопедично** по своей сути [Болдырев 2016а, с. 15–16; Филлмор 1988, с. 52–92.]. Для характеристики значения слова необходима фоновая информация, которую можно рассматривать как структуру общепринятых и обобщенных знаний, которая входит в общую систему культурно значимого опыта и мнений носителей данного языка.

Как уже было отмечено, в контексте задач нашего исследования, в связи с избранным предметом исследования, особо значимо понятие **восприятие** – одно из фундаментальных понятий

когнитивной науки. Термин 'восприятие' относят как к отдельным сенсорным актам, так и процессам синтеза чувственных данных; как к способности человека **выделять** в действительном мире предметы, их свойства, качества, **дифференцировать** наблюдаемые процессы, так и **формировать их целостный образ**. От классических работ Аристотеля идет традиция выделения органов чувств (зрения, слуха, вкуса, обоняния, осязания) и соответствующих им перцептивных данных, позднее к ним добавили двигательную и моторную систему [КСКТ 1997, с. 17–18].

Когнитивная теория рассматривает то, как человек осмысливает мир, а языковые правила в большей или меньшей степени считаются частью нашего когнитивного аппарата. «Если считать, что язык отражает тот способ, с помощью которого человек представляет себе мир, то необходима теория языка, учитывающая человеческий опыт. Именно такое требование предъявляется к основанной на опыте лингвистике: широкий круг эмпирических факторов – восприятие, мышление, устройство человеческого тела, эмоции, память, социальные структуры, сенсорно-моторные и познавательные процессы и т. п. – в значительной степени, если не целиком, обуславливает универсальные структурные характеристики языка» [Лакофф 1981, с. 350]. Западные исследователи, такие как Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Л. Талми, Ч. Филмор, У. Л. Чейф, российские – Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, О. К. Ирисханова, приходят к аргументированным выводам о том, что **разные когнитивные системы – зрение и язык – проявляют сходство общих принципов организации разной информации** [Лакофф 1981; Талми 2006; Филмор 1988; Чейф 1983; Болдырев 2016а; Демьянков 1992; Кубрякова 2012; Ирисханова 2014].

Наиболее психологическими терминами считают 'фигуру' и 'фон', так как эти термины были перенесены из гештальтпсихологии, в основе которой лежит идея о **целостности** и **несуммативности зрительного восприятия объекта**. Идею целостности процесса восприятия отстаивают немецкие психологи М. Вертгеймер, К. Дункер, В. Келер, К. Коффка и др. Исследователи отмечают, что нервные процессы должны рассматриваться не как суммы отдельных возбуждений, но как целостные структуры; возражают против допущения, будто наряду с отдельными

ми возбуждениями и сверх них существуют особые центральные процессы; считают, что всякий физиологический процесс в мозге представляет собой единое целое, не складывающееся как простая сумма из возбуждений отдельных центров, но обладающее всеми особенностями структурной целостности. Гештальтпсихология постулирует изоморфизм между физическим, физиологическим (мозговым) и феноменальными полями [Вергеймер 1987; Дункер 1965; Ирисханова 2014].

Термины гештальтпсихологии 'гештальт', 'фон – фигура' используются в когнитивной лингвистике и обозначают когнитивную и психическую структуру (гештальт), которая характеризует человеческое восприятие и интерпретацию действительности и не сводится к совокупности ее частей [Лакофф 1981; Langacker 1991b; Talmy 1978]. Понятие 'гештальт' предполагает способность человеческой психики организовывать опыт в целостные в функциональном отношении структуры, образы, формы. Гештальты являются одновременно целостными и анализируемыми. Они состоят из частей, но не сводимы к совокупности этих частей. Части гештальта связаны внутренними отношениями, при этом способ соотношения частей в рамках гештальта входит в содержание самого гештальта. Гештальты не образуются в результате простого суммирования признаков объектов, а воспринимаются как 'фигура' на 'фоне', при этом в структуре гештальта 'фигура' задается 'фоном' [КСКТ 1976 с. 185–186].

В теории гештальтов различие 'фон' vs. 'фигура' рассматривается как наиболее простая форма перцептуальной организации. Различие 'фигуры' и 'фона' объясняется их разными перцептуальными свойствами [Демьянков 1992, с. 65]. Суть этого различия заключается в следующем: при **зрительном** восприятии любого дифференцированного поля 'фигура' представляется лежащей впереди или расположенной на 'фоне'. 'Фон' воспринимается как непрерывный континуум за (или под) 'фигурой'. Выделение 'фигуры' на 'фоне' всего остального считается **автоматическим и обязательным**.

Понятия 'фигуры' и 'фона' принадлежат к наиболее значимым для когнитивных описаний, так как в них наиболее явно отражается одна из центральных идей когнитивной лингвистики: «язык представляет собой одну из сторон познавательных

процессов, и, следовательно, принципы построения и функционирования языковых единиц и выражений обязательно имеют аналог в других нелингвистических проявлениях познания – в том числе в **зрительной перцепции** и ориентации в пространстве» [Ирисханова 2012, с. 33]. Так, когнитивистский подход к исследованию дискурса и текста учитывает обязательность различения 'фигуры' и 'фона' при любом восприятии. Считается, что языковые структуры кодируют и направляют распределение внимания между 'фигурой' и 'фоном', поэтому понятия 'фигуры' и 'фона' используются при изучении синтаксических явлений, темо-рематической организации предложения, роли порядка слов, акцентного выделения и др. В литературоведческих исследованиях систематические различия между выделенными и фоновыми частями художественного текста интерпретируются как языковой аналог перцептуального различия 'фигуры' и 'фона'. Исследователи считают, что именно это и позволяет читателям интерпретировать некоторые части текста как более заметные, значимые / релевантные, т. е. выступающие как 'фигура' по отношению к 'фону' – всему остальному тексту [КСКТ 1997, с. 186].

Проводимое нами исследование языковой семантики в когнитивистской системе понятий базируется на методологически важном тезисе о том, что **вербальная деятельность во многом следует законам перцепции**; визуальная информация хранится в памяти, повторяя основные контуры расположения объектов в пространстве. Термины 'фигура', 'фон', 'фокус' подчеркивают тот факт, что характер выделяемой сущности во многом зависит от невыделенной, фоновой структуры знаний, в которую эта сущность погружена [Ирисханова 2014, с. 24–63].

Книга О. К. Ирисхановой «Игры фокуса в языке. Семантика и прагматика дефокусирования» посвящена изучению когнитивных процессов и механизмов, которые, с одной стороны, связаны с естественностью **зрительного восприятия**, с другой – приобретают выраженный условный характер, попадая в пространство языка. К таким процессам автор относит **распределение внимания**, опирающееся на два взаимосвязанных механизма – 'фокусирование' и 'дефокусирование' [там же, с. 7]. Принцип зрительного восприятия человеком некоторого объекта реализуется в виде двух процедур – наведения фокуса

внимания на один объект (фокусирования) и одновременного «затемнения» других объектов (дефокусирования). Изображение дефокусированных объектов как будто бы размывается, но полностью не исчезает. Возникает «аналогия с наведением камеры в кино (zooming in / out), когда объекты, не попавшие в фокус, остаются в кадре, хотя и в размытом, нечетком виде» [там же, с. 97]. Этот фундаментальный принцип зрительного восприятия, по мнению исследователя, лежит в основе многих языковых явлений.

На большом материале лексических, синтаксических, а также коммуникативно-прагматических феноменов русского и английского языков О. К. Ирисханова выявляет общие принципы распределения внимания, опирающиеся на процессы фокусирования и дефокусирования. В современной когнитивной семантике для распределения внимания используются понятия – ‘салиентность’, ‘фон – фигура’, ‘профиль – база – домен’, ‘траектор – ориентиры’, ‘точка зрения’ и некоторые др.

«Перенос принципов зрительного и слухового восприятия в пространство языка позволяет непротиворечиво и достоверно объяснить многие лингвистические явления» [там же, с. 295]. О. К. Ирисханова исследует процесс дефокусирования, под которым понимается широкий класс лингвокогнитивных процессов, в ходе которых происходят изменения в распределении внимания говорящих / носителей языка, приводящие к понижению степени выделенности определенных элементов конструируемой ситуации или объекта, т. е. перемещение этих объектов во вспомогательный (вторичный) ‘фокус’ или ‘фон’. В работе разграничиваются три типа ‘фокусирования – дефокусирования’: лексико-семантический (лексемы и устойчивые сочетания); синтаксический (синтаксические конструкции); коммуникативно-прагматический (речевые акты, события текстов).

О. К. Ирисханова приходит к выводу, что в большей степени следует принципам и законам перцептивного восприятия синтаксическое фокусирование. Как следствие, в русском и английском языках существует универсальный набор лексических, лексико-грамматических, синтаксических, просодических средств, маркирующих большую или меньшую степень выделенности элемента на определенном фоне, а также помещения

элемента в основной фокус или выведения из него. «Неопределенные местоимения, односоставные конструкции, пассивный залог являются наиболее вероятными средствами дефокусирования агенса. Имена собственные, усилительные частицы, неопределенный артикль, конечная позиция при нейтральном порядке слов могут рассматриваться в качестве типичных средств фокусирования актантов описываемых событий. Вместе с тем набор этих средств, частота использования, соотношение онтологических и языковых критериев распределения внимания будет отличаться в зависимости от языка и ситуации общения» [Ирисханова 2014, с. 298].

В исследовательском разделе продемонстрируем, что когнитивный анализ, предложенный Р. Лэнекером и разрабатываемый О. К. Ирисхановой, релевантен для анализа семантики и синтаксической формы предложений с глагольными предикатами *казаться*, *показаться*. *Казаться*, *показаться* интересны тем, что, выполняя логическую роль предиката предложения, они конституируют разные синтаксические конструкции – простого (1), сложного (2) предложений. Ср.: (1) *Брат мне кажется больным*; (2) *Мне кажется, что брат болен*. В коммуникативной грамматике предложения, различающиеся синтаксической формой, но состоящие из одноименных компонентов, рассматриваются как синонимические [Золотова 2004, с. 205].

Когнитивный анализ в терминах 'фон – фигура', 'фокус', 'фокусирование – дефокусирование' позволяет увидеть **различную степень выделенности** компонентов пропозициональной структуры и представить синонимические конструкции простого и сложного предложений в качестве **различных способов наведения фокуса внимания** говорящим. Так, в простом предложении (1) *Брат мне кажется больным* в тематическом фокусе внимания говорящего находится компонент 'наблюдаемый объект' (*брат*), в рематическом же фокусе внимания – компонент 'содержание впечатления' (*кажется больным*). Компонент 'субъект восприятия' (*мне*) попадает в позицию между темой и ремой, заударную позицию, которая получила название 'атонической темы' [Янко 2001, с. 76–82; Янко 2008, с. 59]. Позиция атонической темы не только заударная, но и безударная, это способствует выведению компонента 'субъект восприятия' из фокуса внимания и при необходимости элиминации синтак-

семь *мне*. Дефокусированный компонент часто пропускается, ср.: *Брат кажется больным*.

В сложном же предложении (2) *Мне кажется, что брат болен* в тематическом фокусе внимания находится компонент 'субъект восприятия' (*мне*) (об обосновании такого темо-рематического членения см. в [Абашина 2006]). Сравнение с темо-рематической организацией простого предложения позволяет сделать вывод, что тематический фокус внимания перемещается с наблюдаемого объекта (*Брат мне кажется больным*) на говорящего-наблюдателя (*Мне кажется, что брат болен*). Наведение тематического фокуса на компонент 'субъект восприятия' «влияет» на семантику ремы: в этом случае в рематическом фокусе внимания оказывается компонент 'инферентный вывод как результат когнитивной деятельности говорящего, в выводе синтезируется информация как о наблюдаемом объекте, так и полученном впечатлении (*кажется, что брат болен*)'.

Русский язык располагает также синтаксической конструкцией с парентезой *кажется* (3) *Брат, кажется, болен*. В осложненном предложении с парентезой тематический фокус внимания наводится на компонент 'наблюдаемый объект' (*брат*), рематический фокус – на компонент 'содержание впечатления' (*болен*). Компонент 'субъект восприятия' элиминирован, но «след» информации о когнитивной деятельности субъекта «сохраняется» в семантике парентезы *кажется*. Парентеза занимает особую, грамматически изолированную в предложении позицию. С нашей точки зрения, с этой позицией связана максимальная степень дефокусирования компонента 'субъект'. В дальнейшем проанализируем семантику парентезы более подробно.

Здесь же кратко изложим основополагающие для нашего исследования постулаты когнитивной лингвистики: 1) язык, являясь частью познавательной деятельности человека, связан с общими принципами взаимодействия человека с миром; 2) вербальная деятельность следует **законам перцепции**, особенно **зрительной**; 3) языковые значения не столько отражают мир объективный, сколько **репрезентируют структуры знаний**, которые строят носители языка, субъективно познавая мир; 4) выбирая то или иное языковое выражение, говорящий выбирает определенный способ конструирования мира; 5) само

конструирование и **построение значения интерактивно** – протекает с учетом партнера по коммуникации и прагматической ситуации; б) **концептуальная схема – это повторяющаяся структура наших когнитивных процессов, в которой отражены шаблоны понимания и мышления** (см. [Lakoff 1987; Langacker 1991a; Langacker 1991b; Taylor 2002]).

1.1.3. Коммуникативно-дискурсивная парадигма как теоретическая база интегрального исследования

1.1.3.1. Дискурсивный анализ как метод

Как уже было отмечено во «Введении», в русской научной традиции для описания разговорных, газетных, научных, художественных текстов используется термин ‘функциональный стиль’ [Кожина 1966; Кожина 1972; Кожина – Дускаева 1993; Кожина – Котюрова 1997; СЭСРЯ 2003, с. 581–583]. Во второй половине XX века было сформулировано общее для языка, искусства и науки понятие ‘стиль’ – ‘стиль мышления, миропонимания’. В этом значении М. Фуко использует термин ‘**эпохэ**’, Р. Барт термин ‘**письмо**’, Т. Кун термин ‘**парадигма**’ (см. [Барт 1983; Кун 1975; Фуко 1977]).

В современных лингвистических исследованиях, ориентированных на новую, сложившуюся к концу XX века коммуникативно-дискурсивную парадигму научного знания, к указанным типам текстов, помимо традиционного термина ‘функциональный стиль’, применяется термин ‘дискурс’, понимаемый как «язык в языке», представленный в виде особой социальной данности. Дискурсивный анализ отличается от традиционного стилистического анализа антропоцентрической и когнитивной ориентированностью, обращенностью к ментальным структурам, стратегиям и установкам субъекта, которые оказываются релевантными как для порождения высказывания или текста, так и для их восприятия. Дискурсивный анализ, в отличие от стилистического, направлен на изучение психологических и когнитивных аспектов интерактивного взаимодействия людей. Так, в книге О. Б. Йокоямы «Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов» предлагается когнитивная – транзакционная – модель диалогического дискурса, представляющая собой

универсальный механизм для объяснения коммуникативного процесса [Йокояма 2005].

Теоретической базой данного интегрального исследования стали философские труды о природе дискурса М. Фуко [Фуко 2004], П. Серю [Серю 1999б]. М. Фуко относит к дискурсивным формациям такие стороны жизни человеческого общества, как экономика, политика, медицина, науки о живых существах, что позволяет исследователю говорить, например, о климатическом дискурсе, дискурсе экономическом, дискурсе естественной истории, психиатрии и т. д. Таким образом, все области человеческого знания являются в представлении М. Фуко совокупностями дискурсов. Дискурс же предстает как систематизированное использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность, а каждый текст – часть дискурсивной формации, отражение наиндивидуальной, коллективной речевой практики [Фуко 1977; Фуко 2004].

В постструктуралистской теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф отражены импрессионистские идеи авторов о дискурсе как ‘совокупности фиксированных значений в пределах специфической области’ [Laclau – Mouffe 1985]. В исследовании М. В. Йоргенсен и Л. Филлипс дискурс-анализ представлен как основа социальных исследований [Филлипс – Йоргенсен 2004]. Актуальные проблемы дискурсологии разрабатываются в трудах российских лингвистов (см. [Борборотько 2011; Караулов – Петров 1989; Карасик 2004; Кибрик 2003; Кубрякова 2005; Макаров 2003]).

Задачам изучения дискурсов разного типа посвящены исследования украинских лингвистов Н. В. Бойко, А. В. Кардашовой, Е. В. Маслий, В. В. Мальцевой, Т. Ф. Фильчук, в которых, в частности, рассматриваются антиномии субъект vs. дискурс; стереотип vs. эвристичность; мифологичность vs. аналитизм, определяющие модус восприятия мира (см. [Бойко 2004]); представлена теория нелинейного дискурса (см. [Кардашова 2016]); показаны разные дискурсивные парадигмы концепта «юрродство» (см. [Маслий 2008]); изучена языковая аттракция в разных дискурсивных проявлениях (см. [Фильчук 2003]); осмыслена полидискурсивность как феномен конституирования художественного текста (см. [Мальцева 2018]).

В современной лингвистической литературе термин ‘дискурс’ используется как многозначный термин, употребляемый

исследователями в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 'связный текст'; 'устно-разговорная форма текста'; 'диалог'; 'группа высказываний, связанных между собой по смыслу'; 'речевое произведение как данность – письменная или устная' [Николаева 1978, с. 467]. Классическим стало определение Н. Д. Арутюновой: дискурс (от франц. discours – 'речь') – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания – когнитивных процессах. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»» [Арутюнова 1990, с. 136–137].

Дискурсивный анализ как метод выражает исследовательскую установку, которую кратко можно сформулировать так: в реальной коммуникативной ситуации говорящие и слушающие имеют дело не с отдельными изолированными речевыми актами (высказываниями / предложениями), а с текстами, которые, в свою очередь, неразрывно связаны с более широким смысловым контекстом – дискурсом монологического или диалогического типа. Проводимое нами когнитивно-дискурсивное исследование семантики слова опирается на общие методологические установки: дискурс – это любое высказывание (в широком смысле), рассматриваемое как взаимодействие субъекта, объекта и адресата. Данное взаимодействие носит сугубо ментальный характер и может быть не только непосредственным и синхронным (диалогический дискурс), но также опосредованным и диахронным (публицистический, научный, художественный дискурс). При этом термин дискурс используется двояко: этим словом обозначается и единичное событие общения, **взаимодействия сознаний посредством языка**; и устойчивая форма социальной практики речевого поведения, т. е. некоторый **тип говорения** или **письма**.

В. И. Тюпа рассматривает ключевое понятие 'коммуникативной стратегии' и определяет коммуникативную стратегию как инвариантную модель взаимодействия участников события общения (дискурса). «Если само коммуникативное событие является со-бытием индивидуальностей, то коммуникативная стратегия представляет собой *идентификацию коммуникатив-*

ного субъекта с некоторой метасубъектной позицией в коммуникативном пространстве дискурса. Последнее (...) образуется конфигурацией трех дискурсообразующих компетенций: креативной (метасубъектной), референтной (метаобъектной) и рецептивной (метаадресатной). Поэтому подлежащее вольному или невольному выбору со стороны говорящего / пишущего модальное позиционирование себя в коммуникативном пространстве дискурса одновременно оказывается соответствующим позиционированием адресата (а также и объекта) своего высказывания» [Тюпа 2007, с. 32].

Выделенные В. И. Тюпой дискурсообразующие метапозиции субъекта, объекта и адресата представляются нам релевантными для решения наших исследовательских задач. Помимо задач, сформулированных во «Введении», мы ставим перед собой дополнительную задачу определить дискурсообразующие компетенции (метапозиции) субъекта, объекта и адресата для каждого рассматриваемого нами типа дискурса – «по лингвистическим данным» нашего исследования. В дальнейшем изложении сформулируем различия в экстралингвистических условиях протекания дискурсивной деятельности, а также глобальных интенциях субъектов разных дискурсов, различия в когнитивных и коммуникативных стратегиях субъектов обыденного, публицистического, научного, художественного дискурсов. Проведем сопоставительную характеристику названных типов дискурса по релевантным для исследования параметрам.

В соответствии с логико-философской трактовкой термина 'дискурс', суть которой можно свести к представлениям о дискурсе как 'возможном – альтернативном – мире', в котором обнаруживается «своя» особая грамматика, «свой» особый лексикон, «свои» особые правила словоупотребления и синтаксиса, «своя» особая семантика (см. [Степанов 1995]), в основу нашей типологии функциональных контекстов положен параметр 'дискурсивный тип контекста'. Параметр 'дискурсивный тип контекста' позволяет дифференцировать контексты обыденного vs. публицистического vs. научного vs. художественного дискурса, а также учесть специфику референции текста, предопределенную характером связанного с ним мира. Так, обыденный рассказ имеет референциальную связь с реальным миром. В художественном же тексте конструируется фикциональный мир. Для

публицистического и научного дискурсов принципиально важны экстралингвистические условия протекания дискурсивной деятельности их субъектов, особенности (квази)коммуникативного взаимодействия субъекта и адресата. Учитываем также характер когнитивной и дискурсивной деятельности 'субъекта дискурса' (обыватель – публицист – исследователь – писатель), тип адресата (конкретный собеседник – абстрактный читатель / зритель (широкая читательская аудитория) – научное сообщество – широкая читательская аудитория); стратегию и жанр нарратива (обыденный – публицистический – научный – художественный). Составленная нами типология контекстов отражена в структуре второго и третьего разделов монографии.

Дискурсивный анализ тесно связан с коммуникативным подходом к исследованию семантики слова. Интегральная методология предполагает объединение коммуникативных и дискурсивных понятий, параметров исследования в единый аналитический аппарат (см. об этом более подробно в [Чернцова 2014б, с. 200–205]).

1.1.3.2. Основные понятия коммуникативной грамматики

По определению М. М. Бахтина, лингвистика занимается человеком в его специфике: «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (**говорит**), т. е. создает текст (хотя бы и потенциальный)» [Бахтин 1996б, с. 311]. «За каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством. (...) Этот второй полюс неразрывно связан с моментом авторства [Бахтин 1996б, с. 308–309].

М. Бахтин сформулировал проблему соотношения обобщенных выражений говорящего лица в языке и речевого субъекта в тексте – его уникальности, неповторимости. Бахтин указал на

противоречие: с одной стороны, язык предоставляет всем носителям как будто бы один и тот же набор языковых средств, с другой стороны, всякий раз разные говорящие по-разному себя выражают. Особенно ярко проявляется в тексте индивидуальность писателя, поэта, художника. Мастеру слова удастся выразить свое «Я» особым, небанальным способом. Нетривиальные, авторские нарративные стратегии составляют главное отличие художественного дискурса от обыденного, публицистического и научного.

По мнению Г. А. Золотовой, задача лингвиста состоит в том, чтобы понять, как создается уникальный, неповторимый текст. Отвечая на этот вопрос, Г. А. Золотова разрабатывает теоретическое понятие 'коммуникативный регистр речи'. Понятие 'коммуникативный регистр' связано с выявлением позиции говорящего в отборе речевых средств и организации высказывания / текста. Этой позицией определяются различия коммуникативных типов текста, речи, типов предложений, функциональные характеристики языковых средств разных уровней. Говорящий, порождая тексты, выбирает не только их темы, но и средства, приемы их построения, независимо от того, действует ли он осознанно или автоматически. По мнению авторов коммуникативной грамматики, выбор языковых средств определяется рядом факторов: смысловыми потребностями; пространственно-временной позицией говорящего по отношению к сообщаемому; способом восприятия – путем непосредственного наблюдения или логического осмысления; отношением к адресату речи и коммуникативными намерениями. Комплекс этих взаимодействующих факторов формирует коммуникативные типы, или регистры, речи. Конкретные реализации регистровых признаков в тексте, их чередование и сочленение создают композицию текста.

Авторы коммуникативной грамматики предлагают различать коммуникативные регистры речи: 'репродуктивный', 'информативный', 'генеритивный', 'волюнтивный', 'реактивный'. Пять коммуникативных типов речи обнаруживают в интенциях говорящего разные виды его отношения к внеязыковой действительности, в том числе и к адресату, партнеру по речевому акту [Золотова – Онипенко – Сидорова 2004, с. 20–35]. Базовое понятие 'коммуникативного регистра речи' учитывает харак-

тер отображаемой действительности, сенсорный или ментальный способ восприятия говорящим описываемого положения дел, коммуникативные интенции говорящего и соответствующие языковые средства выражения. Внутри каждого регистра различаются его разновидности, предполагающие соответствующие средства оформления (повествование и описание в репродуктивном и информационном регистрах, классификация, обобщающе-логическая информация, информация о намерениях, гипотетическая информация и т. д.).

В **репродуктивном** (изобразительном) коммуникативном регистре «говорящий воспроизводит непосредственно, сенсорно наблюдаемое, в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, состояний, находясь – в реальности или воображении – в хронотопе происходящего», т. е. в одном времени и пространстве с происходящим. Репродуктивный коммуникативный регистр выражает перцептивная (модусная) рамка 'Я вижу, как...', 'Я слышу, как...', 'Я чувствую, как...' [Золотова – Онипенко – Сидорова 2004, с. 29]. Репродуктивное сообщение может получать статус референтно соотнесенного. Примером репродуктивного повествования может быть фрагмент из романа М. Булгакова, где описывается наблюдаемая пролетающей Маргаритой ситуация, ее «путевое впечатление», ср.: *Два примуса ревели на плите, возле них стояли две женщины с ложками в руках и переругивались* [М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»].

Информативный коммуникативный регистр предлагает «сообщения о фактах, событиях, свойствах, поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленные к единому с перцептором хронотопу. Это сфера не прямого наблюдения, а знания, полученного в результате логических, мыслительных операций». Информативный коммуникативный регистр выражается ментальной (модусной) рамкой 'Я знаю, что...', 'Известно, что...' [там же]. В информативном коммуникативном регистре говорящий тоже рассказывает об увиденном, но в этом случае происходит отрыв от референта, от описываемой денотативной ситуации.

По мнению исследователей, перед автором художественного текста стоит проблема выбора: если рассказчик / нарратор представляет ситуацию читателю как актуальное, происшед-

шее на глазах событие, рассказчик воспроизводит ее средствами репродуктивного регистра, к которым относится, например, прямая речь действующих лиц. Ср.: – *Хлеба и зрелищ! – кричали возбужденные люди на площади*. Если событие представляется автором вне его непосредственного восприятия, используются средства информативного регистра – косвенная речь, например: *Толпа на площади требовала хлеба и зрелищ*.

В контексте нашего исследования особенно важен тот факт, что контекстное значение глагольного предиката *казаться / показаться* согласовано с типом коммуникативного регистра. Ср. контексты разных коммуникативных регистров: (1) [Дочь] *была вся в черном. Талия ее, очень тонкая, казалась еще тоньше* (Л. Толстой «Смерть Ивана Ильича» [МАС 1983 т. 2, с. 14]); (2) *Ему дана от природы способность... играть роль, вечно позировать, всегда казаться чем-то другим, а не тем, что он есть* (Ф. И. Буслаев «Мои воспоминания» [там же]). Контекст репродуктивного регистра (1) несет информацию о впечатлении, связан с эмпирикой наблюдения. Контекст информативного регистра (2) связан с сообщением о некоем выводном знании. Информативный регистр оказывается идеальной прагматической средой для привязки значений глагольных слов к сообщению о ментальных фактах.

В **генеритивном** коммуникативном регистре «говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом (...) и поднимаясь на высшую ступень абстракции от событийного времени и места. В качестве субъектов предложения выступают генерализованные множества, классы существ, предметов, либо природные, социальные процессы как явления, понятия. Генеритивные высказывания облекаются в форму умозаключений, афоризмов, сентенций, пословиц: *Просвещение ведет к свободе* (Е. Дашков); *Слово звучит лишь в отзывчивой среде* (П. Чаадаев); *Под каждым Мнением заложено Со-мнение; Чтобы рыбку съесть, надо в воду влезть* (пословица)» [Золотова – Онипенко – Сидорова 2004, с. 30].

Три названных коммуникативных регистра – репродуктивный, информативный и генеритивный – отражают три уровня абстракции от денотативной ситуации. Каждый коммуникативный регистр выражается комплексно – средствами разных уровней языка. Авторы коммуникативной грамматики к средствам

выражения коммуникативного регистра относят определенные синтаксические типы (модели) предложений, грамматические категории глагола (наклонение, время, вид и др.) и лексические средства определенной семантики. Взаимодействие языковых средств трех названных регистров формирует структуру монологического текста. В коммуникативной грамматике различают монологические и диалогические речевые акты в связи с характером коммуникативного общения. Это деление условно, так как известно, что в тексте возникают гибридные формы – диалог и монолог проникают друг в друга.

Все же преимущественно в диалоге реализуются средства **волюнтивного** и **реактивного** регистров. Эти регистры не содержат собственно сообщения, а реализуют иные коммуникативные интенции: волеизъявление говорящего, адресованное потенциальному исполнителю, и экспрессивно-оценочную реакцию на речевой акт собеседника в диалоге или текущую прагматическую ситуацию. В качестве простого примера приведем фрагмент из сказки про журавля и цаплю В. И. Даля: – *Иди за меня замуж, – сказал журавль. – Как не так, пойду за тебя, за долговязого...* [Золотова – Онипенко – Сидорова 2004, с. 32–33].

Интегральная методология предпринимаемого нами исследования опирается на выводы авторов коммуникативной грамматики, среди которых чрезвычайно важен следующий: тот или иной коммуникативный регистр речи организуется совместными усилиями лексики, морфологии и синтаксиса. В репродуктивном регистре грамматика поддерживает признаки ‘конкретности’, ‘сиюминутности’, ‘наблюдаемости события’ в лексической семантике слов и усиливает их. Информативный же регистр формируется абстрактной лексикой и соответствующими грамматическими и лексическими показателями повторяемости действий, событий. Основную роль в волюнтивном регистре играет морфологическая форма (повелительное наклонение глагола), синтаксическая модель предложения (модели побудительных и вопросительных предложений) и интонация (звательная интонация, отличающая обращение от именных предложений и именительного темы). В реактивном регистре слова-предложения, фразоиды, а также экспрессивно-реактивные предложения получают свое эмоциональное «наполнение» в определенных синтаксических условиях.

Авторы коммуникативной грамматики постулируют методологическую идею о трех инструментах анализа: первым считают типологию коммуникативных регистров, вторым – систему текстовых функций видо-временных форм глагольных предикатов, третьим – субъектную перспективу текста (см. об этом в [Золотова 2001а; Золотова 2001б; Золотова 2001в; Золотова 2002б]). Критерий ‘субъектная перспектива’ высказывания связан с тем, как мыслится собеседник говорящим: в качестве будущего, каузируемого субъекта действия (ср.: *Открой окно!*) или нет (ср.: *Брат открывает окно, и сильный порыв ветра опрокидывает вазу с цветами; Каждое утро брат открывает окно*). В контексте задач нашего исследования критерий ‘субъектная перспектива’ текста приобретает особую значимость, так как служит не только разграничению коммуникативных регистров, но и подчеркивает значимость субъектной позиции (*кому кажется / показалось*) и семантики слов в субъектной позиции для реализации той или иной дискурсивной модификации семантики глагольного предиката.

Для исследования семантики и функций глагольных предикатов *казаться, показаться* в художественном повествовании необходимо учесть коммуникативно-синтаксические условия текста, а именно отнесенность предиката к временной оси, выраженную пространственно-временную локализованность или дистанцированность говорящего. Г. А. Золотова предлагает различать три вида времени в художественном тексте: время календарное, природное, объективное, внешнее по отношению к тексту (Т1); событийное время, которое автор по своей воле выстраивает, намеренно или произвольно (Т2); перцептивное время (Т3) [Золотова 2002б, с. 8–29; Золотова – Онипенко – Сидорова 2004, с. 21–25].

Третий тип текстового времени – **перцептивное время** – обнаруживает связь с семантикой восприятия. Перцептивное время выражает позицию говорящего-экспериментатора, который наблюдает за событием и одновременно рассказывает о нем. В художественном тексте рассказчик или нарратор может моделироваться как наблюдающий за событиями фикционального мира, как находящийся в том же времени и пространстве, что и событие текста. Повествовательная (нарративная) стратегия может строиться по правилу репродуктивного регистра – так,

как будто бы нарратор / рассказчик воспроизводит видимое и слышимое им самим или персонажем. Повествовательная (нарративная) стратегия может строиться по-другому – «перемещаясь влево или вправо, наблюдатель может инверсировать порядок изложения; поднимаясь над происходящим, с более высокой точки обзора описывает место действия (...) либо суммирует повторяющиеся события, накапливающиеся состояния (...) (*Год прошел как сон пустой; Вот неделя, другая проходит, Еще пуще старуха вздурилась*), либо сообщает не о событиях, а о мыслях, вызванных ими, разного уровня абстракции. Роль автора можно сравнить с ролью кинооператора, стремящегося запечатлеть изображение с разных точек зрения, а вместе с тем с ролью режиссера, отбирающего и монтирующего кадры» [Золотова – Онипенко – Сидорова 2004, с. 23]. В традиционной же семантике термины 'фигура наблюдателя', 'рамка наблюдателя' применяются для семантической интерпретации лексем или граммем, но без учета коммуникативной типологии текста. Так, Ю. Д. Апресян пишет о «месте наблюдателя» и называет такое значение «имплицитно дейктичным» [Апресян 1995б, с. 639–644]. В работах Е. В. Падучевой разрабатывается понятие субъекта-экспериенцера и позиции «за кадром». Позиция «за кадром» возникает в предложениях, в которых синтаксема дательного падежа со значением субъекта-экспериенцера элиминируется [Падучева 1998, с. 23–28; Падучева 2000б, с. 185–201; Падучева 2001, с. 23–44].

Для создания типологии функциональных контекстов избранных слов используем параметр 'коммуникативный тип контекста', который включает показатель диалогичности / монологичности высказывания, на этом основании противопоставляем 'Я'- vs. 'ТЫ'- vs. 'ОН'-контекст. Далее покажем, что высказывания с первым (*мне кажется*) и не первым лицом (*тебе кажется; ему кажется*) различаются не только по коммуникативным признакам, но и семантически. 'ТЫ'- и 'ОН'-контекст отражают внешнюю точку зрения говорящего на собеседника (второе лицо) и третье лицо. 'Я'-контекст отражает внутреннюю точку зрения говорящего на себя, в нем непосредственным образом, «не выходя» в формы внешнего представления, концептуализируется когнитивный акт говорящего как самобытная сущность – 'говорящий доступен для себя изнутри'.

Согласно теории речевых актов, естественная речь всегда имеет иллокутивную цель, отражающую интенцию (намерение) говорящего, а зачастую речь является и совершением некоторого действия. Коммуникативно-дискурсивный подход к изучению семантики языковых средств базируется на основных понятиях теории речевых актов – ‘локуция’, ‘иллокуция’, ‘перлокуция’, ‘перформатив’, ‘прямой vs. косвенный’ речевой акт (см. подробнее в [Вежбицка 1985; Остин 1986; Серль 1986б; Сёрль 1987; Стросон 1986]. Ключевое понятие ‘иллокуция’ легло в основу классификации речевых актов, в которой выделяются перформативы, репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации [Серль 1986а, с. 170–194].

В дальнейшем исследовании используем также понятия ‘коммуникативная / нарративная стратегия’ и ‘тактика’. Коммуникативная стратегия предполагает планирование процесса коммуникации с целью достижения определенной цели, реализуется же коммуникативная стратегия посредством комплекса речевых действий (тактик), направленных на достижение запланированной цели (см. более подробно в [Дементьев 2006б; Иссерс 2002; Конрад 1985; Красильникова 1996; Леонтович 2010; Мечковская 2010]).

1.2. Диахронический анализ: история глагольных слов *казаться*, *показаться*, *девербатива кажимость*, *парентезы кажется*

1.2.1. Внутренняя форма этимологического типа

В данном подразделе кратко рассмотрим историю слов *казаться*, *показаться* в русском языке, проанализируем внутреннюю форму – исходный семантический субстрат, давший жизнь рассматриваемым глаголам. С внутренней формой слова исследователи связывают когнитивную функцию языка – «толкование действительности», по выражению А. А. Потебни, то есть признают за ней статус гносеологически важного средства познания [Колесов 2002, с. 28].

Идеи о когнитивной функции внутренней формы слова восходят к работам А. А. Потебни («Мысль и язык»). По мнению

А. А. Потебни, слово является средством апперцепции, т. е. объяснения познаваемого при помощи уже познанного. Апперцепция служит целям познания, образования новых мыслей. «На слово нельзя смотреть как на выражение готовой мысли. (...) Напротив, слово есть выражение мысли настолько, насколько служит средством к ее созданию; внутренняя форма, единственное объективное содержание слова, имеет значение только потому, что изменяет и совершенствует те агрегаты восприятий, какие застаёт в душе» [Потебня 1989, с. 169].

Само выражение 'внутренняя форма' метафорично. А. А. Потебня воспользовался им для обозначения «отношения содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня 1989, с. 98]. Внутренняя форма – это след того мыслительного процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова.

В своем исследовании «Из записок по русской грамматике» на вопрос, в каком направлении развивается язык, Потебня отвечает, что язык развивается от имени к глаголу [Потебня 1968 т. III]. Современные слова *казаться*, *показаться*, *кажимость* исторически производны от существительного КАЗЪ и глагола КАЗАТИ.

Для праслав. *kazati исходной является семантика 'показывать, делать знак' (откуда вторично – 'говорить') [Трубачев ЭССЯ т. 9, с. 168–170]. Др.-рус. (с XI в.) *казати* – 'показывать': «*кажюштемъ* (показывающим) *же имъ... ризы*» (Изб. 1076 г., 545) [Срезневский МСДЯ т. 1, с. 1175].

В словаре XI–XVII вв. находим старое слово КАЗЪ в значении 'искажение', ср.: *Казъ лица*. КАЗАТИ – 'показывать, давать увидеть, рассмотреть что-либо' (1096) // 'предъявлять кому-либо документы' // 'показывать, указывать дорогу' // 'выявлять обнаруживать': *Кажет победа хробраго, а напастъ умнаго* [СРЯ XI – XVII т. 7, с. 17]. В других славянских языках глагол значит 'говорить', 'приказывать' и т. п. Старшее значение и.-е. корня П. Я. Черных определяет как – 'являться', 'казаться', 'видеть', 'указывать'. Исследователь считает, что на славянской почве значение 'говорить', 'сказать' вторично, и определяет историю смыслового развития следующим образом: сначала – 'казаться', 'виднеться', далее – 'показываться', 'указывать', 'говорить' [Чер-

ных ИЭССРЯ 1999 т. 1, с. 368]. А. Г. Преображенский также в качестве первого значения глагола КАЗАТИ называет значение 'показывать', а значение 'говорить' располагает под номером два [Преображенский ЭСРЯ, с. 282].

В Толковом словаре В. И. Даля также находим: *казать, казывать что кому* – 'показывать, предъявлять, давать видеть, являть'. Ср.: *Казаль ли ты ему этот товаръ? // И глазъ не кажетъ* [Даль ТСЖВЯ т. 2, с. 73–74].

КАЗАТИСЯ – 1) 'быть видным, показываться, виднеться, являться'; 2) 'производить какое-либо впечатление (**обманчивое**)'; 3) безл. 'представляться, казаться': *Каково вам кажется?*; 4) 'учить, воспитывать, наставлять себя'; 5) 'быть наставляемым' [СРЯ XI – XVII т. 7, с. 18]. В современном русском языке два последних значения у глагола *казаться* отсутствуют.

В контексте исследования исторически обусловленной семантики глагольных слов *казаться, показаться* важен тот факт, что возвратные формы глаголов со значением непроизвольного состояния человека или непроизвольного действия в старославянском и древнерусском языках отсутствовали. Первыми появляются возвратные формы от глаголов внутреннего состояния: *мнилось* (XI в.; эта форма была известна старославянскому), *хочется* (XIII – XIV вв.), *неможется* (XIV в.; эта форма долгое время употреблялась параллельно с *неможет*) и др.

Частица *-ся* вплоть до XVII в. имела самостоятельную синтаксическую позицию: *Мне ся кажет, что лучше грамота взять* (1616); *Мнит ми ся Никону отдал* (Аввакум «Житие» 1672–1678) [Арутюнова 1999, с. 802]. Употребление глагольной формы с возвратным постфиксом возрастает постепенно [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964, с. 203–205]. В XIX в. оно распространяется на глаголы контролируемых действий и приобретает значение предрасположенности субъекта или, напротив, его нерасположенности к совершению этих действий. Ср.: в словаре В. И. Даля: *казаться, показываться* – 'показываться, выказываться, появляться'; // 'представляться, являться въ виде чего, принимать видъ обманчивый или сомнительный'; // 'думаться, видеться': *Солнышко стало казаться изъ-за гор. Он мне и на глаза не кажется. Чемъ солнце ниже, темъ оно кажется больше. Онъ мне кажется вздорнымъ и строптивымъ* [Даль ТСЖВЯ т. 2, с. 73–74].

В семантике предиката *казаться / показаться* значение внутренней формы 'показать, дать видеть' (навязанность извне зрительных впечатлений человека) наслаивается на значение синтаксической конструкции, которую традиционно связывают с безличным значением. Это значение определяется как «непроизвольность психического процесса, в который вовлечен человек (не потому что человек этого хочет)» [Вежбицка 1996, с. 42–47].

А. А. Потебня в работе «Из записок по русской грамматике» определяет значение *казаться / показаться* так: **'становиться следствием восприятия'**: *город показался мне многолюден; мороз показался невелик; чай никогда так не казался мне нужен; ямщик казался мне прав; наружность показалась мне замечательна; обе казались спокойны и смелы* [Пушк.]; *голова его казалась огромна; и странно (прилаг., а не нареч.) мне показалось, что звезды гораздо выше, чем у нас на севере* [Лерм.]; *дом казался мне скорее городским, чем деревенским; воротник показался мне бобровым* [Потебня 1958 т. I–II, с. 178–179].

Используем историческую реконструкцию для анализа пропозициональной структуры *кто / что кому кажется / показался каким / чем* с трехвалентным глагольным предикатом *казаться / показаться*. В предложении – *Он мне кажется веселым* – источником моих впечатлений выступает **Он**. Исторически: **Он мне себя кажет веселым** – воспринимающим субъектом, реципиентом является мое 'Я', обозначенное синтаксемой дательного падежа. Вызываемое во мне впечатление (*веселый*) от восприятия объекта (*Он*) является следствием того, что 'он показывает себя, дает видеть себя, являет себя'. Мое впечатление, таким образом, задано извне, обусловлено увиденным (ср. значение выражения *не казать глаз, носа* – 'не приходиться долгое время к кому-либо; не показываться').

Значение 'показаться кому-то на глаза, дать видеть себя' предполагает семантическую пресуппозицию – 'тот, кто показывает себя кому-то, действует по своей воле: он может явиться перед кем-то, а может и не дать видеть себя'. Семантическая пресуппозиция – это особая разновидность семантического следствия, которое не совпадает с логическим следствием. Пресуппозиция не утверждается, а как бы предполагается известной заранее, формируя более широкий семантический кон-

текст ассерции и поэтому, как правило, не принимая отрицания (см. о пресуппозиции [Падучева 1996, с. 232–243; Чернцова 1998, с. 419–424]).

Таким образом, получается, что результат перцепции (перцептивный образ) зависит от воли того, кто показывает себя, т. е. объекта восприятия. Результат перцепции может оказаться искаженным: впечатление может не соответствовать внутренней сути воспринимаемого (ср.: *Казалъ, да не показался; Онъ за все кажетъ улыбочку, да на сердце не то*). Значение имеет импликацию: 'зрительному восприятию нельзя доверять абсолютно: на первый взгляд кажется одно, а при дальнейшем рассмотрении оказывается совсем другое' (ср.: *Кажется, кашница; а на дне то горохъ*); каждый человек воспринимает по-своему: кто-то другой может увидеть что-то другое, отличное от того, что увидел я (ср.: *У всякаго свое кажется*). Выделенная импликация может оставаться имплицитной (говоря когнитивистским языком, оставаться 'дефокусированной'), а может получать экспликацию (попадать в 'фокус', становиться 'фигурой') в контексте определенного семантического и / или коммуникативного типа.

Таким образом, внутренняя форма – исходный семантический признак – связана с когнитивными признаками 1) 'показывать, давать увидеть, рассмотреть что-либо'; 2) 'искажение впечатления'; а также с возникающей импликацией – 'восприятие субъективно, нельзя провести границу между тем, где заканчивается объективность и начинается кажимость, мнимость'.

В когнитивной структуре онтологический процесс восприятия отражается **иконически**: возникающий в сознании человека перцептивный образ объекта может оказаться искаженным (по сравнению с объектом, взятым 'как он есть'), но все-таки обуславливается внешними условиями восприятия и сущностью воспринимаемого объекта действительного мира.

Материал нашего исследования свидетельствует о том, что внутренняя форма индуцирует развитие широкого диапазона значений глагольного слова *казаться / показаться*, т. е. внутренняя форма связана как с этимологией слова, так и со структурой его многозначности в синхронии. Разные дискурсивные (контекстные) значения как будто бы произрастают из внутренней формы слова (см. более подробно [Чернцова 2012б, с. 72–78]).

1.2.2. Внутренняя форма деривационного типа

В современном русском языке глагольные слова *казаться*, *показаться*, девербатив *кажимость* имеют общий корень **-каз-** / **-каж-**, восходящий к старославянскому **-каж-** [ССЯ 2006 т. 2, с. 3].

Девербатив *кажимость* исторически и деривационно восходит к страдательному причастию *каж-им-ый* глагола *казать* (*предмет, каж-им-ый мне кем-то*); имеет деривационную историю и внутреннюю форму словообразовательного типа. Внутренняя форма деривационного типа – это осознаваемая говорящим мотивированность значения слова значением составляющих его морфем (ср.: *каж-им-ость* – *вид-им-ость* – *слыш-им-ость* – *дел-им-ость*), т. е. идея, положенная в основу номинации и задающая определенный способ построения заключенного в данном слове **концепта**.

Страдательные причастия как категория имеют старославянское происхождение (см. об этом в [Буслаев 1959, с. 376]). Суффиксы страдательных причастий **-им-**/**-ем-**/**-ом-** также старославянские по происхождению [Цыганенко 1982, с. 213–216]; суффикс **-ость-** – общеславянский по происхождению, характерен для слов книжной речи с абстрактным значением [там же, с. 107].

В древнерусском языке до XIV века пассивные конструкции со страдательным причастием строились по старославянским образцам [Булаховский 1958, т. 2, с. 217–220], поддерживались литературными традициями как формы книжные [Ломтев 1956, с. 195]. В XVI в. страдательные причастия по-прежнему принадлежат литературно-книжной речи и церковным официальным документам; в XVII и XVIII веках эта стилистическая окраска причастий на **-м-** сохраняется. Активизация употребления страдательных оборотов происходит в последние десятилетия XVIII в.: сфера их использования расширяется, они проникают в переписку, мемуары, в художественную прозу. По мысли Л. А. Булаховского, активизация системы страдательных оборотов была связана с иностранным влиянием [там же, с. 220]. Только к концу XIX в. страдательные причастия на **-м-** закрепляются как живая грамматическая категория, связанная с широкими стилистическими сферами русского языка [Очерки

по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964, с. 189–205].

Наличие внутренней формы у слова означает наличие у него определенного типа деривационно-ассоциативных смысловых отношений. В зависимости от того, какая сущность является вторым термом отношения, лингвисты различают разные типы внутренней формы. Первый тип называют словообразовательной внутренней формой, когда отношение устанавливается с другим словом; второй – эпидигматической, когда вторым термом отношения является другое значение того же слова; кроме того, внутренняя форма может быть смешанного, словообразовательно-эпидигматического типа [Зализняк 2006, с. 48–49].

Методику синхронной реконструкции словообразовательных актов, зашифрованных в морфемной структуре слова, предложила Е. С. Кубрякова, описав ее в теории и практике словообразовательного анализа (см. [Кубрякова 1974; Кубрякова 1976, с. 22–32]). Зачастую синхронический словообразовательный и диахронический анализ касаются двух взаимосвязанных сторон одного феномена.

Когнитивисты объясняют появление нового, производного слова следующим образом: в сознании носителей языка складывается новое содержание (концептуальная или когнитивная структура), новое содержание индуцирует поиск оптимальной языковой формы, которая могла бы объективировать новое содержание и «в дальнейшем рождала бы, закрепляясь в языке, конвенциональную ассоциацию данной формы с данным содержанием» [Кубрякова 2004, с. 245]. Семантика производного слова, в отличие от непроизводного, отражает свойства своей производности.

Под термином ‘семантическая деривация’ понимают отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, а также диахронические отношения между значениями слова в разные моменты его истории. «Идея о том, что синхронные отношения между разными значениями многозначного слова и отношения между исходным и производным значением слова в диахронии представляют собой две стороны одного явления, фактически лежит в основе всех историко-лингвистиче-

ских исследований» [Зализняк 2006, с. 46–56]. Модель той или иной семантической деривации – это не что иное, как образец внутренней формы эпидигматического типа.

В специальном подразделе второго раздела монографии проанализируем исторически обусловленную абстрактную семантику девербатива *кажимость*, а также коммуникативно-дискурсивную предназначенность слова.

1.2.3. История парентезы *кажется* в контексте диахронического процесса возникновения парентетической позиции в предложении

В современной лингвистической литературе термин ‘парентеза’ (от греч. вставка) употребляется в двух значениях: 1) вводно-модальное слово в функции вставки, например: *кажется, говорят, знать, видать* и др.; 2) вставка как особое коммуникативное и синтаксическое явление языка, как понятие коммуникативного синтаксиса. Парентезами называют не только вводно-модальные слова, но и словосочетания, и предложения. В грамматике парентетическая конструкция рассматривается как особая синтаксическая конструкция, состоящая из слова, словосочетания или предложения, которая осложняет простое предложение (см. об этом более подробно в [Чернцева 2005, с. 40–44]).

Традиционно характеристика вводных слов (парентез) относится к грамматике. В «Русской грамматике» предложена формальная характеристика вводных слов, в соответствии с которой вводное слово может сохранять «живые лексические и грамматические связи с соответствующим знаменательным словом, (...) но оказывается обособленным от системы форм соответствующего слова, формально и функционально изолированным от членов его парадигмы» [Русская грамматика 1980 т. 2, с. 229]. Парентеза *кажется* полностью соответствует этой характеристике: она застыла в форме единственного числа настоящего времени; отпочковалась от парадигмы финитных форм имперфективного глагола *казаться*.

Диахронический процесс возникновения парентезы *кажется* связываем с историей формирования парентетической позиции в русском предложении (см. об этом более подробно в

[Чернцова 2011, с. 113–118; Чернцова 2012а, с. 87–93; Чернцова 2012в, с. 180–184]). Обратимся к фактам истории языка.

Традиционно считается, что парентетическая позиция является довольно поздним по времени возникновения феноменом: до XV в. в памятниках русской письменности они единичны, в XV – XVII вв. расширяются состав и функции парентетических конструкций, с XVIII в. получают распространение парентезы, передающие эмоциональные, эпистемические, вероятностные оценки говорящего [Спринчак 1960, с. 214–216].

Так, в материале Исторического корпуса Национального корпуса русского языка приводится контекст с парентезой *кажется* из текста «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное» (1672–1678):

И́и индѣл семнатцеть н[ѣ]д[ѣ]ль, а онѣ, бѣдныи, изнемогли и повннилис[ь], индѣ пятнацет[ь] н[ѣ]д[ѣ]ль. Так нхъ в Москвѣ взяли опит[ь], а меня пакы в Пафнѣтѣекъ прехревели и там в полатке, сковакы, держали близко з год. А какъ на ѡгрѣше быхъ, тамо и ц[а]рь приходил и поглотри, около полатки взыхати, а ко мнѣ не кошел; и дорогу было приготоовили, насыпали пекы, да подымал–подымал, да и не кошел; полуголовѣ взял, и с ним кое–што говори про меня, да и поехал домой. Кажется, и жалѣ емѣ меня, да виднши, е[о]гѣ ѡш–то надобнотак. Опелѣ и воротынзской кн[и]зѣ–Нѣан в монастыр[ь] приезжал и прогласи ко мнѣ, так не смѣлн пѣстит[ь]; денегъ, бѣдной, громадѣ в листѣ подавал, и денегъ не приниали. Послѣ в дрѣгоѣ лѣто на Пафнѣт[ь]еве подвор[ь]е в Москвѣ иа скобанъ индѣлъ, такъ онъ ехал в корѣтенарокомъ мимо меня, и бл[а]гоговляхъ, иа ево, млненькова. И есѣ котаря–тѣ добры до меня, да дьяволъ лихъ [НКРЯ].

Парентеза как понятие коммуникативной лингвистики – это частный случай безударной коммуникативной позиции между темой и ремой, которая получила название ‘атонической темы’ (об истории изучения этой коммуникативной позиции и обосновании термина см. в [Янко 2001, с. 76–82; Янко 2008, с. 59]).

Атонической темой считают безударные (с точки зрения коммуникативно релевантных акцентов) компоненты коммуникативной структуры предложения, которые расположены после акцентоносителя темы или ремы. Атоническая тема как компонент коммуникативной структуры маркируется ровным

тоном произношения, аллегрным темпом и отсутствием внутренних пауз. Связанный с атонической темой компонент располагается после другого, ударного компонента коммуникативной структуры.

Безударная позиция (вакернагелевская) – это прототипическая позиция для атонической темы. Такое название связано с законом Вакернагеля, в соответствии с которым энклитики ставятся в конце первой тактовой группы фразы. Т. Е. Янко называет атонической любую позицию спада, т. е. заударную (энклитическую) позицию, которая становится своеобразным пристанищем для всех коммуникативно нерелевантных компонентов коммуникативной структуры. Как частный случай атонической темы парентетические компоненты (в том числе и слова-парентезы) обладают рядом особых семантических и структурных свойств. Синтаксически они не связаны с остальным предложением и могут вклиниваться в грамматически оформленное словосочетание (ср.: *моя, по-видимому, ошибка*), выражая оценки – истинностные, вероятностные и эмоциональные (см. более подробно в [Чернцова 2004, с. 194–199]).

История формирования парентезы как особой коммуникативной и синтаксической позиции и история образования конкретных слов-парентез взаимосвязаны. Выявление условий формирования этих позиций в древнерусском языке может объяснить специфику коммуникативных значений современных слов-парентез, их роль в выражении иллокуций и коммуникативных стратегий говорящего.

Языковые факты, представленные в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, а также трудах историков языка А. А. Зализняка, В. В. Иванова, Т. П. Ломтева, Я. А. Спринчака и некоторых других исследователей, отражают историю рассматриваемых языковых явлений (см. [Зализняк 2008; Иванов 2005; Ломтев 1956; Спринчак 1960]). Так, история парентезы как особой коммуникативной и синтаксической позиции обнаруживает явную связь с фразовыми энклитиками, которым посвящено специальное исследование А. А. Зализняка [Зализняк 2008]. Рассматривая историю русских энклитик, в ряду которых интересующий нас материал (древнерусские глагольные энклитические формы) представляет лишь фон, исследователь приходит к важным обобщениям.

В языках со свободным силовым ударением, в частности в русском, имеется равная возможность ударять одну и ту же словоформу как сильно, так и слабо, тогда как в языках с несвободным ударением или с тональной системой такое варьирование затруднено или даже невозможно. Это значит, что в языке со свободным силовым ударением в качестве энклитик (безударных) могут использоваться те же самые словоформы, что в позициях полноударности, но только с ослабленным ударением. В ходе истории языка в состав энклитик постепенно переходят некоторые слова, которые первоначально были акцентно самостоятельными [Зализняк 2008, с. 267]. Так, в энклитическую частицу (*ведь*) превратилась словоформа *вѣдѣ* – ‘*знаю*’.

В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик, относящихся к сказуемому, подчиняется так называемому закону Вакернагеля, состоящему в том, что все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы фразы (образуя конечную часть этой тактовой группы). Энклитики, относящиеся по смыслу к отдельному слову (но не к сказуемому), не подчиняются закону Вакернагеля, а располагаются просто непосредственно после того слова, к которому относятся. Соответственно, древнерусские энклитики делятся на два класса: фразовые (вакернагелевские) и локальные (невакернагелевские) [там же, с. 24–25].

Древнейшими вакернагелевскими энклитиками, унаследованными из праславянского языка, являются частицы *же, ли, бо, ти* и местоимения в форме Д. п. (*ми, ти, си* и т.д.). Как в старославянском, так и в древнерусском языках они обладают вполне устойчивым просодическим статусом. Позднее в категорию энклитик входят местоимения в форме В. п. (*мѧ, тѧ, сѧ* и т. д.), глагольные словоформы *бы, быхъ*, еще позднее – связки (*есмь, еси* и др.).

Древнерусский период в истории русского языка, особенно XI – начало XIII века, – время максимально полного и последовательного формирования энклитик. Позднее начинается процесс постепенного распада этой системы [там же, с. 264]. Из старых фразовых энклитик в современном литературном языке остаются только *же, ли, бы*.

Помимо названных частиц и местоимений, аналогичные свойства обнаруживают, хотя и не вполне регулярно, такие гла-

гольные формы: **дѣи (дѣ, деи, де); вѣдѣ; реку, рече, рѣци; молвить, молвилъ, молви** и др. В поведении фразовых энклитик различают два аспекта – фонетический и синтаксический. Само понятие энклитики основано на фонетических свойствах. Наряду с этим, специфическим свойством энклитик оказывается их место во фразе, что позволяет опознать эти элементы и в письменной речи. При изучении древнерусского языка однозначные сведения о фонетическом поведении энклитик может дать только Чудовский Новый Завет XIV века, текст которого снабжен знаками ударения. Прочие памятники содержат сведения только о синтаксических энклитиках [там же, с. 9].

Синтаксические свойства древнерусских энклитик (как, заметим, и современных парентез) состоят в том, что они обладают способностью вклиниваться в словосочетание. В таких случаях нарушается принцип проективности порядка слов, состоящий в требовании, чтобы никакая непосредственная составляющая предложения не была разорвана словом или словами, ей не принадлежащими. Ср.: показательный пример из Аввакума: *А сам говорю: «Челом **реку** бью на ево жалованье; какая онъ надежда мнѣ! Надежда моя Х(ристо)с!»,* в котором словоформа **реку** вклинена в словосочетание *челом бью* [там же, с. 45].

И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» выделяет древнерусские глагольные формы, которые не выполняют предикативной функции, а, оторвавшись от глагольной парадигмы, играют особую роль в предложении [Срезневский МСДЯ 1893]. Такова энклитическая форма **дѣи (дѣ, деи, де)**, восходящая к полноударной глагольной словоформе **дѣи** 'говорит'. И. И. Срезневский дает следующее толкование энклитической глагольной форме **дѣи (деи, дѣ)** – «неизменяющаяся глагольная форма, вставляемая в приводимую чью-нибудь речь». Сравните примеры из словаря: (1) *Аще кто **дѣи** въ нашу вѣру ступитъ* (Пов. вр. л. 6495 г. (по Радз.сп.). (2) *Пилипко жаловалъся намъ: привернулъ **деи** еси его къ конокормству* (Грамм. Вит. о Пилип. п. 1389 г.). (3) *Молвилъ: коли **деи** пошлете посла, и господарь мои царь подтвердитъ правды* (Посольств. Каз. к. Польск.). (4) *Да кто **деи** выидетъ половникъ серебряникъ въ твои путь, ино **деи** ему платитися въ истое на два года безъ росту.* (Жал. Гр. ѳед. Конст. ок. 1450 г.). (5) *Пришелъ...старецъ Герасимъ, прося милостыни... на подможеніе тоя честныя обители,*

занеже, **деи**, пришедъ Турки, тую обитель розграбили; а дають, **деи**, съ тоє съ Святые горы Турецкому царю оброка двѣстѣ рублевъ (Посл. митр. Симон. 1495-1505 г.). (6) Да мнѣ бьютъ челомъ: пожалуи, **деи**, господине, вели учити. (Посл. Новг. арх. Ген. м. Сим. 1496-1504 г.). (7) И здѣ насъ слухъ дошолъ..., что, **деи**, я нынѣ...многіе христіяне... заблудили отъ истинные христіянскіе православные вѣры и живутъ, **деи**, по преднимъ своимъ изъ начала обычаемъ, и жертву, **деи**, и питья жрутъ и пьютъ мерзскимъ бѣсомъ. (Грам. Новг. арх. теод. въ Вяц. пят. 1548 г.) [Срезневский МСДЯ 1893 т. 1, с. 802–803]. Употребление энклитики **дѣи** (**деи**, **дѣ**) становится достаточно частым в памятниках письменности с начала XVI века; в XVII – XVIII вв. в документах деловой и официальной письменности, особенно в протоколах допросов [Зализняк 2008, с. 43], и она фактически приближается по статусу к современным показателям чужой речи – частицам **де**, **дескать**. Как у Василия Грязного, так и у Аввакума представлено безупречное функциональное распределение: **дѣи** есть показатель чужой речи, **реку** – показатель своей собственной речи в уже имевшем место разговоре, причем эти показатели появляются достаточно регулярно в пересказе, во вторичном упоминании чужой или своей собственной речи. Примеры энклитического **реку** А. А. Зализняк находит у Аввакума: ты **реку** ц(а)рь мой, а имъ какое дѣло до тебя? Потеряли **реку** своево ц(а)ря латыши безвѣриемъ своим (Аввакум, 75); так мнѣ стало гор(ь)ко зѣ ло, - бѣсъ **реку** надо мною волю взялъ (Аввакум, 91) [там же, с. 45].

В древнерусских памятниках нередко употребляется **рече** как энклитическая форма. Энклитика **рече** указывает на то, что в тексте приводится чужая речь. И. И. Срезневский толкует **рече**: – «вместо речено ьсть (=бысть) или речетьсѣѣ». Сравните примеры: (1) *Искони бо, рѣ, сътвори Бѣ нбо* (Нест. Бор. Гл. 1). (2) *Створиша бо, рѣ, имѣ ему Дѣвдъ* (т. ж. 11). (3) *Бѣ бо, рѣ, любѣ Иосифа ѣковѣ*. (т. ж. 13). (4) *Много бо, рече, побиша Опочани Литвы и Нѣмецъ и Тотаръ*. (Псков. I л. 6934 г.) [Срезневский МСДЯ 1893 т. 3, с. 119].

И. И. Срезневский толкует глагольную форму **рѣци** как ‘говорить, молъ, дѣ’. Сравните пример: *Ѣвѣщавши Ѡльга и рѣ къ словъ: аще ты, рѣци, тако же постоиши оу мене в Почаинѣ, ѣко же азъ в Сюду, то тогда ти дамъ; и Ѡпусти слы, съ рекъши* (Пов. вр. л. 6463 г.) [там же, с. 119]. В контексте исследования важен

тот факт, что в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского древнерусские глагольные формы **дѣи** (*деи, дѣи*), **рече**, **рѣци** в вакернагелевской позиции отмечаются запятыми, хотя и не вполне регулярно. Так, энклитика **деи** выделена запятыми в примерах (5), (6), (7) [Срезневский МСДЯ 1893 т. 1, с. 802–803]; **рече** – в примерах (1), (2), (3), (4); **рѣци** – в единственном примере, который приводит И. И. Срезневский [там же, с. 119]. Это позволяет современному читателю понять смысл фразы, но достигается это ценой осовременивания источника.

В описанной трансформации полноударных глагольных форм в энклитические различаются два аспекта: 1) превращение глагольной словоформы со значением ‘говорю’, ‘говорит’ в частицу-показатель ‘чужой речи’; 2) превращение полноударной словоформы в энклитику. Переход слов, которые были первоначально акцентно самостоятельными, в позицию энклитик связан, по мнению А. А. Зализняка, с довольно длительным периодом. В это время соответствующее слово во все более высоком количестве фраз подчиняется правилам энклитик, хотя может выступать и в своем акцентно самостоятельном качестве [Зализняк 2008, с. 46–47].

Выявленные признаки древнерусских глагольных энклитических форм: вакернагелевская заударная позиция, т. е. расположение после первой тактовой группы фразы; безударность, а также способность вклиниваться в грамматически оформленное словосочетание и, главное, особое значение ‘указание на чужое слово’ – позволяют интерпретировать их как прото-парентезы. Парентезы современного русского языка обладают такими же свойствами: прототипической вакернагелевской (заударной) позицией – коммуникативной позицией между темой и ремой, которая получила название атонической темы [Янко 2001, с. 76–82; Янко 2008, с. 59]; особой просодией (безударностью, ровным тоном произношения, аллегровым темпом и отсутствием внутренних пауз); особыми синтаксическими свойствами (парентезы могут вклиниваться в грамматически оформленное словосочетание, выражая модус субъекта речи, ср.: *Он, кажется, принял неправильное решение vs. Он принял, кажется, неправильное решение*. Следует отметить, что современные слова-парентезы могут оказаться и в начале фразы (ср.: *Кажется, он принял неправильное решение*), зато для парентети-

ческих предложений начальная позиция не характерна: *Живица не смола (многие называют ее так), а именно живица, заживляющая дерево* [В. Солоухин].

Особый интерес представляет семантика рассмотренных протопарентез: все они служат разграничителями своего и чужого слова в тексте. А. А. Зализняк указывает на важный исторический источник древнерусского языка, которым является Киевская летопись за XII в. по Ипатьевскому (иначе Киевский) своду. Памятник отчетливо делится на два компонента, вклиненные друг в друга: 1) прямая речь светских лиц, 2) авторская речь летописца и покаянные и молитвенные речи, вложенные летописцем в уста светским персонажам [Зализняк 2008, с. 23]. Эта текстовая особенность важна для уяснения общих закономерностей оформления синтаксической и коммуникативной позиции парентез. Первоначально речь лица преимущественно имела форму прямой речи, отражая устную коммуникацию [Ломтев 1956, с. 544]. Существенно также то, что в текстах, написанных на древнерусском языке, наряду с прямой речью встречаются показатели чужой речи, своеобразные протопарентезы – *дѣи (дѣ, деи, де); реку, рече, рѣци; молвить, молвилъ, молви*, – включенные в авторскую речь рассказчика, т. е. факты письменной коммуникации. Именно так формируются средства косвенной речи. Древнерусские памятники в рассказе передающего лица пестрят чередованиями авторской речи и прямой речи (о разных способах передачи речи лица в древнерусском языке см. в [Ломтев 1956, с. 540–548]).

Появление подобных средств в древнерусских текстах можно интерпретировать как свидетельство формирования позиции рассказчика / нарратора, имплицитной (безударной) коммуникативной и грамматически изолированной в предложении / тексте, благодаря которой актуализируется содержание наррации (акта рассказывания). Как дискурсивная категория нарративность связана с коммуникативно-прагматической стратегией текстообразования: с текстовыми категориями (тема, мотив, повествовательный план, рассказчик-субъект, персонаж-объект, событие, хронотоп и др.) и языковыми средствами, оформляющими эти категории в структуре текста и дискурса. Протопарентезы и современные парентезы относятся к числу средств выражения рассказчика / нарратора и его коммуникативной / нарративной стратегии.

Коммуникативная / нарративная предназначенность протопарентез выявляется в сравнении иллокуции прямой речи и речи нарратора. Иллокуция прямой речи отражает интенцию субъекта, связанную с репродукцией чужих слов, их точным воссозданием, точным цитированием. Прямая речь легко проговаривается при чтении, интонация усиливает ее достоверность, т. е. имеет самостоятельный перлокутивный эффект. В письменном диалоге прямая речь устраняет позицию нарратора. Здесь важны голоса персонажей. Субъект предстает не столько как автор, сколько как участник сюжетно-образующих сцен [Арутюнова 2010, с. 7].

По данным исторических исследований, уже в древнерусском тексте формируется и иной тип речи – это так называемая авторская речь, т. е. не цитатная, а модифицированная, косвенная. Иллокуция речи нарратора с помощью протопарентезы, усложненной комментарием, отличается от иллокуции прямой речи: при пересказе чужой речи рассказчик получает возможность отказаться от точного цитирования, прибегнуть к перефразированию, что предполагает мену лексических компонентов, синтаксическую перестройку предложения. Чужая мысль тем самым связывается с новой словесной формой, т. е. осваивается или частично присваивается. Большая иллокутивная свобода рассказчика предопределяет интерпретацию сказанного и его оценку. Это приводит к разнонаправленным эффектам – иллокутивному и модальному усложнению повествования, с одной стороны, а с другой – линейная речь повествующего приобретает более компактную форму. Авторская передача чужой речи закладывает основы техники повествования, характерного для современных словесных практик. Как протопарентезы, так и их современные аналоги являются показателями нарративных планов речевого сообщения.

Чужая речь – это не только речь в речи, но и речь о речи. Ср. прозаический контекст: *Сосед доволен...и, говорят, хвалил меня перед домоуправленьем* [Б. Ахмадулина]. Парентеза *говорят* позволяет усложнить семантическую организацию высказывания: высказывание передает одновременное звучание нескольких голосов в единой конструкции. Голоса эти, интерферируя и налагаясь друг на друга, звучат тем не менее самостоятельно. Первый голос соседа, который хвалил рассказчика.

Второй голос человека, который сообщил рассказчику об этом. Третий голос непосредственно самого рассказчика. В такой многоголосой –полидискурсивной – конструкции содержится два субъекта, два референта и три предикации: одна – от чужой речи и две – от авторской. Авторский голос предидирует дважды: первый предикативный акт от чужой речи и второй – от авторской. Разграничение своего и чужого слова – своеобразный лингвистический фундамент, с которым связано развитие различных типов нарратива и литературных жанров.

Таким образом, история парентезы как особой коммуникативной и синтаксической позиции обнаруживает явную связь с древнерусскими фразовыми энклитиками, которые подчиняются закону Вакернагеля. Возникновение парентезы как особой безударной (вакернагелевской) коммуникативной позиции обусловлено характером русского ударения (свободное силовое), характером русского порядка слов, который в истории языка менялся в направлении к свободному, а также соответствующей им интонацией.

Протопарентезы возникают как безударные варианты полноударных глагольных форм, помещенных в вакернагелевскую позицию. Безударность протопарентез, их синтаксическая изолированность соотносится с их особой коммуникативной предназначенностью – вводить принципиально новый для словесной культуры план сообщения. Исторически первичная (представленная уже в древнерусских текстах) коммуникативная и текстовая позиция протопарентезы отражает дискурсивную стратегию рассказчика / нарратора, формируя скрытую позицию автора, задает компактность формы и полимодальную сложность (многоголосость) линейной речи рассказчика. В современном русском языке группа слов-парентез обширна и разнообразна.

Специфическая семантика и коммуникативный статус парентез, а также более широкой группы слов – дискурсивных слов (ДС), к которым относят и парентезы, изучается в работах лингвистов [Арутюнова 1999, с. 411–440; Янко 2001, с. 326–336; Чернцова 2001, с. 84–88; Чернцова 2002, с. 160–169; Чернцова 2006, с. 40–44; Чернцова 2010, с. 148–153].

Многочисленные и разнообразные по внутренним формам парентезы получают распространение в русском языке с

XVIII века, их экспансия связана с усложнением сфер общения и ростом личного начала в разных формах речи.

Выводы к разделу I. «Теоретические основы и методология интегрального исследования»

1. Теоретико-методологической основой предпринимаемого интегрального исследования является комплекс методов синхронической лингвистики, который дополняется привлечением диахронических данных об избранных средствах русского языка.

2. Диахронический подход к исследованию когнитивной семантики помогает раскрыть единые законы мысли, реализующиеся посредством разнообразия однокоренных слов. История языковых средств проливает свет на их современные значения и функции. В контексте задач исследования релевантен учет исторически обусловленной семантики – внутренней формы этимологического типа – глагольных предикатов *казаться*, *показаться*, внутренней формы деривационного типа девербатива *кажимость*, а также истории парентетической позиции в русском предложении, с которой связываем диахронический процесс возникновения слова-парентезы *кажется*.

2.1. Во внутренней форме этимологического типа концептуализируется то, как изначально был познан онтологический процесс зрительного восприятия человеком некоторого объекта; представлены первоначально закрепленные за глагольным словом интенционал и экстенционал. Экстенционалом выступает сам онтологический процесс зрительного восприятия, интенционал же представлен концептуализацией: ‘вызываемое во мне впечатление – перцептивный образ предмета – представляет собой известное подобие воспринимаемого предмета, но не является его абсолютным двойником; возникающий ментальный образ может оказаться ошибочным, искаженным’. Концептуализируется дистанция между объектом ‘как он есть’ и его ментальной репрезентацией, полученной в результате обработки перцептивных данных сознанием.

2.2. Для лингвокогнитивной реконструкции философского содержания слова-имени концепта *Кажимость* используем

данные исторического анализа, а также словообразовательного анализа внутренней формы деривационного типа deverбатива (*каж-им-ость*). Исторически и деривационно deverбатив восходит к страдательному причастию *каж-им-ый* с суффиксом **-им-**старославянского происхождения.

2.3. Для исследования когнитивной семантики и разнообразных функций парентезы *кажется* релевантны данные диахронического анализа.

2.3.1. Протопарентезы возникают как безударные варианты полноударных глагольных форм, помещенных в вакернагелевскую позицию.

2.3.2. Безударность протопарентез, их синтаксическая изолированность соотносится с их особой коммуникативной предназначенностью – вводить принципиально новый для словесной культуры план сообщения. Исторически первичная (представленная уже в древнерусских текстах) коммуникативная и текстовая позиция протопарентезы отражает дискурсивную – художественную нарративную – стратегию рассказчика / нарратора, формируя скрытую позицию автора, задает компактность формы и полидискурсивную сложность (многоголосость) линейной речи рассказчика / нарратора.

3. Интегральный метод когнитивно-дискурсивного исследования складывается из частных методик атомистического и холистического – когнитивного – видов анализа.

3.1. Атомистический подход направлен на то, чтобы воссоздать систему значений каждого слова, проанализировать каждое значение в отдельности и в его взаимосвязях с другими значениями слова. Для этого необходимо создать типологию контекстов функционирования избранных слов с учетом параметра ‘дискурсивный тип контекста’ – дифференцировать контексты обыденного vs. публицистического vs. научного vs. художественного дискурса. Дискурсивный подход к семантике контекста и значению слова в контексте предполагает учет более широкого дискурсивного окружения, для реализации этой исследовательской установки используем термины ‘субъект дискурса’, ‘дискурсивная логика субъекта’, ‘дискурсивная деятельность’. Цель дискурсивного анализа состоит в том, чтобы выявить связь между контекстным значением слова и содержанием дискурсивной и когнитивной (познавательной) деятельности субъекта, опреде-

лить, какие исследовательские процедуры и параметры позволяют зафиксировать эту связь. Традиционная методика анализа полисемии не предполагает установления **дискурсивных** различий между функциональными контекстами и соответствующими им контекстными значениями слова. Мы же считаем, что нашим словам присущи **дискурсивно обусловленные** контекстные значения, поэтому исследовательскую процедуру дифференциации контекстов, определения значения слова в контексте проводим с учетом дискурсивного типа контекста, тактико-стратегических установок субъекта дискурса, его дискурсивной и познавательной деятельности и др.

3.2. Создав типологию дискурсивных контекстов, дифференцируем полученные данные в соответствии с параметрами 'коммуникативный тип контекста' ('Я'-; 'ТЫ'-; 'ОН'-контекст), 'коммуникативный регистр', 'интенции субъекта', 'иллокуция речевого акта', 'коммуникативная / нарративная стратегия'. Задачи исследования связаны с различением репродуктивного и информативного характера коммуникативного регистра, поскольку именно эти коммуникативные установки отражаются в значениях изучаемых слов. Коммуникативный регистр понимается лингвистами как определенный тип отражения действительности, обусловленный точкой зрения говорящего, его пространственно-временной позицией, запечатленной в тексте. Репродуктивный регистр представляет субъекта, который находится в локусе описываемого им события, в силу чего он констатирует лишь только то, что видит, слышит или чувствует непосредственно. Информативный регистр имплицитно представляет субъекта, который интерпретирует ситуацию, осмысляет, оценивает ее с позиций собственного понимания, предварительных (пресуппозитивных) знаний.

3.3. Значения глагольных предикатов *казаться*, *показаться* связаны с концептуализацией процесса восприятия человеком действительного мира. Логическая структура онтологического процесса восприятия отражена в пропозициональной структуре *кто / что кому кажется / показался каким / чем*. Семантический анализ проводим с использованием научных понятий и терминов семантики и синтаксиса: 'пропозиция', 'предикат', 'актант', 'восприятие', 'субъект восприятия / экспериенцер', 'воспринимаемый объект', 'содержание восприятия / впечатление / ощущение', 'субъектная структура контекста' и др.

4. Ключевая для нашего исследования и методологически важная гипотеза когнитивной теории может быть сформулирована так: форма хранения перцептивных данных в наших воспоминаниях – ментальная репрезентация перцептивной информации – изоморфна способу хранения в нашей памяти лингвистической информации о значениях слов, языковых выражений, пропозиций и др. Перцептуальные репрезентации и смысловые репрезентации языковых форм сопоставимы, между ними существует определенная корреляция.

4.1. Когнитивная семантика изучает **способы выражения людьми личного опыта при помощи языка**: способы, при помощи которых человек структурирует и понимает элементы личного эмпирического опыта. Человек обладает способностью описывать словами то, что видит, т. е. визуальная форма представлений коррелирует с лингвистической. Когнитивный анализ в терминах 'гештальт', 'фон – фигура', 'фокусирование – дефокусирование' позволяет описать распределение внимания (отражающее принципы зрительного восприятия) в семантико-синтаксической организации контекста, а также показать игру когнитивного фокуса на уровне концептуальной семантики.

4.2. В целях лингвокогнитивного моделирования используем теоретическую идею о двухуровневой организации когнитивной семантики слова, в которой выделяется когнитивный уровень и уровень поверхностной языковой семантики (Джекендофф). Реализуем подход когнитивной семантики посредством использования понятий 'концептуализация', 'когнитивная структура', 'концептуальная область', 'концептуальная схема' и др. Методы когнитивной семантики позволяют реализовать холистический подход – обобщить «сумму» контекстных значений слова; выявив повторяющуюся структуру когнитивных процессов, в которой отражены шаблоны понимания и мышления, реконструировать гештальт-сценарий, а также предложить метакогнитивную репрезентацию концептуальной области *кажмости*.

РАЗДЕЛ II

ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНЫХ КОНТЕКСТОВ: КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ *КАЗАТЬСЯ*, *ПОКАЗАТЬСЯ*, ДЕВЕРБАТИВА *КАЖИМОСТЬ* В ДИСКУРСИВНОМ РЕЖИМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Во втором разделе определим семантику перфективного глагольного предиката *показаться* в двух пропозициональных структурах: (1) *где / откуда показался кто / что*; (2) *кто / что кому показался каким / чем*; а также семантику имперфективного глагольного предиката *казаться* в пропозициональной структуре (1) *кто / что кому кажется каким / чем*. Сопоставим пропозициональные структуры простого и сложного предложений *кому кажется / показалось, что кто какой / каков*. Этот раздел посвящен также рассмотрению особенностей функционирования глагольных предикатов *казаться*, *показаться* в контекстах разного коммуникативного и дискурсивного типа.

Уже отмечалось, что полисемантические глагольные предикаты *казаться*, *показаться* относятся к словам с диффузной семантикой, со способностью «реагировать» на окружающую семантическую и коммуникативную среду. Эту способность можно назвать «мимикрией» – семантическим копированием контекстного окружения. Нас интересует вопрос о том, в каких когнитивистских терминах можно корректно описать эту особую связь контекстного значения слова с семантикой широкого контекста. В первом разделе были рассмотрены два контекста,

иллюстрирующих тот факт, что контекстное значение глагольного предиката *казаться* / *показаться* согласовано с типом коммуникативного регистра – репродуктивным или информативным.

Далее представим типологию функциональных контекстов и контекстных значений глагольных предикатов *казаться*, *показаться*, созданную с учетом параметров, описанных в теоретическом разделе: ‘дискурсивный тип контекста’; ‘коммуникативный тип контекста’; ‘коммуникативный регистр’, различаем ‘репродуктивный’ – ‘информативный’ – ‘генеритивный’ – ‘реактивный’ – ‘волюнтивный’ регистры [Золотова 2004, с. 29–35].

Систематизация контекстов функционирования необходима для дифференциации контекстных значений полисемантических глагольных слов. В этом разделе покажем, что дифференциация контекстных значений по заданным параметрам позволяет сформулировать когнитивные признаки контекста. Когнитивные признаки контекста, в свою очередь, эксплицируют когнитивную деятельность говорящего, маркируемую *казаться*, *показаться* (см. об этом более подробно в [Чернцева 2013, с. 45–61]). Для моделирования когнитивной семантики избранных для анализа слов используем понятия – ‘когнитивная деятельность’, ‘восприятие’, ‘интерпретация / осмысление / понимание’, ‘рефлексия’, ‘субъект когнитивной деятельности’, ‘субъектная структура контекста’ и др.

Как уже говорилось, когнитивно-дискурсивный анализ направлен на осмысление коммуникативных установок говорящего в корреляции с когнитивными основами его речи. Понимание контекста в духе когнитивно-дискурсивной парадигмы предполагает установление корреляции между значением слова и семантикой контекста, напрямую обусловленной интенциями говорящего и более общим замыслом всей осуществляемой им дискурсивной и когнитивной (познавательной) деятельности. В духе когнитивистского понимания контекста проанализируем языковой материал, взятый из Национального корпуса русского языка, выделим основные когнитивные признаки контекстов с глагольными предикатами.

Далее будут представлены основные типы ‘Я’-, ‘ТЫ’-, ‘ОН’-контекстов обыденного, публицистического, научного и художественного дискурсов в корреляции с разными контекстными

значениями избранных для анализа слов. Начнем с контекстов обыденного дискурса.

2.1. Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться, показаться* в контекстах обыденного дискурса

Материалом для анализа коммуникативных (диалогических и нарративных) стратегий субъекта обыденного дискурса стали контексты, взятые из подкорпусов непубличной и публичной речи Устного корпуса Национального корпуса русского языка. Субъектом обыденного дискурса выступает обыкновенный носитель языка – обычный говорящий, который не является ни публицистом, ни исследователем, ни писателем. Далее представим типологию контекстов функционирования глагольных предикатов *казаться, показаться* как результат анализа языкового материала в соответствии с выделенными параметрами. Условно выделяем семь типов контекста. Начнем анализ с репродуктивного 'Я'-контекста.

2.1.1. Репродуктивный 'Я'-контекст

В репродуктивном 'Я'-контексте моделируется актуальное восприятие говорящим денотативной ситуации. В контексте репродуктивного регистра запечатлевается пространственно-временная позиция говорящего по отношению к описываемой ситуации: говорящий находится в локусе происходящего. Его коммуникативную стратегию можно отразить в таком метавысказывании: 'субъект-экспериментер сообщает о том, что видит, слышит, чувствует'.

В языковом материале репродуктивный тип контекста представлен следующими пропозициональными структурами: с перфективным предикатом *показаться* – (1) *где / откуда показался кто / что*; (2) *кто мне показался₁ каким*; с имперфективным предикатом *казаться* – (3) *кто / что мне кажется₁ каким / чем*.

Рассмотрим первую пропозициональную структуру, формирующую репродуктивный тип 'Я'-контекста. С точки зрения

синтаксической формы, контекст построен по модели простого предложения с перфективным глагольным предикатом – *где / откуда показался кто/что*. Контекст отражает прагматическую ситуацию актуального наблюдения говорящим некоторого объекта, который становится предметом обсуждения в обыденном диалоге. Ср.: – *Смотри: сейчас на горизонте покажется море*. Коммуникативная интенция говорящего может быть определена как указание на замеченный объект или ситуацию и сообщение о первом впечатлении. Лингвисты давно обратили внимание на то, что из значения *показаться* ‘быть видимым, заметным на фоне чего-то’ вырастает образ наблюдателя [Апресян 1995б, с. 639–644; Падучева 1998, с. 23–28; Падучева 2000б, с. 185–201; Падучева 2001, с. 23–44].

Отметим, что у контекста первого типа с перфективным предикатом *показаться* встречаются две коммуникативно-функциональные разновидности, заданные семантикой вида. Во-первых, форма будущего времени отражает прогностическую коммуникативную установку говорящего: говорящий предупреждает собеседника о том, что скоро он увидит нечто заслуживающее внимания. Говорящий в таком контексте часто предстает как носитель фоновых (пресуппозитивных) знаний о наблюдаемом движущемся объекте. Ср.: *Сейчас из-за поворота покажутся велосипедисты; Интересно, покажется ли солнце из-за туч хотя бы на миг*.

Во-вторых, в ситуации обыденного общения форма прошедшего времени используется говорящим для создания нарративного контекста воспоминания. Такой контекст отражает коммуникативную установку ретроспективного описания увиденного в прошлом. Контекст ретроспективного описания связан с фиксацией первого зрительного впечатления говорящего, при этом либо говорящий может двигаться навстречу неподвижному объекту, либо движущийся объект – навстречу говорящему, ср.: *В ту самую минуту, как мы повернули к морю, на горизонте показалась гора; В тот момент в проеме освещенного окна неожиданно показался силуэт какого-то человека; Тогда высоко в небе показался самолет*.

Форма прошедшего времени используется также для описания сиюминутного зрительного впечатления говорящего. Ср.: – *Посмотри: только что из-за туч показалось солнце*. В фоку-

се внимания говорящего находится объект, названный именем существительным в именительном падеже (*солнце*). В контексте содержится указание на 'фон' – это синтаксема *из-за туч*. В качестве 'фона' выступают другие объекты действительного мира, которые ранее заслоняли наблюдаемый объект, делали его не видимым для говорящего. Так, в приведенных выше примерах: *из-за угла...; из-за поворота ...; в проеме...; высоко в небе... и др.*

В Национальном корпусе русского языка содержится много примеров, иллюстрирующих обсуждаемое значение. В качестве материала для анализа семантики предиката возьмем следующий диалог, включающий в свой состав рассказ по картинке, придуманный ребенком (Ася, жен, 6 лет). Ср.: [Начинает рассказывать Ася] [Мать Аси, жен, 36] *А ты название Ась рассказа придумала?* [радостно] [Вера, жен, 6] *Лягушка украла у меня!* [не обращая внимания на Верины слова] [Ася, жен, 6] *Аист напугал лягушку// Как мальчик пошел гулять/ и аист напугал лягушек//* [выдерживает паузу] *Мальчик однажды/ когда шел в школу/ он захотел покупаться// Когда был очень жаркий день// Он пошел в воду и так закупался/ что даже забыл/ что его вещи лежали на берегу// И однажды.../ Ой не однажды! И сидели.../ На.../ На маленьком холмике две лягушки// И вдруг.../ **Из-за угла показался аист**// И он набросился на лягушек// Но лягушки не.../ Не.../ Не просто стали сидеть на месте/ на местах// Они запрыгнули в мальчишкины.../ Мальчишкины-ы-ы.../ Как же они? Чулки// И ускакали// Мальчик повернулся/ и.../ Азумился!* [последнее слово произносит очень выразительно] *Что гольфы его поскакали// А аист кричал/ и возмущался//* [НКРЯ].

Рассказ в целом строится по правилу нарративного 'ОН'-контекста: повествование ведется в 3-м лице, в духе информативно-повествовательной стратегии, сообщающей о действиях придуманных персонажей, их участии в событии 'возможно-го' мира. Повествователем выступает девочка Ася. Фрагмент *И вдруг.../ Из-за угла показался аист* можно охарактеризовать как фрагмент репродуктивного коммуникативного регистра, поскольку в нем воссоздается ситуация глазами наблюдателя. Субъектом-наблюдателем выступает выдуманный персонаж – мальчик: именно его зрительное впечатление (*Из-за угла показался аист*) репродуцируется в контексте. В контексте имплицитруется сложная субъектная структура: в нем представлены

две позиции – субъекта-повествователя и субъекта-наблюдателя. Субъект-наблюдатель первый раз замечает движущийся навстречу объект (аиста): ранее объект не был виден наблюдателю. Контекст содержит указание на детали ландшафта, которые ранее заслоняли объект, ср.: *Из-за угла показался аист*. Значение ‘субъект-наблюдатель первый раз замечает объект’ актуализируется экспрессивным парцелированным предложением: *И вдруг...*

В языковом материале встречаются контексты следующего типа: *Вон на горизонте показался парус яхты; Вдали на дороге показался человек; Далеко в лесу показались грибки; Высоко в небе показался орел* и др. В семантике контекстов с предикатом *показаться* концептуализируется **первая зрительная фиксация объекта**, который удален от говорящего, находится **на значительном расстоянии** от него. Пропозициональная структура *где / откуда показался кто / что* формирует два фокуса внимания – тематический и рематический. В тематическом фокусе внимания находится информация о ‘фоне’ (ср.: *на горизонте; вдали на дороге; далеко в лесу; высоко в небе*), а рематический фокус внимания наводится на наблюдаемый объект (*показался парус яхты; показался человек; показались грибки; показался орел*). Коммуникативная интенция говорящего может быть определена как указание на замеченный объект или ситуацию.

Общий подход когнитивной лингвистики позволяет осмыслить пропозициональную структуру *где / откуда показался кто / что* не только как языковую структуру, но и как когнитивную структуру, отражающую когнитивную деятельность человека. Когнитивные признаки репродуктивного контекста с предикатом *показаться* можно зафиксировать в следующем метавысказывании: ‘говорящий находится в локусе происходящего события; говорящий первый раз замечает некоторый объект на фоне чего-то другого и привлекает внимание собеседника к наблюдаемому объекту. Объект часто находится на значительном расстоянии от говорящего’.

Русский язык располагает синтаксической моделью простого предложения, в которой субъект-наблюдатель получает эксплицитное выражение в синтаксеме дательного падежа местоимения (*мне*). Проанализируем вторую пропозициональную структуру с перфективным предикатом – *кто / что мне пока-*

зался каким / чем. Присвоим глагольному предикату индекс 1. В обсуждаемых пропозициональных структурах с *показаться* и *показаться*₁ по-разному концептуализируется когнитивный процесс восприятия человеком некоторого объекта действительного мира. Глагольный предикат *показаться* (*где / откуда показался кто*) обозначает **только зрительное восприятие** человека. Пропозициональная структура *кто / что мне показался*₁ *каким / чем* выступает языковой формой для концептуализации **разных перцептивных актов** человека – ‘вижу’, ‘слышу’, ‘чувствую запах’, ‘чувствую вкус’, ‘ощущаю тактильно’, ср.: *Его голос показался мне знакомым; Запах мне показался неприятным; Суп мне показался пересоленным; Кожа на ощупь мне показалась шершавой; Ветер мне показался теплым.*

Полное простое предложение строится по модели – *кто / что мне показался*₁ *каким / чем*. В диалогической речи встречаются, как правило, неполные реализации этих предложений. Синтаксема дательного падежа местоимения первого лица (*мне*) часто пропускается, так как оказывается невыделенной (дефокусированной), попадая в коммуникативную нишу между темой и ремой, безударную позицию ‘атонической темы’ [Янко 2001, с. 76–82; Янко 2008, с. 59].

Поскольку обсуждаемая пропозициональная структура может обозначать результаты разных видов восприятия – зрительного, слухового, обонятельного и осязательного, то когнитивную семантику глагольного предиката можно охарактеризовать как диффузную, континуальную. С нашей точки зрения, диффузность, континуальность когнитивной семантики объясняется синергетикой когнитивной деятельности человека, целостностью – гештальтностью – самого процесса восприятия человеком действительного мира. Здесь уместно вспомнить об идеях гештальттеории, которая постулирует изоморфизм между физическим, физиологическим (мозговым) и феноменальными полями [Вертгеймер 1987; Дункер 1965].

Остановимся более подробно на нарративном ‘Я’-контексте воспоминания с перфективным предикатом *показаться*₁. Одна из задач нашего исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать зависимость контекстного значения перфективного предиката *показаться*₁ от семантики широкого контекста. Семантика широкого контекста, в свою очередь, обусловлена ин-

тенциями говорящего, содержанием его нарративной стратегии. Языковой материал позволяет противопоставить два семантических подвида этого типа контекста. Каждый из них обусловлен содержанием информативной стратегии. Чтобы продемонстрировать эту взаимосвязь, сравним два экспериментальных контекста: (1) *Прошлой весной мне показалось_{1a'}, что это дерево засохло, но ровно через год оно выпустило зеленую веточку;* (2) *Прошлой весной мне показалось_{1a'}, что это дерево засохло, и через год я убедился, что был прав.* Первый контекст строится в соответствии со следующей информативной стратегией говорящего: говорящий вспоминает о своем первом впечатлении в прошлом, но поскольку впоследствии говорящий убедился, что в тот момент (о котором идет речь в воспоминании) он ошибался, то предикат *мне показалось_{1a'}* получает контекстное значение 'ошибочности прошлого впечатления'. Еще раз подчеркнем, что оценка ошибочности прошлого впечатления задается семантикой широкого контекста, в котором говорящий предстает как носитель знаний о дальнейшем течении описываемой ситуации (ср.: *но ровно через год оно выпустило зеленую веточку*). Во втором контексте воплощается противоположная по содержанию стратегия: впоследствии говорящий убедился, что его первое впечатление было верным. В логике этой стратегии не возникает оценка 'ошибочности первичного (прошлого) впечатления'. В целом в нарративном 'Я'-контексте воспоминания (информативный регистр) говорящий представлен дважды: как субъект восприятия в прошлом и как субъект рефлексивного акта – последующего осознания результатов восприятия как ошибочных или истинных. Когнитивное значение перфективного предиката *показаться₁* в информативном 'Я'-контексте воспоминания можно истолковать так: 'я знаю, что первое впечатление может оказаться обманчивым; я знаю, что бывает так, что впоследствии – с позиции знания о событии – человек получает возможность оценить свое первое впечатление как истинное или ошибочное'. Как уже отмечалось выше, одна из задач нашего исследования состоит в том, чтобы показать корреляцию между дискурсивной стратегией говорящего и семантикой предиката, реализуемой в контексте определенного типа.

Таким образом, мы дифференцировали три контекстных значения перфективного предиката: *показаться, показаться_{1a'}*

*показаться*₁₆. Для нашего исследования чрезвычайно важно следующее: исследовательская процедура дифференциации контекстных значений наталкивается на сопротивление материала – на концептуальную целостность языковой семантики. Далее покажем, как проявляет себя целостностная, континуальная языковая семантика в контекстах с перфективным предикатом *показаться*₁ и имперфективным *казаться*₁. С нашей точки зрения, в указанных контекстах запечатлены одни и те же принципы концептуализации когнитивного процесса.

Сопоставим значения глагольных предикатов – перфективного *показаться*₁ и имперфективного *казаться*₁ (пропозициональная структура *кто / что мне кажется*₁ *каким / чем*). Имперфективный глагольный предикат, как и перфективный, отражает первую фиксацию увиденного объекта говорящим.

Рассмотрим первый тип репродуктивного 'Я'-контекста с *казаться*₁. Ср. [Юрий Орлов, муж] *Пятеро из шести / кого встретил были пьяны/ пьяны и на божжей похожи. Я не угадал их/ и они меня не узнали тоже. А под дубами/ между тем/ всё так же пахнет грачиным пухом и помётом. И дубы кажутся такими же/ как были/ ничуть не изменились/ не прибавили ни в росте/ ни в толщине за те двадцать пять с гаком разлуки. Впрочем/ четыре дуба успели рухнуть. Увы/ даже эти могучие великаны не вечны в этом ложном мире/ неверном и нестойком* [НКРЯ]. Контекст с предикатом *казаться*₁ (*дубы кажутся такими же, как были*) отражает когнитивную деятельность говорящего: зрительное восприятие описываемого объекта (*дубы*), сравнение полученного впечатления с более ранними впечатлениями, хранящимися в памяти субъекта (*кажутся такими же, как были*), и сообщение о результатах сопоставления. Отметим синергетическую связь процесса восприятия с памятью, которая хранит более ранний образ предмета. В контексте говорящий моделируется не только как субъект восприятия, но и как субъект последующего рефлексивного акта, суть которого заключается в осознании обманчивости первого впечатления (*Впрочем/ четыре дуба успели рухнуть*). *Казаться*₁ обозначает такое первое зрительное впечатление, которое в норме сменяется другим впечатлением. Смена первого впечатления вторым обусловлена стадией осознания результатов первичного восприятия (рефлексией).

В обыденном дискурсе 'Я'-контекст (*мне кажется*₁) репрезентирует внутреннюю сферу конкретного человека (субъекта-экспериментера). Впечатления наблюдателя могут соответствовать действительности или оказаться ошибочными, как например, перемещающийся объект *кажется* стационарным перемещающемуся наблюдателю (ср. *Из окна движущегося поезда машины кажутся₁ стоящими на месте*); большой объект *кажется* маленьким наблюдателю, который находится на значительном расстоянии от объекта (ср.: *С высоты двадцатипятиэтажного дома машины на улице кажутся₁ маленькими*). В рассматриваемых репродуктивных контекстах представлено настоящее время, которое будем называть актуальным перцептивным временем, т. е. время события совпадает со временем наблюдения [Золотова, 2014, с. 330–331].

Проанализируем, как концептуализируется когнитивный процесс человека в интересующем нас репродуктивном 'Я'-контексте, ср.: *Вдали показалась гора. Она кажется невысокой, пологой; На горизонте показался парус мачты. Он кажется белым пятнышком*. Когнитивные признаки репродуктивного контекста можно зафиксировать в следующем метавысказывании: 'говорящий находится в локусе происходящего события; говорящий воспринимает некоторый объект действительного мира и сообщает о своем впечатлении собеседнику'. Названные признаки концептуализируются в семантике контекста: в репродуктивном 'Я'-контексте конструируется когнитивный процесс самого говорящего (ср.: *Гора кажется₁ невысокой, пологой* – 'я вижу гору, сообщаю: гора невысокая, пологая'). Говорящий представлен как субъект актуального (во временном значении термина) зрительного восприятия объекта действительности (*гора*), его идентификации, осмысления результатов перцепции (*кажется невысокой, пологой*). Как уже отмечалось, в семантико-синтаксической организации пропозиции отражена логическая структура когнитивного процесса зрительного восприятия – субъект, объект и результат перцепции (впечатление говорящего). Дательным падежом обозначается позиция субъекта зрительного восприятия (*мне*), именительный падеж фокусирует внимание на объекте перцепции (*гора*).

Проанализируем коммуникативную организацию репродуктивного высказывания на примере следующего: **Образовав-**

шаяся на дороге пробка мне кажется огромной. Коммуникативная организация высказывания формирует два фокуса внимания – тематический и рематический. В тематическом фокусе находится наблюдаемая говорящим ситуация действительного мира – *образовавшаяся на дороге пробка*. В реме – первое зрительное впечатление говорящего, оценка наблюдаемой ситуации – *кажется огромной*. Компонент субъект-наблюдатель (*мне*) оказывается в коммуникативно безударной позиции между темой и ремой. Коммуникативная интенция говорящего может быть определена как указание на замеченный объект или ситуацию и сообщение о первом впечатлении.

Таким образом, для исследования семантики избранных слов в когнитивистской системе понятий принципиально важно, что репродуктивный контекст строится в соответствии с общими принципами зрительного восприятия, отражает прототипическую ситуацию восприятия. В репродуктивном контексте конструируется пространственная перспектива – позиция наблюдателя, т. е. местоположение, из которого субъект наблюдает за происходящим. Наблюдатель локализован в пространстве ‘возможного’ мира, занимает синхронную с временем описываемого события позицию. В контексте с предикатами *казаться, показаться* концептуализируется первая зрительная фиксация наблюдаемого объекта (‘фигура’) на каком-то ‘фоне’. В фокусе внимания говорящего находится объект, названный именем существительным в именительном падеже. В контексте содержится указание на ‘фон’. В качестве ‘фона’ выступают другие объекты действительного мира, которые ранее заслоняли наблюдаемый объект, делали его не видимым для наблюдателя.

2.1.2. Информативный ‘Я’-контекст

Рассмотрим пропозициональную структуру *кто / что мне кажется₂ / показался₂ каким / чем* в контекстах информативного коммуникативного типа. Присвоим информативному значению индекс 2. Сравним информативные значения имперфективного и перфективного предикатов.

Как уже отмечалось, информативный регистр имплицитует субъекта, который не просто описывает то, что видит, но интерпретирует наблюдаемую ситуацию, осмысляет, оценивает

ее с позиции собственного понимания или знания. Ср.: **Перспектива застрять в пробке на целый час мне кажется₂ ужасной**. Проанализируем коммуникативную организацию высказывания информативного типа, сравним ее с коммуникативной организацией высказывания репродуктивного типа.

В высказывании информативного типа в тематическом фокусе внимания находится компонент 'содержание мыслительной деятельности говорящего' (*Перспектива застрять в пробке на целый час*), а в рематическом – 'оценка содержания собственной мысли' (*кажется₂ ужасной*). Коммуникативную интенцию говорящего можно определить как установку сообщить собеседнику об интерпретации (осмыслении, понимании, выводе) ранее увиденного или услышанного.

Если мы сравним репродуктивный контекст с информативным – **Образовавшаяся на дороге пробка мне кажется₁ огромной vs. Перспектива застрять в пробке на целый час мне кажется₂ ужасной**, – то обнаружим, что когнитивный фокус внимания перемещается с наблюдаемого объекта на содержание мыслей говорящего-наблюдателя. Концептуализация *казаться₂* отличается от концептуализации *казаться₁* сменой перцептивного фокуса (непосредственного, произвольного) ментальным – опосредованным, произвольным.

Таким образом, пропозициональная структура с имперфективным предикатом *кто / что мне кажется каким / чем* выступает языковой формой, в которой концептуализируются разные, но при этом синергетически связанные когнитивные акты человека – восприятие (*кажется₁*) и последующее осмысление результатов восприятия (*кажется₂*). В разных контекстах названные когнитивные акты (восприятие и последующее осмысление результатов восприятия) предстают по-разному: то как нераздельные, то как неслиянные.

Понимание контекста в духе когнитивно-дискурсивного подхода позволяет сформулировать когнитивные признаки информативного 'Я'-контекста (*казаться₂*) – 'говорящий не находится в локусе описываемого им события; говорящий интерпретирует ситуацию, оценивает ее с позиции предварительных знаний'. Названные когнитивные признаки отличают информативный контекст от репродуктивного. Это позволяет дифференцировать обсуждаемые контекстные значения слова.

В то же время наши задачи не ограничиваются установлением различий между контекстными значениями слова, а определяются установкой показать целостность, континуальность, диффузность языковой семантики, т. е. показать стоящее за разными контекстными значениями некое общее концептуальное целое.

Форма настоящего времени имперфективного предиката конструирует контекст актуальной (во временном значении термина) когнитивной деятельности говорящего: говорящий осмысливает ранее увиденное, услышанное или почувствованное. В нашем материале встретилось много фрагментов, в которых имперфективный предикат сочетается с распространителями *с первого взгляда кажется* (ср.: *с первого взгляда может показаться*), *на первый взгляд кажется* (ср.: *на первый взгляд могло показаться*). Подобные сочетания актуализируют связь репродуктивного и информативного контекстных значений – ‘интерпретация говорящего сложилась как результат наблюдения объекта, на базе зрительных образов, у которых могут быть реальные прототипы’. Ср.: *На первый взгляд все кажется₂ понятным; Тема кажется₂ разработанной вдоль и поперек лишь на первый взгляд; На первый взгляд статья кажется простой и понятной* [НКРЯ]. Часто значение ‘интерпретация’ производно от значения ‘говорящий осмыслил первичные впечатления и сформулировал это в словах’. Ср. также: *Мне кажется₂, что Андрей сильно изменился*.

Систематизация информативных контекстов опирается на весьма условное деление их на два типа: контексты первого типа, в которых реализуется значение – ‘интерпретация, оценка говорящего сложилась на базе зрительных впечатлений, как результат восприятия’; второго типа – ‘суждение говорящего базируется на более широких, фоновых знаниях’. Иногда контекст предполагает связь со всем предшествующим эмпирическим опытом и со всеми фоновыми знаниями говорящего, ср.: *Мне кажется₂, всех надо судить одной меркой; Мне кажется₂, что, следуя московским традициям, владельцы нового торгового центра должны были назвать его по-старомосковски, без мягкого знака* [НКРЯ].

Так, следующий контекст можно считать информативным, так как в целом в нем выражается иллокуция информирующего сообщения (*мне казалось* – ‘я думала’), ср.: *Из Украины мне ка-*

залось, что Австралия так далеко, но я прилетела в Мельбурн всего за 24 часа [НКРЯ]. В рассматриваемом контексте содержание мыслительного акта говорящего '*Австралия так далеко*' противопоставляется более позднему знанию субъекта. Знание, в свою очередь, формирует пресуппозитивную базу для рефлексивного акта субъекта. Предикативные сочетания *мне кажется, мне казалось* (а также *мне показалось*), в отличие от синонимичных *я думаю, я считал, я полагал*, эксплицируют опыт рефлектирующего субъекта – 'говорящий знает о том, что первое впечатление / мнение может быть ошибочным, что впоследствии оно может смениться другим представлением / знанием'. В разных контекстах этот смысл предстает по-разному: он то **эксплицируется**, то **остаётся имплицитным**.

Контексты информативного регистра, так же как и репродуктивного, можно разделить на две группы в связи с эксплицированностью или неэксплицированностью рефлексивного акта говорящего – 'говорящий осознает, что может ошибаться в своей интерпретации'. Экспликация этого смысла связана с особой когнитивной и коммуникативной стратегией – диалогической, риторической, а также более общим характером всей осуществляемой говорящим дискурсивной деятельности, которая отражается в содержании широкого контекста.

Так, семантика следующего контекста с предикатом *казаться*₂ отражает оценочную интерпретацию события (*мне кажется, концерт удался*). Когнитивное значение предиката связано не просто с репродуктивным сообщением о той ситуации, в которой говорящий принимал участие, но с рефлексивным актом – осмыслением, интерпретацией, оценкой произошедшего события. Чаще рефлексивный акт говорящего базируется на ретроспективном взгляде на событие. Ср.: [Арбенина, жен, 39] *И как-то вот действительно нутуга чувствуется. А я сегодня в таком настроении... Понимаете/ у меня был концерт вчера/ мне кажется/ он удался. Почему говорю **кажется**/ потому что я в хорошем смысле «жираф». Я не могу выйти из кинотеатра и сказать/ понравился мне фильм или нет. Сразу. Мне надо пойти там/ подумать... и в какой-то момент сказать «отстой»/ скажем* [НКРЯ].

Следующий фрагмент обыденного диалога демонстрирует тот факт, что процесс осмысления говорящим своих впечатле-

ний, ощущений осуществляется в момент разговора. Временную актуальность когнитивного процесса маркирует форма настоящего времени имперфективного глагола. Поскольку процесс осмысления еще не закончен, то в данном контексте смысл 'говорящий сомневается в своей интерпретации' нейтрализован, дефокусирован.

[Ю.К., жен, 19] *И вот нам дядя Леня говорит/ оставайтесь//*

[Н., жен] *А две недели пролетело/ вообще//*

[В., жен] *Я тоже говорила/*

[Ш., муж, 42] *Потому что здесь **каждый день кажется одним и тем же/***

[Н., жен] *Хоть ничё не делаешь/*

[Ш., муж, 42] *Утром жара/ вечером клев/ комары/*

[Ю.К., жен, 19] *Вечером хочу чтоб быстрее наступило утро/ утром чтоб день/* [НКРЯ]. Оценка, связанная с переживанием говорящим одинаковости разных дней жизни, в принципе не верифицируется. Собеседники не возражают против высказанной оценки, в рассматриваемом диалоге нет противопоставления мнений собеседников.

Если в диалоге появляется собеседник, занимающий контрпозицию по отношению к субъекту когнитивной деятельности, маркируемой предикатом *казаться*, то наличие оппонента создает 'конфликт мнений собеседников', и в таком контексте смысл 'сомнение говорящего' становится более эксплицитным. Подробно проанализируем коммуникативную стратегию конфронтации с собеседником в пункте 1.3.5. «Реактивно-волеутивный 'ТЫ'-контекст».

Рассмотрим материал устной публичной речи – контекст с глагольным предикатом *казаться* в форме прошедшего времени, который маркирует результат осмысления говорящим собственного эмпирического опыта (*иногда мне даже казалось / что*). В контексте представлена особая нарративная стратегия, цель которой можно определить как желание поделиться профессиональным опытом, знаниями с адресатом. Профессиональные знания базируются на опыте говорящего, предполагают индивидуальное мнение, субъективное рассуждение. Ср.: [Галина Наумовна Полежаева, жен, 60] *Мы здесь/ в основном/ занимались прогулочной верховой ездой. Я всегда так осматривала людей и интуитивно уже вот представляю/ кого на*

*какую лошадь посажу. Я всегда это вот целый ритуал был/ так мне посмотреть на людей / так понаблюдать за ними и безошибочно решить/ кого на какую лошадь посадить. Это довольно напряжённая работа/ и **иногда мне даже казалось₂**/ что вот лошади чувствуют моё напряжение и всё делали так/ как надо. Это меня очень спасало. Всегда поражало великодушные лошади. Вот она большая/ могла бы тебе за неправильные действия там и ответить [НКРЯ].*

Выбор говорящим предиката (*мне*) *казалось*, а не предикатов (*я*) *думала / понимала / знала* свидетельствует о том, что говорящий осознает неверифицируемость, спорность своего умозаключения – *лошади чувствуют моё напряжение и всё делали так/ как надо*. Мнение говорящего – *иногда мне даже казалось₂* – носит интуитивный характер, это контекстное значение поддерживается наречием *иногда* и частицей *даже*. *Даже* оценивает мыслительное содержание как ‘неожиданное, удивительное, небанальное, ценное’. Наречие *иногда* привносит оценку ‘небанальные мысли редко приходят в голову’.

Таким образом, когнитивные признаки информативного ‘Я’-контекста можно зафиксировать в следующих метавысказываниях: ‘говорящий не находится в локусе описываемого им события; говорящий интерпретирует ситуацию, оценивает ее с позиции предварительных (пресуппозитивных) знаний’; ‘интерпретация, умозаключение, вывод восходят к акту перцепции, имеют эмпирическую основу’; ‘этап ментального осмысления перцептивных данных получает в контексте когнитивный статус ‘знание субъекта’; ‘знание’, в свою очередь, формирует пресуппозитивную базу для рефлексивного акта субъекта’.

Сопоставим семантику имперфективного и перфективного предикатов. Высказывания *Мне эта точка зрения кажется странной* vs. *Мне эта точка зрения показалась странной* различаются семантикой времени и вида *кажется* vs. *показалась*. В форме настоящего времени имперфективного предиката концептуализируется длительность мыслительного процесса, а в форме прошедшего времени перфективного предиката отражается временная дистанционность – взгляд «назад», в ретроспективу. Со значением прошедшего времени связано значение мгновенности, летучести мысли, быстрой сменяемости мыслей. Это формирует значение перфективного предиката, связанное

с 'большей субъективностью' интерпретации говорящего, чем у имперфективного. Ср. художественные контексты, имитирующие обыденный дискурс: – *И вот **покажись мне**, что девица расположена ко мне сердечно, – разгорелось мое сердце при такой мечте* (Достоевский «Братья Карамазовы» [БАС 1956, т. 5, с. 659–661]). Ср. также: – *Послушать тебя, так **покажется**, что мы не на острове сидим, а где-нибудь близ железнодорожного узла Липки* (Чаков «У нас уже утро» [там же]).

В качестве иллюстрации к контекстному значению 'говорящий рефлектирует над впечатлениями, полученными ранее' приведем следующий фрагмент с *показалось*₂. Ср.: *За нас плотно взялись кредиторы, и казалось, что ситуация начала налаживаться. Но только **показалось*** [НКРЯ]. Перфективный предикат чаще, чем имперфективный, получает контекстное значение 'рефлексивный акт субъекта над ошибочностью первого впечатления / мнения'.

В теоретическом разделе мы продемонстрировали, что когнитивный анализ в терминах 'фон – фигура', 'фокус', 'фокусирование – дефокусирование' позволяет увидеть **различную степень выделенности** компонента 'субъект' в пропозициональных структурах и представить синонимические конструкции простого, сложного и осложненного предложений в качестве **различных способов наведения фокуса внимания** говорящим. (1) *Брат **мне** кажется больным;* (2) ***Мне** кажется, что брат болен;* (3) *Брат, **кажется**, болен.* В предложении с парентезой (3) отражена максимальная степень дефокусирования компонента 'субъект'.

В лингвистике давно и прочно утвердилось представление о том, что различие в языковой форме связано с различием в значениях [Пауль 1969; Кибрик 1982; Кубрякова 1997; Кубрякова 2012]. Г. Пауль считает важнейшим феноменом способность языка «выразить грамматическими средствами психологические отношения» [Пауль 1969, с. 176–177]. Н. В. Гуйванюк пишет о том, что разные синтаксические типы синонимических предложений отражают различные интеллектуальные модели события, присутствующие в сознании говорящего [Гуйванюк 2002, с. 373]. Говорящий, отталкиваясь от сложившихся обстоятельств общения, осведомленности собеседника, выбирает ту синтаксическую конструкцию из ряда синонимических, кото-

рая позволяет ему навести фокус внимания на значимый компонент ситуации, сделать нужный акцент.

Русский язык располагает развитой системой синтаксических конструкций, которые можно считать перифразами. Ю. С. Степанов считает, что «язык со столь развитой системой различных преобразований, несомненно, отвечает какой-то целесообразности. Естественно, видеть ее в потребности говорящих – каждого из нас – представлять объективную ситуацию некоторым субъективным образом в зависимости от коммуникативных целей. Поэтому необходимо предположить, что такой язык выделяет и самого говорящего каким-то особым способом» [Степанов 1997, с. 747].

Проанализируем более детально, как концептуализируется когнитивный процесс человека в информативном 'Я'-контексте, построенном по моделям простого vs. сложного предложений. Сравним простое и сложноподчиненное предложения в интересующем нас аспекте. Ср.: *Это решение мне **кажется** новым* vs. *Мне **кажется**, что это новое решение*. Глагольное слово входит в состав предиката простого предложения (*кажется новым*), а в структуре сложноподчиненного выполняет роль предиката главной (модусной) части (*мне кажется*).

Осмыслить различия в языковой концептуализации помогают идеи Э. Гуссерля. Э. Гуссерль различает два аспекта когнитивного акта человека: ноэтический аспект акта сознания и ноэматический аспект акта сознания. Ноэтический аспект акта сознания, по Э. Гуссерлю, связан с **процессуальностью мысли** говорящего. Ноэматический аспект акта сознания связан с **содержанием мысли** (см. об этом в [Гуссерль 2009; Гогтишвили 2006]).

В синтаксисе сложноподчиненного предложения находят раздельное выражение две стороны когнитивного акта: процессуальность когнитивного акта (ноэтический аспект акт сознания, по Э. Гуссерлю) и содержание когнитивного акта (ноэматический аспект акта сознания). Процессуальный аспект выражается предикатом главного предложения, а содержание когнитивного акта выражается семантикой придаточного.

Ноэтическое значение отличается от ноэматического (лексического) тем, что запечатлевает процессуальность мысли как бы «изнутри» сознания говорящего, представляя «слепок» с акта сознания. Глаголы в модусной функции предикатов глав-

ного предложения выражают самоосознание и саморефлексию говорящего над своей ментальной деятельностью, и следовательно, выражают не только ноэтику, но и нозматику. Таким образом, языковые модификации нозматики и ноэтики, будучи, как и в актах сознания, сущностно связаны и скоррелированы, вместе с тем не изоморфны друг другу по строению и локализации в языковой форме. Каждая – ноэтическая и нозматическая – сторона языкового высказывания имеет свои особые компоненты в смысловом составе речи.

Простое предложение в целом выражает нозматический аспект семантики, а предикат *казаться* отвечает за ноэтику, отражает процессуальность мысли говорящего. В семантико-синтаксической форме простого предложения ноэтический и нозматический аспекты акта сознания не противопоставлены друг другу. В отличие от простого предложения, семантико-синтаксическая форма сложноподчиненного предложения в большей степени коррелирует с процедурой разведения ноэтики и нозматики: ноэтике соответствует главная часть (она же традиционно называется модусной), а нозматике – придаточная часть (диктальная). Тем не менее, в чистом виде ни ноэтическое, ни нозматическое значения не встречаются: синтаксические распространители предиката *казаться* наполняют ноэтическое значение нозматическим содержанием, ср.: *мне часто / иногда / всегда кажется, что он прав.*

Проанализируем, как нозматико-ноэтическая структура воплощается в темо-рематической организации высказывания: *Мне кажется, что он прав.* В монографии В. Н. Абашиной исследовано актуальное членение сложноподчиненных предложений с придаточной частью изъяснительного типа. По мнению В. Н. Абашиной, в тематическом фокусе внимания находится только говорящий как субъект мыслительного акта (*мне*). Ср.: *Мне // кажется, что он прав* [Абашина 2006, с. 231–244]. В рематическом же фокусе внимания находится когнитивный акт, представленный в ноэтическом аспекте (*кажется*), а также содержание мысли – нозматика (*он прав*). В свое время Ф. Ф. Фортунатов отметил несамостоятельность придаточной части: «в ней обозначено то, что данное предложение образуется не само для себя, а для другого предложения, с которым сочетается» [Фортунатов 1956 т. 1, с. 188].

Высказывания *Он прав* vs. *Мне кажется, что он прав* различаются вербализованностью / невербализованностью ноэтических компонентов – **субъекта** мыслительной деятельности (**мне**) и ментального предиката (**кажется**). В высказывании *Он прав* ноэтический аспект когнитивной деятельности остается невербализованным.

2.1.3. Метафорический 'Я'-контекст

На материале рассмотренных выше контекстов мы дифференцировали репродуктивное и информативное значения глагольного предиката *казаться*. Однако в языковом материале имеются контексты, которые демонстрируют высокую степень семантической слитности, континуальности. Континуальная семантика таких контекстов не позволяет противопоставить репродуктивное значение информативному. Такие случаи привлекают особое внимание и требуют дополнительного объяснения. В этом разделе рассмотрим метафорический тип контекста, в котором у глагольного предиката *казаться* обнаруживается континуальное значение, в котором как будто бы интегрированы репродуктивное и информативное значения.

Метафорический контекст в целом относим к информативному регистру, поскольку в нем воплощается коммуникативная установка говорящего, связанная с выражением понимания, осмысления перцептивных данных. Ср.: [Аркадий Минаков, муж] *Про него нельзя было сказать/ что парень из деревни. Косая сажень в плечах/ усы/ глаза/ которые буквально издают сияние. Такое ощущение/ как будто перед тобой не человек/ а шаровая молния/ от которой исходят голубые разряды. Кажется/ что возьми его за руку/ и ударит током. В личной жизни это был аскет. Форменный монах. Дёгтев не курил/ почти не пил/ любил хорошие вина* [НКРЯ]. Обсуждаемый фрагмент отражает информативно-описательную стратегию говорящего: внимание собеседника фокусируется на объекте, который образно описывается как человек-молния. Метафорический фрагмент может быть проанализирован в духе когнитивно-дискурсивного подхода: в контексте воссоздаются зрительные впечатления от объекта (*Косая сажень в плечах/ усы/ глаза / которые буквально издают сияние*), устанавливается ассоциативная связь между наблюдае-

мым объектом и хранящимся в памяти другими визуальными образами (*шаровая молния/ от которой исходят голубые разряды*). Глагольный предикат казаться_з маркирует умозаключение говорящего, имеющее форму условно-гипотетического суждения – *Кажется/ что возьми его за руку/ и ударит током*. Предикат казаться_з, а также специальные языковые средства, отражающие мыслительную операцию сравнения (синтаксическое противопоставление *не человек, а шаровая молния*; дискурсивные слова *буквально, как будто*), формируют метафорический контекст. Контекст метафорического сравнения не столько описывает результат акта перцепции, сколько отражает синергетически связанные процессы восприятия, памяти и воображения. Интересующая нас когнитивная семантика глагольного предиката может быть определена как диффузная, континуальная, отражающая онтологическую взаимосвязанность когнитивных процессов человека – зрительного восприятия, сравнения увиденного с хранящимися в памяти зрительными образами, умозрительного восприятия, воображения.

Материал Национального корпуса содержит большое количество фрагментов, иллюстрирующих метафорическое употребление слова. Часто обыденная информативно-описательная стратегия говорящего строится как генерализация: говорящий свое (индивидуальное) впечатление, ощущение выдает за общее – ‘все люди воспринимают так же, как я’. В рассматриваемом контексте возникает обобщенно-личное значение субъекта когнитивной деятельности: это говорящий и моделируемое в контексте множество ‘другие люди / все люди’. Моделирование обобщенно-личного субъекта осуществляется посредством семантики синтаксических средств, допускающих толкование ‘говорящий и некоторые другие люди / все люди выступают в качестве субъекта, которому приписывается когнитивная деятельность’ (*нельзя было сказать; ощущение, как будто; кажется, что*). Таким образом выражается генеритивная стратегия, отражающая коммуникативные интенции говорящего – соотнести индивидуальное с опытом коллективного / универсального восприятия. Говорящий, рассказывая о своем впечатлении, часто апеллирует к универсальному опыту всех людей, чтобы выразить эмпатию к описываемому лицу и этим воздействовать на собеседника.

2.1.4. Информативный 'Я'-контекст воспоминания

'Я'-контекст воспоминания формируется лексическими средствами соответствующей семантики – *помню, вспоминаю; воспоминание, память*. К этой семантической группе следует отнести и форму прошедшего времени имперфективного глагольного предиката *казалось* в составе субъектно-предикатной основы *мне казалось*, поскольку сообщение говорящего базируется на восстановлении в памяти перцептивных данных, полученных в прошлом.

В этом подразделе рассмотрим значения слова в контекстах непубличной диалогической vs. публичной монологической речи. Определим контекстные условия (закономерности), обуславливающие порождение разных контекстных значений слова. Особо рассмотрим корреляцию контекстного значения слова с параметром 'знания говорящего', характером когнитивной деятельности (аналитическая vs. неаналитическая), типом коммуникативной стратегии говорящего (информативно-описательная нарративная vs. риторическая диалогическая).

Форма прошедшего времени имперфективного предиката *мне казалось* служит для концептуализации ноэтического (процессуального) аспекта акта воспоминания. Содержание же акта воспоминания (ноэтический аспект) формируется семантикой более широкого контекста, который, в свою очередь, задается дискурсивной деятельностью субъекта. В языковом материале представлены две семантические разновидности 'Я'-контекста воспоминания. Сравним их: (1) ***Мне казалось, час – это много времени, и я все успею сделать; но я не успела даже половины;*** (2) ***Мне казалось, час – это много времени, и я все успею сделать. И я действительно все успела.*** В первом фрагменте у предиката возникает значение 'говорящий осознает, что его первое рассуждение было ошибочным'. Как представляется, это контекстное значение обуславливается содержанием широкого контекста – *но я не успела даже половины*. Во втором случае смысл 'говорящий в прошлом ошибался' остается «затемненным», так как в содержании широкого контекста сообщается о противоположном положении дел – *И я действительно все успела*.

Интересующие нас 'Я'-контексты воспоминания представлены в материале как фрагменты более широкого контекста – диалогического или монологического типа.

Обратимся к **монологическому материалу обыденного** дискурса – нарративным ‘Я’-контекстам устного **публичного рассказа**. Обыденный рассказ (нарратив) – это совокупность эмпирических описаний фактуального мира, первый событийный «этаж», над которым надстраивается уровень субъективных утверждений. Обыденный нарратив отличается от других типов нарратива (прежде всего – художественного) репродуктивно-описательной стратегией, берущей начало в событиях реального мира, а также типом рассказчика (он же субъект-экспериментер) – конкретного, индивидуализированного, известного собеседнику-слушателю. Коммуникативным центром повествования выступает говорящий-рассказчик, который фактом рассказа присваивает себе коммуникативный статус носителя ‘истинного’ знания о событии, ситуации. И хотя обыденный нарратив не воссоздает события в его подлинной объективности, а создает образ события глазами рассказчика, говорящий, тем не менее, оперирует референциальными категориями.

В контекстах этого типа функция информирования собеседника о произошедшем событии часто совмещается с образным выражением эмоционального состояния субъекта. Так, в следующем контексте говорящий вспоминает о трагическом событии, ставшем причиной его страдания. Свое переживание говорящий описывает посредством образа кричащей внутри человека птицы. Ср.: [Юрий Орлов, муж, 1945] *И мне приговор вынесен и обжалованию не подлежит. На мой эшафот меня могли вознести руки женщины/ баюкающей ребёнка/ зная воспоминания бесполезно. В тот вечер я проводил её домой/ стоял в подъезде и смотрел/ как она поднималась по лестнице/ мы помахали друг другу и она исчезла. **Мне всё время казалось/ что я слышу крик птицы. Птица кричала где-то во мне. Я долго мерил ступени и думал о той/ которая была мне ближе всех/ о наступившей осени/ о городе/ о самом себе!** [Вздыхает] *Она умерла совсем молодой* [НКРЯ].*

Образ кричащей птицы привлекает внимание адресата к переживанию говорящего. В структуре образа актуализируется репродуктивное значение – *Мне всё время казалось/ я слышу крик птицы*. Имперфективные глагольные предикаты отражают таксисные отношения одновременности обозначаемых когнитивных процессов, отнесенных в план прошлого (*мне все вре-*

мя казалось – я слышу крик; птица кричала где-то во мне; я долго мерил ступени и думал о той). Дискурсивные слова *все время*, *долго* подчеркивают длительность психологического процесса, связанность эмоционального переживания с ментальным процессом осознания своего состояния чувствующим субъектом. Таким образом создается репродуктивный фрагмент (сообщаю о том, что чувствовал в тот момент) как вкрапление в контекст информативного типа. Такую нарративную стратегию считаем информативно-описательной. Репродуктивный фрагмент, сообщающий об экзистенциальном переживании (образ кричащей внутри человека птицы), приближает слушателя к пониманию того, что чувствовал субъект в описываемый момент в прошлом (*В тот вечер*) и что продолжает чувствовать в настоящем.

В следующем фрагменте также запечатлена информативно-описательная нарративная стратегия говорящего. В контексте эксплицируется значение 'первичное (прошлое) впечатление говорящего оказалось ошибочным'. Считаем, что значение 'ошибочность впечатления' возникает в том случае, когда в семантике широкого контекста представлено знание говорящего о том, как на самом деле происходило описываемое событие. Как уже отмечалось, именно ретроспективный взгляд на прошлое событие позволяет говорящему осуществить рефлексивный акт – осмыслить, оценить произошедшее с ним (ср. с репродуктивными контекстами, в которых отражено актуальное восприятие говорящего). Ср.: [Пётр Семак, муж, 49] *Ветер крепчал и кренил лодку. Похоже/ я свалял дурака. Предсказания сбылись. Вода поднялась выше/ чем мне казалось с берега* и заливала лодку. Лава kloкочущей воды хлестала через борт. Нюхом прирождённого моряка я мгновенно определял мощь каждой надвигавшейся волны. Плохо дело/ надо было... Интересно/ начался уже сеанс или нет [НКРЯ].

В контексте речь идет о зрительном восприятии в прошлом *мне казалось с берега* – 'я видел, что вода поднялась, но, как выяснилось позже, точка моего обзора (*с берега*) не позволяла увидеть всей картины'. Значение 'позже выяснилось, что я ошибался' «разлито» во всем контексте, ср.: *Похоже/ я свалял дурака. Предсказания сбылись. Вода поднялась выше/ чем...* Форма прошедшего времени имперфективного предиката *мне казалось* позволяет реконструировать в речи первое впечатление,

которое произвела на говорящего ситуация. Говорящий делится с адресатом жизненным опытом: 'не всегда первое впечатление соответствует тому, что имеется на самом деле'. Цель обыденной нарративной стратегии состоит в том, чтобы заинтриговать слушателя: говорящий противопоставляет 'кажимость' первого впечатления (*мне казалось с берега*) тому, что на самом деле происходило в действительности и впоследствии было осмыслено субъектом речи.

Обсуждаемый тип контекста – нарративный 'Я'-контекст воспоминания – характеризуется следующими когнитивными признаками: 'говорящий рассказывает о прошлой ситуации, в которой принимал непосредственное участие (субъект-экспериенцер); говорящий обладает знаниями о том, как на самом деле происходило описываемое событие'. Ретроспективный взгляд на событие, базирующийся на знаниях, дает рассказчику преимущество по сравнению с актуальным наблюдением. В 'Я'-контексте воспоминания с предикатом *казалось*₄ имплицитруется сложная субъектная структура: субъектом-экспериенцером выступает говорящий как участник прошлой ситуации ('Я' в прошлом), субъектом же знания и субъектом речи является говорящий – 'Я' в настоящем.

Поскольку сообщение говорящего базируется не только на перцептивных данных, но и на знаниях о том, как в действительности протекала описываемая ситуация, то содержание припоминаемого рассказчиком зависит от ряда факторов. Поиск закономерностей, объясняющих реализацию того или иного контекстного значения предиката, приводит нас к выводу о том, что все определяется знаниями рассказчика о течении описываемого прошлого события (денотативной ситуации). Именно знания о прошлой ситуации формируют пресуппозитивную базу для рефлексивного акта субъекта. В контекстах устной **публичной** речи реализуются два варианта значения 'рефлексия рассказчика над прошлым перцептивным актом': первый – 'дальнейший ход течения ситуации показал, что говорящий первоначально ошибался'; второй – 'дальнейший ход течения описываемой ситуации показал, что говорящий первоначально был прав'.

Если в содержании обыденного рассказа воплощается знание – 'дальнейший ход течения ситуации показал, что перво-

начальное зрительное впечатление говорящего было ошибочным', то рассказчик, как правило, упоминает о внешних причинах-обстоятельствах, помешавших разглядеть описываемый объект. Материал обыденного рассказа показывает, что, рассуждая о причинах кажимости, говорящий рефлектирует над ролью внешних обстоятельств наблюдения. К этим обстоятельствам относятся следующие: наблюдаемый объект находится на значительном расстоянии от говорящего (*издалека мне казалось*); сам говорящий занимает неудобное для наблюдения место (*мне казалось с берега*); наблюдение затруднено темным временем суток (*в темноте мне казалось*), предметами, заслоняющими наблюдаемый объект и др.

Далее обратимся к **диалогическому материалу обыденного дискурса** – контекстам устного, непубличного общения. Сопоставление монологического и диалогического материала позволяет увидеть различия в информативной и коммуникативной нагрузке глагольного предиката *казаться*.

Рассмотрим диалог, в котором говорящий сообщает собеседнику некоторую информацию из своего прошлого. Ср.:

[Р.И., жен] *Тогда она считалась такая/ дорогая шапка. Ещё шубу мне/ помню/ отец купил/ такая шуба была красивая тоже. Шапку одену/ валенки одену и вперёд. Я/ мне казалось₄ – «ой/ я такая вся/ [Смех] такая вся...» выделялася в общем. Так вот. Что так ещё рассказать...*

[Т.А., жен] *А со стороны мужа/ вот/ дом кто строил/ это тоже наши? [НКРЯ].* В этом контексте *мне казалось* маркирует когнитивный акт воспоминания: 'Я думала тогда, что я особенная / выгляжу по-особенному'. Рассказчица восстанавливает содержание мыслей: как она выглядела в молодости.

Материал устного непубличного диалога демонстрирует неаналитичность собеседников, по сути, у собеседников нет продуманных информирующих коммуникативных стратегий. Ср.:

[Е.И., жен] *Нет/ вот такой обыкновенный разговор все вели и всё. А тогда/ кажется/ казахов было мало совсем/ но они хоть и были...У меня/ например/ были друзья/ они хорошие казахи/ они тоже все по-русски разговаривали/ они такие дружелюбные/ друзья хорошие/ не то/ что сейчас. Всё равно щас не такие... Да среди каждой нации...*

[И, жен] Конечно... **Мне почему-то казалось**₄/ может мама говорили или ты/ что кто-то вот или дед Иван/ или вот кто-то ну чуть-чуть...

[Е.И., жен] Ну папа у меня/ например/ на казахском языке много разговаривал... [И, жен] Ну вот!

[Е.И., жен] ... потому что папа у меня там обслуживал пятое там/ шестое отделение/ и там были в основном казахи [НКРЯ].

Желая поддержать разговор, говорящий [И, жен] пытается вспомнить что-нибудь связанное с обсуждаемой темой (*Мне почему-то казалось*), но так и не сообщает ничего важного: в разговоре остается недосказанность – *может мама говорили или ты/ что кто-то вот или дед Иван/ или вот кто-то ну чуть-чуть...*

Следующий диалог показывает замешательство субъекта, произносящего *мне казалось*. Человек не помнит, совершал действие или нет, пытается восстановить в памяти произошедшее ранее, ср.:

[Ж1, жен]) помидорный парник открыл (?)//

[И41, муж, 63] у (?) тебя// [нрзб]

[Ж1, жен] непонятно/ почему// **мне казалось**/ что я не могла так опрометчиво поступить/ всё открыть// хотя [нрзб] возмож... можно// мы же утром рано уезжаем// стало быть я его закрывала// нет в семь (?)// ешь// гречу// пока она не по-молвлена (?)// пока как-то не очень жарко/ да?

[И41, муж, 63] угу// [НКРЯ].

Осознание прошлого происходит в настоящем. В таких контекстах, где говорящий восстанавливает в памяти свое ментальное состояние в прошлом (глагол стоит в грамматической форме прошедшего времени), говорящий субъект раздваивается на 'Я' мыслящего субъекта (в прошлом), которому казалось нечто (*мне казалось/ что я не могла так опрометчиво поступить/ всё открыть*), и 'Я' рефлектирующего субъекта (в настоящем). В значении предиката *казаться* концептуализируется рефлексия говорящего над прошлым когнитивным актом. Акт самосознания предполагает, что говорящий выступает в двух ролях одновременно: субъекта-экспериментатора и субъекта самооценки. Субъект самооценки получает возможность посмотреть на себя «со стороны» (как на третье лицо) и более рационально оценить соответствие выдвигавшихся им целей и способов действия реальной обстановке. И поменять их, в случае необходимости.

Правда, в контекстах обыденной непубличной речи рефлексивный акт субъекта представлен скорее как потенциальный. Ср.:

[Юля, жен] *нет/ ну конечно/ честно говоря/ в детстве я там мечтала актрисой стать. Это было у всех. Вот. Но мне казалось всегда эт... это не профессия. Честно. Для меня актер – это не профессия в любом случае/ потому что/ щас ты востребован/ завтра – нет. И чё ты будешь делать?* [НКРЯ].

В контексте задач исследования важно проследить взаимосвязь контекстного значения предиката с когнитивной деятельностью субъекта обыденного дискурса. Так, в контексте *мне казалось всегда* значит: 'Я думала всегда, что актер – это не профессия, и я продолжаю так думать, я не изменила своего мнения'. Рассмотренные контексты воспоминания обыденного дискурса – устной, непубличной речи – не содержат эксплицитно выраженного значения 'рефлексии говорящего над прошлым когнитивным актом'.

Из анализа представленного материала напрашивается следующий вывод: субъект обыденного дискурса – устной, непубличной диалогической речи – редко представлен как рефлектирующий над прошлым когнитивным актом.

Как уже отмечалось, часто встречаются контексты, в семантике которых можно усмотреть синтез репродуктивного и информативного значений. Далее рассмотрим более подробно иллокутивную цель информативного речевого акта воспоминания. Обсуждаемую иллокуцию можно представить так: говорящий вспоминает свои переживания, подробно описывает их, желая поделиться своим опытом с собеседником. Описывая ситуацию из своего прошлого, говорящий часто прибегает к имперфективному предикату в форме прошедшего времени (*мне казалось*), чтобы воспроизвести в речи то зрительное впечатление, которое произвела ситуация на говорящего. Следующий диалогический контекст является иллюстрацией описанной коммуникативной стратегии: говорящий рассказывает об экстраординарной ситуации, свидетелем которой был, преувеличивает ее опасность для себя, в экспрессивных целях подчёркивает экстремальность события, чтобы произвести запланированное – сильное – впечатление на собеседника. Ср.:

[Эмиль, муж] *Он то к сцене/ то к телезрителям/ по залу/ там пол.*

[Оля, жен] *Страшней всего было/ когда эта камера неслась/ обзревая зал.*

[Эмиль, муж] *С такой скоростью она летит.*

[Оля, жен] *С такой скоростью/ **что казалось щас она оторвется** и просто [свистит] улетит в трибуны.*

[Эмиль, муж] *Еще вот такая фишка есть/ блин/ не знаю/ прием или нет его. Снимают/ как бы два человека по отдельности/ два актера. По-моему/ поставлены ну как бы составляют и они ведут диалог [НКРЯ].*

Высказывание – *С такой скоростью/ **что казалось щас она оторвется** и просто улетит в трибуны* – призвано воспроизвести не только зрительное впечатление от предмета, но и отразить когнитивный акт осмысления опасности, которую почувствовал говорящий в описываемый момент. Говорящий мысленно переносится в описываемый момент в прошлом, восстанавливает в памяти ход течения обсуждаемой ситуации. В речи создается эффект синхронности времени прошлого события и времени наблюдения: этот эффект создается формами настоящего времени (*С такой скоростью она летит*). Формы прошедшего времени имперфективных предикатов – *камера неслась, казалось щас* – отражают повествование о прошлом, а формы будущего времени создают таксисные отношения последовательности действий – *оторвется и просто [свистит] улетит в трибуны*. В таком контексте имплицитируются позиции субъекта-наблюдателя прошлой ситуации и субъекта речи, воссоздающего свои воспоминания. Обе позиции занимает говорящий.

В следующем контексте говорящий также восстанавливает свое зрительное впечатление, отвечая на вопрос собеседника, ср.:

[Жена, жен, 33] *Девочка?//*

[Марина, жен, 32] *Мальчик//*

[Жена, жен, 33] *Мальчик// Угу// А... он/ крупненький был?*

[нрзб]

[Марина, жен, 32] *Вообще родился он не крупненький/ но я помню/ что в четыре с половиной месяца/ **мне казалось/ что он вообще просто/ ээ/ хомяк какой-то**/ потому что у него были складки такие/ то есть мы/ быстро набирали вес//*

[Жена, жен, 33] *Угу//*

[Марина, жен, 32] *Я говорю/ мы вес не хотели набирать только в роддоме/ где нас мучили...*

[Жена, жен, 33] *Угу// [НКРЯ].*

Контекст показывает, что в памяти хранится не само впечатление, а его концептуализация – образ (*хочмяк какой-то*). Образ выполняет не только функцию концептуализации зрительного впечатления, полученного в прошлом, но и выражает эмпатию говорящего. Таким образом в семантике контекста с предикатом находят выражение синергетически связанные когнитивные акты человека: зрительное восприятие субъекта базируется на сличении воспринимаемого объекта с хранящимися в памяти типовыми образами, позволяющими производить оценочную категоризацию объектов. Восприятие связано с воображением, творческим процессом познания и оценкой явлений мира.

Рассмотренный **диалогический материал** позволяет охарактеризовать обыденный **непубличный** диалог следующим образом: когнитивная деятельность субъекта отличается неаналитичностью, неинформативностью; коммуникативные стратегии собеседников не регламентируются дискурсивными условиями, не подчиняются конкретным целям, у собеседников нет четких задач. Общение течет спонтанно, хаотично: коммуникативной целью речевого акта является реакция на слова собеседника, чаще чтобы просто продолжить дискурс, или обсуждение того, что видят собеседники. В силу названных дискурсивных условий обыденная коммуникативная стратегия воспоминания характеризуется «непроизвольностью», отсутствием осознанно поставленной цели – вспомнить нечто и изложить детально. Не исключено, что, в силу названных когнитивных и коммуникативных признаков устного, непубличного, диалогического дискурса, большинство контекстов, в которых представлена попытка говорящего вспомнить нечто (*мне казалось*), тем не менее, не содержат смысла 'говорящий вспомнил, говорящий рефлектирует над воспоминанием'.

Интересующий нас глагольный предикат *казаться / показаться* отражает когнитивную деятельность субъекта, поэтому для экспликации связи контекстного значения слова с познавательной деятельностью, знаниями и опытом говорящего важно сравнить стратегии субъектов разных дискурсов.

2.1.5. Реактивно-волеитивный 'Ты'-контекст

Реактивно-волеитивный 'Ты'-контекст воссоздает прагматическую ситуацию диалога: говорящий находится в том же

самом локусе, что и его собеседник; говорящий и собеседник обмениваются высказываниями; сказанное говорящим оказывает непосредственное влияние на собеседника.

В диалогическом 'Ты'-контексте концептуализируется особая когнитивная деятельность и соответствующая коммуникативная установка говорящего. Параметр 'реактивно-волеитивный коммуникативный регистр' отражает следующую коммуникативную стратегию говорящего в диалоге: говорящий выражает оценочную реакцию на слова собеседника, побуждает адресата внести изменение в понимание актуальной (текущей) денотативной ситуации. Обозначим это значение предиката индексом 5.

Коммуникативная интенция реактивно-волеитивного речевого акта (*Тебе кажется₅* – 'ты не прав; ты ошибаешься') отражает желание говорящего возразить собеседнику в диалоге, убедить последнего в правоте говорящего. Связь семантики глагольного предиката *казаться* с коммуникативным типом контекста (в данном случае – реактивный и волеитивный), стратегией ведения диалога говорящим проявляется в том, что в 'Ты'-контексте значение предиката меняется. Предикат становится **ремой** высказывания, его **коммуникативная нагрузка увеличивается**. Эти изменения находят отражение в синтаксисе: в 'Ты'-контексте (*Тебе кажется!*) предикат уже не требует обязательного распространения синтаксемами *кто / что* и *каким / чем*. Значение предиката отражает стратегию говорящего, которую можно квалифицировать как риторическую, призванную воздействовать на собеседника, а не просто проинформировать собеседника о мнении говорящего.

В 'Ты'-контексте реактивно-волеитивного регистра говорящий представлен как тот, кто реагирует на слова собеседника, заявляет о неправоте второго лица, выражает свое несогласие с адресатом. В этом проявляется 'реактивность' речевого акта. 'Волеитивность' речевого акта выражается в волеизъявлении говорящего, воздействии на собеседника, в попытке переубедить его.

Далее рассмотрим диалог, в котором собеседники полемизируют. В репродуктивном 'Я'-высказывании первого собеседника [Леонид] *кажется₁* означает: 'говорящий сообщает о своем первом зрительном впечатлении'. Ср.:

[Леонид, муж, 23] *Love Radio. Я вот вижу девушку/ меня фотографирует сейчас/ шикарно выглядит/ мне кажется/ она еще умеет отлично танцевать*

[Максим, муж, 25] *Ой/ нет. Надо креститься/ потому что/ потому что **кажется**₅.*

[Леонид, муж, 23] *Да?*

[Максим, муж, 25] *Выглядит шикарно/ а танцует/ ой/ не приведи господь.*

[Леонид, муж, 23] *Ааа/ то есть это тот случай/ когда встречаются по одежке/ а провожают по танцам/ да? [НКРЯ].*

Ответная реплика второго собеседника [Максим]: *надо креститься, потому что (Вам) кажется₅* – направлена на то, чтобы разоблачить обманчивость впечатления, которое, с точки зрения говорящего [Максим], произвела девушка на первого собеседника [Леонид]. В ответном ‘Ты’-высказывании говорящий с помощью глагола *казаться₅* эксплицирует оценку: ‘у вас сложилось неверное впечатление, но вы еще пока этого не осознали, но, возможно, осознаете позже’. Ср. также следующий разговор, в котором эксплицитно выражено обсуждаемое значение в ‘Ты’-контексте:

[Елена, жен, 23] [Смех]

[Максим, муж, 25] *А что в таком оцепенении смотрят на меня как кролики на удава? [Смех]*

[Елена, жен, 23] *Нет/ **вам кажется**₅...*

[Максим, муж, 25] *Подойдите ближе к берлоге...*

[Елена, жен, 23] *Раскачайте сначала...*

[Максим, муж, 25] *Кресло-качалка в углу/ садитесь/ Лена/ качайтесь / напоминаю всем/ кто нас сейчас слушает/ девять пять шесть [НКРЯ].*

Рассмотренные диалогические ‘Ты’-высказывания – это ответные реплики-реакции говорящего, в которых обнаруживается коммуникативная интенция несогласия с собеседником. Предметом спора двух субъектов оказываются различия в восприятии и интерпретации одной и той же ситуации. Поскольку невозможно найти объективные критерии проверки соответствия / несоответствия чужого впечатления тому, что есть на самом деле, то позиция говорящего не может быть верифицирована. Выражение несогласия с собеседником всегда связано с желанием изменить мнение адресата (признак волюнтивного

регистра), с тактикой конфронтации и коммуникативной стратегией спора.

Рассмотренный диалогический материал позволяет сделать следующий вывод: в 'Ты'-контексте имплицитно сложная субъектная структура, с которой связана семантика предиката *казаться*₅; субъектом восприятия выступает не только говорящий (как это было в репродуктивном 'Я'-контексте), но и собеседник – второе лицо (ТЕБЕ / ВАМ *кажется*), а говорящий представлен в таком контексте как субъект рефлексии, так как именно говорящий соотносит впечатление собеседника с собственным и тем, что, с его точки зрения, имеется в действительности. Тем самым говорящий совершает референциальный акт проверки впечатления второго лица.

Несмотря на противоречие коммуникативных установок – репродуктивного сообщения и реактивно-волевого – между репродуктивным значением *казаться*₁ и риторическим значением *казаться*₅ обнаруживается общая смысловая связь, концептуальная основа, которую можно определить следующим образом: риторическое значение *казаться*₅ ('у вас сложилось неверное впечатление, но вы еще пока этого не осознали, но, возможно, осознаете позже') базируется на импликациях значения *казаться*₁ ('первое впечатление может оказаться обманчивым; говорящий впоследствии может убедиться в 'кажмости', 'мнимости' первого впечатления').

В отрицательном 'Ты'-контексте *казаться* также используется как риторическое средство убеждения. Ср.: *Тебе это не кажется / тебе не показалось – это так и есть*. Лингвисты отмечают, что отрицательное предложение содержит фактивную импликацию – 'ты прав, я с тобой согласен', а утвердительное контрфактивную – 'ты не прав, я с тобой не согласен' [Зализняк 2006, с. 494]. Это верно и для отрицательного 'Я'-высказывания (*мне так не кажется*) реактивно-волевого регистра, в котором сообщается о несогласии с собеседником. Последний пример доказывает тезис о том, что разные контекстные значения *казаться* коррелируют с разными коммуникативными стратегиями говорящего. Ср. также следующий диалог:

[Женя] *Я думаю/ что идёт восстановление режима такого государственного. Личной власти у нас никогда не было/ у нас личная власть всегда была чем-то ограничена.*

[Володя] *А роль культа личности в истории?*

[Женя] *А вам сейчас не кажется/ что что-то похожее на культ личности?*

[Володя] *Нет не кажется.*

[Надежда 2] *Нет / Женя / А мне кажется.*

[Володя] *Просто дисциплинированный человек [НКРЯ].*

Иллокуцию речевого акта – *А вам сейчас не кажется/ что что-то похожее на культ личности?* – можно определить как скрытое воздействие – ‘Вам должно это казаться, т. е. Вы должны понимать, но вы не понимаете!’ Авторы теории речевых актов такой речевой акт называют непрямым, так как вопросительная синтаксическая форма выражает волеизъявление говорящего (см. о косвенных речевых актах в [Гоготишвили 2006; Серль 1986а; Сёрль 1986в]).

Субъектная структура художественного диалогического контекста – диалога персонажей – сложнее, чем субъектная структура реального диалога, так как в ней представлена субъектная позиция нарратора. Ср.: *Мне кажется, как будто эта каша, – говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, – немного пригорела. Вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?* (Н. Гоголь «Старосветские помещики» [БАС 1956, т. 5, с. 659–661]). О субъектной структуре художественного контекста речь пойдет в специальном подразделе. Здесь же рассмотрим иллокуцию речевого штампа (*Вам этого не кажется?*), имеющего синтаксическую форму общего вопроса с формальным отрицанием. Этот речевой штамп выражает иллокуцию воздействующего речевого акта: ‘а должно казаться, потому что это так и есть!’ Устойчивые речевые обороты: *А тебе как кажется? – Мне тоже так кажется* – в целом отражают установку на консолидацию с собеседником, поиск согласия с ним в диалоге, однако могут использоваться говорящим как камуфлирующие тактику навязывания своего мнения Другому.

Вопросительное по форме высказывание (*Вам не кажется, что...?*) манипулятивно. Ср. с неманипулятивным речевым актом: *Мне кажется... А Вы как думаете?* Манипулятивность состоит в скрытом внушении адресату того, что ему должно казаться, с точки зрения говорящего.

В следующем контексте представлена подобная коммуникативная стратегия говорящего. Ср. : – *Растерт в порошок, –*

сказал он. – **Тебе это кажется**, Сережка, – возразил я. – *Просто нервное возбуждение* [Ю. Даниэль «Письма из заключения»] [НКРЯ]. Говорящий пытается успокоить собеседника, а для этого первому нужно разубедить второго в оценке его психологического состояния: 'ты ошибаешься в оценке ситуации: ты преувеличиваешь ее значимость для тебя; все не так плохо, как тебе кажется'.

2.1.6. Информативный нарративный 'ОН'-контекст

Информативный нарративный 'ОН'-контекст, в отличие от 'ТЫ'-контекста, не является фрагментом реального диалога. 'ОН'-контекст отражает иную когнитивную деятельность и коммуникативную установку говорящего: 'говорящий пересказывает мнение (впечатление) третьего лица и выражает свою оценку чужого мнения (впечатления)'.

Материалы Национального корпуса русского языка свидетельствуют, что в контексте пересказа чужого мнения (*ему / ей / им кажется, что...*) выявляется конфронтация позиций говорящего и третьего лица. Предикат *казаться*₆ вводит мысль, с которой говорящий / пишущий не согласен полностью. Говорящий приводит чужую речь или цитату из речи оппонента, в которой обозначена позиция последнего, именно для того, чтобы противопоставить ей свой взгляд на ту же проблему. Говорящий и цитируемый субъект – это субъекты разных дискурсов. Это различие отражается в толкованиях такого типа: 'X воспринимает Y и на основании своих наблюдений полагает, что Y имеет признаки Z. Говорящий знает, что Y не имеет признак Z и что в ситуации восприятия было нечто, что обусловило (каузировало) искажение, отклонение от нормы восприятие X, поэтому он полагает, что мнение X неверно' [Савченко – Чернега 1989, с. 77].

Ср. следующий контекст обсуждения в сети фильма «Король говорит!»:

[?, nick] *Кому может не нравиться этот фильм?*

[Болтун, nick] **Кому кажется**₆ «затянутым» шедевр, в котором каждая сцена, каждая фраза – на своём месте? «Сильнее всех – владеющий собою». Это история о том, как бывает трудно и как важно... не преодолеть себя, а напротив, немного помочь

себе. И как много можно сделать, просто выполняя свой долг, делая свою работу [НКРЯ]. Цитата из чужой речи (*Кому кажется*₆ «затянутым» шедевр) подчеркивает контрпозицию пишущего по отношению к обсуждаемой позиции третьего лица.

Обсуждаемое значение, с нашей точки зрения, связано с риторическим типом нарративной стратегии говорящего. Нарративная стратегия столкновения разных точек зрения на один и тот же предмет как способ подачи своей, часто не эксплицированной в тексте позиции выявляется не только в обыденном диалоге, но и в публицистическом дискурсе. Например: *Ей кажется*, что, когда я улыбаюсь, у меня сразу становится такой бывалый и лихой вид, будто я прошла через все-все-все [НКРЯ]. Нарративный контекст содержит имплицитное противопоставление цитируемого мнения позиции говорящего. Описанная нарративная стратегия часто запечатлевается в художественном контексте, ср.: *Ей кажется*, что, поскольку я так хорошо ее понимаю, я без труда прошу ей, если за столом она вдруг не сможет долго сопротивляться общему осуждающему нажиму и вдруг подпоет им вслед, вдруг их поддержит [В. Маканин «Стол, покрытый сукном и с графином посередине»]. Подтекст можно эксплицировать следующим образом: 'Она думает, что я прошу, но это не совсем так'. Такой способ организации контекста, с одной стороны, позволяет рассказчику избежать критики, связанной с прямой оценкой третьего лица, перевести свое несогласие в позицию 'фона', а с другой – наделяет дополнительной значимостью мнение Другого, поскольку помещает его в коммуникативный фокус высказывания.

В рамках обыденной информативной стратегии предикаты *казаться*₆, *показаться*₆ используются говорящим как средства, оценивающие 'ложность', 'мнимость' впечатлений третьего лица, которое выступает в роли субъекта-экспериментера и одновременно объекта оценки. Такая оценка задана логикой повествования и нарративной стратегией разоблачения 'неистинности' чужого мнения / суждения / впечатления.

Коммуникативная стратегия, представленная в контекстах устной публичной речи, отличается большей информативностью, логичностью, продуманностью, подготовленностью, запечатленной рефлексией рассказчика (по сравнению со стратегией, представленной в устной непубличной речи). В таких кон-

текстах предикат получает дискурсивное значение 'говорящий рефлектирует по поводу сообщаемой позиции третьего лица, которую оценивает как ошибочную' (*военным казалось, что... – 'военные считали нечто справедливым, но впоследствии выяснилось, что они ошибались'*). Ср.: [Сергей Капица, муж, 84, 1928] *Об опасности глобальной ядерной войны. В конце семидесятых годов с большой остротой возникла опасность ядерной войны. Было наготовлено чудовищное количество ядерного оружия/ разрушительная сила совершенно в невообразимых масштабах. И **военным казалось/ что** чем больше у них будет бомб/ тем более они будут обеспечены своей силой. **А потом они поняли/ что** по существу сделать этой силой ничего нельзя/ разрушить можно/ но никаких проблем политических/ географических/ экономических вы решить не можете. **Вот это было большое переосмысление** глобальной истории человечества/ как она будет дальше развиваться. Потому что раньше войны были частью такого глобального сценария [НКРЯ].*

Рассказчик излагает свое понимание эволюции взглядов третьих лиц. Нарративная стратегия эксплицирует рефлексию рассказчика над процессом эволюции чужих представлений, они предстают в виде этапов / фаз, эксплицированных рассказчиком: сначала *военным казалось/ что...*; затем *они поняли/ что...*; впоследствии *это было большое переосмысление...*

2.1.7. Информативный нарративный 'ОН'-контекст воспоминания

Нарративный 'ОН'-контекст воспоминания представляет говорящего как участника прошлого события. Ретроспективный взгляд на событие, знания говорящего о том, что на самом деле происходило, дают говорящему право утверждать свою версию. Такой контекст можно считать 'эпистемическим', так как в нем вербализуется информация, в подлинности которой говорящий не сомневается, ср.: *Всем кажется./ что это «ура» – 'все ошибаются: все слышат «ура», а на самом деле мы кричим «дурак»'*. Ср.:

[№ 2, муж] *Я в детстве/ когда надо было «ура» кричать на Красной площади во время демонстрации/ мы ходили студентами и кричали «дурак»/ а получалось «ура». «Да здравствует мя-*

*со-молочная промышленность! Дура-а-а-ак!» **Всем кажется**₇/ что это «ура» / но зато мы оттягивались.*

[№ 1, муж] *А никто не отметил для себя из вышестоящих руководителей и потом не пожурил ли за это? Это же в те времена была выходка/ нонсенс! [НКРЯ].*

Говорящий противопоставляет свое знание реально происходившего события (*кричали «дурак»*) тому впечатлению, которое возникало у слушателей (*Всем кажется₇/ что это «ура»*). Представленную нарративную стратегию можно определить как базирующуюся на противопоставлении своей и чужой версии прошлого события. Считаем, что именно с этой нарративной стратегией скоординировано контекстное значение *казаться₇*. Это значение связано с импликацией репродуктивного значения *казаться₁* ‘первое впечатление может оказаться обманчивым; говорящий впоследствии может убедиться в ‘кажимости’, ‘мнимости’ первого впечатления’.

В обсуждаемом контексте воспоминания (и противопоставления мнений разных субъектов) импликация приобретает статус знания говорящего – ‘все ошибаются, думая, что слышат...’. В высказывании *всем кажется, что это «ура»* ‘субъект восприятия’ получает контекстное неопределенно-личное значение: неопределенно-личное значение возникает в результате противопоставления *все – мы* (и я в том числе). Субъект (*всем*) обозначает множество лиц, в которое не входит говорящий, т. е. равен *они*. Таким образом, в информативном контексте воспоминания (*казаться₇*) эксплицируется субъектная структура, состоящая из трех позиций – субъекта-экспериментера (множественный субъект, отнесенный в план прошлого), субъекта рефлексии и субъекта речи (рассказчик, отнесенный в план настоящего).

Выводы к подразделу 2.1. «Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться*, *показаться* в контекстах обыденного дискурса»

1. Для исследования языковой семантики в когнитивистской системе понятий важно, что в контекстах отражается опыт носителей языка, связанный с онтологией процесса восприятия. Репродуктивный контекст с глагольным предикатом воссозда-

ет прагматическую ситуацию актуального наблюдения говорящим некоторого объекта, который становится предметом обсуждения в обыденном диалоге. Пропозициональная структура *где / откуда показался кто / что* является языковой формой для концептуализации сообщения о том, что говорящий первый раз заметил объект на некотором 'фоне'. Коммуникативная интенция говорящего состоит в указании на наблюдаемый объект, который часто находится на значительном расстоянии от говорящего (*На горизонте показался парус яхты*). Тематический фокус внимания наводится на 'фон' (*на горизонте*), а рематический фокус внимания – на наблюдаемый объект – 'фигуру' (*парус яхты*). Анализ в терминах 'фон – фигура' позволяет увидеть в семантико-синтаксической организации контекста проекцию фундаментального принципа зрительного восприятия – выделение 'фигуры' на 'фоне'.

2. Пропозициональная структура с имперфективным предикатом *кто / что мне кажется, каким / чем* и перфективным предикатом *кто / что мне показался, каким / чем* выступает языковой формой для концептуализации сообщений о разных впечатлениях, ощущениях говорящего – зрительных, слуховых, обонятельных, осязательных, тактильных. Континуальность семантики глагольного предиката можно объяснить синергетикой когнитивной деятельности человека, целостностью – гештальтностью – самого процесса восприятия человеком действительного мира.

3. В репродуктивном контексте (*Гора кажется высокой*) тематический фокус внимания наводится на воспринимаемый объект, чаще наблюдаемый (*гора*), а рематический фокус внимания – на первое впечатление говорящего, чаще зрительное (*кажется высокой*). Коммуникативная интенция говорящего связана с сообщением о первом впечатлении от воспринимаемого объекта или ситуации.

Для когнитивно-дискурсивного исследования семантики слова также принципиально важно, что репродуктивный контекст строится в соответствии с общими принципами восприятия, отражает прототипическую ситуацию восприятия – чаще зрительного. В репродуктивном контексте конструируется пространственная перспектива – позиция наблюдателя, т. е. местоположение, из которого субъект наблюдает за происхо-

дящим. Когнитивные признаки репродуктивного контекста: 'говорящий находится в локусе происходящего события; говорящий воспринимает некоторый объект действительного мира и сообщает собеседнику о своем первом впечатлении, которое может быть ошибочным, а может соответствовать действительности'. Впечатления наблюдателя могут соответствовать действительности или оказаться ошибочными, как например, перемещающийся объект *кажется* стационарным перемещающемуся наблюдателю; большой объект *кажется* маленьким наблюдателю, который находится на значительном расстоянии от объекта. В момент **актуального** (во временном значении термина) восприятия субъект не может оценить свои впечатления как ошибочные или истинные.

4. Контексты с глагольными предикатами представляют восприятие как динамичный процесс, состоящий из этапов. Первый этап – перцептивное восприятие, второй этап – ментальное осмысление перцептивных данных. Каждый из двух названных этапов восприятия получает репрезентацию в контексте репродуктивного или информативного типа. Ментальное осмысление перцептивных данных концептуализируется в контексте, который называем 'информативным'. Информативный 'Я'-контекст воссоздает другую прагматическую ситуацию: 'говорящий не находится в локусе описываемого им события; говорящий интерпретирует ситуацию, оценивает ее с позиции предварительных эмпирических данных / знаний'.

4.1. Языковая семантика глагольного предиката отражает синергетически связанные этапы восприятия – акт перцепции (*кажется₁*) и последующее осмысление его результатов (*кажется₂*). Сравнение репродуктивного контекста с информативным (***Образовавшаяся на дороге пробка мне кажется₁ огромной vs. Перспектива застрять в пробке на целый час мне кажется₂ ужасной***) позволяет обнаружить смену когнитивного фокуса – с наблюдаемого объекта на содержание мыслей говорящего-наблюдателя.

4.2. В контекстах репродуктивное (*кажется₁*) и информативное (*кажется₂*) значения глагольного предиката предстают по-разному. В контекстах репродуктивного регистра чаще обнаруживается только значение 'говорящий видит, слышит, чувствует', а в контекстах информативного регистра, помимо

значения 'говорящий осмысляет нечто', возникает значение 'говорящий сначала увидел, услышал, почувствовал нечто'. В семантике большинства рассмотренных контекстов репродуктивное и информативное значения глагольного предиката представлены как диффузные, как будто бы проникающие друг в друга.

4.3. Контексты как информативного, так и репродуктивно-регистра составляют две группы в связи с эксплицированностью или неэксплицированностью рефлексивного акта говорящего – 'говорящий осознает, что может ошибаться в своем первом впечатлении / интерпретации'. Экспликация этого смысла связана с особой когнитивной и коммуникативной стратегией – диалогической, риторической, а также содержанием широкого контекста. Содержание же широкого контекста определяется более общим характером всей осуществляемой говорящим дискурсивной деятельности.

4.4. Языковой материал показывает, что диффузная семантика предикатов *казаться*, *показаться* отражает нерасчлененность или условную расчлененность когнитивных процессов – восприятия, осознания впечатления, рефлексии над полученным впечатлением. В языковом материале отражается онтология процесса восприятия: разные когнитивные акты представлены как синергетически связанные, их статус можно определить в терминах 'нераздельные и неслиянные'.

4.5. В контексте репродуктивного регистра представлены три позиции 'субъекта когнитивной деятельности' – субъект восприятия (чаще наблюдатель), субъект речи и субъект рефлексии. В 'субъектной структуре' контекста информативного регистра вместо позиции субъекта восприятия имплицитно позиция субъекта-носителя знания, обладающего информацией о событии. В информативном контексте с глагольным предикатом *казаться*₂ знания субъекта предстают как имеющие эмпирическую основу.

5. Ретроспективный взгляд на событие, базирующийся на знаниях, дает рассказчику преимущество по сравнению с актуальным наблюдением. В 'Я'-контексте воспоминания с предикатом (*мне казалось*) имплицитно сложная субъектная структура: субъектом-экспериментером выступает говорящий как участник прошлой ситуации ('Я' в прошлом), субъектом же знания и субъектом речи является говорящий – 'Я' в настоящем.

‘Я’-контекст воспоминания характеризуется следующими когнитивными признаками: ‘говорящий рассказывает о прошлой ситуации, в которой принимал непосредственное участие; говорящий обладает знаниями о том, как на самом деле происходило описываемое событие’.

Концептуализированное в широком контексте знание о том, как на самом деле протекала ситуация, говоря когнитивистским языком, формирует ‘фон’. Если контекстуальный ‘фон’ утверждает: ‘дальнейший ход течения события показал, что говорящий в прошлом ошибался’, то, в соответствии с принципом выделения ‘фигуры’ на ‘фоне’, в контексте возникает смысл (‘фигура’) – ‘прошлое впечатление было иллюзорным, ему нельзя было доверять’. Если контекстуальный ‘фон’ утверждает обратное, то значение ‘иллюзорности первого впечатления / мнения’ остается дефокусированным, «затемненным».

6. Ментальная (модусная) рамка *мне кажется / мне показалось* **имплицитует / эксплицитует** опыт рефлектирующего субъекта – ‘говорящий знает о том, что первое впечатление / мнение может быть ошибочным, что впоследствии оно может смениться другим представлением / знанием’.

6.1. В форме настоящего времени имперфективного предиката концептуализируется длительность когнитивного процесса говорящего, синергетически связанного с последующим во времени рефлексивным актом. В связи с этим в контексте с имперфективным предикатом **имплицитруется** рефлексивный акт субъекта.

6.2. В форме же прошедшего времени перфективного предиката концептуализируется другое временное значение – взгляд «назад», в ретроспективу. В связи с этим во всех контекстах перфективный предикат **эксплицитует** рефлексивный акт субъекта. Со значением прошедшего времени связано значение мгновенности, ‘летучести’ мысли, быстрой сменяемости мыслей (*мне показалось*). Это формирует значение перфективного предиката, связанное с ‘большой субъективностью’ интерпретации говорящего, чем у имперфективного.

6.3. Ментальная (модусная) рамка *мне казалось* служит языковой формой для концептуализации ноэтического акта воспоминания. Содержание когнитивного акта коррелирует с коммуникативной установкой говорящего – ‘вспомнить нечто

и сообщить об этом собеседнику'. Ноэтическое значение отличается от нозматического тем, что запечатлевает процессуальность мысли как бы «изнутри» сознания говорящего, представляя «слепок» с акта сознания. Содержание (ноэмастика) акта воспоминания связано либо с восстановлением в памяти прошлых зрительных образов, звуковых впечатлений, либо с восстановлением в памяти содержания прошлого суждения говорящего, либо с синтезом перцептивного и информативного планов воспоминания. Три названных варианта иконически отражают онтологические особенности когнитивного процесса воспоминания: когнитивный процесс представлен как берущий начало в акте перцепции, а затем продолжающийся в актах осмысления перцептивной информации.

6.4. Репродуктивная стратегия предполагает погружение в прошлое состояние, переживание, а информативная – предполагает рассказ о событии с опорой на знания, информацию, обобщение жизненного опыта и др. Репродуктивная и информативная стратегии могут совмещаться в широком контексте или чередоваться. Контексты обыденного рассказа показывают, что, рассуждая о причинах кажимости, говорящий рефлектирует над ролью внешних обстоятельств наблюдения. К этим обстоятельствам относятся следующие: наблюдаемый объект находится на значительном расстоянии от говорящего (*издалека мне казалось*); сам говорящий занимает неудобное для наблюдения место (*мне казалось с берега*); наблюдение затруднено темным временем суток (*в темноте мне казалось*) и др.

7. Метафорические контексты с глагольным предикатом также отражают синергетическую связь когнитивных процессов – наблюдения, сравнения, воображения, памяти: актуальное зрительное восприятие субъекта базируется на сравнении вновь увиденного с ранее виденным, на сличении воспринимаемых объектов с хранящимися в памяти говорящего прежними их отображениями – ‘говорящий видит предмет в «ином обличье»’.

8. Сопоставление разных коммуникативных типов контекста – ‘Я’-контекст vs. ‘Ты’-контекст vs. ‘Он’-контекст – показывает взаимосвязь коммуникативного и когнитивного аспектов деятельности говорящего. В ‘Я’-контексте концептуализируется когнитивная деятельность говорящего: говорящий предстает как субъект акта рефлексии над собственным впечатле-

нием / мнением. В 'ТЫ'-контексте и 'ОН'-контексте говорящий представлен как субъект рефлексии над чужим впечатлением / мнением, а также как субъект оценки впечатления / мнения второго или третьего лица.

8.1. В логике диалогической коммуникативной стратегии, реактивно-волюнтивного коммуникативного регистра (*Тебе кажется₅!*) предикат *казаться₅* выражает иллокуцию убеждения собеседника в правоте говорящего, которую можно эксплицировать в таком метавысказывании: 'Ты ошибаешься!'. Говорящий сообщает о несоответствии представлений собеседника знаниям, мнению говорящего: 'у тебя сложилось неверное впечатление / мнение, но ты еще пока этого не осознал, но, возможно, осознаешь позже'. Говорящий оценивает чужое впечатление как несоответствующее реальному положению дел, чем присваивает себе коммуникативный статус носителя достоверного знания. Соотнося чужое впечатление с тем, что имеется в действительности, говорящий совершает акт референциальной проверки.

8.2. В логике нарративной коммуникативной стратегии, информативно-описательной (*Ему кажется₆*) глагольный предикат *казаться₆* выражает иллокуцию говорящего, которую можно эксплицировать в метавысказывании: 'Он ошибается!'. Говорящий пересказывает адресату мнение третьего лица о событии. Цитата из чужой речи подчеркивает контрпозицию говорящего по отношению к обсуждаемой позиции третьего лица. Говорящий устанавливает референцию и выносит вердикт: соответствует ли реальному положению дел впечатление / мнение, высказанное третьим лицом. Коммуникативная цель нарративной стратегии говорящего состоит в разоблачении чужого мнения в целях аргументации собственной содержательной позиции. В утвердительном 'ОН'-высказывании впечатление третьего лица не соответствует тому, что, с точки зрения говорящего, имеет место на самом деле (*ему это кажется₆, а на самом деле...*), а в отрицательном (*ему это не кажется₆*) – наоборот, устанавливается референциальная соотнесенность образа предмета с самим предметом.

8.3. В информативном 'ОН'-контексте воспоминания (*казаться₇*) также эксплицируется субъектная структура, состоящая из трех позиций – субъекта-экспериментера (третье лицо,

отнесенное в план прошлого), субъекта рефлексии и субъекта речи (рассказчик, отнесенный в план настоящего). Говорящий-рассказчик считает, что владеет достоверной информацией о прошлом событии, непосредственным участником которой являлся. Рассказчик противопоставляет свое знание события тому впечатлению, которое возникло у третьего лица. Коммуникативная стратегия говорящего, с которой скоординировано дискурсивное значение *казаться*, сводится к тому, чтобы доказать правоту своей версии, показав ошибочность чужой.

8.4. Коммуникативные модификации субъектных значений предикатов позволяют заключить следующее: два субъекта и два когнитивных акта – восприятие и последующий рефлексивный акт – представлены в разных коммуникативных ситуациях по-разному: они то «наслаиваются» друг на друга, то противопоставляются друг другу. Роль рефлектирующего субъекта всегда принадлежит говорящему, а семантическое и синтаксическое заполнение валентности субъекта восприятия варьируется в зависимости от коммуникативного типа контекста.

2.2. Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться*, *показаться* в контекстах публицистического дискурса

Функционирование предикатов *казаться*, *показаться* в публицистическом дискурсе имеет свои особенности.

По своей сути социальная коммуникация реализуется через посредство столкновения множества различных отношений и точек зрения на некий общий, социально значимый вопрос. И предъявление вонне собственного мнения, попытка изменить поведение окружающих – явно или неявно выражают, прежде всего, понимание человеком собственного включения в какую-то социальную группу. Именно поэтому в логике когнитивно-дискурсивного анализа важно определить, какое место занимает автор передаваемого сообщения по отношению к своим собеседникам, т. е. определить метасубъектную позицию.

Интересующая нас метасубъектная позиция может быть определена следующим образом: автор-публицист – это представитель профессионального сообщества. Дискурсивное рас-

суждение публициста играет важную роль, а коммуникативный акт превращает содержание индивидуального сознания в факт общественной жизни, придавая публицистическому суждению коммуникативный статус генеритивного регистра – обобщенной информации, соотнесенной с жизненным опытом и универсальным знанием.

Метаадресатная позиция обуславливается массовым характером социальной коммуникации. Массовая коммуникация (газеты, телевидение) ориентирована на нерасчлененную массу реципиентов. Множественность создаваемой референтной группы – читатели / зрители – выражается особыми языковыми средствами, к числу этих средств можно отнести и глагольные предикаты *казаться, показаться*. В большинстве случаев адресат не имеет возможности проверить достоверность информации, выступает только как получатель сообщения, его реакция на него остается неизвестной, отсюда признаки – неverifiedируемость, нереферентность сообщения.

Далее рассмотрим контексты публицистического дискурса, в которых возникает особый тип субъекта когнитивной деятельности, семантика которого традиционно описывается терминами 'неопределенно-личный' или 'обобщенно-личный'. Г. А. Золотова видит в оппозиции неопределенно-личный vs. обобщенно-личный субъект большее: позицию говорящего по отношению к тому, о чем идет речь. Представляя субъект как неопределенно-личный, говорящий имеет в виду 'кто-то другие, но не я'. Значение исключенности себя из возможных субъектов действия исследователь называет 'эксклюзивностью'. Представляя субъект как обобщенно-личный, говорящий имеет в виду 'другие и я', т. е. включает себя в число возможных субъектов ('инклюзивность'). Оппозиция инклюзивности vs. эксклюзивности может быть сильным экспрессивным средством, когда служит способом выражения категории человеческого сознания 'свой / чужой' [Золотова 2004, с. 115–122].

Контексты публицистического дискурса, взятые из Национального корпуса русского языка, показывают, как в значениях изучаемых слов отражается когнитивная деятельность субъекта публицистического дискурса. Мы выделили несколько типов контекстов по виду воплощенной в них когнитивной деятельности субъекта. Когнитивная деятельность коррелирует с ком-

муникативной задачей журналиста, работающего в определенном публицистическом жанре.

2.2.1. Репродуктивный 'Я'-контекст

Абсолютное большинство рассматриваемых ниже контекстов отражают информативную коммуникативную стратегию, включающую рассуждение субъекта публицистического дискурса. Репродуктивная же коммуникативная стратегия характерна только для таких публицистических жанров, как репортаж с места события или интервью. Только в этих жанрах журналист предстает как индивидуализированный субъект-экспертизер, который так же, как это было представлено в контекстах обычного дискурса, находится в локусе происходящего события.

Рассмотрим репродуктивный контекст комментирования спортивного события: спортивный комментатор находится в локусе происходящего, сообщает о том, что видит, при этом его профессиональная подготовка позволяет ему видеть 'лучше', 'больше', чем видит обычный телезритель. Ср. следующий репродуктивный контекст: [Казанский, муж, 32] *Штейнхоффер. Япи оказывается на позиции центрального защитника. Можно ли играть с этой командой? Честно признаюсь/ и мне казалось₈ до игры/ что фаворит-то «Базель»/ с учётом того/ что у них и состав уже сбитый/ у них нет таких гигантских кадровых проблем/ и то/ что команда в конце концов играет уже свой чемпионат. Но первый тайм оставил очень даже приятное впечатление/ не по счёту/ конечно/ но/ может быть/ по содержанию игры [НКРЯ].*

Как носитель профессиональных знаний спортивный комментатор мгновенно реагирует на происходящее (в момент наблюдения за игрой), объясняет зрителю действия игроков, тактику команды. Высказывание – *мне казалось до игры/ что...* – предполагает, что мнение комментатора, которое базировалось на определенном прогнозе, изменилось: 'субъект осознает, что ранее ошибался, думая определенным образом'. В рамках такой коммуникативной стратегии глагольный предикат отражает рефлексивный акт субъекта – вывод о несоответствии прогноза (ранее предполагавшегося) тому, что реально происходит на поле (*казаться₈*).

2.2.2. Информативный 'Я'-контекст рассуждения

'Я'-контексты публицистической информативной стратегии отличаются от контекстов обыденного дискурса тем, что в них эксплицитно представлено рассуждение автора-публициста, рассуждение включает рефлексивный акт, маркируемый глагольным предикатом *казаться*.

Рассматриваемые ниже информативные контексты публицистического дискурса содержат элементы рассуждения. Исследователи определяют рассуждение как сознательное, произвольное мышление, нередко соединяющее мыслительным актом гетерогенные блоки – репродуктивный и информативный [Золотова 2004, с. 458]. Рассуждение не встает в один ряд с описанием и повествованием, но принадлежит более высокой ступени организации текста – ступени тактики [там же, с. 459].

Рассуждение как когнитивная (и коммуникативная) тактика связано с операцией логического вывода. В нашем материале можно выделить три типа «Я»-контекста рассуждения.

В **первом типе** 'Я'-контекста обсуждаемое значение глагольного предиката связано с операцией логического вывода (*кажется*). Ср.: *Если взять во внимание тот факт, что средний заработок городского парламентария равняется 30 тысячам рублей, то версия кажется, вполне правдоподобной* [НКРЯ]. Включаясь в условно-следственное суждение, предикат *казаться*, маркирует логическое следствие. Правило вывода, определяющее переход от посылок к следствиям, указывает: если посылки истинны, то высказывание, являющееся следствием, тоже истинно. Предикат *казаться*, фиксирует рефлексивную субъекта над относительностью логической операции как таковой. Рефлексивную субъекта можно выразить в таком метавысказывании: 'если взять другое условие, то и следствие будет другим'.

В следующем фрагменте автор квалифицирует инициативу как *вполне разумную и своевременную*, опираясь на определенные условия, ср.: *Инициатива г-на Ковпака кажется, вполне разумной и своевременной в контексте предстоящего визита в Екатеринбург миссии парламентской ассамблеи Совета Европы* [НКРЯ]. В этом контексте, как и в рассмотренном выше, представлена мотивация высказанной квалификации пишущего, но при этом ассоциативно рождается понимание рефлексивного

акта автора, которое можно выразить таким метавысказыванием: 'данная интерпретация может смениться другой: если впоследствии изменится условие, то изменится и вывод субъекта'.

Логические операции говорящего / пишущего носят универсальный характер. Между публицистическим рассуждением, с одной стороны, и научным или обыденным рассуждением, с другой, невозможно провести четкую грань, можно говорить только о некоторых принципиальных различиях. Так, в художественном контексте представлен говорящий, который осознает принципиальную возможность иного понимания ситуации, другой интерпретации причины названного поступка. Ср.: **Мне кажется**, что мама ушла из дома не только в знак протеста, а потому ещё, что не могла вынести взгляда Саши, он был ей укором [А. Рыбаков «Тяжелый песок»]. Публицистический контекст, относящий процесс рассуждения субъекта к прошлому, строится по тем же правилам. Ср.: **Интуитивно мне казалось**, что, если страна движется к рынку, то интеллектуальная элита не сможет долго удержаться при дворе [НКРЯ]. Контекст имплицитно фиксирует следующую рефлексию субъекта: 'на самом деле то, что сейчас имеется в действительности, не соответствует тому следствию, которое выводил для себя субъект в прошлом'.

Во **втором типе** 'Я'-контекста устной публичной речи запечатлен аналитизм когнитивной деятельности субъекта – этапы формирования умозаключения, эти этапы связаны с рассуждением. Ср.: [Юрий Пивоваров, муж] **Смогут ли эти институты/ если они сохранились/ хотя и модифицировались/ работать дальше? Это огромная задача для историков и для политологов/ и мы должны обязательно ею заняться/ иначе мы не поймём/ куда нам дальше плыть. И ещё одно такое/ ну/ по сути/ хотя и вводное замечание/ что людям... люди склонны преувеличивать новизну. Когда я был молод/ как вы/ мне тоже казалось/ что я живу в совершенно новом мире/ моё поколение объяснит старикам/ как нужно действовать. И сегодня/ на фоне фантастической электронной революции/ на фоне фантастической информационно-технологической революции со всеми компьютерами и прочая/ и прочая/ кажется/ мир полностью изменился. Толкуют о нанотехнологиях там/ инновационном пути развития/ о какой-то совершенно иной экономике и социальном устройстве/ глобализация идёт. Но вместе с тем очень многое/ и отчасти я уже говорил об этом/ не изменилось** [НКРЯ].

Рефлексия субъекта разворачивается в контексте, здесь же вербализуются этапы мыслительного процесса: осознание первичных впечатлений, соотнесение первичных впечатлений с последующими, осмысление различий между ними, формулирование вывода. Мыслительный процесс представлен как имеющий начальную стадию (*мне тоже казалось/ что я живу в совершенно новом мире*) и заключительную стадию – ‘сейчас мне уже так не кажется, я так не думаю: я переосмыслил многое и переоценил’ (*Но вместе с тем очень многое/ и отчасти я уже говорил об этом/ не изменилось*). В этом контексте, как и во многих других, субъект-публицист противопоставляет свое понимание обсуждаемого вопроса общепринятому, распространенному мнению, которое создается неопределенно-личной семантикой предложений (ср.: *кажется/ мир полностью изменился; Толкуют о нанотехнологиях там*).

Заметим, что значение ‘субъект осознает этапы протекания процесса познания’ (*кажется₉*) отражает авторскую дискурсию и реализуется, как правило, в текстах научно-публицистического нарратива, но встречается и в художественном повествовании. Так, например, следующий контекст: **Все, что делается подолгу, начинало казаться отвратительным** [И. Бунин «Деревня»]. В экспликации этого значения играет важную роль вид глагола и сочетаемость с фазовым глаголом: несовершенный вид и глагол *начинать* формируют значение ‘длящегося, стадийного (начало – середина – конец) процесса’ в прошлом, но все осознается всегда в настоящем акта говорения. Ср. также: *Они научатся преодолевать страх одного мига, когда лыжи в повороте на секунду оказываются направленными строго вниз по склону и **кажется**, что, не сделай вот сейчас чего-то быстрого, судорожного, и полетишь ты на этих пластмассовых штуковинах прямо в пропасть* [НКРЯ]. В контексте представлен когнитивный процесс в развитии: вслед за первой стадией переживания чувства страха (*кажется, что...*) следует стадия преодоления страха, когда со временем сила воли, спортивное мастерство и опыт помогают человеку справиться с эмоциональной реакцией.

Рассмотрим **третий тип** публицистического ‘Я’-контекста (*мне кажется₁₀*), в котором представлена авторская **рефлексия иного рода**: пишущий, пытаясь проанализировать сложное яв-

ление, ситуацию, рассуждает, сомневается в объективности своего суждения, взвешивает все «за» и «против». Ср.: *Но мне кажется, хотя, возможно, я ошибаюсь, он чувствовал, что пережил свое время, это лишало его воли к жизни* [НКРЯ]. Ср. также: *Мне кажется, что люди, формулировавшие эти цели, явно не соизмеряли их масштабы со своими скромными возможностями* [НКРЯ]. В подобных риторически организованных контекстах, где мысль представлена как рождающаяся в момент речи, коммуникативное действие приобретает характер аргументирования. Убеждая себя или других, человек использует всевозможные предположения, обещания и прочее, а потому аргументация, в отличие от доказательства, регулируется не только рациональными средствами, а и эмоциональным настроением.

Как когнитивно-коммуникативное событие публицистический нарратив представляет собой интеракцию автора и читателя. В силу временной и пространственной разобщенности субъектов коммуникации их специфическое общение протекает в режиме автодиалога: автор допускает нечто, рассуждает об этом, а потом опровергает свои же суждения, ср.: *Всего же ему суждено прожить, если повезёт, четыре-пять лет. Хватит времени, чтобы оставить после себя миллионы потомков. Кажется, что при такой численности процветание морским конькам обеспечено. Однако это не так. Из тысячи мальков выживают в среднем всего два* [НКРЯ]. В субъектной структуре контекста с глагольным предикатом *казаться* обнаруживаются три позиции – субъекта-носителя знания, субъекта рефлексии и субъекта речи. В ‘Я’-контексте все позиции заполняются автором.

Публицистический нарратив осуществляет обоснование предписываемых и реализуемых людьми действий. В большинстве случаев обоснование используется в качестве оправдания совершаемых поступков, как средство убеждения себя и других в необходимости того или иного типа поведения. Вопреки распространённому мнению, процедура обоснования не сводится к логическому доказательству истинности высказанных утверждений, предлагаемых программ и т. д. [Гусев 2008, с. 322]. Существенным аспектом обоснования является умение убеждать окружающих в необходимости согласиться с описанием коллективной цели, выдвигаемой автором передаваемого сообщения, с планом ее достижения, с ожидаемыми перспективами.

Для исследования риторических тактик ценность представляет следующий информативно-волюнтивный контекст: *Но мне кажется (и когда я говорю «мне кажется», фактически, я в этом глубоко убежден), мы не должны были бы венчать людей, которые не доросли ни до какого христианского понимания о браке [НКРЯ].* Авторская рефлексия, эксплицированная в метакомментарии, противопоставляет процессуальность мысли (*мне кажется*) статике результирующего ментального состояния (*я убежден*). Сам факт замены *мне кажется* на *я убежден* отражает сформированную в результате длительных размышлений мировоззренческую позицию и соответствующую этой позиции риторическую установку на воздействие на читателя. Контекст, с точки зрения языковой формы, содержит маркеры рассуждения (*кажется, не должны были бы*) и усиления утверждения (через отрицание – *не..., ни...*), а при этом имплицитно иллокуцию запрета: *нельзя венчать!* Иллокуция категорического императива (волюнтивный регистр) подается в «мягкой» языковой оболочке, отражая некатегоричность когнитивного стиля автора.

2.2.3. Информативный 'ОН'-контекст

В 'ОН'-контекстах публицистического дискурса субъектная сфера предиката расширяется от значения 'конкретный, индивидуализированный субъект' (*ему кажется₁₁*) до значения 'неопределенный множественный субъект' (*украинским политикам кажется₁₂*), и даже 'максимально обобщенный субъект' (*всем обывателям кажется₁₃*), т. е. в языковом материале представлены три уровня обобщения и три уровня абстракции от денотативной ситуации и ее участников.

Рассмотрим первый тип информативного 'ОН'-контекста (*ему кажется₁₁* – 'но не автору'), в котором конструируется конкретный, индивидуализированный субъект-экспериментер. Такой контекст встречается в жанре мемуаров. В этом случае публицистический 'ОН'-контекст строится так же, как и 'ОН'-контекст обыденного дискурса, но отличается характером воздействия и выявляемой в значениях *казаться, показаться* эксплицитной рефлексией субъекта. Главное коммуникативное (и когнитивное) правило построения 'ОН'-контекста обыденного и публицистиче-

ского дискурсов (в отличие от художественного) состоит в следующем: чужое мнение приводится для сопоставления с мнением автора, голос третьего лица звучит в противовес голосу пишущего. Так, в представленном ниже контексте, опираясь на фоновые знания об описываемом человеке, субъект пытается воспроизвести мысли третьего лица, маркирует ментальный акт моделирования чужого сознания парентезой *наверное*. Автор текста высказывает предположение. Парентеза *наверное* устанавливает границу (разделяет) позиций: реконструируемой автором позиции третьего лица (*Ему это казалось*) и иной (возможной и независимой от мнения автора) позиции другого лица (К. С.). Ср.: ***Ему это казалось, наверное, делом простым и легким, а К. С., памятуя о своей обязанности следовать законам, которые нельзя нарушать, а в данном случае «подчиниться», соответствовать воле режиссера, старался выполнять все пожелания Бенуа*** [НКРЯ].

Воспоминание – основной ментальный акт, связанный с нарративными жанрами: мемуарами, биографическими заметками, автобиографией. В отличие от обыденного рассказа, в контексте биографического нарратива употребление глагольного слова предопределено особенностями когнитивного стиля: автор не претендует на абсолютную истинность суждений. Это формирует особый образ автора, коммуникативная гибкость которого связана с диалогической (неавторитарной) манерой сообщения.

Рассмотрим второй тип 'ОН'-контекста (*некоторым кажется*₁₂ – 'но не автору') – информативно-генеритивный. В таком контексте конструируется образ неопределенного множественного субъекта – ***сторонникам Хакамады это «кажется»₁₂ крайне оскорбительным***. Ср.: ***В этом ролике использованы детские рисунки, на которых президент РФ изображен только как мужчина. Как говорится в заявлении, сторонникам Хакамады это «кажется крайне оскорбительным», поскольку среди кандидатов, которые будут оспаривать президентское кресло, есть женщина*** [НКРЯ]. Здесь представлены три несовпадающие точки зрения: первая – сторонников Ирины Хакамады (феминистская); вторая – отраженная в ролике провластная точка зрения; третья – которой придерживается журналист. Из описания видеоряда ролика можно понять, что в нем суггестивно утверждается следующее: президентом должен быть мужчина. Цитата из

речи сторонников Ирины Хакамады раскрывает их отношение к содержанию рекламного ролика: им кажется оскорбительным ролик. Журналист, цитируя чужую речь, противопоставляет ей свое собственное мнение, но при этом не солидаризируется ни с одной из точек зрения, выраженных в тексте.

Семантика следующих контекстов также указывает на несовпадение точки зрения автора и точки зрения конструируемого неопределенного множественного субъекта: Ср.: **Некоторым кажется**, что этот хулиганский сайт опасен, поскольку провоцирует и подогревает опасные революционные настроения в обществе. **Другим кажется**, что сайт, наоборот, дает людям своеобразную отдушину, возможность «спустить пар», высказать свое негодование и продолжать жить дальше [НКРЯ]. В последнем фрагменте автором сталкиваются два разных мнения. Сам автор при этом обнаруживает третье мнение на сей счет, отличное от первых двух. Ср. также публицистические контексты, в которых противопоставление позиций журналиста и конструируемого неопределенного множественного субъекта имплицитивно описываемым значением глагольного предиката *казаться*: *Сейчас многим украинским политикам кажется*, что Меджлис – это меньшее зло [НКРЯ]; *Избирателям кажется*, что предлагаемый путь развития страны и решение проблем, перед которыми страна стоит, являются наиболее эффективными [НКРЯ]. Глагольный предикат *казаться* выражает контрпозицию автора по отношению к позиции неопределенного множественного субъекта – *многим украинским политикам кажется; избирателям кажется*.

В публицистических текстах часто обнаруживается лингводемагогическая установка автора. При лингводемагогической установке автор высказывает свое собственное отношение, мнение, выдавая его за мнение социальной группы или всего социума. В контекстах лингводемагогического воздействия (убеждения) с глагольным предикатом *казаться* конструируется образ неопределенного множественного субъекта: этот субъект представляет некий фантомный социум, мнение которого как бы отражается.

Аналитизм когнитивной деятельности публициста иллюстрируется содержанием большинства рассматриваемых контекстов: установка публициста состоит не просто в информиро-

вании адресата (ср. с установками обыденного дискурса), а в объяснении причин описываемых событий. Приводимые ниже 'ОН'-контексты устной публичной речи построены по одной и той же когнитивной схеме. Так, в следующем фрагменте автор рассуждает о мировоззренческих (ментальных) противоречиях между европеизированным дворянством и патриархальным крестьянством в России; моделирует дворянское общественное сознание как культурное, а крестьянское как антикультурное, антагонистическое по отношению к первому (*Именно это всё казалось **им** нечестивым*). Автор анализирует причины исторических противоречий внутри русского общества, русской культуры. Ср.:

[Юрий Пивоваров, муж] *То есть они уничтожали все элементы вот этой чуждой им культуры европеизированных верхов. Вот этой вот дворянской заимствованной культуры. Именно в них они видели источник эксплуатации. Именно **это всё казалось им нечестивым**. То есть страшное противоречие. А ведь эта культура/ культура дворянская/ уже тогда стала порождать театр/ музыку/ литературу. Расцвет будет в девятнадцатом веке/ но уже в те времена/ при Екатерине/ подъём был ощутим [НКРЯ].*

В следующем контексте устной публичной речи запечатлен анализ парадоксальности религиозного сознания людей постсредневековой эпохи. Ср.: [Александр Махов, муж] *Ведь все изображения/ которые я приводил/ почти все – это либо украшения Библии/ либо украшения храма. С нашей точки зрения/ это странно/ да/ что в храме так много изображений дьявола/ что в Библии так много изображений дьявола. Неслучайно/ кстати/ очень многие изображения в манускриптах/ на фресках/ э/ изображения дьявола повреждены благочестивыми/ э/ христианами более поздних эпох/ они исчёрканы/ иногда штукатурка отбита... Вот/ э/ **людям** в постсредневековую эпоху **казалось/ что дьявола слишком много**. Но как объяснить всё-таки вот это вот-э/ такое обилие изображений дьявола в храме и в Священном Писании? Здесь мы сталкиваемся вот с последним/ о чём я хотел вам сказать/ с таким парадоксом средневекового мышления/ который прекрасно выразил францисканский богослов тринадцатого века – святой Бонавентура. Вот вдумайтесь в эти слова [НКРЯ]. Субъект-носитель профессиональных знаний*

не просто информирует адресата, он объясняет причины об-суждаемого сложного явления культуры. Глагольный предикат используется с целью построения модели общественного сознания постсредневековой эпохи – *людям в постсредневековую эпоху казалось/ что дьявола слишком много.*

В рассмотренных 'ОН'-контекстах создаваемые образы определенного и неопределенного множественного субъекта-экспериментера реализуют метаобъектную компетенцию публицистического дискурса.

Проанализируем семантику 'ОН'-контекста третьего типа – информативно-генеритивного (*с первого взгляда кажется*₁₃). В контексте третьего типа конструируется образ адресата публицистического текста. Адресатом выступает обобщенно представленный субъект обыденного дискурса. Так, следующая стратегия (встретившаяся в нашем материале) также связана с публицистическим рассуждением, рефлексией автора, но, как представляется, не над относительностью логической операции или этапами формирования умозаключения, а над содержанием стереотипов обыденного сознания.

Рассмотрим контексты, в которых сочетаемость предикатов *казаться, показаться* с распространителями *на первый взгляд, с первого взгляда* актуализирует значение восприятия как начальной фазы мыслительного процесса, и таким образом в тексте конструируется обобщенный субъект восприятия, которому нечто *кажется*. Ср.: ***С первого взгляда кажется***₁₃ *что ответ прост, – Вселенная жила в условиях колоссальных температур и огромных плотностей* [НКРЯ]. Сочетаемость *с первого взгляда кажется* свидетельствует в пользу следующей интерпретации: семантика предиката *казаться* ассоциативно вызывает представление об обыденном множественном субъекте, в состав которого входят все читатели (но не автор). Возникает значение – 'автор мыслится как представитель профессионального сообщества, он обладает необходимыми знаниями, чтобы оценить и осознать ошибочность (кажимость) первого взгляда обыденного субъекта'. Ср. также: *Традиционное отношение русской интеллигенции к философии сложнее, чем это **может показаться***₁₃ *на первый взгляд* [НКРЯ]. Здесь, помимо смысла 'поверхностность', а потому 'неадекватность' первого взгляда конструируемого множественного субъекта, присутствует зна-

чение всеобщности, распространенности этого взгляда. Автор же мыслится как носитель знаний, которыми не обладает адресат (читатель).

Сравните следующий контекст из статьи «Экономист об украинских реформах: Тише едешь – дальше будешь», опубликованной 20.08.2016 на сайте Хартия'97: Президент центра экономического развития Александр Пасхавер выразил мнение, что невысокий темп реформ повышает шансы достичь успеха в масштабах всей страны. (...) При этом он признает, что реформы идут медленнее, чем хочется украинцам. И главное – проводятся они несистемно, «кусочками». *«Мозаика далека от полной картины, потому и не чувствуется рядовым гражданином, скорее наоборот – реформы бьют по этому гражданину, что естественно, поскольку в них не заложены специальные социальные амортизаторы. Так может быть, неспешный темп реформ естественен для Украины? И не понижает, как кажется с первого взгляда, а повышает ее шансы на успех. В конце концов, быстрота – не столько скорость, сколько непрерывность»*, – добавляет Пасхавер.

В этом 'ОН'-контексте субъектная сфера предиката *казаться* расширяется до значения 'все рядовые граждане (они же читатели)'. При этом автор исключается из множества возможных субъектов, которым нечто кажется. Значение 'автор-профессионал осознает неадекватность первого, поверхностного взгляда рядового гражданина' концептуально связано со значением 'автор осознает этапы процесса познания'.

Коммуникативное клише – *как кажется₁₃ с первого взгляда; на первый взгляд кажется₁₃ / может показаться₁₃* – является своеобразным призывом к более фундаментальному осмыслению предмета обсуждения.

В следующем диалогическом фрагменте публицистического дискурса субъект публичной речи моделирует точку зрения обыденного (массового) субъекта, имплицитно оценивает ее как начальный этап осознания проблемной ситуации – *внешне/формально действительно кажется / что это так*. Конструируемая в контексте точка зрения обыденного субъекта квалифицируется как распространенная, формальная, поверхностная, не глубокая, неправомерная; она противопоставляется точке зрения субъекта публичной речи. Свой взгляд субъект-профес-

сионал подает как более глубокий, фундаментальный, учитывающий не лежащие на поверхности обстоятельства, скрытые от глаз обывателя причины, ср.:

[Слушатель1, муж] *Буквально перед семидесятилетием принятия пакта Молотова-Риббентропа была принята резолюция обээсе/ которая в равной степени возлагала ответственность за развязывание войны как на Советский Союз/ так и на гитлеровскую Германию. Вы сказали/ что это были в корне две принципиально разные системы. Так как отреагировать можно на эту резолюцию?*

[Андрей Сахаров, муж] *Я думаю/ что эта резолюция совершенно исторически неправомерна/ потому что **внешне/ формально действительно кажется/ что это так** – стороны договорились и потом была развязана мировая война. В реальности обээсе забывает об одном – о том/ что сначала пошли на умиротворение и на компромисс с Гитлером страны Запада – Англия и Франция. И в этом смысле люди из обээсе забывают о том/ что Мюнхен – вот/ где начало было заложено будущей агрессии или будущих возможностей для Гитлера для расширения его экспансии. Что касается пакта Молотова-Риббентропа/ то я бы я сказал/ что это был пакт/ который в известной степени дезавуировал Мюнхенское соглашение/ это была возможность выйти из ловушки/ которую Запад устраивал Советскому Союзу на будущее [НКРЯ].*

Выводы к подразделу 2.2. «Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться, показаться* в контекстах публицистического дискурса»

1. Проанализировав семантику контекстов с глагольными предикатами *казаться, показаться* по заданным параметрам, мы условно выделили семь типов контекста и соответствующие им семь контекстных значений в материале быденного дискурса; шесть типов контекста (и шесть контекстных значений) в материале публицистического дискурса.

Основные контекстные значения слова коррелируют как с когнитивной потребностью говорящего, так и с коммуникативной задачей субъекта дискурса. Синтез коммуникативного

и когнитивного аспектов дискурсивной деятельности субъекта фиксируем термином 'дискурсивная логика' субъекта.

2. Та или иная дискурсивная логика субъекта (обыденного – публицистического дискурса) коррелирует со сложившимися дискурсообразующими компетенциями (метасубъектной, метаобъектной и метаадресатной), которые, в свою очередь, обусловливаются экстралингвистическими условиями.

2.1. Метасубъектная позиция обыденного дискурса обусловливается тем, что в обыденном дискурсе представлен человек, который получает информацию об описываемом событии, будучи его непосредственным участником или наблюдателем. Экстралингвистические условия отражаются в семантике репродуктивного 'Я'-контекста: в контексте пространственно-временная позиция говорящего выражается разными языковыми средствами, в том числе и значением глагольного времени, а именно – актуальным, конкретным настоящим, прошедшим или будущим временем (*мне кажется, мне казалось*). Так как обычно человек склонен доверять личному опыту, когнитивная деятельность говорящего связана с рефлексивным актом (*мне кажется / показалось*), который направлен на референциальную проверку соответствия первого впечатления тому объекту, который имеется в реальном мире. Установить референциальное соответствие своего первого впечатления тому, что имеется в действительности, важно для последующего процесса познания воспринимаемого объекта, ситуации, события.

2.2. Экстралингвистические условия публицистического дискурса иные. Прагматическая ситуация реального сенсорного восприятия происходящего события конкретным субъектом обнаруживается только в жанрах – телевизионного (или радио) комментирования спортивных соревнований; в новостном жанре репортажа с места события; в жанре интервью. Ответственность журналиста-комментатора за достоверность информации заставляет его маркировать рефлексивный акт над выводом о несоответствии прогноза (ранее предполагавшегося) тому, что реально происходит на поле (*казаться_б – мне казалось до игры/ что*).

Помимо названных жанров (синхронного комментирования события и др.), остальные публицистические жанры предполагают иную прагматическую ситуацию – отрыва от денотативной ситуации, абстрагированности субъекта от процес-

са реального сенсорного восприятия описываемого события. В контексте фиксируется пространственно-временная дистанцированность автора, умозрительный, часто ретроспективный взгляд на описываемое событие, что выражается в характере глагольного времени – в значении узуального времени.

2.3. Социальная коммуникация имеет свои особенности: в силу локальной и временной дистанцированности автора от читателя, в большинстве случаев адресат не может проверить достоверность информации, выступает только как получатель сообщения, его реакция на него остается неизвестной. В силу названных экстралингвистических особенностей, в силу специфики квазикоммуникативной ситуации, которая не предполагает активного взаимодействия с читателем, диалога с ним, публицистическая нарративная стратегия получает особую риторическую оформленность, заостренность: опытный автор-публицист прибегает к рассуждению, рефлектирует над предметом осмысления и изложения, чтобы вызвать доверие информации у адресата. Доверие к информации – необходимое условие для успешного воздействия на читателя.

3. В связи с отмеченной риторической спецификой – целенаправленного воздействия на адресата – дискурсивное рассуждение публициста получает статус информативно-генеритивного коммуникативного регистра – обобщенной информации, соотнесенной с жизненным опытом и универсальным знанием. Возникающее обобщенное значение отражает абстрактный характер мышления, запечатленный в информативных текстах публицистического (научно-публицистического) дискурса. В связи с названными дискурсивными особенностями, в публицистических контекстах у глагольных предикатов *казаться*, *показаться* возникают дискурсивные модификации субъектных значений. Субъектная валентность глагольного предиката (*кому кажется*) служит базой для создания особых метапозиций – объекта публицистического сообщения (он же экспериенцер), адресата публицистического сообщения (тоже экспериенцера), а также позиции субъекта-носителя знаний и рефлексии (автора-публициста).

3.1. В публицистическом дискурсе конструируется особый тип субъекта когнитивной деятельности (метасубъектная позиция) – это автор-публицист как представитель профессионального сообщества; особый тип адресата (читателя / зри-

теля) – это обобщенно представленный **субъект обыденного** дискурса; особый тип объекта сообщения. Объект сообщения выбирается в зависимости от публицистического жанра и воплощенной в жанре когнитивной деятельности автора. Так, в жанре мемуаров объект представлен индивидуализированно (*ему казалось*), а в иных жанрах – обобщенно (*украинским политикам казалось*).

3.2. Первая дискурсообразующая позиция – метасубъектная – предполагает высокий интеллектуальный уровень, аналитизм мышления, высокий уровень языковой компетентности автора публицистического дискурса (в отличие от субъекта обыденного дискурса), которые отражаются в общем содержании рассмотренных контекстов, а также в особых нарративных тактиках.

4. Мы выделили несколько коммуникативных (и когнитивных) тактик, релевантных для изучения семантики глагольных слов в ‘Я’-контекстах.

Тактика первого типа была определена как публицистическое рассуждение, базирующееся на рефлексии над относительностью логического вывода, контекстное значение предиката *казаться*₉ – ‘если принять другое условие, то и следствие будет другим’.

Второй тип тактики коррелирует со значением ‘субъект осознает этапы протекания процесса познания’ (*казаться*₉). Рефлексия автора представлена последовательностью мыслительных процедур: осознания первичных впечатлений, соотнесения первичных впечатлений с последующими, осмысления различий между ними, формулирования вывода. Мыслительный процесс публициста представлен как имеющий начальную и заключительную стадию.

Третья тактика была определена как риторическая тактика публициста, который аргументирует изложенную в тексте позицию следующим образом (*мне кажется*₁₀): мысль автора представлена как рождающаяся в момент речи, эффект ‘соприсутствия автора и читателя’ при рождении мысли убеждает последнего в искренности и ответственности публициста за сказанное.

5. Вторая дискурсообразующая компетенция – метаобъектная – связана с общим содержанием и референтной соотнесенностью сообщения о третьем лице или множестве лиц. Мы выделили разные случаи: референтная соотнесенность с ‘конк-

ретным, индивидуализированным субъектом' (*ему кажется*₁₁) обнаруживается в жанре публицистических мемуаров; другим жанрам свойственно абстрагирование (разной степени) от описываемой денотативной ситуации и ее участников. Значения 'неопределенный множественный субъект-экспериментер' (*избирателям кажется*₁₂) и 'максимально обобщенный субъект-экспериментер' (*всем крестьянам кажется*₁₃) отражают **дискурсивную логику публициста**: автор присваивает себе право устанавливать такое референциальное соотношение разоблачаемого впечатления с действительным миром, которое отражает его замысел и риторическую тактику. Публицистические 'ОН'-контексты проявляют контрпозицию автора по отношению к позициям третьих лиц, мнения которых пересказываются.

Поскольку публицистический 'ОН'-контекст строится в соответствии с полемической стратегией автора, в тексте сталкиваются разные точки зрения реальных, но неизвестных читателю субъектов (*одним кажется*₁₂ *одно, а другим кажется*₁₂ *совсем другое*), конструируется образ множественного субъекта-экспериментера (*избирателям, политикам, некоторым, другим кажется*₁₂); то все это придает информации принципиально неverified характер.

В публицистическом 'ОН'-контексте субъектная валентность глагольного предиката *казаться* заполняется в соответствии с выбранной темой, содержанием сообщения, т. е. зависит от содержания дискурсивной и когнитивной деятельности автора. Так, если в научно-публицистическом тексте автор анализирует и объясняет причины классовых противоречий, то субъектная валентность предиката служит базой для реконструкции сознания той социальной группы, которую автор критикует (*это всё казалось им [крестьянам] нечестивым*).

6. Третья дискурсообразующая позиция – метаадресатная (образ читателя) – включает представление о том, что читатель, в отличие от публициста, не обладает достаточным уровнем знаний, необходимым уровнем языковой компетентности. Уровень когнитивной и коммуникативной компетентности автора-публициста гораздо выше, чем у читателя / зрителя.

Особый интерес представляет 'ОН'-контекст с глагольным предикатом *казаться*, в котором конструируется образ адресата. Это субъект-экспериментер (носитель первого взгляда), ко-

торый конструируется как обобщенный субъект обыденного сознания (читатель / зритель). Ему предназначено сообщение публициста. Автор-публицист получает статус субъекта рефлексии, наделенного профессиональными знаниями и опытом, необходимыми для разоблачения поверхностности, недостаточности первого впечатления субъекта обыденного сознания. В контекстах этого типа обнаруживается публицистическая тактика, которая сталкивает оценочный стереотип обыденного сознания с профессиональным (научным) представлением о предмете, раскрывает сложность того, что *кажется*₁₃ *обывателю / читателю простым на первый взгляд*. Коммуникативное клише – *на первый взгляд кажется*₁₃ / *может показаться*₁₃ – является своеобразным призывом к более фундаментальному осмыслению предмета обсуждения.

7. В контексте задач нашего исследования важно установить дискурсивные различия в функционировании избранных для анализа слов. В обыденном дискурсе позиция адресата речи обнаруживается в 'ТЫ'-контексте (*Тебе кажется*), но не в 'ОН'-контексте. В субъектной структуре 'ОН'-контекста публицистического дискурса (в отличие от обыденного) конструируется особый субъект-экспериенцер (*кому кажется*) и особый субъект ментального осмысления чужих перцептивных данных. Роль первого субъекта отводится моделируемому образу адресата – обобщенно представленного простого человека, обывателя, читателя, а роль второго субъекта – автору-публицисту как представителю профессионального сообщества.

2.3. Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться, показаться, девербатива кажимость* в контекстах научного дискурса

Информативная нагрузка и нарративные функции глагольных предикатов *казаться, показаться* модифицируются в контекстах научного дискурса, что, на наш взгляд, отражает иную когнитивную деятельность субъекта-исследователя, иные коммуникативные задачи.

Репродуктивное значение предиката *казаться*₁ и информативное значение *казаться*₂, реализуемые в обыденном дискурсе

и отражающие ситуацию реального чувственного восприятия (*казаться₁*) и актуального осмысления перцептивных данных (*казаться₂*) **конкретным лицом**, в ситуации научной коммуникации теряют свою актуальность.

Дискурсивные модификации значений глагольного предиката *казаться* обусловлены общим содержанием дискурсивной и когнитивной (познавательной) деятельности субъекта. Субъект обыденного дискурса использует слово не так, как субъект публицистического и научного дискурса. Разрабатываемое нами понятие 'дискурсивной логики' субъекта отражает интегральный подход: субъект в процессе дискурсивной деятельности одновременно решает коммуникативные и когнитивные задачи.

Научная коммуникация принципиально отличается от обыденной и публицистической. Исходя из понимания дискурса как коммуникативного события, а также события социального взаимодействия сознаний субъекта и адресата по поводу того или иного объекта, определим специфику научного дискурса. Дискурсообразующая метасубъектная компетенция может быть сформулирована так: говорящий / пишущий – представитель научного сообщества, исследователь, носитель научных знаний, т. е. знаний высшего уровня абстракции. Дискурсообразующая метаадресатная компетенция предполагает, что адресатом научного текста выступает ученый-коллега или все множество коллег, обладающих общим фондом научных знаний.

Метаобъектная компетенция связана с характером науки (формальные – естественные – социально-гуманитарные), научным жанром. Формой существования и развития науки является научное исследование определенного объекта – всестороннее изучение его структуры, характеристик, связей с другими объектами – на основе разработанных в науке принципов и методов познания. Научное исследование – процесс изучения, экспериментирования, концептуализации и проверки теории – связано с получением научных знаний. Важнейший когнитивный признак научного исследования – научное обобщение, которое позволяет установить связь между изучаемыми явлениями и сделать научные выводы. Чем глубже выводы, тем выше научный уровень исследования. Все названные принципы научно-исследовательской деятельности и когнитивные процедуры

отличают научный дискурс от других типов дискурса – обыденного, публицистического, художественного.

Поскольку научное исследование нацелено на познание объекта, а процесс познания – сложный процесс движения человеческого сознания, человеческой мысли от незнания к знанию, от неполных представлений к более полным, то результат научного изучения, воплощенный в тексте научного жанра – статьи, диссертации, монографии, получает особый когнитивно-коммуникативный статус. Научный нарратив по своей когнитивной – эпистемологической – и коммуникативной сути играет роль не столько описания, сколько **предписания**. В этом смысле научный нарратив оказывается определенным аналогом директивных высказываний [Гусев 2008, с. 319]. Передаваемый текст скрыто содержит множество инструкций, регулирующих различные коммуникативные ситуации, и может быть квалифицирован как информативно-волюнтивный регистр.

В нашем материале встретились следующие типовые контексты, релевантные для анализа семантики избранных слов: 1) контекст историографической стратегии, представленный в устной публичной речи; 2) эпистемический контекст, в котором процесс восприятия выступает в качестве объекта научного изучения.

2.3.1. 'Я'- / 'ОН'-контекст историографической стратегии

В информативно-волюнтивных контекстах устной научной публичной речи противопоставляется интуиция исследователя научному методу, который призван эту интуицию проверить (*казаться₁₄*). Ср.: [А. Д. Шмелев, муж] *А нет ли корреляции/ которая интуитивно кажется очевидной/ с личностными установками или/ может быть/ временными установками на тип дискурса* [НКРЯ]. На вопрос, кто является субъектом когнитивного акта, обозначенного глагольным предикатом *казаться₁₄* (**кому интуитивно кажется**), нельзя дать однозначный ответ. Прежде всего речь идет о говорящем, но при этом не только о нем: говорящий претендует на истинность своего суждения в рамках некоторого научного поля, тем самым расширяется сфера субъектности до множества 'ученые-коллеги'.

То же самое можно сказать о субъекте *казаться* в следующем контексте, в котором говорящий имеет в виду 'я и другие ученые-коллеги'. Это значение традиционно называется 'обобщенно-личным'. Обобщенно-личное значение выводит описанное положение дел за пределы конкретной субъектной сферы. Г. А. Золотова обращает внимание на значение **ИНКЛЮЗИВНОСТИ** – 'то, что говорящий включает себя в число возможных субъектов' (**НАМ** кажется). Ср.: [Д.О. Добровольский, муж, 60, 1953] *А вообще вот о чём я буду в основном говорить – это проблемы эквивалентности/ потому что когда делаешь двуязычный словарь/ любой/ то самое главное – это подобрать эквиваленты/ потому что можно конечно сделать какой-то экзотический словарь/ который будет как бы двуязычный/ а на самом деле одноязычный/ где просто написать толкование/ сказать/ что это вот значит то-то и то-то/ употребляется так-то и так-то/ но ведь пользователь не этого ждёт. Он видит немецкую идиому/ он там получает аутентичные контексты с их переводами/ но ему хочется знать/ какие есть русские идиомы или хотя бы слова/ или свободные словосочетания/ которые в принципе функционально эквивалентны/ и которые он может употреблять в сходных ситуациях. И вот поиск эквивалентов оказался не так прост когда/ именно когда работаешь с корпусом. Потому что даже то/ что **интуитивно кажется стопроцентно эквивалентно** и даже здесь думать нечего/ **оказывается даже совсем не эквивалентно**. Вот например/ есть немецкая идиома [говорит по-немецки]/ которая полностью совпадает с русской идиомой «водить за нос кого-либо»/ или там с английской «to lead someone around by the nose». Они одинаковы и вроде бы по актуальному значению/ и безусловно/ они выражают обман по внутренней форме/ по образу/ лежащему в основе и даже по лексическому составу. Но когда обращаешься к корпусу/ а мы работали как? [НКРЯ].*

Глагольный предикат отражает начальную стадию понимания двуязычного языкового материала (*интуитивно кажется стопроцентно эквивалентно*), которая сменяется в процессе работы стадией выводов (*оказывается даже совсем не эквивалентно*), противоположных по содержанию первичным интуициям.

Следующий контекст с предикатом *казаться*₁₅ тоже отражает первичный этап изучения предмета – берестяных грамот (*Ка-*

залось/ что очень много ошибок и первое представление было...)]. Первичный этап – это то представление исследователей, которое базировалось на эмпирическом изучении материала. Впоследствии первое представление было осознано научным сообществом как неадекватное, бесперспективное и даже мешающее правильному пониманию древних текстов. Представления ученых со временем изменились. Ср.: [Андрей Зализняк, муж] *Вот/ так сказать/ такая/ такие степени свободы разрешаются в бытовом письме и это отличает/ скажем/ берестяные грамоты от книжных документов Древней Руси. Заметьте/ тут важно подчеркнуть следующее/ что на первый взгляд – это просто ошибки/ что просто тот/ кто вот так пишет/ вместо «село» пишет «сьль»/ вроде бы делает целых две ошибки в маленьком слове. И такое впечатление и было у исследователей берестяных грамот на первых этапах их изучения. **Казалось/ что очень много ошибок и первое представление было о том/ что писавшие плохо очень владели техникой письма.** Такое представление продержалось какое-то время довольно долго. И надо сказать/ что оказалось сильной помехой для правильного понимания древних текстов. Почему?* [НКРЯ].

В этом контексте субъектная сфера предиката *казаться* также расширяется от значения 'говорящий' до значения 'множество ученых-коллег' (*ученым ранее казалось*). Однако говорящий исключает себя из этого множества, имеет в виду 'кто-то другие, но не я' (значение **ЭКСКЛЮЗИВНОСТИ**). Представляя субъект (**ИМ** *казалось*₁₅) как неопределенно-личный, говорящий выражает свою позицию, свое отношение к тому, о чем идет речь. Говорящий дистанцируется от первого, ошибочного представления коллег, о котором делает сообщение.

Текстам интеллектуального содержания свойственна особая смысловая нагруженность: в них основное внимание уделяется ментальным фактам, способным свободно «передвигаться» в интеллектуальном пространстве и времени. Формируется такой контекст специальными языковыми средствами, прежде всего пассивной конструкцией. Эти конструкции стали неотъемлемым признаком научного стиля, в котором идеальные объекты (понятия, слова, мнения, идеи, образы) могут быть свободными не только от времени, но и от своих творцов. Ср.: *Если раньше история воспринималась как состоящая "из после-*

довательных разных этапов, где **каждый следующий кажется развивающим по отношению к предыдущему**” и **отграничивающимся от него**, то теперь эти границы, как говорил Шнитке, стираются [НКРЯ].

Если сравнить тексты обыденного и публицистического дискурса с научными, то обнаружим, что тексты интеллектуальной сферы предполагают иной тип субъекта и адресата, которые, связанные профессиональным дискурсом, мыслятся как группа специалистов-коллег. В научных текстах пассивные конструкции без субъектной синтаксемы творительного падежа также выражают обобщенно-личное значение. Рассматриваемый контекст сообщает об изменении взглядов на историю совокупности авторов как интеллектуально-исторической общности: то, что раньше *казалось* определенным, теперь уже таковым *не кажется*. Здесь предикат *казаться* – знак начальной стадии интеллектуальной деятельности, в которой отражен процесс становления научного мировоззрения (исторического) как самостоятельный ментальный факт. Ср. также: **Сначала казалось, что, расшифровав полную генетическую информацию геномной ДНК, мы сможем управлять процессами, происходящими в клетке** [НКРЯ].

Часто предикат маркирует интуицию исследователей. Обязательность дополнения строгого логического рассуждения доводами «внелогического», интуитивного характера не раз отмечалась носителями не только гуманитарного, но и естественно-научного мышления. В реальной интеллектуальной практике отделить строгое рассуждение, регулируемое явно выраженными правилами, от эвристических приемов, не имеющих достаточно надежного обоснования, – часто невозможно [Гусев 2008, с. 329].

2.3.2. Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться, показаться, девербатива кажимость* в контекстах эпистемического типа

Эпистемическим называем контекст научного дискурса, в котором процесс восприятия выступает **объектом научного изучения**. В эпистемическом контексте формулируются знания о зрительных иллюзиях, обозначенных глагольным предикатом

катом *казаться* (*казаться*₁₆). В научном дискурсе пропозициональная структура *кто / что кому кажется / может показаться каким / чем*, девербативы *кажимость, кажущееся* выражают знания о том, что в момент восприятия у реципиента могут возникать зрительные иллюзии, галлюцинации. В науке исследуются причины *кажимости*. С одной стороны, это совокупность объективных характеристик предмета или процесса на уровне явления, с другой — способ объяснения этих характеристик субъектом научного дискурса или их преобразование в процессе получения информации о них. Ср.: *В результате различных коэффициентов преломления светового луча в воздухе и воде палка, опущенная наполовину в воду, кажется надломленной* [НКРЯ].

Наука физика (оптика) рассматривает *кажимость* как оптическую иллюзию – несоответствующее действительности представление видимого явления или предмета вследствие особенностей строения зрительного аппарата. Причинами возникновения оптических иллюзий являются нарушения в сложно устроенной системе зрительного аппарата человека. У зрительного аппарата есть вполне определенный предел функциональных возможностей. В него входят глаза, нервные клетки, по которым сигнал передается от глаза к мозгу, и часть мозга, отвечающая за зрительное восприятие. В связи с этим выделяются три причины зрительных иллюзий (*кажимости*): 1) глаза человека так воспринимают идущий от предмета свет, что в мозг приходит ошибочная информация; 2) в результате нарушения передачи информационных сигналов по нервам происходят сбои, что приводит к ошибочному восприятию; 3) мозг не всегда правильно реагирует на сигналы, приходящие от глаз.

В контексте задач когнитивно-дискурсивного анализа релевантен вопрос о том, включаются ли научные знания в сферу языковой компетенции субъекта научного дискурса и обычного носителя языка. Необходимы ли научные знания о том, что глаза человека так воспринимают идущий от предмета свет, что в мозг приходит ошибочная информация, для понимания общего содержания приведенного выше контекста.

Вопрос о том, насколько энциклопедическая информация важна для понимания языковых выражений, обсуждает Ч. Филлмор в статье «Фреймы и семантика понимания». Иссле-

дователь пишет: *мать по рождению (birth mother)* отличается от *генетической матери* только потому, что современная технология сделала возможным перенесение яйцеклетки из тела одной женщины в тело другой [Филлмор 1988, с. 73]. В когнитивистской литературе, к которой относится и семантика фреймов Ч. Филлмора, считается необходимым описывать концептуальные основы лингвистически кодированной понятийной системы. Фреймом исследователь называет знание, лежащее в основе языковых значений, и подчеркивает, что это знание постигается как целостная сущность [там же, с. 56].

Что касается значений слов, то семантика фреймов ориентирована на понимание причин, приведших языковое сообщество к созданию категории, представляемой данным словом, и на объяснение лексического значения на основе выявления этих причин и их экспликации [там же, с. 68].

Изучая семантику слова в когнитивистской системе понятий, обратимся к дискурсам разных наук. Каждая наука вырабатывает свою систему знаний о причинах возникновения интересующего нас феномена *кажимости*.

2.3.2.1. Эпистемический контекст научного дискурса психологии / медицинской психологии

Особые значения у глагольного предиката *казаться* (*казаться₁₆* и *казаться₁₇*) возникают в контекстах научного дискурса психологии / медицинской психологии. В дискурсе психологии формулируются научные знания о зрительных иллюзиях (первый тип эпистемического контекста) и галлюцинациях (второй тип).

Эпистемический контекст первого типа отличается от ранее рассмотренных контекстов историографической стратегии тем, что в нем моделируется иллюзорное зрительное восприятие реципиента (он же субъект-экспериментер). В качестве языкового материала возьмем статью «Иллюзии восприятия» из краткого психологического словаря. В статье приводятся рисунки двухмерных контурных изображений, описываются иллюзорные зрительные эффекты, возникающие у реципиента. Ср.: *Две центральные окружности кажутся различными, хотя в действительности они одинаковы; Из двух равных по длине*

отрезков вертикальный кажется больше (горизонтально-вертикальная иллюзия); **Два вертикальных отрезка равны, но правый кажется больше** (перспективная иллюзия); **Отрезки одной косо́й линии кажутся сдвинутыми относительно друг друга** [КПС 1985, с. 111–113].

В рассматриваемых контекстах концептуализируются научные знания о том, что в момент зрительного восприятия особых геометрических изображений у реципиента возникают оптико-геометрические иллюзии. Носителем научных знаний является автор текста – субъект научного дискурса, представитель научного сообщества. Когнитивная и коммуникативная стратегия автора обусловлена установкой объяснить читателю причины и сам механизм возникновения иллюзорных эффектов. Зрительные иллюзорные эффекты возникают из-за особого взаимного расположения геометрических фигур (например, горизонтальный и вертикальный отрезки), из-за наличия других фигур (окружности, прямоугольники).

Считаем, что именно дискурсивная реализация **субъектной** валентности глагольного предиката *казаться* формирует семантическую специфику рассматриваемого контекста. В эпистемическом контексте первого типа автор научного текста включается в субъектную сферу предиката *казаться* (**кому** *кажется* / *может казаться*). Зрительные иллюзии могут возникать как у автора, так и у любого другого реципиента. В таком контексте стирается противопоставленность 1-го лица 2-ому и 3-ему. Возникающее субъектное значение называем инклюзивным (обобщенно-личным).

Нас интересует когнитивный процесс, лежащий в основе создания этого значения. Общий ход наших рассуждений таков: концептуализированное в контекстах научное знание об иллюзорных эффектах формирует концептуальный ‘фон’. Если концептуальный ‘фон’ утверждает, что ‘из-за особого взаимного расположения геометрических объектов на картинке у реципиента искажается восприятие’, то, в соответствии с правилом ‘фон – фигура’, в контексте выделяется ‘фигура’ – ‘зрительные впечатления такого субъекта иллюзорны, им нельзя доверять’.

Чтобы проанализировать концептуализацию ‘зрительные иллюзии’ – ‘субъект-экспериментатор смотрит, видит объекты, но видит искаженно’, сравним ее с ранее рассмотренной *казаться*₁

‘говорящий находится в локусе происходящего события; говорящий воспринимает некоторый объект действительного мира и сообщает собеседнику о своем первом впечатлении, которое может быть ошибочным, а может соответствовать действительности’. В концептуализации ‘зрительные иллюзии’ на первый когнитивный план выдвигается признак ‘искаженный образ’ (впечатление) наблюдаемых объектов. Эти изменения вызываются более глобальными изменениями: эпистемический модус – знания об оптико-геометрических иллюзиях, возникающих у реципиента, – доминирует над перцептивным. Перцептивный модус как будто бы отодвигается на второй когнитивный план, «затемняется», дефокусируется, но полностью не исчезает.

Контексты эпистемического типа показывают, что ментальный (инферентный) модус предполагает отрыв от акта перцепции, эпистемическая информация может противоречить перцептивным данным: ‘не всегда зрительные впечатления человека могут быть надежным основанием для выводного знания о наблюдаемом объекте’. Таким образом, когнитивная семантика глагольного предиката *казаться*₁₆ связана со знанием о том, что существуют особые обстоятельства, под действием которых искажаются зрительные образы объектов действительного мира и у реципиента возникают зрительные иллюзии.

Далее рассмотрим семантику эпистемического контекста второго типа, встретившегося в нашем материале. Второй тип эпистемического контекста отличается от первого тем, что в нем сообщается о галлюцинациях, возникающих у третьих лиц (‘ОН’-контекст).

В дискурсе медицинской психологии термин ‘галлюцинации’ имеет значение ‘ложное восприятие’. В качестве языкового материала возьмем фрагмент монографии В. Н. Мясищева «Основы общей и медицинской психологии». Ср.: *Галлюцинации отличаются от иллюзий тем, что ложное восприятие возникает здесь в отсутствие объекта. Галлюцинации изредка возникают и у здоровых людей. Например, при длительных переходах через пустыню, когда люди изнывают от жажды, им начинает казаться, что впереди виднеется оазис, деревня, вода, в то время как на самом деле их нет* [Мясищев 1968, с. 51].

Глагольный предикат получает контекстное значение – ‘люди смотрят, но видят то, чего нет в действительности’. Счита-

ем, что дискурсивная модификация *казаться*₁₇ – ‘у людей возникают зрительные галлюцинации’ – обусловлена содержанием широкого контекста, в котором выражен итог познавательной деятельности психологов и сформулирована суть зрительной галлюцинации – видеть то, чего нет на самом деле. Когнитивные признаки контекста с *казаться*₁₇ коррелируют с содержанием научных знаний о феномене галлюцинаций, причинах галлюцинаций и т. д. Для когнитивно-дискурсивного анализа важно, что в этом контексте возникает эксклюзивное (неопределенно-личное) значение субъекта-экспериментатора – ‘другим кажется то, чего нет, **но не автору**’. Автор-исследователь (он же субъект рефлексивного акта и носитель научных знаний) противопоставляется субъекту-экспериментатору.

В контексте задач нашего исследования значим тот факт, что когнитивные и коммуникативные (‘ОН’-контекст) признаки контекста скоординированы друг с другом. Отличительная особенность галлюцинаций (в сравнении с иллюзиями) заключается в том, что их ложный характер не осознается больными. В связи с этим в материале научного дискурса не встречается ни ‘Я’-, ни ‘ТЫ’-контекст со значением ‘то, что кажется, – это на самом деле галлюцинация’.

В рассматриваемых контекстах глагольный предикат *казаться*₁₇ используется для описания не только зрительных, но и слуховых впечатлений, квалифицируемых как галлюцинации. Эпистемическое содержание следующего контекста можно передать так: в науке сформулированы знания о слуховых галлюцинациях: ‘больные слышат несуществующие звуки’. Психологам известны причины галлюцинаций. Именно в эпистемическом контексте глагольный предикат получает значение ‘слуховой галлюцинации’. Ср.: *В подавляющем большинстве случаев галлюцинации наблюдаются у психически больных. Наиболее часто встречаются слуховые галлюцинации. Больные слышат свист ветра, шум моторов, скрип тормозов, хотя в действительности этих звуков нет в окружающей их обстановке. Нередко слуховые галлюцинации носят вербальный характер. **Больным кажется, что их окликают, они слышат обрывки несуществующего разговора.** Под влиянием вербальных галлюцинаций императивного, приказного характера такие больные могут совершить неправильные действия, включая попытки по-*

кончить жизнь самоубийством. При зрительных галлюцинациях перед взором больных возникают разнообразные картины – они видят страшных, необычных зверей, устрашающие человеческие головы и т. п. Наблюдаются также обонятельные, вкусовые галлюцинации. В некоторых случаях, особенно при зрительных галлюцинациях, наблюдается их сочетание с галлюцинациями в сфере других органов чувств, например со слуховыми и вербальными галлюцинациями [там же, с. 55].

Тот факт, что глагольный предикат *казаться*₁₇ употребляется для обозначения разных видов галлюцинаций (зрительных, слуховых и др.), с когнитивистской точки зрения, может быть объяснен следующим образом: семантика слова отражает синергетическую связанность разных видов восприятия, поэтому полисемантический глагольный предикат обладает диффузной, континуальной семантикой. Подобный вывод был сделан нами в результате анализа материала обыденного дискурса: пропозициональные структуры *кто / что мне показался₁ каким / чем; кто / что мне кажется₁ каким / чем* выступают языковой формой для концептуализации разных перцептивных актов человека – ‘вижу’, ‘слышу’, ‘чувствую запах’, ‘чувствую вкус’, ‘ощущаю тактильно’.

В научном дискурсе психологии (медицинской психологии) иллюзии и галлюцинации становятся объектом изучения: устанавливаются различия между этими феноменами; дифференцируются разновидности галлюцинаций – ложные и псевдогаллюцинации; анализируются причины изучаемых феноменов. Ср: ***Ложный характер восприятия обычно остается незамеченным для больных, страдающих галлюцинациями. Они убеждены в истинности своего восприятия, им кажется, что неправильно воспринимаемые предметы и явления действительно существуют в окружающей обстановке.***

В отличие от описанных выше так называемых истинных галлюцинаций, при псевдогаллюцинациях больные осознают их ложный характер. Галлюцинаторный образ локализуется не во внешней среде, а непосредственно в представлениях самих больных. К псевдогаллюцинаторным переживаниям может быть отнесено, в частности, нередко испытываемое больными шизофренией звучание собственных мыслей [там же, с. 60].

Поскольку нас интересует вопрос о причинах *кажимости*, рассмотрим некоторые положения научного дискурса медицин-

ской психологии. Исследователи констатируют, что у больных нарушается активное, избирательное восприятие. Ср.: *Механизмы иллюзий и галлюцинаций до настоящего времени изучены слабо. Причины выявляющегося при иллюзиях и галлюцинациях нарушения активного, избирательного характера восприятия пока еще остаются недостаточно ясными* [там же, с. 62].

Тем не менее исследователи устанавливают причины возникновения иллюзий и галлюцинаций. К причинам иллюзий относят, в частности следующую: иллюзия возникает в результате действия специально сформированной исследователем установки. Ср.: *Некоторые иллюзии, наблюдающиеся у здоровых людей, могут быть объяснены так называемой установкой, т. е. искажением восприятия, возникающим под влиянием непосредственно предшествующих восприятий. Это явление широко изучено советским психологом Д. Н. Узнадзе и его школой. Примером образования установки может служить следующий опыт: испытуемому кладут в обе руки 15–20 раз подряд большой и маленький шар одного веса. Затем предъявляются два одинаковых по объему шара. Одни испытуемые обычно оценивают один из шаров, как меньший, той рукой, в которой лежал маленький шар; другие испытуемые обнаруживают противоположную (контрастную) установку и оценивают той же рукой равный по объему шар, как большой* [там же, с. 68].

Возникновение же галлюцинаций объясняют патологической, повышенной возбудимостью определенных областей головного мозга человека. Ср.: *В отношении патогенеза, происхождения галлюцинаций наиболее вероятным представляется предположение об их связи с патологической, повышенной возбудимостью определенных областей в головном мозгу человека. В пользу такой точки зрения говорят, в частности, опыты известного канадского нейрохирурга В. Пенфилда, вызывавшего зрительные и слуховые галлюцинации электрической стимуляцией участков височной и затылочной долей коры головного мозга во время операций по поводу эпилепсии* [там же, с. 70].

Нас интересуют когнитивные структуры знаний, стоящие за концептуализациями 'зрительные иллюзии' (*казаться₁₆*) и 'галлюцинации' (*казаться₁₇*). Чтобы обнаружить их, необходимо осмыслить не только различия значений *казаться₁₆* и *казаться₁₇*, но и сходства, диффузность этих значений, стоящую за ними смысловую общность, концептуальную целостность.

С когнитивной точки зрения, рассматриваемые концептуализации могут быть проанализированы как набор одних и тех же признаков, одних и тех же позиций в едином когнитивном сценарии. В качестве общих выделяем следующие **позиции** в когнитивном **гештальт-сценарии: с одной стороны, субъект-экспериментер**; его перцептивный акт; наблюдаемый им объект; первый, искаженный образ (впечатление от) объекта; возможность осуществить акт рефлексивной проверки первого (искаженного) впечатления и установить истину; **с другой – субъект-носитель знания**; его знание об искаженном характере восприятия субъекта-экспериментера, о несоответствии впечатления (образа) субъекта-экспериментера тому, что имеется в действительности; знания о причинах, приведших к искажению результатов перцепции.

Сравним концептуализации 'зрительные иллюзии' (*казаться₁₆*) и 'галлюцинации' (*казаться₁₇*): они различаются характером субъекта-экспериментера; когнитивным статусом искаженного образа объекта действительного мира; знаниями о причинах. В случае со 'зрительными иллюзиями' субъект-экспериментер мыслится как любой человек (обобщенно-личный субъект); причины не связаны с патологией мозговых процессов; в действительности имеется воспринимаемый объект. В случае с 'галлюцинациями' субъект-экспериментер мыслится как человек, имеющий патологию мозговой деятельности; причиной является повышенная возбудимость определенных областей головного мозга; в действительности отсутствует объект, который бы референтно соотносился с «фальшивым» образом.

Когнитивный процесс создания концептуализации 'галлюцинации' таков: широкий контекст задает концептуальный 'фон', в качестве 'фона' выступает эксплицитно выраженная информация о «ложном», «фальшивом» характере восприятия, (ср. (...) *они слышат обрывки несуществующего разговора; (...), им начинает казаться, что впереди виднеется оазис, деревня, вода, в то время как на самом деле их нет*). Если в 'фоне' утверждается, что в силу определенной патологии у больного возникают «ложные» впечатления, то, в соответствии с правилом 'фон – фигура', в когнитивном фокусе внимания оказывается 'фигура' – 'больной видит отсутствующий объект'. На первый когнитивный план выдвигается признак 'ложности (фальшивости)

образа'. 'Ложность образа' означает оторванность от референта. Отрыв от денотативной ситуации приводит к абсолютизации названного признака, его самостоятельности, константности.

Одновременно с этим признаки – 'субъект-экспериментер может осуществить акт рефлексивной проверки первого (искаженного) впечатления и установить истину'; **временный** характер искаженного образа' – **дефокусируются**, «затемняются», перемещаются в концептуальный 'фон'. Это приводит к изменениям в концептуализации: эпистемический модус – знания о галлюцинациях, возникающих у больного, – доминирует над перцептивным. Перцептивный модус как будто бы отодвигается на второй когнитивный план, «затемняется», дефокусируется, но полностью не исчезает – 'больной видит (слышит), но видит то, чего нет в действительности' (ср. с концептуализацией *казаться₁*).

В концептуализации 'зрительные иллюзии' когнитивные признаки – 'субъект-экспериментер может осуществить акт рефлексивной проверки первого (искаженного) впечатления и установить истину'; 'искаженный образ имеет **временный** характер' – сохраняются в когнитивном фокусе ('фигуре'), а в концептуализации 'галлюцинации' названные признаки полностью дефокусируются, перемещаются из 'фигуры' в концептуальный 'фон'. Концептуализации 'зрительные иллюзии' (*казаться₁₆*) и 'галлюцинации' (*казаться₁₇*) различаются когнитивным статусом признака 'образ воспринимаемого объекта', а именно: в контексте с *казаться₁₆* – это 'искаженный образ', а в контексте с *казаться₁₇* – 'ложный образ'.

В разных науках феномен *кажимости* получает разное смысловое наполнение.

2.3.2.2. Эпистемический контекст философского дискурса

В этом подразделе покажем, как в значениях изучаемых слов отражается когнитивная деятельность субъекта философского дискурса. Считаем, что абстрактное значение девербативов *кажимость*, *кажущееся*, глагольного предиката *казаться* обуславливается содержанием философского концепта *Кажимость*.

Содержание философского концепта *Кажимость* имеет **универсальный** характер, являясь результатом познаватель-

ной деятельности субъекта философского дискурса. В других европейских языках обнаруживаются слова со значениями, близкими к значениям изучаемых слов. Семантические соответствия, возникающие между словами в разных европейских языках, – *казаться, показаться* (в русском); *здатися, здаватися* (в украинском); *to seem* (в английском); *scheinen* (в немецком), а также глагольными формами *кажущееся – seeming – scheinenbar*, позволяют говорить об универсальности соответствующих когнитивных структур. Так, например, в исследовании [Семенова 2007] рассматривается категория *кажимости* на материале современного английского языка.

Специальное изучение содержания философского концепта *Кажимость* не входит в задачи предпринимаемого исследования. Кратко рассмотрим содержание философских категорий для того, чтобы установить корреляцию между когнитивной семантикой слова и знаниями, репрезентированными философской категорией.

Для изучения абстрактной семантики девербативов *кажимость, кажущееся* важен тезис когнитологии «о возможностях языка самому создавать новые сущности путем их номинальных определений» [Кубрякова 2012, с. 24]. Как уже отмечалось, в когнитивистике концептуализация рассматривается как живой процесс порождения новых смыслов. В задачи исследования входят вопросы о том, как образуются новые концепты, как создание нового концепта ограничивается уже имеющимися концептами в концептуальной системе, как можно объяснить способность человека постоянно пополнять эту систему: «в ряде отношений познавательный процесс есть процесс порождения и трансформации смыслов (концептов). Для понимания сути этих процессов оказываются важными как исследования, проводимые в рамках концептуального анализа, так и исследования явлений грамматизации» [КСКТ 1997, с. 93].

В связи с вопросом о том, как образуются новые смыслы, нас интересует, как ранее рассмотренные значения глагольных предикатов *казаться, показаться* в контекстах обыденного дискурса (репродуктивное, информативное, значение воспоминания, рефлексивного акта, т. е. проверки истинности / обманчивости первого впечатления), а также значения иллюзорности восприятия, галлюцинаций, возникающие в контекстах дискурса пси-

хологии, коррелируют с философской категорией *кажимости* (мнимости, видимости) реальности.

2.3.2.2.1. Философская категория *кажимости* реальности

Рассмотрим материал философского дискурса, определим значения избранных для анализа слов: проанализируем особенности концептуализаций, связанных с системой философских знаний о мире, человеке, **гносеологических проблемах** – возможности / невозможности познания мира, *кажимости* / *истинности* результатов познания и др.

Вопрос о соответствии ‘между тем, что есть, и тем, как это выглядит, *чем кажется*,’ – содержится в вопросе о форме мира [Мамардашвили 1997, с. 103]. К решению философской проблемы отчленения истинного познания от неистинного, расхождения между тем, за что вещи и люди выдают себя (*чем они кажутся*), и тем, что они на самом деле есть, обращались такие мыслители, как Р. Декарт, И. Кант, Г. Гегель, Э. Гуссерль, Ф. Брэдли, М. Хайдеггер; Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти и др.

Современные исследователи отмечают эволюцию взглядов философов на проблему *кажимости* реальности [Рубинштейн 1998; 2003]. Кратко представим эволюцию философских воззрений.

Софистика субъективного идеализма заключалась в снятии всякого бытия, в растворении его в *кажимости*. Согласно такому пониманию «мир есть видимость, а не реальность» (world contradicts itself; and is therefore appearance, and not reality) (Bradley «Appearance and Reality»). Философия Ф. Г. Брэдли (1846–1924) опирается на тезис о том, что подлинной реальностью является Абсолют, а реальность есть лишь *кажимость* подлинной реальности [Bradley 1969]. В британском неогегельянстве резко противопоставлялись ‘реальность’ и ‘кажимость’, материя считалась иллюзией, пространство и время – ирреальными. В познании, согласно Ф. Г. Брэдли, нам всегда дано нечто универсальное, поэтому простое описание перцептивных впечатлений, изолированных эмпирических фактов не определяет сущностный характер вещей и процессов. Любой эмпирический факт связан внутренним, существенным образом (в т. ч. и каузально) со всеми другими фактами. Позиция Брэдли основыва-

ется на абсолютизации необходимых, внутренних отношений и игнорировании тех отношений, которые выступают в качестве внешних, эмпирически доступных [ФЭС 1989, с. 69].

Используя ряд сложных аргументов, Ф. Г. Брэдли вначале доказывает противоречивость понятий времени, пространства, причинности, энергии, чувственных качеств личности, которые переводятся им в сферу видимости. Затем он рисует картину «истинной», «неизменной», «непротиворечивой» и «гармоничной» реальности – Абсолюта, в который входят все явления, различающиеся лишь по степени своей относительной целостности. Последней в наибольшей мере обладают явления сознания и образы различных религий, а в наименьшей – материальные объекты и физические процессы. Абсолют – это бесконечный опыт. Он сверхличен, и потому его нельзя называть Богом. Подлинная реальность не может быть областью деятельности рационального мышления, которое, по мнению Брэдли, способно лишь к установлению отношений и расчленению целого; реальность постигается в мистическом переживании непосредственного опыта, в котором совпадают объективное и субъективное. Отношения как таковые, по Брэдли, невозможны вне тотальности, субстанциального целого [Bradley 1969].

В начале XX в. учение Ф. Г. Брэдли и других представителей абсолютного идеализма было подвергнуто критике, так как в их трудах относительность, проблемность познания превращается в отрицание самой познаваемой действительности. При таком подходе происходит смешение *кажимости* как неадекватности, неточности познания и *кажимости* как отрицания самого существования Бытия – Сущего. Вопрос о том, **что** есть нечто, превращается в сомнение, существует ли это нечто вообще [Рубинштейн 2003, с. 289].

Полемизируя с пониманием *кажимости* как «чистой отрицательности», Э. Гуссерль называет небытие одной из модальностей бытия (одним из бытийных модусов). Не-бытие, как и кажимость, предполагает бытие [Гуссерль 1998, с. 134]. Ж.-П. Сартр, обращаясь к идее феномена, констатирует преодоление дуализма бытия и *кажимости*, который «теперь теряет право гражданства в философии» [Сартр 2004, с. 20]. В идее феномена Сартр следует феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Следствием теории феномена является понимание *кажи-*

мости как сущности, которая «больше не противопоставляется бытию, но напротив, есть его мера, ибо бытие сущего и есть как раз то, чем оно *показывается*» [Сартр 2004, с. 20–21]. Свои рассуждения о снятии дуализма *кажимости* и сущности Сартр завершает постановкой новой проблемы: если сущность явления есть *кажимость*, которая больше не противопоставляется какому-либо *бытию*, возникает законная проблема *бытия этой кажимости* [Сартр 2004, с. 22].

В феноменологии восприятия значительное место уделяется проблеме *кажимости*, ее роли в восприятии объективного мира. Так, М. Мерло-Понти подчеркивает, что «*кажимость* вводит в заблуждение и является в буквальном смысле *кажимостью*, пока она не определена» [Мерло-Понти 1999, с. 386]. Говоря о *кажимости* объекта, М. Мерло-Понти устанавливает зависимость между *кажимостями* и действительной точкой зрения воспринимающего субъекта. Проблематику 'отрицательной онтологии', предметом которой является мнимое бытие, 'квазибытие' – нечто реально несуществующее, но *кажущееся* существующим, М. С. Каган вводит в анализ аксиосферы культуры [Каган 1999].

2.3.2.2.2. Гносеологическая **кажимость** vs. онтологическая **кажимость**

Учитывая содержание философских категорий, мы можем определить смысловую нагрузку интересующих нас слов. В контекстах философского дискурса глагольный предикат *казаться*, девербативы *кажимость*, *кажущееся* употребляются, во-первых, для экспликации **гносеологической** проблемы *кажимости реальности* (*казаться*₁₈); во-вторых, для обозначения **онтологической** проблемы *кажимости реальности* (*казаться*₁₉).

Рассмотрим более подробно значения (а также сочетаемость, синтаксические функции) интересующих нас слов в контекстах, взятых из работы С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание. Человек и мир». Критикуя субъективный идеализм, С. Л. Рубинштейн заключает: *Эта неправомерная подстановка есть исходное заблуждение философии, которая приходит затем к отрицанию бытия, внешнего мира, объективной реальности. Вопрос о том, что оно есть, состоящий в различении того, что оно есть на самом деле, в сущности есть, и того, **каким оно** явля-*

ется или **кажется познанию**, подменяется признанием только **кажимости**, приводит к сомнению в существовании бытия. Но не только ложно, но и бессмысленно положение: **кажимость, а не сущее**; ни это, ни то и ничто не есть сущее, т.е. **все только кажимость**. **Идея небытия**, как идея **кажимости**, связана только с «явлением» бытия, с его познанием человеком, с явлением познающему человеку. Небытие всегда есть небытие чего-то особенного, единичного, конечного. Идея его небытия предполагает все сущее, совокупность сущего. **Небытие как кажимость имплицитно полагает, точнее предполагает, бытие** [Рубинштейн 2003, с. 289].

В приведенном фрагменте девербатив **кажимость** употребляется в онтологическом значении: это **кажимость**, которая приводит к сомнениям в бытии, **кажимость** приравнивается к небытию. Исследователь заключает, что субъективный идеализм сводит бытие к **кажимости**: (...) утверждение, что **все – кажимость, нет ничего подлинного, «всамделишного», все тлен и суета сует, соответствует этическому утверждению созерцания (жизнь не всерьез), перенесению центра тяжести в потусторонний мир (буддизм как философия небытия)**. Восстановление же бытия по-иному ставит проблему человека: центральная проблема такой этики – проблема гуманизма как самоутверждения, поюсторонней жизни, инициативы и ответственности [там же, с. 324].

С. Л. Рубинштейн, критически анализируя ошибки как субъективного идеализма, так и позитивистского феноменализма, дифференцирует онтологическую и гносеологическую категории, разводит их, дает определение **кажимости** как гносеологической категории. Ср.: **С началом познания происходит крушение первых иллюзий и заблуждений, конец непосредственного, наивного приятия мира (что дано, как оно дано). С началом познания, сортировки, отчленения истинного от неистинного происходит расхождение, раздвоение между тем, за что вещи и люди выдают себя (чем они кажутся), и тем, что они на самом деле есть. Здесь происходит вскрытие человеком, поколениями людей истины, расходящейся с непосредственно данным и очевидным. Здесь-то и происходит абсолютизация философской мыслью кажимости как попытка снять бытие сущего. Вопрос о том, что нечто есть, превращается в сомнение, что нечто есть. Та-**

ков путь субъективного идеализма, скептицизма, солипсизма. Так происходит сведение сущего к моему представлению: **кажимость как представление, принятое за бытие**. Критика явлений, превращающая их в сплошную **кажимость**, – основной пункт обоснования идеализма. Критика этой критики – таков путь преодоления, снятия идеализма и восстановления прав сущего. **Сведение явления к кажимости и снятие**, таким образом, **бытия – таков ход отрицания бытия** [там же, с. 326].

Согласно концепции С. Л. Рубинштейна, преодоление противоречия между относительностью познания и отрицанием самой познаваемой действительности осуществляется посредством разведения *онтологического* и *гносеологического* понимания *кажимости* (*видимости*) [Рубинштейн 1998; 2003].

Гносеологическая категория *кажимости* связана с относительностью познания, проблемностью познания: с отчленением истинного от неистинного, с различением того, «за что вещи и люди выдают себя (*чем они кажутся*), и того, что они на самом деле есть». При этом «характеристика чего-либо как *кажимости*, *кажущегося* имплицитно включает, необходимо предполагает бытие сущего».

Онтологическая же категория *кажимости* связана с идеей отрицания самой познаваемой действительности. Ср.: *Основной порок идеалистического решения проблемы бытия заключается в сведении бытия к производной от сознания, к корреляту сознания. Этот способ решения проблемы бытия и сознания приводит к двум роковым последствиям: с одной стороны, сведение бытия к корреляту сознания приводит к тому, что этот коррелят – бытие – в конце концов снимается и остается одно сознание, бытие превращается в «кажимость», в продукт моего представления; с другой стороны, сознание занимает место реального человека, узурпирует права реального человека.*

Философия, кончающаяся **превращением бытия в «кажимость»**, жизни в суету сует (*подрывающая всякое утверждение жизни в ее основе*), начинает свое дело с того, что на место человека подставляет его сознание. Таков путь субъективного идеализма, скептицизма, солипсизма.

Субъективность превращается в **«кажимость»**, **иллюзорность**, **неистинность** только тогда, когда образ предмета берется **безотносительно к условиям, объективно его**

*определяющим, и непосредственно относится к вещи, когда не учитывается различие условий восприятия вещи и условий ее существования. Ошибки, неистинность не есть просто отсутствие истины, а ее нарушение, искажение. Наличие ошибки, неистинность – это факт, требующий объяснения. **Отрыв содержания познания от условий его возникновения и отнесение этого содержания к другим условиям** – таков основной источник всяческих ошибок [Рубинштейн 2003, с. 283].*

Философский вопрос о соотношении Бытия и Сознания С. Л. Рубинштейн решает следующим образом: исследователь противопоставляет онтологическую проблему гносеологической. Для того чтобы возникла сама проблема *кажмости* как гносеологическая, т. е. чтобы нечто казалось таким или иным в процессе познания, оно должно существовать, быть действительным, реальным. Ср.: *На самом деле явление несводимо к кажмости. В кажмости тем более не может быть снято бытие сущего в силу следующего простого положения: нечто, обнаруженное как не подлинно сущее, а как мне кажущееся, только постольку обнаруживается, поскольку оно на самом деле есть. Иными словами, игнорируется соотносительность кажмости и бытия, забывается, что характеристика чего-либо как кажмости, кажущегося имплицитно включает, необходимо предполагает бытие сущего. **Существование, бытие сущего заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и ...скрываться.** Таким образом, имеет место скрещение гносеологического и онтологического аспекта в понятии «явление». **Явление на самом деле выступает не как завеса, а как обнаружение сущего, его внешний план** [Рубинштейн 2003, с. 326].*

Резюмируем рассмотренное выше. В познании бытия человеку открываются две взаимосвязанные стороны: 1) бытие как объективная реальность, как объект познания; 2) человек как субъект, познающий в принципе все бытие. Онтологическое отношение человека с миром, их взаимодействие является исходным, так как **основное свойство Бытия, Сущего в мире, в котором есть человек, заключается в том, чтобы являться человеку, выступать в чувственной данности.** С нашей точки зрения, указанное отношение концептуализируется в семантике действительного причастия: *нечто, мне кажущееся*, т. е. 'само показывающееся, являющееся передо мной', а также в аб-

страктной семантике девербатива *кажущееся*, сохраняющего суффикс действительного причастия (*каж-ущ-ее-ся*).

В современных философских работах категория *кажимо-сти* (*видимости*) имеет гносеологический статус в силу ее связи с индивидуальным процессом познания: Бытие, Сущее является познающему субъекту на разных ступенях познания по-разному.

Субъект философского дискурса ищет ответ на вопрос о причинах возникновения гносеологических проблем *кажимо-сти*. Философы устанавливают каузальную связь между **процессом непосредственного восприятия вещи и результатами перцепции**, которые называют 'поверхностными', 'неустойчивыми', 'случайными', а также 'превратным определением истинного бытия', основанном на чувственно-воспринимаемом, внешнем явлении предмета познания.

В связи с рассмотрением вопроса о причинах возникновения гносеологических проблем у познающего субъекта, обратимся к рефлексиям философа В. С. Соловьева (1853–1900). Определяя гносеологический статус *видимости*, *кажимости*, В. С. Соловьев подчеркивает: результат познания зависит от типа сознания познающего субъекта (он же субъект когнитивной деятельности) – обыденного или научного; от характера науки (формальные – естественные – социально-гуманитарные), методов исследования, системы взглядов и научных координат. Ср: *Видимость – понятие, противоположное подлинному бытию или тому, что есть на самом деле. Противоположение это имеет характер лишь относительный, определяясь более или менее глубоким анализом действительности. Так, для обыкновенного, ненаучного мнения* (здесь и далее выделено жирным шрифтом нами) *данное вещественное тело во всей своей чувственной конкретности есть нечто подлинное, само по себе существующее, а отраженный образ того же тела в воде или в зеркале есть видимость. Но для физика и физиолога все данные в нашем чувственном опыте конкретные предметы суть лишь видимость, производимая сложными процессами отражения внешней действительности в наших органах чувств и нервных центрах. Подлинное бытие, с этой точки зрения, принадлежит лишь различным комбинациям и движениям невидимых атомов, составляющих реальный субстрат всех тел и явлений. Для философа-идеалиста этот механизм атомов, в свою*

очередь, есть лишь видимость, призрачный продукт рассудочного мышления, а настоящее бытие принадлежит только мыслящему уму и его внутренним актам. Наконец, **для метафизика-мониста или пантеиста** и человеческий ум, как отдельный самостоятельный субъект, оказывается лишь видимостью, а воистину есть лишь единая абсолютная субстанция или всеединый дух. Как бы то ни было, различие между видимостью и истинно-сущим всегда было и остается коренным нервом не только философского, но и вообще научного мышления. Определяемое более точно, понятие видимости совпадает с понятием явления [ЭСБЕ 1892 т. 2, с. 234–235].

С. Л. Рубинштейн подробно рассматривает, как в процессе познания осуществляется дифференциация истинного и неистинного: *То, что мы видим солнце таким, как мы его видим, само по себе есть объективный факт, закономерно обусловленный объективными размерами солнца как внешней причиной и законами работы зрительного анализатора как внутренними условиями, через посредство которых действуют внешние причины. Образ вещи так же объективно, закономерно зависит от условий ее восприятия, как сама вещь – от условий ее существования. Правильное понимание субъективности заключается в том, чтобы не оправдывать, а исключать всякий субъективизм, всякое изъятие чего бы то ни было в качестве субъективного из всеобщей объективной закономерности всех процессов и явлений в мире* [Рубинштейн 2003, с. 283].

Исследователь выделяет два вида причин, создающих гносеологические проблемы эмпирического познания мира, – **внешние и внутренние**. Внешние причины связывает с условиями (обстоятельствами) наблюдения, а также объективными размерами наблюдаемых объектов, а внутренние – с особенностями зрительного аппарата человека.

Рассуждая об условиях и причинах гносеологических проблем, исследователь приводит пример: *прямая палка **кажется**_{1в} в воде преломленной, точно так же, как мир через розовые очки **кажется**_{1в} розовым, но эта зависимость такого или иного видения предмета **от тех или иных условий его восприятия** не означает, что он таков, каким **кажется*** [там же, с. 328]. Причины гносеологических проблем *кажимости* раскрываются с учетом условий детерминизма. Углубляясь в вопрос о при-

чинах, С. Л. Рубинштейн пишет: *Неадекватное представление о действительных размерах солнца получается только в том случае, если размеры его образа в моем восприятии отрываются от условий, в которых восприятие совершается, и непосредственно переносятся на само солнце. Вместе с тем действительные размеры солнца определяются, исходя опять-таки из чувственных данных восприятия. Оно приводит к истинным результатам, когда соотносится с условиями, их породившими, и преобразуется в соответствии с изменением этих условий* [там же, с. 89]. И далее: *Иллюзорность, неистинность, неадекватность объективному не тяготеет с необходимостью над всем субъективным. Самое познание бытия, повседневно проверяемое и подтверждаемое практикой, есть непрерывное доказательство совместимости субъективности и объективности, связи субъективного и объективного* [там же, с. 89].

Для того чтобы отличить онтологический план от гносеологического, нужно детально проанализировать проблему *кажимости*, дилемму *мир как он есть vs. мир, каким он кажется*.

Кажимость в сфере восприятия – это несоответствие видимости тому, что имеется в реальности. Из чего возникает это несоответствие? Из области психологии восприятия известно, что существуют **иллюзорные и действительные** размеры предмета, вещи. Иллюзорные размеры предмета не есть его несуществующие размеры, а те размеры, которые закономерно возникают при его восприятии в тех или иных условиях. Проблема восприятия действительных размеров предмета – это проблема константности в психологии, учета влияния различных изменяющихся условий на результаты восприятия человека и сохранения устойчивых характеристик предмета в различных, изменяющихся условиях восприятия.

Таким образом, говоря о причинах *кажимости*, философы указывают на две причины возникновения гносеологических проблем: а) *кажимость*, вызванная объективными особенностями условий нашего наблюдения, ср.: *Кажимость восхода и захода Солнца вызвана тем, что мы вместе с Землей движемся вокруг Солнца*; б) *кажимость* – иллюзии, которые сопряжены с дефектом наших познавательных способностей, с обманом чувств, извращенным восприятием действительности, ср.: *Мед может показаться горьким при определенных заболеваниях печени*.

2.3.2.2.3. Когнитивный анализ абстрактных значений девербатива **кажимость** и глагольного предиката **казаться**

Рассмотренный нами материал философского дискурса позволяет расширить диапазон контекстных значений глагольного предиката за счет двух значений *казаться*₁₈ и *казаться*₁₉. В целом можем определить диапазон значений глагольного предиката (учитываем центральную роль в организации пропозициональной структуры) так: от значения 'говорящий первый раз замечает объект' (*казаться*₁), 'говорящий интерпретирует увиденное / услышанное' (*казаться*₂), 'говорящий рефлектирует над истинностью / ошибочностью первого впечатления, полученного в прошлом' (*казаться*₄) и других, отражающих **единичный** акт перцепции **конкретного** субъекта-экспериенцера в ситуации непосредственного чувственного восприятия и дальнейшего осмысления перцептивных данных, – до абстрактных значений *казаться*₁₈ 'в силу определенных причин у каждого субъекта-экспериенцера могут исказиться зрительные образы объектов действительного мира, это усложняет процесс эмпирического познания, создает трудности, которые впоследствии могут быть устранены' и *казаться*₁₉ 'кажимость как отрицание самого существования Бытия: ничего нет, все только кажется'.

В представленном ряду значений первое (**конкретный** говорящий первый раз замечает объект) и последние (*казаться*₁₈ – 'каждый человек испытывает гносеологические проблемы, связанные с субъективностью процесса познания, возможным искажением истинного образа Сущего'; *казаться*₁₉ – 'кажимость как отрицание самого существования Бытия: ничего нет, все только кажется') находятся в отношениях энантиосемии.

Проанализируем изменения в концептуализациях и соответствующих значениях глагольного предиката *казаться*, а также девербатива *кажимость*. Для этого сравним ранее рассмотренное значение (*казаться*₁) со значениями, представленными в контекстах научного дискурса (*казаться*₁₈, *казаться*₁₉).

Сравнение контекстов обыденного и научного дискурсов позволяет говорить о разных уровнях абстракции от денотативной ситуации и ее участников. Уровень конкретности / абстрактности коррелирует с семантикой синтаксемы, заполняющей **субъектную** валентность глагольного предиката в пропозицио-

нальной структуре *кто / что кому кажется каким / чем*, а также типом дискурса, характером представленных в нем знаний и др.

В обыденном дискурсе 'Я'-контекст (*мне кажется*₁) репрезентирует внутреннюю сферу **одного конкретного** человека (субъекта-экспериенцера). Впечатления наблюдателя могут соответствовать действительности или оказаться ошибочными, как например, перемещающийся объект *кажется* стационарным перемещающемуся наблюдателю (ср. *Из окна поезда мне кажется, что машины стоят на месте*). В обыденном дискурсе среди причин *кажимости* называются следующие внешние обстоятельства наблюдения: наблюдаемый объект находится на значительном расстоянии от говорящего (*издалека мне казалось*); сам говорящий занимает неудобное для наблюдения место (*мне казалось с берега*); наблюдение затруднено темным временем суток (*в темноте мне казалось*) и др.

Сравнение приводит нас к мысли, что в семантике контекстов – обыденного vs. философского дискурса – представлены разные уровни обобщения и абстракции от наблюдаемой денотативной ситуации и ее участников. Наивысший уровень обобщения и абстрагирования запечатлен в семантике контекстов философского дискурса, в семантике же контекстов обыденного дискурса представлен **конкретный** (определенный или неопределенный) субъект-экспериенцер, его **единичный** перцептивный / ментальный акт, **определенный** объект, **определенная** денотативная ситуация.

В современной когнитивистике утвердилась следующая идея: знания человека, в частности лингвистические, не только отражают уже познанный мир, но и формируются в процессе взаимодействия с миром, т. е. акты семиозиса как проистекают из внешнего мира, так и создаются в нем [Кубрякова 2004; Ирисханова 2014].

Традиционно процесс языкового абстрагирования рассматривают как процесс и результат 'мысленного отвлечения от каких-либо частных признаков, свойств и связей предмета, явления с целью выделения, обособления его существенных сторон, свойств и связей'.

В когнитивной теории языкового употребления был выдвинут следующий постулат: знания о языке возникают из повседневного опыта языкового употребления. В отличие от био-

лингвистов и Н. Хомского, когнитологи пересмотрели вопрос о врожденности языковых структур и категорий. Семантические, синтаксические, морфологические структуры и категории являются результатом схематизации и конвенционализации – обобщения речевого опыта в языковых схемах и моделях. Об этом пишут Р. Лэнекер и Л. Тэлми [Langacker 1991a; Langacker 1991b; Langacker 2000; Talmy 2001a]. М. Томаселло подчеркивает значимость когнитивных процессов категоризации и реализации интенций для возникновения языковой способности у человека [Tomasello 2003]. М. Томаселло связывает рождение и развитие языка с умением человека как отвлекаться от частных свойств, так и конкретизировать. Действительно, пишет О. К. Ирисханова, «языковая категоризация во многом опирается на способность к абстрагированию как вычленению общих схем (концептуальных, грамматических и пр.) из повседневного языкового опыта» [Ирисханова 2014, с. 76]. Для реализации же коммуникативных целей необходимо противоположное – умение конкретизировать собственные интенции, опознавать интенции собеседника. Таким образом, речемыслительная деятельность человека предполагает как способность к абстрагированию, так и способность к конкретизации.

Анализируя когнитивный процесс создания абстрактного значения слова, исследователи указывают на увеличение концептуальной дистанции по отношению к реальным объектам и их остенсивным (можно указать) свойствам, что «свидетельствует о более высокой ступени абстрагирования (дефокусирования остенсивных признаков) и о том, что в именах высокой абстракции, таких как *вера*, *бытие*, *демография*, *evolution* и пр., инферентный модус осмысления объекта вытесняет, хотя и не полностью, перцептивный модус его восприятия» [Ирисханова 2014, с. 78]. Инферентный модус смещает акцент с характеристик референта на то, каким предстает этот объект в слове и каково предназначение лексем, знаменующих тот или иной модус осмысления действительности. Н. Д. Арутюнова также считает, что конкретные и абстрактные существительные противопоставляются по критерию, связанному с двумя модусами концептуализации референта – перцептивным или инферентным. Инферентный модус – это ориентация не на мир, а на познающего субъекта [Арутюнова 1976, с. 243].

Как показывает приведенный выше материал [Рубинштейн 2003], в семантике философских контекстов процесс восприятия как бы отчуждается от человека, превращается в философскую категорию, которая приобретает фактуальное значение, поэтому возможны высказывания следующего типа: *Что такое кажимость? Откуда возникает кажимость? Каковы причины кажимости?* В данных вопросах девербатив *кажимость* приобретает значение **факта**, характеристика которого, причины которого попадают в коммуникативный фокус вопросительного высказывания. Девербатив *кажимость* позволяет переходить на уровень категорий очень высокой степени инферентности – категорий мироздания, которые отражают восприятие мира человеком на универсально-обобщенном уровне.

В философском дискурсе, в отличие от обыденного, речь идет о фактах в модусе 'это происходит всегда', о знаниях. Эти знания касаются постоянных, всегда возникающих у любого экспериенцера (максимально обобщенный субъект) гносеологических проблемах. Ср. ранее приводившийся типовой контекст, в котором субъект-экспериенцер (**кому** *кажется*) мыслится максимально обобщенно: *Прямая палка **кажется**₁₈ в воде преломленной, точно так же, как мир через розовые очки **кажется**₁₈ розовым, но эта зависимость такого или иного видения предмета от тех или иных условий его восприятия не означает, что он таков, каким **кажется*** [Рубинштейн 2003, с. 328].

Нас интересуют не только семантические различия конкретных и абстрактных значений глагольного предиката, но и сходства – диффузность значений, стоящая за ними концептуальная целостность, которая «высвечивается» в разных дискурсивных контекстах с девербативом и глагольным предикатом. Исследователи также пишут о сложности разграничения абстрактных и конкретных значений: «их следует рассматривать не столько в контексте их дихотомии, сколько в виде континуума, на котором для каждого значения очерчена область существования, но все же некие раз и навсегда зафиксированные координаты не заданы» [Ирисханова 2014, с. 82]. Сходные рассуждения находим у Л. Тэлми, который вводит понятие 'caption', объединяющее перцепцию и концепцию, и представляет его как единое концептуальное пространство, в котором сосуществуют концепты и концептуальные структуры нескольких уровней абстрактности vs. конкретности [Talmy 2001a, p. 141–160].

Применение процедуры когнитивного анализа в терминах 'фон – фигура', 'фокусирование – дефокусирование' для сравнения ранее выявленного репродуктивного (**конкретного**) значения глагольного предиката *казаться*₁ в контекстах обыденного дискурса с **абстрактными** значениями глагольного предиката *казаться*₁₈, девербатива *кажимость* (*гносеологическая*) дает следующую **картину сходств и различий**.

С нашей точки зрения, наивысший уровень обобщения в абстрактном значении *казаться*₁₈ отражает когнитивную операцию дефокусирования признака '**референциальной определенности, единичности, конкретности**' субъекта-экспериенцера – основного участника аргументной пропозициональной структуры (*кто / что кому кажется каким / чем*). Изучаемый когнитивный процесс связан с «затемнением» названных признаков, превращением их в концептуальный 'фон'. Дефокусирование одних признаков сопровождается наведением когнитивного фокуса на другие, а именно: в фокус попадают признаки – '**искаженный** образ воспринимаемого объекта / мира', '**причины** искажения образа наблюдаемого объекта / мира'; '**возможность** референциальной проверки первого, искаженного впечатления и установления истинного представления / знания'. Наведение фокуса внимания на названные признаки «в сумме» с фактологическим модусом 'это происходит всегда' приводит к смысловому эффекту 'в силу определенных причин у каждого субъекта-экспериенцера всегда могут возникать когнитивные трудности: процесс эмпирического познания мира не обходится без них'. В разных контекстах к причинам *гносеологической кажимости* относят либо внешние условия наблюдения, либо несовершенство зрительного аппарата человека, в том числе могут иметься в виду индивидуальные особенности.

Затемняемая информация не исчезает бесследно, а переходит в «спящий режим». Взаимосвязь процессов фокусирования и дефокусирования формирует способность человека осмысливать свойства объектов, которые не находятся в фокусе восприятия *hic et nunc*, но осознаются человеком. О. К. Ирисханова отмечает важное свойство когнитивного процесса дефокусирования – «затемнение признаков, значимых при восприятии объекта или ситуации, в семантике абстрактных лексем не обязательно приводит к семантическому упрощению соответствующих слов –

как в дискурсе, так и в системе языка» [Ирисханова 2014, с. 96]. О большей символичности и метонимичности абстрактных имен пишет Э. Бейтс, понимая символизацию как редукцию – создание «облегченного ментального следа» объекта (класса объектов), представляющего весь объем знаний [Бейтс 1984].

Рассматриваемый нами материал философского дискурса показывает, что уровень категоризации, задаваемый девербативом *кажимость* с дефокусированной семантикой, может меняться в зависимости от контекста, как это происходит в контекстах гносеологической и онтологической *кажимости*.

Обратимся к концептуализации '*онтологическая кажимость*', сравним ее с концептуализацией '*гносеологическая кажимость*'. Проанализируем когнитивную семантику *казаться*₁₉ и девербатива в значении *онтологической кажимости*. В значении *онтологической кажимости*, *казаться*₁₉, как и в значении *гносеологической кажимости*, концептуализируется когнитивный процесс абстрагирования от конкретного субъекта-экспериенцера, его единичного перцептивного акта, при этом степень абстракции, когнитивной «удаленности» от денотативной ситуации увеличивается. Названные признаки дефокусируются, «затемняются» в большей степени, чем в значении *гносеологической кажимости*. Валентность субъекта (*кому кажется*) заполняется еще более абстрактным по значению существительным *познание – познанию* *кажется*, ср.: *Вопрос о том, что оно есть, состоящий в различении того, что оно есть на самом деле, в сущности есть, и того, каким оно является или **кажется познанию**, подменяется признанием только **кажимости**, приводит к сомнению в существовании бытия.*

Субъект (*кому кажется*) мыслится максимально абстрактно и максимально обобщенно как познавательная способность человека, как философская категория. Такой субъект – познавательная способность человека – приводит к **абсолютизации** когнитивного признака 'искаженное впечатление', наделению его статусом всеобщего, константного, самостоятельного: 'искаженность' превращается в 'ложность'. При этом признаки '**временный** характер первичного (искаженного) впечатления'; '**возможность** рефлексивного акта, т. е. акта проверки первого (искаженного) впечатления и установления истинного, нефальшивого представления / знания' **полностью дефокусируются**, затемняются, перемещаются в 'фон'.

Когнитивный статус названных признаков проецируется в синтаксическую структуру предложений с девербативом. Изменение в уровне абстрагирования – переход от значения ‘максимально обобщенный субъект-экспериментер’ (*гносеологическая кажимость*) к значению ‘познавательная способность человека’ (*онтологическая кажимость*) – приводит к утрате синтаксических позиций объекта (*что*), а также позиции содержания впечатления (*кажется каким / чем*). Девербатив *кажимость* (в значении *онтологическая*) получает синтаксическую самодостаточность, самостоятельность, что проявляется в потере названных актантов. Ср. типовые синтаксические модели предложений: *Кажимость, а не сущее; Все – кажимость; Субъективность превращается в кажимость, иллюзорность, неистинность; Бытие превращается в кажимость; Бытие подменяется кажимостью* и др. Абстрактная семантика девербатива коррелирует с синтаксической позицией субъекта (*Кажимость есть отсутствие бытия*) или предиката предложения (*Все – кажимость*).

В терминах ‘фокусирование – дефокусирование’ можно схематично показать, как значение *гносеологической кажимости* превращается в значение *онтологической кажимости*. Несмотря на дефокусирование признаков ‘**референциальной определенности, единичности, конкретности**’ субъекта-экспериментера, включенность перцептивного модуса в концептуализацию *онтологической кажимости* сохраняется. Новая концептуализация реферирует к сущностям иного рода и уровню абстракции над уже существующими понятиями. Новую концептуализацию можно описать как наделение наблюдаемой реальности онтологическими свойствами непознаваемости, непостижимости. Признак ‘в силу определенных причин у каждого субъекта-экспериментера всегда возникают когнитивные трудности: искажаются образы мира’ подвергается **абсолютизации**. Процесс абсолютизации можно представить как **усиленное выделение** главного признака с одновременным затемнением сопутствующих, второстепенных признаков: из идеи ‘человеку всегда все кажется’ выводится идея отсутствия реальности. Абсолютизация одного главного признака формирует новую концептуализацию – ‘нет реальности, есть только *кажимость* реальности’. Понятие *гносеологической кажимости* онтологизируется.

Когнитивный анализ в терминах 'фокусирование – дефокусирование' признаков можно применить и для сравнения концептуализации *казаться*₁₈ с концептуализациями 'иллюзии восприятия' (*казаться*₁₆) и 'галлюцинации' (*казаться*₁₇). Значения *казаться*₁₆ и *казаться*₁₇ предполагают знания о том, что иллюзии восприятия и галлюцинации возникают не у всех субъектов и не всегда, носят временный характер; каждый феномен имеет свои причины. Как уже говорилось, причины галлюцинаций осмыслены как патология мозговых процессов у больного. Причины зрительных иллюзий имеют иной характер, не связаны с патологическим процессом. В абстрактной же концептуализации *казаться*₁₈ признак 'искаженное впечатление от объектов действительного мира' мыслится как постоянная, гносеологическая проблема, возникающая у всех людей вообще. При этом признак 'возможность рефлексивной проверки первого (искаженного) впечатления и установления истинной картины' полностью не «затемняется», сохраняется в когнитивном фокусе.

Покажем, что термины 'фокусирование – дефокусирование' релевантны для анализа изменений в концептуализациях *казаться*₁; *казаться*₂; *казаться*₃; *казаться*₄; *казаться*₅; *казаться*₆; *казаться*₇ vs. *казаться*₁₄; *казаться*₁₅; *казаться*₁₆; *казаться*₁₇; *казаться*₁₈; *казаться*₁₉. Семантические различия коррелируют с когнитивным процессом фокусирования – дефокусирования одних и тех же когнитивных признаков. Эти изменения вызываются коммуникативными ('Я'-; 'ТЫ'-; 'ОН'-контекст) и когнитивными (знания о разных феноменах) факторами. Расположенные в одном ряду концептуализации (значения) – от *казаться*₁ до *казаться*₇ vs. от *казаться*₁₄ до *казаться*₁₈ – можно представить в виде шкалы **возрастания когнитивной выделенности** признака 'искаженное впечатление субъекта-экспериментатора', 'знание о возможности референциальной проверки и установления истинного представления'.

Если мы сравним обсуждаемое значение *гносеологической кажимости*, *казаться*₁₈ со значением *казаться*₁ 'говорящий находится в локусе происходящего события; говорящий воспринимает некоторый объект действительного мира и сообщает собеседнику о своем первом впечатлении, которое может соответствовать действительности, а может оказаться ошибочным / искаженным', то обнаружим, что в концептуализации *казаться*₁

признак 'искаженное впечатление субъекта-экспериенцера' «затемнен», дефокусирован. Термин 'дефокусирование' позволяет объяснить, почему в семантике контекстов с *казаться₁*, *показаться₁* (ср.: *Брат мне кажется₁ больным; Его голос мне казался₁ знакомым*) возможность ошибочного / искаженного впечатления говорящего представлена как потенциальная, имплицитная. В лингвистической литературе для описания подобного смысла давно используются термины 'имплицитный', 'слабый', 'факультативный' [Апресян 1989; Апресян 19956; Богуславский 1985; Богуславский 1996; Гловинская 2000; Зельдович 1998].

Дефокусирование признака 'искаженный образ воспринимаемого объекта' приводит к изменениям в концептуализации. Затемненность признака 'искаженный образ воспринимаемого объекта' обнаруживается и в концептуализации *казаться₂* – 'говорящий не находится в локусе описываемого им события; говорящий интерпретирует ситуацию, оценивает ее с позиции предварительных эмпирических данных / знаний' (ср.: *Статья кажется₂ понятной; Мне кажется₂, всех надо судить одной меркой*). Как уже отмечалось ранее, концептуализация *казаться₂* отличается от *казаться₁* сменой перцептивного фокуса (непосредственного, произвольного) ментальным – опосредованным, произвольным.

Метафорический контекст с *казаться₃* – 'говорящий видит предмет в «ином обличье»: сравнивает увиденное с хранящимися в памяти зрительными образами других предметов' – представляет собою реализацию акта творческого видения и мышления, этот синтез называют воображением. С когнитивной точки зрения, акт воображения базируется на знании о том, что предметы и люди кажутся не тем, чем они на самом деле являются.

В 'Я'-контексте воспоминания создаются когнитивные и коммуникативные предпосылки для выведения из 'фона' и перемещения в фокус признака 'искаженный образ объекта', ср.: *мне казалось₄* – 'вспоминая и рассказывая о прошлом событии, говорящий знает о том, что первое впечатление / мнение может быть ошибочным / искаженным, что впоследствии оно может смениться другим представлением / знанием'. Степень когнитивной выделенности признака (эксплицитности) задается содержанием широкого контекста (ср.: *Вода поднялась выше / чем мне казалось₄ с берега и заливала лодку*).

Коммуникативная логика реактивно-волевого регистра, интенция говорящего – ‘убедить собеседника в своей правоте’ – коррелируют с оценкой чужого впечатления как искаженного, обманчивого. Семантика высказывания *тебе кажется*₅ – ‘ты не прав; у тебя сложился ‘искаженный образ объекта’; ты ошибаешься!’ – показывает, что фокус внимания наводится на признак ‘искаженный образ объекта’.

Этот же анализ можно экстраполировать и на концептуализации, стоящие за семантикой *ему кажется*₆; *ему казалось*₇. Ср.: *Ему кажется*₆ – ‘он не прав, у него сложился искаженный образ объекта; он ошибается!’ – говорящий разоблачает чужое мнение в целях аргументации собственной содержательной позиции: впечатление / мнение третьего лица не соответствует тому, что, с точки зрения говорящего, имеет место на самом деле; *ему казалось*₇ – ‘он был не прав: у него сложился ‘искаженный образ объекта’ – говорящий считает, что владеет достоверной информацией о прошлом событии, участником которого являлся. Чтобы доказать правоту своей версии события, говорящий разоблачает ошибочность чужой.

2.3.2.2.4. *Кажимость в структуре обыденного vs. научного знания*

В лингвокультурологических исследованиях изучаются стереотипы языкового и культурного сознания, национально-специфические концепты *душа, тоска, судьба, задушевность, удаль, воля (вольная), поле (чистое), юродство* и др. [Маслій 2008; Педченко 2013; Сукаленко 1991; Сукаленко 1992]. Усилия исследователей направлены на реконструкцию ‘наивной’, донаучной языковой картины мира [Апресян 1995б, с. 348–388; Карасик 2004; Карасик – Красавский – Слышкин 2009; Педченко 2017; Урысон 1998; Языковая картина мира и системная лексикография 2006].

Разделение и противопоставление обыденного vs. научного знания превратилось в своего рода принцип [Правдин 1991, с. 139]. В теоретической семантике и лексикологии он выражается в антиномиях – ближайшее vs. дальнейшее значения (А. А. Потеня); формальное vs. содержательное понятия (С. Д. Кацнельсон); наивное vs. научное понятия (Ю. Д. Апресян).

Для нашего же исследования важно, что философские категории *онтологической кажимости* как 'отрицания самого существования Бытия, Сущего' и *гносеологической кажимости* как 'видимости, неадекватности, неточности познания' коррелируют с когнитивной структурой, закодированной во внутренней форме рассматриваемых слов *казаться, показаться, кажимость* (см. об этом более подробно в [Чернцова 2018, с. 3–9]).

В специальном подразделе мы рассмотрели внутреннюю форму этимологического типа интересующих нас слов. Здесь сравним данные философского и обыденного дискурсов (материал из словаря В. И. Даля).

С учетом исторических и философских данных реконструируем когнитивную структуру **Сущее мне себя кажет каким:** 'вызываемое во мне впечатление является следствием того, что Сущее показывает себя (*каж-ущ-ее-ся мне*), дает видеть себя, являет себя. Сущее действует по своей воле: оно может явить себя передо мной, а может и не дать видеть себя'. Получается, что мое впечатление зависит от воли Сущего, от желания Сущего: мое впечатление может оказаться неполным, ошибочным, искаженным, оно может не отражать внутренней сути воспринимаемого.

Таким образом, мы приходим к заключению, что во внутренней форме слова обнаруживается гносеологически парадоксальное суждение: **существование, бытие Сущего заключается в том, чтобы обнаруживать себя, являться человеку и при этом скрываться от него**. Для нас принципиально важно, что в когнитивной структуре – **Сущее показывает себя человеку, но не всегда таким, какое оно есть на самом деле** – имеет место скрещение гносеологического и онтологического, субъективного и объективного аспектов познания. Явление Сущего, то, что *кажется*, выступает и как обнаружение Сущего, его внешний план (*кажущееся* – 'показывающееся'), и как «завеса», искажающая его Суть (*кажимость*). Отсюда следует инферентный вывод: познавательные способности человека ограничены, человек не может до конца понять всю сложность Сущего.

Философские наблюдения носителей языка о несоответствии *того, что кажется, и того, что имеется на самом деле*, обнаруживаются в языковом материале, приводимом В. И. Далем. В. И. Даль дает такое толкование: **казаться** – 'показываться, выказываться, появляться; // представляться, являться

въ виде чего, **принимать видъ обманчивый** или **сомнительный**; // думаться, видеться; // нравиться, быть по нраву кому' [Даль ТСЖВЯ т. 2, с. 73]. В иллюстративном материале, приводимом В. И. Далем, обнаруживается несколько предложений:

1) предложения, сообщающие о зависимости результатов перцепции от расположения наблюдаемого объекта, ср.: **Чемъ солнце ниже, тем оно кажется больше**;

2) предложения, сообщающие об индивидуальных особенностях процесса восприятия, о том, что разные люди увидят разное в одном и том же, т. е. результаты перцепции будут различаться, ср.: **У всякаго свое кажется**;

3) диалектные лексемы, в значениях которых концептуализируются знания носителей языка о том, что часто человек хочет казаться лучше, чем он есть на самом деле, или, наоборот, то, как он выглядит, противоречит его сути. Этот опыт применяется и для оценивания предметов, которые специально делаются, чтобы производить лучшее (часто обманчивое) впечатление. Ср.: **Казанка, казистый человек или вещь, щегольская, сделанная на показъ, на славу, или пустая, ни к чему негодная вещица, для обстановки, украшенья. Казистый – видный, красивый, годный на показъ, заманчивый видомъ. Мужичекъ не казистъ, да въ плечахъ харчистъ. Казистая бутылка – свиду большая, обманчивая. Барышня казистенькая. Былъ снопъ казистъ, да вымолочен кажись. И рожей не казистъ, да мощной харчистъ. Не глазистъ, а казистъ. Казистость ж. свойство, сущность казистаго. Казовый, изготовленный на-казъ, напоказъ. Казовый конецъ сукна, чистый, для показу (или казовый, отъ татарск. хазъ, краса, баса?). Казотиться, жеманиться, ломаться, кокетничать, красоваться, охорашиваться. Казакаться сиб. ломаться, важничать, молодцовать передъ кемъ, петушиться. Казотка ж. кокетка, жеманница. Казотливый, жеманный, кокетливый. Казливый, охочий показываться на похвальбу, хвастливый выскочка**;

4) предложения, сообщающие о гносеологических проблемах, о том, что часто суть скрывается за обманчивой внешностью и не соответствует ей. Ср.: **Онъ завсе кажется улыбочку, да на сердце не то; Левою рукой мосоля кажи, въ правой руке плоть держи; Кажется, кашлица; а на дне-то горохъ** [Даль ТСЖВЯ т. 2, с. 74].

Народную мудрость можно сформулировать так: зрительному восприятию нельзя доверять абсолютно; так часто случа-

ется: кажется одно, а на деле оказывается совсем другое. Идеи о том, что внутренняя форма задает потенциальную возможность для слова иметь диапазон значений; разные значения полисемантического слова произрастают из его внутренней формы, важны для исследовательской процедуры реконструкции искомой концептуальной области. Как уже отмечалось, с возникновением когнитивной семантики целью лингвистического анализа становится установление структур знаний, реконструируемых для изучаемых языковых средств и устанавливаемых на базе операций инференции. Чтобы выявить структуру знания, стоящую за избранными для анализа словами, мы привлекли более обширный дискурсивный материал – обыденного, публицистического и научного дискурсов, вышли за пределы традиционно семантического и лексикографического подхода.

Проанализированный нами материал разных дискурсов позволяет заключить следующее: между значениями полисемантического слова (и соответствующими концептуализациями) в контекстах разных дискурсов обнаруживаются не только различия, но и сходства. Научные знания, соответствующие им концептуализации (значения) – ‘зрительные иллюзии’, ‘галлюцинации’, ‘гносеологическая кажимость’, ‘онтологическая кажимость’, – концептуально связаны с обыденными знаниями, представленными в материале словаря В. И. Даля, а также в контекстах обыденного дискурса, проанализированных ранее. Об этом же пишут исследователи языковой картины мира: в значениях слов фиксируются «первичные интуиции человека о мире, из которых и произрастают систематические построения в науке, философии, религии, эксплицирующие эти интуиции» [Кубрякова 1991а, с. 69].

Материал нашего исследования показывает: с одной стороны, интересующие нас слова по-разному употребляются субъектами разных дискурсов – обыденного, публицистического, научного; семантическое наполнение слова зависит от содержания контекста, содержание контекста – от содержания дискурсивной и познавательной (когнитивной) деятельности субъекта дискурса; с другой стороны, в разных дискурсивных значениях «просвечивает» единое концептуальное целое.

Выводы к подразделу 2.3. «Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться, показаться*, девербатива *кажимость* в контекстах научного дискурса»

1. Рассмотренные в данном разделе значения *казаться*₁₄, *казаться*₁₅, *казаться*₁₆, *казаться*₁₇, *казаться*₁₈ и *казаться*₁₉ расширяют наши представления о диапазоне контекстных значений глагольного предиката. Сумма выявленных значений очерчивает концептуальную область, дает содержательный материал для ее реконструкции. Это приближает нас к реализации главной задачи исследования – реконструировать концептуальную смысловую область *кажимости*, предложить метакогнитивную репрезентацию гештальт-сценария этой области; в терминах ‘гештальт’, ‘фон – фигура’, ‘фокусирование – дефокусирование’ представить корреляцию между концептуальной областью и семантикой слова в контексте.

2. Языковой материал позволяет сделать предварительный вывод о том, что во всех контекстах употребления глагольных слов *казаться, показаться* имплицирован некий единый гештальт-сценарий, однако в разных дискурсивных контекстах в качестве ‘фона’ выделяются разные фрагменты гештальт-сценария, а на том или ином конкретном ‘фоне’ выделяется более мелкий фрагмент в качестве доминирующей ‘фигуры’ гештальта. Так схематично можно показать корреляцию между концептуальной областью и семантикой контекста с глагольным предикатом (*кто / что кому кажется / может показаться каким / чем*).

3. Рассмотренные нами два типа употреблений глагольного слова *казаться* (историографический контекст vs. эпистемический контекст) подтверждают ранее сделанный вывод о том, что контекстное значение слова обуславливается **коммуникативной** (и когнитивной) стратегией субъекта дискурса – историографической или эпистемической.

В эпистемических контекстах концептуализируются научные знания о том, как протекает процесс восприятия человеком объектов реального мира в разных условиях.

4. Контекстам историографической стратегии свойственна особая информативная нагруженность: в них рассматривается

эволюция научных взглядов исследователей. В контекстах историографического комментария глагольный предикат (чаще в форме прошедшего времени) маркирует представления исследователей, которые не получают подтверждения в развитии науки (*исследователям казалось, но...*). Этот начальный этап научного познания предстает как эмпирическое изучение материала. Впоследствии оно осознается научным сообществом как неадекватное, бесперспективное и даже мешающее правильному пониманию объекта (*ученым ранее казалось – ‘представления ученых со временем изменились’*). Глагольный предикат противопоставляет первичную интуицию исследователей научному методу, который призван эту интуицию проверить, или первый этап эмпирического / экспериментального изучения противопоставляется последующему этапу выводов, обобщений. В логике историографической стратегии глагольный предикат (*казаться₁₄, казаться₁₅*) получает значение ‘становление научного мировоззрения’, ‘развитие взглядов’ исследователей как представителей того или иного научного направления.

5. Реконструируемая коммуникативная ситуация научного дискурса имеет свои особенности: в контексте конструируется особый субъект когнитивной деятельности – это представитель научного сообщества или множества коллеги-ученые. В нашем материале представлены две разновидности этого множества: первая – множество, в которое говорящий себя включает ‘другие и я’ (*казаться₁₄*); второе – множество, из состава которого говорящий себя исключает ‘кто-то другие, но не я’ (*казаться₁₅*). В первом случае говорящий выражает солидарность с коллегами (*ранее всем нам так казалось*). Во втором случае говорящий дистанцируется от первого, ошибочного, с его точки зрения, представления коллег, о котором делает сообщение (*им казалось, но не мне*). Неопределенно-личный субъект (*некоторые ученые-коллеги, но не я*) моделируется как экспериенсер – чаще речь идет об интуиции исследователей, а говорящий предстает как субъект последующего рефлексивного акта – осознания интуитивного понимания как ошибочного.

6. Отвечая на вопрос о когнитивных и коммуникативных основах многозначности слова, мы пришли к выводу, что разные контекстные значения полисемантического слова *казаться* – это «ответ» языка на когнитивную и коммуникативную потреб-

ность говорящего. Результаты нашего исследования свидетельствуют о зависимости контекстного значения слова от познавательного (когнитивного) опыта субъекта дискурса, его **знаний**. Анализ показывает, что отсутствует четкая граница между языковыми значениями и человеческим опытом, переход от познавательного опыта к языковому значению непрерывен.

7. Рассмотренные нами два типа эпистемического контекста – иллюзии восприятия vs. галлюцинации – позволяют сделать вывод о том, что в семантике контекста (*кто / что кому кажется / может показаться каким / чем*) и в соответствующем контекстном значении слова концептуализируются конкретные научные знания. Анализ семантики эпистемических контекстов в когнитивистской системе понятий позволяет зафиксировать некоторые общие принципы построения контекста. За каждым контекстом «стоит» когнитивный сценарий, отражающий систему научных знаний о зрительных иллюзиях / галлюцинациях, возникающих у реципиента / больного. При этом носителем знаний выступает автор текста. С концептуализированными в контексте знаниями скоординированы значения всех слов, а также их грамматические формы. Когнитивная семантика глагольного предиката *казаться* всякий раз как будто бы дублирует содержание других языковых средств – лексических, синтаксических, организующих тот или иной контекст. Представление о зрительных иллюзиях (*казаться₁₆*) или галлюцинациях (*казаться₁₇*) порождается «усилиями» всех языковых средств контекста.

8. Реализуя одну из важнейших задач исследования – построить метакогнитивную модель, объясняющую, как соотносится семантика контекста и семантика слова в контексте, – мы пришли к выводу, что семантика широкого контекста выполняет роль ‘фона’, а на том или ином конкретном ‘фоне’ выделяется в качестве ‘фигуры’ соответствующее контекстное значение слова. ‘Фигура’ – значение ‘зрительные иллюзии’ / ‘галлюцинации’ – задается семантикой широкого контекста (фона). Термины ‘фон – фигура’ эксплицируют обусловленность выделяемого содержанием невыделяемого.

9. Обобщив результаты семантического и когнитивного анализа, осуществив операцию «извлечения общего знаменателя» из всех предыдущих наблюдений, мы представили концеп-

туализации 'зрительные иллюзии' (*казаться₁₆*) и 'галлюцинации' (*казаться₁₇*) как набор одних и тех же признаков, одних и тех же позиций в едином когнитивном гештальт-сценарии. Этот сценарий включает позиции, с одной стороны, субъекта-экспериментера; его перцептивный акт; наблюдаемый им объект; первый, искаженный образ объекта; возможность осуществить акт рефлексивной проверки первого (искаженного) впечатления и установить истину; с другой – субъекта-носителя знания; его знание об искаженном характере восприятия субъекта-экспериментера, о несоответствии впечатления (образа) субъекта-экспериментера тому, что имеется в действительности; знания о причинах, приведших к искажению результатов перцепции. Концептуализации 'зрительные иллюзии' (*казаться₁₆*) и 'галлюцинации' (*казаться₁₇*) различаются характером субъекта-экспериментера; когнитивным статусом искаженного образа объекта действительного мира; знаниями о причинах. В случае со 'зрительными иллюзиями' субъект-экспериментер мыслится как любой человек (обобщенно-личный субъект); причины не связаны с патологией мозговых процессов; в действительности имеется воспринимаемый объект. В случае с 'галлюцинациями' субъект-экспериментер мыслится как человек, имеющий патологию мозговой деятельности; причиной является повышенная возбудимость определенных областей головного мозга; в действительности отсутствует объект, который бы референтно соотносился с «фальшивым» образом.

9.1. Различия концептуализаций 'зрительные иллюзии' vs. 'галлюцинации' были проанализированы в терминах 'фон – фигура', 'фокусирование – дефокусирование'. В концептуализации 'зрительные иллюзии' когнитивные признаки – 'субъект-экспериментер **может осуществить акт рефлексивной проверки** первого (искаженного) впечатления и установить истину'; 'искаженный образ имеет **временный** характер' – сохраняются в фокусе ('фигуре'), а в концептуализации 'галлюцинации' названные признаки полностью дефокусируются, перемещаются из 'фигуры' в концептуальный 'фон'. Концептуализации 'зрительные иллюзии' (*казаться₁₆*) и 'галлюцинации' (*казаться₁₇*) различаются когнитивным статусом признака 'образ воспринимаемого объекта', а именно: в контексте с *казаться₁₆* – это 'искаженный образ', а в контексте с *казаться₁₇* – 'ложный образ'.

‘Ложность образа’ означает оторванность от референта, отрыв от референта приводит к абсолютизации названного признака, его самостоятельности, константности.

9.2. Поскольку коммуникативная деятельность человека тесно связана с познавательной деятельностью, то когнитивный и коммуникативный планы контекста также скоординированы друг с другом. Коммуникативная специфика эпистемического контекста первого типа, сообщающего о зрительных иллюзиях (*казаться*₁₆), состоит в том, что в нем стирается противопоставление 1-го лица 2-му и 3-му и возникает обобщенно-личное значение субъекта-экспериментера (инклюзивное). Зрительные иллюзии могут возникать как у автора, так и у любого другого реципиента.

9.3. Коммуникативная специфика эпистемического контекста, сообщающего о галлюцинациях (*казаться*₁₇), отличается от коммуникативных признаков контекста с *казаться*₁₆. В ‘ОН’-контексте с *казаться*₁₇ сохраняется противопоставленность первого лица (субъекта-носителя научных знаний) третьему лицу (субъекту-экспериментеру). Галлюцинации мыслятся как возникающие только у больного, но не у автора.

10. Рассмотренные нами значения девербатива *кажимость* (гносеологическая vs. онтологическая), *казаться*₁₈, *казаться*₁₉ имеют непосредственное отношение к гносеологической проблеме субъективного и объективного в познании, связаны с вопросом о различении *мира как он есть* vs. *мира, каким он кажется*. В процессе познания осуществляется дифференциация истинного и неистинного, иллюзорного и действительного; различение того, за что вещи и люди выдают себя (*чем они кажутся*), и *тем, что они на самом деле есть*.

11. В контекстах философского дискурса эксплицируются знания о том, что в процессе эмпирического познания мира каждый человек сталкивается с определенными трудностями, например, ошибки восприятия могут возникать, когда не учитывается различие условий наблюдения объекта и условий его существования (*Кажимость восхода и захода Солнца вызвана тем, что мы вместе с Землей движемся вокруг Солнца*). В научном дискурсе проблема зрительного восприятия действительных размеров предмета связывается со знаниями о том, как влияют изменяющиеся условия на результаты перцепции. Ре-

зультаты процесса познания обуславливаются определенными внешними обстоятельствами (условиями наблюдения, размерами наблюдаемого объекта и др.) и внутренними причинами (несовершенством зрительного аппарата человека и другими дефектами познавательных способностей: *Мед может показаться горьким при определенных заболеваниях печени*).

12. Девербатив *кажимость* относится к категориям очень высокой степени инферентности, которые отражают восприятие мира человеком на универсально-обобщенном уровне. В семантике девербатива перцептивный модус как бы отчуждается от конкретного человека, превращается в философскую категорию, которая приобретает фактуальное значение.

13. В философском дискурсе пропозициональной структуре *кто / что кому кажется / может показаться каким / чем* соответствует когнитивная структура, в которой выражен конфликт перцептивного и эпистемического модусов. При этом содержится мысль о том, что *кажимость* снимается знанием о явлениях реального мира. Мы проанализировали концептуализацию, соответствующую значению *казаться*₁₈ – то, как отображается в языковом сознании первоначально ошибочный перцептивный акт, порождающий искаженный образ воспринимаемого объекта: вслед за первым, ошибочным перцептивным актом следует акт рефлексии, устанавливающий истину.

14. Проанализировав различия в концептуализациях 'гносеологическая *кажимость*' vs. 'онтологическая *кажимость*', мы представили их как игру когнитивного фокуса со смысловыми признаками. В концептуализации *гносеологическая кажимость* признак 'искаженный образ воспринимаемого объекта / мира' выдвигается на первый когнитивный план, приобретает самостоятельный, стабильный характер, т. е. искажение может происходить всякий раз, сопровождать каждый перцептивный акт. Тем не менее в когнитивном фокусе сохраняются признаки '**временный характер** первичного (искаженного) впечатления'; '**возможность установления истинного** представления / знания'.

14.1. В концептуализации *онтологическая кажимость* признаки '**временный характер** впечатления'; '**возможность установления истинного** представления / знания' **полностью дефокусируются**. Признак же '**искаженный образ**' попадает в фокус, **абсолютизируется**, наделяется статусом всеобщего,

константного, самостоятельного: 'искаженность' превращается в 'ложность'. Абсолютизация одного главного признака формирует новую концептуализацию, которая, в свою очередь, приводит к подмене понятия *бытия* понятием *кажимости*.

14.2. Описанное изменение в концептуализации отражается в синтаксисе девербатива: валентность субъекта заполняется синтаксемой *познание*, обозначающей философскую категорию; актанты 'объект', 'содержание впечатления' элиминируются. Философская категория *онтологической кажимости* отражает интеллектуальную позицию субъективного идеалиста.

15. В терминах 'фокусирование – дефокусирование' были проанализированы изменения в концептуализациях *казаться*₁; *казаться*₂; *казаться*₃; *казаться*₄; *казаться*₅; *казаться*₆; *казаться*₇ vs. *казаться*₁₄; *казаться*₁₅; *казаться*₁₆; *казаться*₁₇; *казаться*₁₈; *казаться*₁₉. Проведенный анализ позволяет представить когнитивную операцию создания концептуализаций как процесс абстрагирования от конкретного субъекта-экспериментера, его единичного перцептивного акта, наблюдаемой денотативной ситуации. Степень когнитивной «удаленности» от денотативной ситуации увеличивается в направлении от *казаться*₁ к *казаться*₁₈: рассматриваемый ряд отражает «скольжение» значений от актуального, эмпирического опыта человека к возможному, умозрительному. Языковая абстракция создается за счет когнитивного процесса дефокусирования названных выше признаков. Описанные изменения вызываются коммуникативными факторами ('Я'-; 'Ты'-; 'Он'-контекст; репродуктивный, информативный, генеритивный, реактивно-волеитивный регистр) и когнитивными – знаниями о разных феноменах.

15.1. Проанализировав изменения в концептуализациях *казаться*₁; *казаться*₂; *казаться*₃; *казаться*₄; *казаться*₅; *казаться*₆; *казаться*₇ vs. *казаться*₁₄; *казаться*₁₅; *казаться*₁₆; *казаться*₁₇; *казаться*₁₈; *казаться*₁₉, мы представили их как процесс смены когнитивного фокуса: одни и те же когнитивные признаки то попадают в фокус, выдвигаются на передний когнитивный план, становятся 'фигурой', то дефокусируются, отодвигаются в концептуальный 'фон', но **полностью не исчезают**.

15.2. Расположенные в одном ряду значения – *казаться*₁; *казаться*₂; *казаться*₃; *казаться*₄; *казаться*₅; *казаться*₆; *казаться*₇ vs. *казаться*₁₄; *казаться*₁₅; *казаться*₁₆; *казаться*₁₇; *казаться*₁₈; *казаться*₁₉, мы представили их как процесс смены когнитивного фокуса: одни и те же когнитивные признаки то попадают в фокус, выдвигаются на передний когнитивный план, становятся 'фигурой', то дефокусируются, отодвигаются в концептуальный 'фон', но **полностью не исчезают**.

ся₁₈ – можно представить в виде шкалы возрастания **выделенности** когнитивных признаков **‘искаженное (первичное) впечатление субъекта-экспериенцера’, ‘знание о возможности референциальной проверки и установления истинного представления’**. Термин ‘дефокусирование’ позволяет объяснить имплицитный характер признака **‘искаженное (первичное) впечатление субъекта-экспериенцера’** в концептуализациях *казаться*₁ (‘говорящий находится в локусе происходящего события; говорящий воспринимает некоторый объект действительного мира и сообщает собеседнику о своем первом впечатлении, которое может соответствовать действительности, а может оказаться ошибочным / искаженным’); *казаться*₂ (‘говорящий не находится в локусе описываемого им события; говорящий интерпретирует ситуацию, оценивает ее с позиции предварительных эмпирических данных / знаний’).

15.3. В ‘Я’-контексте воспоминания создаются когнитивные и коммуникативные предпосылки для наведения фокуса внимания на признак ‘искаженный образ объекта’ (*мне казалось*₄ – ‘вспоминая и рассказывая о прошлом событии, говорящий знает о том, что первое впечатление / мнение может быть ошибочным / искаженным, что впоследствии оно может смениться другим представлением / знанием’).

15.4. В ‘Ты’-контексте и ‘Он’-контексте также создаются когнитивные и коммуникативные предпосылки для наведения фокуса внимания на признак ‘искаженный образ объекта’. В логике реактивно-волеитивного регистра интенция говорящего – ‘убедить собеседника в своей правоте’ – коррелируют с оценкой чужого впечатления как искаженного, обманчивого (*тебе кажется*₅ – ‘ты не прав; у тебя сложился ‘искаженный образ объекта’; ты ошибаешься!’). В логике информативно-нарративной стратегии говорящий разоблачает ошибочность чужой версии события, чтобы доказать правоту своей (*ему кажется*₆ – ‘он не прав, у него сложился ‘искаженный образ объекта’; он ошибается!’; *ему казалось*₇ – ‘он был не прав: у него сложился ‘искаженный образ объекта’).

16. Сравнение содержания философских категорий с данными обыденного дискурса из словаря В. И. Даля позволило эксплицировать концептуальную связь между обыденными и научными знаниями. Содержание философских категорий он-

тологической и гносеологической кажимости как будто бы «вырастает» из первичной интуиции носителей языка, отраженной в когнитивной структуре и закодированной во внутренней форме слов.

16.1. Мы реконструировали когнитивную структуру – **Сущее мне себя кажет каким:** ‘вызываемое во мне впечатление является следствием того, что Сущее показывает себя, дает видеть себя, являет себя. Сущее действует по своей воле. Мое впечатление зависит от воли Сущего, от желания Сущего: мое впечатление может оказаться неполным, ошибочным, искаженным’.

16.2. Во внутренней форме слова обнаруживается гносеологически парадоксальное суждение: существование, бытие Сущего заключается в том, чтобы обнаруживать себя, являться человеку и при этом скрываться от него. В когнитивной структуре – ‘Сущее показывает себя человеку, но не всегда таким, какое оно есть на самом деле’ – имеет место скрещение гносеологического и онтологического, субъективного и объективного аспектов познания. Явление Сущего, то, что *кажется*, на самом деле выступает и как обнаружение Сущего, его внешний план (*кажущееся*), и как «завеса», искажающая его Суть (*кажимость*). Познавательные способности человека ограничены: человек не может до конца понять всю сложность Сущего.

2.4. Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться, показаться*, их нарративные функции в контекстах художественного дискурса

В этом подразделе продолжим анализ функциональных контекстов глагольных предикатов *казаться, показаться* по заданным параметрам – ‘дискурсивный тип контекста’, ‘коммуникативный регистр’, ‘коммуникативный тип контекста’, ‘субъектная структура контекста’. Чтобы учесть специфику художественного дискурса, помимо названных параметров, нам потребуется привлечь методологически важные понятия – ‘возможный мир’, ‘полидискурсивность’, ‘художественная нарративная стратегия’, ‘автор’, ‘нарратор’, ‘рассказчик’, ‘персонаж’, ‘читатель’ и некоторые другие.

Одна из задач данного подраздела состоит в том, чтобы обнаружить **специфическую** семантическую и функциональную нагрузку глагольных предикатов *казаться, показаться* в контекстах художественного дискурса. Исследование дискурсивных модификаций значений слова требует учета дискурсивных различий между фактуальным (обыденным) рассказом и фикциональным (художественным) нарративом, суть которых заключается в том, что в первом – события реальны, а во втором – вымышленные. Художественная действительность создается воображением автора и имеет условный, вымышленный характер.

В создании фикционального – возможного – мира проявляется смыслопорождающий характер человеческой мысли и реализуется миропорождающий потенциал семантики слова. О. Г. Ревзина пишет об особом культурном статусе художественного дискурса (М. Фуко) и том факте, что автор-создатель художественного текста называется высоким словом «творец», то есть так же, как и «верховное существо, создавшее мир и управляющее им: Бог». Таким образом, «сверхпрагматика» художественного дискурса состоит в подтверждении идентификации человека как творца, который – искушаемый дьяволом или благословляемый Богом, мог бы мыслить о себе, как Манделштам: «И я когда-нибудь прекрасное создам...» [Ревзина 2005, с. 75].

Художественный дискурс можно определить как вымышленный, в котором изображаемый мир соотносится с действительностью опосредованно, преломляясь через индивидуально-авторское его восприятие и понимание, т. е. концептуализируясь. Однако картина мира, передаваемая текстом, создается не только его автором, но и тем / теми, кто этот текст читает: их интеллектом, культурой, образованием, эмпатией, их мировоззрением. В этом процессе взаимодействия адресата с адресантом и рождается практика дискурса [Асратян 2015; Бойко 2001; Бойко 2006].

Применяемый нами параметр ‘дискурсивный тип контекста’ актуализирует специфику референции текста (в данном случае художественного), предопределенную характером связанного с ним мира (в данном случае фикционального). Специфический характер фикционального мира задают Воображение и Память – основные категории художественного сознания, они

же предопределяют способ сообщения о нем. Логический характер содержания фантазии и воображения можно квалифицировать как 'реальность нереального'. Возможный (нереальный, фикциональный) мир строится по образу и подобию реального мира, его события определяются временными, пространственными и каузальными связями.

Так, Ю. С. Степанов отмечает важные особенности пространства возможных миров. Во-первых, ментальное, или воображаемое, пространство формируется именно как пространство референции, т. е. в формах языка. Во-вторых, ему предшествует пространство семантики, т. е. мыслимое именно как видимое пространство, в котором размещены «вещи» [Степанов 1997, с. 138].

Логика художественного дискурса предполагает особую коммуникативную структуру повествования, которая противоположна логике и коммуникативной структуре обыденного дискурса – диалога и монологического рассказа [Мечковская 2010]. В реальном диалоге каждый субъект говорит сам за себя. Обыденный нарратив также предполагает одного рассказчика. В художественном тексте много говорящих и в то же время один говорящий – автор, который говорит за всех персонажей сразу, поэтому возникает проблема взаимоотношений изображающей и изображенной речи, которые создают две пересекающиеся плоскости, по М. М. Бахтину [Бахтин 1996б, с. 367–368].

Обыденный и художественный дискурсы различаются моделируемыми коммуникативными ситуациями. В реальном диалоге говорящий ориентирован только на слушающего. В художественном тексте автор выстраивает стратегии нарратора, который, во-первых, рассказывая историю читателю, ожидает от него или приписывает ему потенциальную критическую оценку, что создает напряжение между смысловыми позициями нарратора и читателя. Во-вторых, ведет диалог персонажей, которые могут иметь различные точки зрения на описываемую историю, а нарратор может солидаризироваться с ними или конфликтовать [Шмид 2008].

В контексте задач нашего исследования важно, что коммуникативная структура 'автор – изображаемый возможный мир – читатель' повторяется внутри изображаемого мира в структуре 'фиктивный нарратор – повествуемый возможный мир – фик-

тивный читатель' [Лотман 1996; Лотман 1998]. Соответственно, релевантно противопоставление нарратор / рассказчик vs. персонаж и соотношение дискурса персонажа и дискурса нарратора или рассказчика. Для повествования характерна двойная коммуникативная система, состоящая из авторской и нарраторской коммуникации, причем нарраторская коммуникация входит в авторскую как составная часть изображаемого мира. Выделяется авторская коммуникация, нарраторская и персонажи как повествующие инстанции. Абстрактный автор не идентичен с нарратором, но представляет собой принцип 'вымышления' нарратора и всего изображаемого мира. Слово автора – это весь текст во всех его планах, все произведение в своей сделанности [Виноградов 1959; Виноградов 1971; Виноградов 1976]. Абстрактный автор – антропоморфная ипостась всех творческих актов, олицетворение интенциональности произведения (о понятии интенциональности см. в [Маринчак 2004; Маринчак 2010]).

Следуя коммуникативной логике художественного дискурса, будем различать речевые планы повествования, в которых реализуются позиции рассказчика (повествование от 1-го лица), нарратора (повествование от 3-го лица), персонажа. Наш второй параметр – 'коммуникативный тип контекста' – позволяет дифференцировать 'Я'-контекст и 'ОН'-контекст, т. е. различать дискурс персонажа и дискурс рассказчика или нарратора. Эти планы фиксируем термином 'субъектная структура контекста'. Для выявления особенностей функционирования глагольных предикатов *казаться*, *показаться* будем последовательно отвечать на вопрос: кто является субъектом когнитивного акта, маркируемого глагольным предикатом, – нарратор, рассказчик или персонаж.

В решении поставленной задачи важна взаимосвязь между когнитивным значением слова и художественной нарративной стратегией (нарративная стратегия – частный случай коммуникативной), осмысляемой в контексте параметра 'коммуникативный регистр' (см об этом в [Чернцова 2015б, с. 195–210]). Как уже отмечалось, коммуникативный регистр понимается лингвистами как определенный тип отражения действительности, обусловленный точкой зрения говорящего, его пространственно-временной позицией, запечатленной в тексте. В контексте задач исследования релевантно различение репродуктивного и ин-

формативного характера коммуникативного регистра, поскольку именно эти коммуникативные установки отражаются в значениях изучаемых слов. Репродуктивный или информативный характер коммуникативного регистра выражается комплексно – системой всех лексических и грамматических средств контекста.

Когнитивно-дискурсивный анализ может выявить когнитивную значимость слова в построении той или иной нарративной стратегии, связанной с репродуктивным или информативным регистром. Проанализируем контекстные значения слова в разных художественных контекстах, определим нарративную функцию слова – его роль в построение нарративной стратегии. Продолжим когнитивный анализ в терминах ‘фон – фигура’, ‘фокусирование – дефокусирование’. Для анализа нарративной стратегии используем термин ‘фокус’ еще и в другом значении – ‘точка зрения (внешняя / внутренняя)’.

Анализ значимости слова в разных типах художественного контекста, представленных в дискурсивном материале Национального корпуса русского языка, позволяет различать частные типы контекстов. Начнем с контекстов репродуктивного регистра.

Репродуктивное значение глагольных предикатов *казаться*, *показаться* ‘субъект-экспериментер сообщает о том, что видит, слышит, чувствует’ в контекстах художественного дискурса служит конструированию перцептивно воспринимаемого пространства возможного мира, как бы наблюдаемых объектов этого мира. По-нашему мнению, репродуктивное значение *казаться*₁, *показаться*₁ (в контекстах обыденного дискурса) отличается от репродуктивно-описательного значения *казаться*₂₀, *показаться*₂₀ (в контекстах художественного дискурса) настолько, насколько объективная реальность отличается от фикциональной.

2.4.1. Семантика и нарративные функции глагольных предикатов *казаться*, *показаться* в контекстах репродуктивного регистра

В художественных контекстах интересующие нас слова *казаться*₂₀, *показаться*₂₀ употребляясь в функции изобразительных средств репродуктивно-описательной нарративной стратегии, имеют значение – ‘субъект-экспериментер (рассказ-

чик / нарратор / персонаж) воспроизводит сенсорно наблюдаемое, находясь в локусе происходящего'. В разных коммуникативных типах контекста в роли субъекта-экспериментера выступает рассказчик, то нарратор, то персонаж.

2.4.1.1. 'Я'-/ 'МЫ'-контекст репродуктивно-описательной нарративной стратегии

Проанализируем когнитивную значимость слов *казаться*²⁰ *показаться*²⁰ в построении репродуктивно-описательной нарративной стратегии. Репродуктивно-описательная стратегия первого типа представлена в художественных текстах определенных жанров, в частности в книге очерков И. А. Гончарова, составленных на основе путевых заметок, которые были написаны во время экспедиции на военном парусном корабле в 1852–1855 годах. Проанализируем контексты, в которых представлено значение – 'рассказчик сообщает о том, что видит'. Как уже отмечалось, субъектная структура репродуктивного контекста имплицитно определяет позиции субъекта-наблюдателя, субъекта речи и субъекта рефлексии. Две первые позиции в 'Я'-контексте занимает рассказчик, а третья позиция – субъекта рефлексии – реализуется нестандартно. ср.: **Я вглядывался в рытвины Столовой горы, промытые протоками и образующие так называемые «ножки стола». На этом расстоянии то, что издали казалось мхом, травкой, явилось целыми лесами кустов и деревьев. Вся гора, взятая нераздельно, кажется какой-то мрачной, мертвой, безмолвной массой, а между тем там много жизни: на подошву ее лезут фермы и сады, в лесах кишат змеи, бегают шакалы и дикие козы** [И. А. Гончаров «Фрегат «Паллада»»]. Коммуникативные интенции рассказчика состоят в изображении природного пространства, которое он видит. Пространственно-временная позиция наблюдателя (он же рассказчик) моделируется как синхронная тому, что происходит в художественном мире. В этом контексте важную роль играют грамматические формы прошедшего и настоящего времени глаголов: глаголы прошедшего времени представляют авторское повествование о прошлом (*Я вглядывался..., казалось...*), а настоящего – создают в тексте эффект 'синхронности' наблюдателя и наблюдаемого (*кажется – лезут – кишат*). В репродуктивных контекстах пред-

ставлено настоящее время, которое исследователи называют ‘актуальным перцептивным’ временем, так как время события совпадает со временем наблюдения [Золотова, 2014, с. 330–331].

В таком контексте глагольный предикат маркирует сообщение рассказчика о наблюдаемом объекте, первых перцептивных впечатлениях от объекта: *гора кажется какой-то мрачной, мертвой* – ‘наблюдатель находится в локусе происходящего: именно в тот (моделируемый в тексте) момент времени наблюдатель видит, что на горе ничего нет’. Далее в рассматриваемом фрагменте фиксируется смена впечатлений: первое впечатление сменяется другим (ср.: *а между тем там много жизни*). Глагольный предикат маркирует первое впечатление – то, что видно с большого расстояния (ср.: *то, что издали казалось мхом, травкой, явилось целыми лесами кустов и деревьев*). Репродуктивно-описательная стратегия строится на оппозиции впечатлений: *казаться* получает значение ‘субъект-экспериенцер сначала описывает объект, который видит издали, а потом это первое, неполное, общее зрительное впечатление сменяется другим, более детальным, полным’. Как показывает наш материал, часть контекстов имплицитно маркирует позицию второго субъекта, которому приписывается второй когнитивный акт – либо акт наблюдения, либо акт рефлексии над полученным впечатлением.

Сменяющие друг друга зрительные впечатления (*то, что издали казалось мхом vs. явилось целыми лесами кустов; гора кажется какой-то мрачной vs. а между тем там много жизни*) эксплицитно маркируют нарративную стратегию, которую можно уподобить движению объектива камеры в киноповествовании. Кинокамера совершает последовательный обзор описываемого пространства (*горы*): сначала показывает то, что видно издали, с большого расстояния, а затем приближается, фокусируясь на деталях изображаемого.

В рамках репродуктивно-описательной нарративной стратегии *казаться* служит созданию первого, общего впечатления-образа, того, что видно с большого расстояния. По мере движения объектива кинокамеры первое впечатление сменяется другим впечатлением, включающим детали, которые можно рассмотреть только с близкого расстояния. В контексте такой нарративной стратегии не возникает оценки ‘первое впечатле-

ние было ошибочным / искаженным' (ср. с контекстами обычного, публицистического, научного дискурсов), а возникает значение – 'первое, общее впечатление сменилось другим, более детальным'. Субъектом-наблюдателем и первоначального, и более позднего впечатления предстает рассказчик, так как ему принадлежит монополия на изображение – кинокамера. Позиция субъекта рефлексии получает специфическое заполнение – описывается смена впечатлений субъекта-наблюдателя в силу пространственного приближения к описываемому. Заметим, что подобная нарративная стратегия не характерна ни для обычного рассказа, ни для публицистического дискурса. В научном дискурсе нам встретилась информативная, историографическая стратегия, описывающая смену научных представлений.

2.4.1.2. 'Я'- / 'МЫ'-контекст нарративной стратегии, строящейся на смене коммуникативных регистров

Рассмотрим второй тип художественной нарративной стратегии, релевантной для анализа значений и функций глагольных предикатов *казаться*, *показаться*. Нарративная стратегия следующего фрагмента строится как смена коммуникативных регистров с репродуктивного на информативный, что позволяет рассказчику перейти от констатации наблюдаемого к его интерпретации, объяснению для читателя (ср.: *Мне видно было, как... vs. Я понял тогда, что...*). Выделенные жирным курсивом слова можно отнести к эксплицитным лексическим средствам, формирующим репродуктивный (*видно*) и информативный (*понял*) регистры. Ср.: ***Мне видно было, как одна из этих летающих сорочек встретила с одной из летящих стрелок и вдруг повисла в воздухе, а стрелка исчезла. Я понял тогда, что сорочка повисла на невидимой мне паутинке, и это дало мне возможность в упор подойти к паутинке и вполне понять явление стрелок: ветер поддувает паутинку к солнечному лучу, блестящая паутинка вспыхивает от света, и от этого кажется, будто стрелка летит. В то же время я понял, что паутинок этих, протянутых через просеку, великое множество, и, значит, если я шел, то разрывал их, сам не зная того, тысячами. Мне казалось, что у меня была такая важная цель, что я имел право рвать все паутинки и заставлять всех лесных пауков***

работать для моей цели. Но эту замеченную мной паутинку я почему-то пощадил: ведь это она же благодаря повисшей на ней сорочке помогла разгадать мне явление стрелок [М. М. Пришвин «Паутинка»].

В этом фрагменте предикат *казаться* употребляется дважды – в репродуктивном (*казаться₂₀*) и информативном (*казаться₂₁*) значении. С нашей точки зрения, контекстное значение и нарративная функция слова скоординированы с типом нарративной стратегии и коммуникативного регистра. Так, сначала в контексте имплицитно задается репродуктивный регистр, сообщающий о наблюдаемом рассказчиком положении дел (ср.: *Мне видно было, как одна из этих летающих сорочек встретилась с одной из летящих стрелок и вдруг повисла в воздухе, а стрелка исчезла (...) блестящая паутинка вспыхивает от света, и от этого кажется₂₀ будто стрелка летит*). В репродуктивном контексте предикат обозначает восприятие субъектом-рассказчиком описываемого положения дел. Далее следует информативный фрагмент: *Мне казалось₂₁, что у меня была такая важная цель, что я имел право...* В контексте информативного регистра предикат отражает мыслительный акт оправдания своего поведения. Заметим, что самооправдание – одна из разновидностей рефлексивного акта.

Следующий репродуктивный 'Мы'-контекст интересен тем, что в нем рассказчик представлен как локализованный в конкретном месте возможного мира, его «смотровой пункт» расположен на вершине горы (*мы смотрим*), ср. языковые средства репродуктивного регистра, которые выделены жирным курсивом: *На степной речке Рохле приютился город Бельск. В этом месте она делает несколько крутых излучин, соединенных протоками; все сплетение, **если смотреть** в ясный летний день с **высокого правого берега долины реки, кажется** целым бантом из голубых лент. Этот высокий берег **поднимается** над уровнем Рохли **сажен на пятьдесят** и **точно срезан огромным ножом так круто**, что взобраться от воды наверх, туда, где начинается бесконечная степь, можно, только хватаясь за кусты бересклета, дерезы и орешника, густо покрывающих склон. **Оттуда, сверху, открывается вид верст на сорок кругом. Направо к югу и налево на север тянутся холмы** правого берега Рохли, **круто спускающиеся** в долину, как тот, с которого*

мы смотрим, или отлогие; некоторые из них белеют своими обнаженными от почвы меловыми вершинами и скатами; другие покрыты по большей части чахлой и низкой травой. Прямо на восток тянется безграничная, слегка поднимающаяся степь, то желтая от сенокосов, на которых густо разросся негодный молочай, то зеленеющая хлебами, то лилово-черная от поднятой недавно целины, то серебристо-серая от ковыля. Отсюда она кажется ровною, и только привычный глаз рассмотрит на ней едва уловимые линии отлогих, невидимых, глубоких лощин и оврагов, да кое-где виднеется небольшим возвышением старый, распаханый и вросший в землю курган, уже без каменной бабы, которая, может быть, украшает в качестве скифского памятника двор Харьковского университета, а может быть, увезена каким-нибудь мужиком и заложена в стенку загона для скотины [В. М. Гаршин «Медведи»].

В контексте задач нашего исследования принципиально важен тот факт, что репродуктивный регистр выражается комплексом языковых средств, которые выделены жирным курсивом. Помимо субъекта-наблюдателя 'Мы', в контексте моделируется второй субъект-наблюдатель, обозначенный номинацией – *привычный глаз*. Два субъекта-наблюдателя создают содержательный объем и динамику повествования. Во фрагменте – *Отсюда она кажется ровною, и только привычный глаз рассмотрит на ней едва уловимые линии отлогих, невидимых, глубоких лощин и оврагов* – форма настоящего времени имперфективного глагола *кажется*²⁰ выполняет метанарративную функцию проспективизации дискурса: маркирует первое впечатление субъекта-наблюдателя (мы), которое затем противопоставляется другому, более детализированному впечатлению опытного, знающего эту местность наблюдателя (*и только привычный глаз рассмотрит*). Таким образом к концу фрагмента появляются признаки информативного регистра, переводящие фокус внимания читателя с изображения природного пространства на информирование обо всех деталях, которые не могут быть видны наблюдателю, но могут быть известны рассказчику (размышления о каменной бабе и т. д.).

Фрагменты разных регистров выполняют определенные функции в построении художественного текста: предложения репродуктивного регистра служат констатации происходящего

в художественном мире и как бы наблюдаемого субъектом восприятия, а предложения информативного регистра выражают мысли, реакции рассказчика на наблюдаемое событие в целом либо его участников. Сочетание фрагментов разных регистров создает движение мысли в тексте – от описания увиденного к его объяснению, осмыслению.

Определим тактико-стратегические установки субъекта художественного дискурса (автора) и эксплицируем его дискурсивную логику в следующем метавысказывании: художественный контекст репродуктивно-описательной нарративной стратегии строится в соответствии с правилом: субъект-наблюдатель (рассказчик или персонаж) мысленно помещается в локус описываемых картин и событий, восстанавливаемых памятью либо рисуемых воображением. Субъект-наблюдатель находится «там», где происходит описываемое событие, и воспроизводит «видимое» им. В художественном контексте позицию субъекта-наблюдателя может занимать либо рассказчик, либо персонаж, либо рассказчик и персонаж вместе.

В контексте репродуктивно-описательной нарративной стратегии создается **эффект расширения субъектной сферы** предиката (*Отсюда она кажется ровною – кому?*). Эффект «втягивания» читателя в субъектную сферу предиката восприятия достигается отсутствием вербализованной субъектной синтаксемы (**кому** *кажется*): возникает импликация – ‘если бы читатель оказался в том месте моделируемого пространства, где локализован «наблюдательный пункт» рассказчика, он увидел бы то же самое’. Как результат – перед глазами читателя возникает изображаемое – зрительные картины ландшафта: **все сплетение, если смотреть в ясный летний день с высокого правого берега долины реки, кажется целым бантом из голубых лент**. Как уже отмечалось, значение предиката *казаться* и сама синтаксическая конструкция традиционно называются безличными, хотя в контекстах часто возникает обобщенно-личное значение. Обобщенно-личное значение (инклюзивное), с нашей точки зрения, отражает суггестивную установку субъекта когнитивной деятельности (автора), который не только репродуцирует впечатление субъекта-наблюдателя адресату, но и внушает последнему идею ‘всеобщности’ этого впечатления.

Таким образом, в рассмотренных контекстах репродуктивно-описательной нарративной стратегии предикаты *казаться*, *показаться* получают значение 'субъект-наблюдатель описывает то, что «видит»'. Обращает на себя внимание то, что все контексты содержат описание природы.

2.4.2. Семантика и нарративные функции глагольных предикатов *казаться*, *показаться* в художественных контекстах информативного регистра

Б. А. Успенский отмечает, что поведение человека может быть описано двумя принципиально различными способами: с точки зрения какого-то постороннего наблюдателя (место которого может быть как четко определено, так и не фиксировано в произведении). В этом случае описывается лишь то поведение, которое доступно наблюдению со стороны. Второй способ: с точки зрения самого персонажа либо всевидящего и всезнающего автора, которому дано проникнуть во внутреннее состояние персонажа. В этом случае описываются такие процессы – чувства, мысли, ощущения, переживания, которые в принципе не могут быть доступны наблюдению со стороны, но о которых посторонний наблюдатель может лишь догадываться, проецируя внешние черты поведения другого человека на свой субъективный опыт. Иначе говоря, речь идет о некоторой внутренней (по отношению к описываемому лицу) точке зрения [Успенский 1995, с. 9–220].

Как представляется, противопоставление внешней и внутренней (по отношению к объекту описания) точки зрения релевантно для противопоставления обыденной и художественной нарративной стратегии. Как показывает наш материал, субъект обыденной нарративной стратегии использует в основном внешнюю точку зрения, не прибегая к моделированию внутреннего мира описываемого лица. Субъект художественного дискурса (автор) использует более сложную нарративную стратегию, моделирующую как внешнюю, так и внутреннюю точку зрения, создавая этим два фокуса внимания.

В нашем материале выделяются две основные нарративные стратегии: первая – репродуктивно-описательная, использующая внешнее наблюдение: она сообщает о том, что непосред-

ственно видит рассказчик (или сторонний наблюдатель) и что является для него неопровержимым фактом. Вторая – информативно-описательная стратегия, использующая внутреннюю точку зрения: она строится как реконструкция внутреннего состояния действующих лиц, мотивов их поведения, которые не могли быть доступны внешнему наблюдению. В художественных контекстах представлена как первая, так и вторая стратегия, а также их комбинации – репродуктивно-описательная и репродуктивно-повествовательная стратегии; информативно-описательная и информативно-повествовательная. Комбинации формируют более сложную – двуфокусную стратегию (см. об этом более подробно в [Чернцова 2015б, с. 195–210]).

Как уже отмечалось, субъектная структура информативного контекста предполагает позицию субъекта-носителя знания. В этой позиции выступает автор, он же предстает в ипостасях рассказчика или нарратора. Автор обладает абсолютным знанием о событиях возможного мира. Позиция субъекта-носителя знаний конституирует художественную информативно-описательную стратегию: без этой позиции разрушилась бы концептуальная целостность, формирующая содержание художественного повествования. Позиция автора-носителя знаний моделируется как синхронная событиям художественного мира, автор зримо / незримо присутствует в мире своих персонажей. Художественная информативно-описательная стратегия представляет автора (в ипостасях рассказчика или нарратора), чье впечатление, суждение, вывод наделяются статусом истинного.

Далее рассмотрим разные типы художественных контекстов, в которых запечатлены различные стратегии. Выделяем, во-первых, 'Я'-контексты в следующих разновидностях: 'внутренняя речь персонажа'; 'рассказ-воспоминание участника события'; информативно-описательная стратегия метафорического сравнения; во-вторых, 'ОН'-контексты и соответствующие стратегии – 'стратегия, апеллирующая к зрительному впечатлению стороннего наблюдателя'; 'стратегия, использующая оппозицию двух точек зрения – автора и стороннего наблюдателя'; 'стратегия, использующая идею солидаризации автора с персонажем' и некоторые другие.

2.4.2.1. 'Я'-контекст информативно-описательной стратегии 'внутренней речи персонажа'

Художественный повествовательный дискурс слагается как минимум из двух дискурсов: дискурса рассказчика (или нарратора) и дискурса персонажей. Если первый формируется в процессе повествования, то последний мыслится как существующий до повествовательного акта и только воспроизводимый в течение его [Шмид 2008]. Интересующие нас предикаты выполняют особую нарративную функцию – маркируют когнитивный процесс рассказчика, направленный на моделирование мыслей, внутреннего мира персонажа.

Сложность художественных нарративных стратегий отражается в семантике и функциях избранных для анализа слов. В следующем 'Я'-контексте информативно-описательной художественной стратегии предикаты *казаться*_{2r}, *показаться*₂₁ выполняют особую роль: они стирают грань между дискурсом автора (в его ипостасях рассказчика или нарратора) и дискурсом персонажа, формируют разновидность повествования, которую принято называть 'внутренней речью' или 'внутренними монологом' персонажа. В таком контексте представлена внутренняя точка зрения на персонаж, ср.: ***Все тело кажется воспаленным, а голос грубо царапает это воспаленное. Неужели не услышал? Или ждет, чтобы позвала? Чтобы почувствовать – он всегда нужен, она не может без него ни минуты*** [А. И. Слаповский «Большая книга перемен»]. Здесь дискурс персонажа и авторское отношение неразрывно сливаются в тексте. Такая информативно-описательная стратегия может быть уподоблена работе редактора с чужим текстом: автор как будто бы обрабатывает речь персонажа. Автор сосредоточивается на содержании речи персонажа, тем самым приближается к персонажу.

Часто в рассматриваемых 'Я'-контекстах *казаться*, *показаться* выполняют еще одну важную роль: они стирают грани между реальным и вымышленным, уподобляясь модусу фикциональности. Когнитивная семантика рассматриваемых глагольных предикатов связана с Воображением и Памятью, которые имеют ни с чем не сравнимое значение прежде всего потому, что позволяют представить то, что может произойти, то, что возможно, вероятно. Ср.: ***Все медлю я. Все этот край жалею. Все***

кажется, что здесь меня убьют [Б. А. Ахмадулина «Смерть совы»]. Предикат *кажется* сообщает о том, что осмысляется и переживается (страх) персонажем (Я совы). Автор проникает в содержание мыслей и чувств персонажа, показывает их «изнутри» сознания персонажа в момент экзистенциального напряжения. Имперфективные глаголы в форме настоящего времени отражают таксисные отношения одновременности обозначаемых переживаний и когнитивных процессов (*медлю – жалею – все кажется*). Частица *все* подчеркивает длительность ментального процесса и эмоционального состояния.

Соответствующее представление, позволяющее говорящему находиться одновременно в двух мирах – реальном и возможном, – важное свойство интеллекта человека. Оно определяет перспективный характер человеческого интеллекта, именно той особенностью, которая воплощается в значении большого количества слов и выражений. Все они связаны с представлением о будущих (прошедших) событиях, которые происходят или воспроизводятся лишь в памяти или воображении.

В художественном нарративе ярче, чем в других типах нарратива, и на «законных» основаниях реализуется Фантазия – способность представить то, что не может произойти ни сейчас, ни в будущем, т. е. вообще никогда. Она еще раз показывает, что «нарисовать в сознании то, что в данный момент не наблюдаемо – одна из важнейших, наиболее творческих и в то же время естественных для человека операций: «она обеспечивает его возможностью дополнять то, что наблюдаемо, тем, что уже / еще / пока / вообще никогда не будет наблюдаемо» [Рябцева 2004а, с. 460]. Ср.: *Не надо так думать. Мне почему-то кажется, что мы еще увидим его* [Е. Л. Шварц «Дракон»]; *И мне казалось, что, уходя в себя, Корней Иванович разглядывает озабоченно ушибленные в драке части души своей* [Е. Л. Шварц «Белый волк»].

Когнитивная (традиционно – модальная) семантика глагольного предиката *казаться* наделяет предмет мысли статусом бытия. Ср.: *Мне часто кажется, что, если бы Люсин проявил больше терпения и человечности, Виктор остался бы в живых* [Е. И. Парнов «Третий глаз Шивы»]. Мыслительный процесс, содержание которого запечатлено в семантике сказанного, можно квалифицировать как рефлекссию совести: размышление о том,

что бы случилось (*Виктор остался бы в живых*), если бы события развивались по-другому (*Люсин проявил больше терпения*).

В контекстах информативно-описательной стратегии эксплицитная ментальная рамка *мне кажется / мне казалось* получает значение 'интерпретации внутреннего мира персонажа рассказчиком или другим персонажем'. Ср.: *Казалось, что, забыв про все, старик погрузился в созерцание далеких вершин Ладакхского хребта* [И. А. Ефремов «Лезвие бритвы»]; *Казалось, что, надев «синюю блузу», человек изменился и способен только на хорошее* [В. Т. Шаламов «Начало»]; *Но иногда мне казалось, что, если что-то и произойдет между нами, то инициатива будет исходить от нее, так как на нее не распространяется кодекс преподавательской чести* [Б. Левин «Блуждающие огни»].

Мне казалось вербализует ментальный акт рассказчика. Ср.: *Мне казалось, что, взглянув на меня, они думают: – Черствый!* [Л. И. Добычин «Город Эн»]. Если элиминировать ментальную рамку *мне казалось*, контекст утрачивает субъектную «онлайн» позицию, а значит, связь с дискурсом рассказчика. Ср. экспериментальный контекст: *Взглянув на меня, они думают: – Черствый!* Трансформированный нами контекст звучит слишком категорично, а значит, легковесно, в нем как будто бы утрачивается значение – 'говорящий моделирует чужой мыслительный процесс в результате предварительного рефлексивного акта обдумывания'. В трансформированном нами контексте утрачивается голос рассказчика (он же автор) как точка отсчета в системе координат дискурса. Мнение всегда кому-то принадлежит.

2.4.2.2. 'Я'-контекст воспоминания информативно-описательной стратегии

Далее сравним ранее описанные нами контекстные значения предиката с другими значениями, которые реализуются в контексте информативно-описательной стратегии 'рассказ-воспоминание участника события'. В качестве художественного материала возьмем текст рассказа Л. Н. Толстого «Метель». Как известно, поводом к написанию рассказа послужило происшествие, случившееся с писателем, когда он возвращался с Кавказа в Ясную Поляну.

Художественная нарративная стратегия базируется на когнитивной стратегии 'субъект-рассказчик вспоминает об опасных испытаниях, выпавших на его долю, как он чуть не погиб во время поездки в сильную метель' и выражается эксплицитно, с помощью лексических средств – *названия уже не помню, но помню*. Ср. рассказ начинается так: *В седьмом часу вечера я, напившись чаю, выехал со станции, которой **названия уже не помню, но помню**, где-то в Земле Войска Донского, около Новочеркасска* [Л. Н. Толстой «Метель»].

В тексте рассказа Л. Н. Толстого «Метель» глагольные предикаты *казаться, показаться* употребляются в трех значениях. Каждое значение обусловлено семантикой контекста, характером коммуникативного регистра, типом художественной нарративной стратегии. Учет характера коммуникативного регистра позволяет различать контексты двух типов: первый тип контекста формирует перцептивный план ретроспективного повествования (*казалось*₂₂ – репродуктивный регистр); второй тип – отражает эпистемический план текста (*казалось*₂₃ – информативный регистр). Третий тип контекста может быть противопоставлен первым двум по коммуникативной установке – 'воссоздать когнитивный процесс «изнутри» сознания персонажа, оказавшегося на грани между жизнью и смертью', назовем его экзистенциальным (*казалось*₂₄). Состояние сознания характеризуется тем, что персонаж теряет способность адекватно воспринимать окружающее, реагировать на него, оценивать происходящее.

Глагол *казаться*₂₂ в контексте первого типа отражает репродукцию того, что видел, слышал, чувствовал субъект-рассказчик в описываемый им момент. Вместе с тем грамматическая форма **прошедшего времени** предиката маркирует когнитивный акт восстановления в памяти прошлых впечатлений, а также прежних ощущений субъекта. Ср.: *Было уже темно, когда я, закутавшись в шубу и полость, рядом с Алешкой уселся в сани. **За станционным домом казалось тепло и тихо**. Хотя снегу не было сверху, над головой не виднелось ни одной звездочки, и **небо казалось чрезвычайно низким и черным** сравнительно с чистой снежной равниной, расстилавшейся впереди нас* [Л. Н. Толстой «Метель»]. Коммуникативная установка рассказчика состоит в описании непосредственно воспринимаемого природного про-

странства (*За станционным домом казалось тепло; небо казалось чрезвычайно низким*). Ср. также: *Я заснул крепко. Когда же Алешка, толкнув меня ногой, разбудил и я открыл глаза, было уже утро. Казалось еще холодней, чем ночью*. Форма прошедшего времени имперфективного глагола в контексте воспоминания получает значение, которое можно определить как своеобразную репродукцию: 'рассказчик восстанавливает в памяти былое ощущение / впечатление для того, чтобы сфокусировать внимание читателя на состоянии природы' (*казалось*₂₂).

В информативном контексте значение предиката усложняется: слово маркирует не только результат акта перцепции, но и ментальный акт осмысления перцептивных данных – акт вывода (*казалось, начинало подмораживать*). Ср.: *Метель становилась сильнее и сильнее, и сверху снег шел сухой и мелкий; казалось, начинало подмораживать: нос и щеки сильнее зябли, чаще пробегала под шубу струйка холодного воздуха, и надо было запахиваться* [Л. Н. Толстой «Метель»]. Акт вывода отражает информативный регистр текста: читатель получает информацию следующего содержания: 'рассказчик восстанавливает в памяти умозаключение, которое было сделано им на базе полученных перцептивных данных' (*казалось*₂₃).

Анализ показывает, что рассмотренные контекстные значения предиката *казалось*₂₂ и *казалось*₂₃ отражают характер когнитивной деятельности субъекта дискурса: если в художественном контексте представлен рассказчик, который восстанавливает в памяти свои зрительные впечатления и непосредственные ощущения, то предикат получает репродуктивное значение; если же рассказчик восстанавливает в памяти свои мысли, выводы, умозаключения, то предикат получает информативное значение. Эти наблюдения подтверждают ранее сделанный вывод о том, что семантика широкого контекста выполняет роль 'фона', а на том или ином конкретном 'фоне' выделяется в качестве 'фигуры' соответствующее контекстное значение слова. Термины 'фон – фигура' эксплицируют обусловленность выделяемого содержанием невыделяемого.

Если мы сравним информативный контекст с репродуктивным, то увидим, что когнитивный фокус перемещается с описания природного пространства (в репродуктивном контексте) на внутреннюю мыслительную деятельность рассказчика (в ин-

формативном). Ср.: *Ворочаться мне не хотелось; но и проплутать всю ночь в мороз и метель в совершенно голой степи, какова эта часть Земли Войска Донского, казалось очень неве село* [Л. Н. Толстой «Метель»].

Для анализа контекстов третьего типа важно учесть, что Л. Н. Толстой исследует психологию человека, попавшего в ситуацию экзистенциального знакомства со смертью. Когда рассказчик (барин) решается на опасное путешествие по степи зимой, в сильную метель, то он, по сути, сознательно выбирает игру со смертью. Как представляется, психологический метод Л. Н. Толстого состоит в изображении пограничного состояния замерзающего человека: персонаж пребывает как будто бы во сне, в котором он утратил способность воспринимать происходящее. Не случайно измененное состояние сознания, вызванное замерзанием, описывается Л. Н. Толстым как зловещие мысли-мечты о смерти, ср.: *Мне казалось, что было бы недурно, если бы к утру в какую-нибудь далекую, неизвестную деревню лошади бы уж сами привезли нас полузамерзлых, чтобы некоторые даже замерзли совершенно. И в этом смысле мечты с необыкновенной ясностью и быстротой носились передо мною* [Л. Н. Толстой «Метель»].

В контекстах третьего семантического типа глагольные предикаты *казаться*₂₄ *показаться*₂₄ становятся средством изображения некоторых онтологических процессов жизни сознания, в частности, неспособности субъекта-экспериментера в отдельные моменты поддерживать перцептивную связь с реальным миром. Художественные контексты описывают причины, вызывающие затруднения субъекта: главная причина – это метель, снежная стихия, которая сделала окружающее пространство белым, неразличимым, континуальным; вторая причина – это состояние человека, утомленного дорогой, засыпающего, замерзающего. Рассказчик погружается в такое угнетенное состояние сознания, в котором он не отличает сна от яви, яви от видения.

Дискурс рассказчика воссоздает когнитивные процессы как бы «изнутри» сознания: впечатления быстро сменяют друг друга, ментальные акты имеют произвольный характер, мысли хаотичны, противоречивы. Ср.: *Действительно, я замечал, что иногда передовая тройка становилась мне в профиль слева, иногда справа; мне даже казалось, что мы кружимся на очень малом пространстве. Впрочем, это мог быть обман чувств, как*

и то, что мне казалось иногда, что передовая тройка въезжает на гору или едет по козогору или под гору, тогда как степь была везде ровная [Л. Н. Толстой «Метель»]. Как представляется, контекстное значение глагольного предиката (*мне даже казалось₂₄ / мне казалось₂₄ иногда*) можно отразить в следующем метавысказывании: 'восстанавливая в памяти свои первые впечатления / мысли, рефлектируя над ними, субъект осознает, что был не способен адекватно воспринимать окружающее, анализировать происходящее'. Как показывает анализ, это значение индуцируется общим содержанием контекста 'в метель трудно передвигаться и ничего не видно', а также наличием эксплицитных маркеров 'мнимости', 'кажимости' зрительных впечатлений, ощущений разного рода (*это мог быть обман чувств; но через минуту мне уже ясно стало; даже казалось; казалось иногда*).

Значение 'сомнительности / противоречивости / ошибочности восстанавливаемых в памяти прошлых впечатлений' обеспечивается пресуппозитивным контекстным смыслом 'рассказчик знает об истинных обстоятельствах, свойствах, отношениях описываемых событий', ср.: *мне казалось иногда (...) тогда как степь была везде ровная*. Семантика экзистенциального контекста соотносится с контекстным значением слова (*казалось₂₄*), как 'фон' соотносится с 'фигурой'.

Следующий фрагмент также описывает экзистенциальное состояние страха, тоски, вызванное невозможностью найти дорогу в метель. Субъект-экспериментер не различает предметов, его внимание рассеивается. Ср.: *Напрасно глаз ищет нового предмета: ни столба, ни стога, ни забора – ничего не видно. Везде все бело, бело и подвижно: то горизонт кажется необъятно-далеким, то сжатым на два шага во все стороны, то вдруг белая высокая стена вырастает справа и бежит вдоль саней, то вдруг исчезает и вырастает спереди, чтобы убежать дальше и опять исчезнуть. Посмотришь ли наверх – покажется светло в первую минуту, – кажется, сквозь туман видишь звездочки; но звездочки убегают от взора выше и выше, и только видишь снег, который мимо глаз падает на лицо и воротник шубы; небо везде одинаково светло, одинаково бело, бесцветно, однообразно и постоянно подвижно* [Л. Н. Толстой «Метель»]. Предикат в таком контексте получает значение 'зрительные впечатления обманчивы, ненадежны'.

По сюжету персонаж, измученный длинной дорогой, то засыпает, то просыпается: его сновидения сменяются явью. Перфективный предикат в сочетании с распространителем *в первую минуту (как мне показалось²⁴ в первую минуту)* отражает нарративную стратегию, изоморфную процессу воспоминаний субъекта: воспоминания состоят из 'квантов', которые хаотично сменяют друг друга, спонтанно воссоздаются в сознании. Ср.: *Так как я, не ночуя, ехал уже шестую сотню верст, несмотря на то, что меня очень интересовал исход нашего плутания, я невольно закрывал глаза и задремывал. Раз, когда я открыл глаза, меня поразил, как мне показалось в первую минуту, яркий свет, освещавший белую равнину: горизонт значительно расширился, черное низкое небо вдруг исчезло, со всех сторон видны были белые косые линии падающего снега; фигуры передовых троек виднелись яснее, и когда я посмотрел вверх, мне показалось в первую минуту, что тучи разошлись и что только падающий снег застилает небо. В то время как я вздремнул, взошла луна и бросала сквозь неплотные тучи и падающий снег свой холодный и яркий свет* [Л. Н. Толстой «Метель»]. Этот фрагмент показывает, что семантика глагольного предиката **амальгамируется** с семантикой контекста – 'рассказчик восстанавливает в памяти тяжелое состояние полусна, находясь в котором он не мог адекватно воспринимать происходящее, разобраться в своих впечатлениях, оценить их'.

Художественная стратегия отдельно изображает динамику угасания сознания замерзающего путника. Нарративная стратегия изоморфна изображаемому когнитивному процессу: контекст показывает, как воспоминания о реальном интерферируются с тем, что причудилось, привиделось рассказчику, нереальное невозможно отличить от реального. В тексте воссоздается континуум ощущений и видений. Ср.: *Я спал крепко; но терция колокольчиков все время была слышна и виделась мне во сне то в виде собаки, которая лает и бросается на меня, то органа, в котором я составляю одну дудку, то в виде французских стихов, которые я сочиняю. То мне казалось, что эта терция есть какой-то инструмент пытки, которым не переставая сжимают мою правую пятку. Это было так сильно, что я проснулся и открыл глаза, потирая ногу. Она начинала замораживаться. Ночь была та же светлая, мутная, белая* [Л. Н. Тол-

стой «Метель»]. В контексте воссоздается нечто неосознанное, не воплощенное в образах, нечто не подлежащее определению.

Проанализированный художественный материал позволяет расширить наши представления о диапазоне контекстных значений глагольных предикатов за счет трех значений *казаться*₂₂, *казаться*₂₃, *казаться*₂₄. Сравнивая 'Я'-контексты воспоминания обыденного дискурса (*казаться*₄) с 'Я'-контекстами воспоминания художественного дискурса, мы можем зафиксировать различия между ними: в художественных 'Я'-контекстах содержание когнитивного акта воспоминания представлено в двух вариантах – репродуктивном (зрительные образы, впечатления, ощущения) и информативном (мысли, умозаключения). Каждый из этих вариантов получает в контексте семантическое наполнение, придающее ему статус самостоятельного контекстного значения. В материале обыденного дискурса (*казаться*₄) названные варианты встречаются, но как будто бы не получают дискурсивной разработки (см. об этом более подробно в [Чернцова 2019]).

Что касается экзистенциального значения (*казалось*₂₄), то его можно считать эксклюзивной темой художественного дискурса, порожденной интересом писателя к психологии человека, внутренней жизни сознания. Экзистенциальное значение глагольного предиката – 'восстанавливая в памяти свои впечатления / мысли, рефлектируя над ними, субъект осознает, что был не способен адекватно воспринимать окружающее, анализировать происходящее' – коррелирует с художественной информативно-описательной стратегией, описывающей динамику угасания сознания замерзающего путника.

Материал исследования позволяет говорить о том, что каждый из рассматриваемых нами дискурсов «разрабатывает» проблематику *кажмости* по-своему, в том числе называет свои причины *кажмости*. Собирая информацию о причинах *кажмости*, мы можем дополнить список причин фактами художественных контекстов, в которых указываются не только внешние причины, вызывающие затруднения субъекта (метель, снежная стихия, которая сделала окружающее пространство белым, неразличимым, континуальным), но и внутренние причины (состояние человека, утомленного дорогой, засыпающего, замерзающего). Рассказчик погружается в такое угнетенное со-

стояние сознания, в котором он не отличает сна от яви, яви от видения (см. об этом более подробно в [Чернцова 2016, с. 6–11]).

2.4.2.3. 'Я'- / 'ОН'-контекст метафорического сравнения

Проанализируем когнитивную значимость слов *казаться*, *показаться* в построении контекста метафорического сравнения художественной стратегии – репродуктивно-описательной и информативно-описательной (*казаться*₂₅).

Начнем с контекстов репродуктивно-описательной стратегии. Ю. Д. Апресян справедливо отмечает, что *казаться* естественно используется для описания субъективного восприятия какого-то объекта. Ср.: *В мутноватом небе свирепо пылало маленькое солнце. Оно казалось [Роберту] косматым* [А. и Б. Стругацкие «Далекая Радуга»]; *Стол пустовал, поблескивал портрет, / темнела печка, в рамке запыленной / застыл пейзаж, и лишь один буфет / казался мне тогда одушевленным* [И. А. Бродский «Я обнял эти плечи и взглянул»]. Исследователь констатирует различия между синонимами *выглядеть* vs. *казаться*: «мера расхождения впечатления и фактического положения вещей в случае *казаться* больше» [НОССРЯ 2003, с. 200]. В ряде случаев это расхождение настолько велико, что высказывание с глаголом *казаться* сводится к метафоре, к установлению подобия между мыслимым образом и действительным положением вещей. Ср.: *Мокрые переливчатые листья [осины] казались нарезанными из жести* [Б. Л. Пастернак «Доктор Живаго»]. *Собранное в горсточку на фиолетовой подушке футляра, оно [ожерелье] переливалось, горело, и то казалось стечением по каплям набегавшей влаги, то кистью мелкого винограда* [Б. Л. Пастернак «Доктор Живаго»].

Оба синонима легко сочетаются с группами слов, обозначающими условия восприятия, особенно неблагоприятные, ср. *В тумане (в сумерках) деревья казались сказочными великанами / выглядели как сказочные великаны. Колоколов протяжный разговор / В тумане нарождающейся ночи. / Гряда крутых, волною вставших гор / На тусклом небе кажется короче* [Г. Н. Кузнецова «Колоколов протяжный разговор»] [НОССРЯ 2003, с. 200].

Языковой материал свидетельствует о том, что глагольным предикатам *казаться*, *показаться* свойственно употребление в метафорических контекстах. Так, в качестве предикатов метафорических сравнений они составляют логическую основу метафоры, поскольку обозначают *кажущееся* подобие – несоответствие производимого объектом впечатления и того, что имеется в реальной действительности. Ср.: *Весь сад в каплях, в дожде, так что струны проволоки, протянутые через него, казались мельчайшими бриллиантовыми ожерельями* [Г. Н. Кузнецова «Грасский дневник»]. Важно учесть референциальную специфику метафорических высказываний, связанных с понятием возможного мира. *Кажимость* формирует свою «референцию» – к создаваемому ею возможному миру. *Кажимость* – продукт субъективного воображения. Ср.: *День жизни, как живое существо, / стоит и ждет участия моего, / и воздух дня мне кажется целебным* [Б. А. Ахмадулина «Как никогда беспечна и добра»].

Анализируя материал обыденного дискурса, мы определили, что в метафорическом контексте у глагольного предиката *казаться* обнаруживается 'континуальное значение, в котором как будто бы интегрированы репродуктивное и информативное значения'. Проанализируем когнитивные признаки операции метафорического сравнения, запечатленные в следующем художественно-публицистическом контексте: *Освещённаяходящим солнцем, скала кажется окаменевшим гигантским животным с грустными глазами и опущенным хоботом. О его размерах можно судить по гроту, расположенному на высоте 45 метров от подножия утёса (высота 14-этажного дома). Каждая из природных скульптур драгоценна и единственна – нигде больше в мире не встречается. Узнать их «в лицо» и постараться сохранить в первоизданном виде – это ли не благородная задача!* [А. Т. Калинин «Каменные лики»]. Метафора отражает когнитивную способность «понять» и оценить наблюдаемый объект (*скала*) посредством сравнения его с соответствующими ситуациями в прошлом опыте (*гигантское животное*), «сличить» наблюдаемый объект с теми образами, которые хранятся в памяти. В метафорическом контексте концептуализация ненаблюдаемого объекта (*гигантское животное*), хранящаяся в памяти, переносится на непосредственно наблюдаемый.

Исследователи пишут о том, что индивидуальный образ возникает по памяти, восприятие и память взаимосвязаны [Малинович 2008, с. 613]. С памятью связано восприятие не как первичный акт, а как акт, базирующийся на ранее воспринятом, познанном. Восприятие и память являются сложным синтезирующим процессом воссоздания целостного образа объекта, образа, сформированного в прошлом опыте извлеченных из памяти эталонов как вторичных образов [Веккер 1998]. В памяти человека хранится не только исторический опыт и генетически унаследованный опыт, но также индивидуальный опыт и личностная память. Восприятие соотносится не только с чувствами человека, но и с его деятельностью. Исторический опыт такой деятельности запечатлен в языке как хранителе опыта поколений, его генетической памяти. Данный опыт позволяет выходить за пределы получаемой здесь и сейчас информации. Он является «психологической основой процессов создания субъективного образа объективного мира, т. е. психологической основой процесса отражения» [Брунер 1977, с. 7].

Как уже отмечалось выше, в лингвистической литературе метафора рассматривается как видение предмета в «ином обличье», и в этом смысле метафора является одним из способов репрезентации знания в языковой форме.

Далее приведем значимые для нашего исследования рассуждения П. Рикера, исследующего метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. Исследователь отмечает, что в традиции классической риторики «метафора была справедливо описана в терминах отклонения от нормы (*deviance*), но отклонение ошибочно приписывалось **лишь называнию**». Замена конвенционального, общепринятого имени «чужим» именем (в аристотелевской терминологии) осуществляется не только по причине обнаружения объективного сходства между вещами или субъективного сходства элементов постижения этих вещей. Считалось, что цель метафорического переноса имени на новую вещь заполняет лексическую лауну, служит принципу экономии, украшает речь, создает риторическую речь, главная цель которой состоит в том, чтобы «убеждать и ублажать» [Рикер 1990, с. 418].

Исследователь отмечает, что классическая риторика в этом отношении не была неверна, она лишь описывала «действие

смысла» на уровне слова, проглядев создание семантического сдвига на уровне смысла. «Хотя и верно, что действие смысла сосредоточивается на слове, но **порождение смысла обуславливается всем высказыванием**. Так оказывается, что теория метафоры зависит от семантики предложения» [Рикер 1990, с. 419].

Творец метафор – это тот мастер с даром слова, который создает высказывание, значимое с точки зрения новой интерпретации. Метафорическое значение состоит не только в семантическом конфликте, но и в **новом предикативном значении**, которое возникает из руин буквального значения.

Метафора – продукт воображения. «Место и роль творческого воображения именно здесь, в прозрении, которое имел в виду Аристотель, когда говорил, что создавать хорошие метафоры означает видеть подобное. Такое провидение подобного – это одновременно и мышление, и видение» [Рикер 1990, с. 420].

Проанализируем когнитивную значимость слов *казаться, показаться* в построении художественной информативно-описательной стратегии. Рассмотрим метафорический контекст в рассказе М. М. Пришвина «Лесной хозяин». Ср.: *То было в солнечный день, а то расскажу, как было в лесу перед самым дождем. Наступила такая тишина, было такое напряжение в ожидании первых капель, что, **казалось**, каждый листик, каждая хвоинка силилась быть первой и поймать первую каплю дождя. И так стало в лесу, будто каждая мельчайшая сущность получила свое собственное, отдельное выражение.*

*Так **вхожу** я к ним в это время, и **мне кажется**: они все, как люди, повернулись ко мне лицами и по глупости своей у меня, как у бога, просят дождя.*

– А ну-ка, старик, – приказал я дождю, – будет тебе всех нас томить, ехать, так ехать, начинай!

Но дождик в этот раз меня не послушался, и я вспомнил о своей новой соломенной шляпе: пойдет дождь – и шляпа моя пропала [М. М. Пришвин «Лесной хозяин»].

В логике информативно-описательной стратегии глагольные формы настоящего времени (*вхожу, кажется*) появляются в тексте в тот момент, когда внимание читателя переключается с информирования о времени, месте действия и состоянии природы (*то было в солнечный день; как было в лесу перед самым*

дождем; наступила такая тишина) на репродукцию восстанавливаемых в памяти зрительных впечатлений рассказчика (*Так захожу я к ним в это время, и мне кажется*).

Нас интересует когнитивный процесс создания концептуализации *казаться*₂₅. В рассматриваемой концептуализации запечатлено, с одной стороны, репродуктивное значение слова *казаться*: рассказчик наблюдает за мельчайшими «обитателями» леса (*каждый листик, каждая хвоинка*). С другой стороны, акт наблюдения синергетически связан с актом воображения. В воображении рассказчика возникает аналогия: наблюдаемые существа напоминают ему людей, во-первых, тем, как они себя ведут, о чем просят, во-вторых, мотивами поведения.

Как представляется, возникающее значение *казаться*₂₅ можно объяснить следующим образом: **дискурсивная логика** субъекта художественного дискурса воплощается в его нарративной стратегии, связанной с процессами воображения и памяти, индуцирует конструирование контекста метафорического сравнения. В контексте метафорического сравнения запечатлевается акт творческого восприятия, понимания и образного изображения наблюдаемых ситуаций возможного мира и их участников.

Таким образом, запечатленный в семантике слова когнитивный опыт человека становится порождающим механизмом для творческого, умозрительного восприятия и понимания новой ситуации (*казаться*₂₅). Предикат отражает, во-первых, когнитивную операцию установления подобия между наблюдаемой ситуацией и находящимся в памяти образом, во-вторых, актуализирует ассоциативную связь воображения с памятью, хранящей прошлые визуальные образы предметов. Прошлые визуальные образы предметов участвуют в процессе понимания нового объекта, новой ситуации. Предикат *казаться*₂₅ в контексте метафорического сравнения отражает синергетически связанные процессы наблюдения, памяти, воображения и понимания.

Сопоставление разных дискурсивных контекстов, направленное на поиск различий в функционировании одного и того же слова, приводит нас к следующему выводу: слово *казаться* в обыденном дискурсе используется для маркировки различий между первым впечатлением субъекта и реальным положением дел, отражает рефлексивный акт субъекта, направленный

на установление референциальных отношений между перцептивным образом объекта и самим объектом действительного мира. В контекстах же художественного дискурса слово функционирует по-другому, получает иное смысловое наполнение. Значение *казаться*₂₅ задается особой когнитивной (дискурсивной) деятельностью – воображением: впечатление от того, что моделируется как наблюдаемое, сравнивается с образами, хранящимися в памяти, умозрительными визуальными образами. В концептуализации *казаться*₂₅ запечатлен акт творческого умозрительного восприятия, понимания и воображения.

2.4.2.4. 'ОН'-контекст информативно-описательной стратегии

Как уже отмечалось ранее, мы рассматриваем художественный повествовательный дискурс как слагающийся минимум из двух дискурсов – дискурса нарратора и дискурса персонажей.

С точки зрения лингвистической, именно 'ОН'-контекст становится «местом» пересечения дискурсов нарратора и персонажа, причем названные дискурсы могут быть противопоставлены друг другу, а могут не противопоставляться, как бы сливаясь в один дискурс. В 'ОН'-контексте нарратор может разоблачать ошибочность впечатления / мнения третьего лица (персонажа или стороннего наблюдателя), а может, напротив, выражать солидарность с третьим лицом. Эти различия связаны с тактико-стратегическими установками автора.

В контексте задач нашего исследования важно выяснить, как интересующие нас слова участвуют в выражении позиции нарратора, а также всезнающего автора. Художественный материал свидетельствует, что «присутствие» в тексте нарратора (автора) чаще всего не выражается эксплицитной ментальной рамкой (*мне кажется*), однако в дискурсе нарратора может появляться отсылка к впечатлению третьего лица – персонажа или стороннего наблюдателя (*ему кажется*).

Субъектная структура 'ОН'-контекста организована сложнее, чем субъектная структура 'Я'-контекста. В 'ОН'-контексте (*кто / что ему кажется / показался каким / чем*) также имплицированы три субъекта – субъект-экспериментер (*ему*), субъект-носитель знаний и субъект речи. Субъект-носитель знаний

и субъект речи совпадают в позиции нарратора и могут быть эксплицитно противопоставлены субъекту-экспериенцеру (персонажу или стороннему наблюдателю).

Сложность субъектной структуры 'ОН'-контекста коррелирует с семантикой и нарративными функциями избранных для анализа слов. В нашем материале можно выделить несколько разновидностей 'ОН'-контекста, релевантных для анализа семантики глагольных предикатов *казаться*, *показаться*. Для каждого типа 'ОН'-контекста сформулируем контекстное значение *казаться* / *показаться* и определим выполняемую словом нарративную функцию. Нарративную функцию слова связываем со способностью соотносить позицию нарратора с впечатлением персонажа или стороннего наблюдателя и таким образом участвовать в формировании информативно-описательной стратегии. Глагольный предикат *казаться* / *показаться* соотносит позицию нарратора и персонажа (или стороннего наблюдателя) следующим образом:

1) нарратор рассказывает о том, что **видит сторонний наблюдатель** (*казаться*₂₆, *показаться*₂₆);

2) нарратор **противопоставляет** свое **знание** о персонаже **кажмости первого впечатления стороннего наблюдателя** (*казаться*₂₇, *показаться*₂₇);

3) **персонажу мерещится, чудится нечто**, чего, с точки зрения нарратора, нет в действительности (*казаться*₂₈, *показаться*₂₈);

4) нарратор **иронизирует над легкомысленностью персонажа** (*казаться*₂₉, *показаться*₂₉);

5) нарратор **солидаризируется с мнением персонажа** (*казаться*₃₀, *показаться*₃₀).

Первая из выделенных нами стратегий – информативно-описательная стратегия, апеллирующая к внешней точке зрения – зрительному впечатлению стороннего наблюдателя. Рассмотрим контексты, в которых нарратор рассказывает о том, что видит сторонний наблюдатель (*казаться*₂₆, *показаться*₂₆). Благодаря валентности субъекта-экспериенцера глагольного предиката, в контексте имплицитно задается позиция стороннего наблюдателя, который мыслится как присутствующий в локусе ситуации – *со стороны покажется / могло показаться / кажется кому*. Ср.: – *О, капитальное дело!* – сказал Свияжский. Но, **чтобы не показаться поддакивающим Вронскому**, он тотчас же

прибавил слегка осудительное замечание [Л. Н. Толстой «Анна Каренина»]. Сторонний наблюдатель представлен в более широком контексте. Сначала нарратор моделирует впечатление и возможную реакцию стороннего наблюдателя, а затем излагает свои знания – истинный взгляд на цель поступка персонажа.

Для анализа нарративной стратегии используем термин ‘фокус’ в значении ‘внешняя / внутренняя точка зрения’. В контекстах рассматриваемого типа выделяем особую нарративную функцию глагольных предикатов: нарратор апеллирует к зрительному впечатлению **имплицитного** стороннего наблюдателя для того, чтобы создать эффект множества точек зрения на событие. Объемность изображения события создается за счет наведения нескольких фокусов внимания.

В следующих фрагментах сторонний наблюдатель выражен эксплицитно. Ср.: *Пройдя шагов сто, следовательно, как показалось доктору, совсем ослабел, как будто взбирался на высокую гору* [А. П. Чехов «Следователь»]. Парентетическое предложение вводит фигуру стороннего наблюдателя (*доктора*), именно к его зрительному впечатлению прибегает нарратор – *следователь совсем ослабел, как будто взбирался на высокую гору*. Дискурс нарратора строится как репортаж «изнутри» сознания стороннего наблюдателя. Ср. также: *Потом он стал изобретать, как можно спать стоя, упершись коленом в столик, и чтоб надзирателю казалось, что глаза твои открыты* [А. И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»]. Содержание контекста обогащается сообщением о тягостном присутствии особого наблюдателя (надзирателя). Изобретательность персонажа, с точки зрения нарратора, состоит в том, что он способен произвести на надзирателя нужное впечатление. За счет фигуры стороннего наблюдателя в контексте возникает эффект множества точек зрения на описываемое автором событие.

Рассмотренные контексты построены по правилу ‘нарратор сообщает о том, что видит сторонний наблюдатель, для того чтобы впоследствии изложить свои знания о персонаже’, с этим связываем нарративную функцию глагольных предикатов *казаться*₂₆, *показаться*₂₆. Семантика *казаться*₂₆, *показаться*₂₆ задает вспомогательный фокус для того, чтобы в последующем навести основной – авторский – фокус, включающий знания, поясняющий для читателя суть происходящего в возможном мире.

Вторая информативно-описательная стратегия может быть квалифицирована как использующая оппозицию двух точек зрения – внешней и внутренней (двух фокусов): **кажимость первого впечатления стороннего наблюдателя vs. знания автора о персонаже** (*казаться₂₇* *показаться₂₇*).

Далее рассмотрим контексты, содержание которых усложняется за счет **эксплицитного противопоставления** знаний нарратора впечатлениям стороннего наблюдателя. Ср.: *Он опять будет тих. Со стороны покажется даже, что он протрезвел. Но значит ли это, что он протрезвел? Ничуть не бывало, он уже пьян, как свинья, оттого и тих* [В. В. Ерофеев «Москва-Петушки»]. Валентность субъекта-экспериментера (*покажется кому*), форма будущего времени перфективного предиката формируют значение потенциально возможного впечатления моделируемого наблюдателя (*со стороны* – стороннему наблюдателю). Нарративная стратегия строится следующим образом: сначала имплицитному наблюдателю приписывается потенциальная возможность увидеть нечто (*Со стороны покажется даже, что он протрезвел*), но затем нарратор разоблачает **ошибочность зрительного впечатления** стороннего наблюдателя (*Ничуть не бывало, он уже пьян, как свинья, оттого и тих*). Ср. также: *В камере он носил серый линялый рабочий халат прямо поверх белья, был неопрятен, мог показаться подсобным тюремным рабочим, – пока не садился читать, и привычная властная осанка мысли озаряла его лицо* [А. И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»]. Ср. также: *Только в состоянии оцепенения и бесчувственности, обыкновенно наступающих к концу больших похорон, могло показаться, что мальчик хочет сказать слово на материнской могиле* [Б. Л. Пастернак «Доктор Живаго»]. В контекстах с имплицитным сторонним наблюдателем часто возникает эксклюзивное, неопределенно-личное значение – ‘некоторым наблюдающим за мальчиком людям могло показаться, но не нарратору (автору)’.

Фигура стороннего наблюдателя имеет особую смысловую нагрузку: благодаря фигуре наблюдателя, автор получает возможность раскрыть глубинную «правду» о персонаже в результате создания контрастного сопоставления «правды» и *кажмости* (ср. *со стороны могло показаться_{27...}*, *но на самом деле это не так*), внутренней сути персонажа и внешнего впечатле-

ния, которое производит персонаж на наблюдателя. Первое впечатление – *кажимость* – играет роль вспомогательного фокуса (внешняя точка зрения), которому противопоставляется основной фокус (внутренняя точка зрения).

Рассмотренные контексты построены по правилу – ‘нарратор противопоставляет свое знание о персонаже (основной фокус) *кажимости* первого впечатления стороннего наблюдателя (вспомогательный фокус)’, с этим правилом связываем нарративную функцию глагольных предикатов *казаться*₂₇ *показаться*₂₇.

Контекст этого семантического типа чаще организуется **перфективным** предикатом. Двухфокусная нарративная стратегия направлена на столкновение двух разных точек зрения: первая точка зрения базируется на зрительном впечатлении, вторая же – на знании нарратора. Репродуктивно-описательный фрагмент включается в информативно-повествовательную стратегию для того, чтобы эксплицировать замысел нарратора. Замысел нарратора (автора) прочитывается как желание пояснить читателю, каков на самом деле персонаж.

Третья информативно-описательная стратегия отличается от первых двух тем, что в контексте вместо стороннего наблюдателя появляется персонаж: **персонажу нечего мерещится, чудится, кажется** vs. автор знает о том, что этого нет (*казаться*₂₈ *показаться*₂₈). Здесь также используется оппозиция двух точек зрения – внешней и внутренней (двух фокусов).

Контекстное значение ‘кажимость, мнимость увиденного’ Ю. Д. Апресян определяет следующим образом: «В сознании человека X есть образ объекта или ситуации P, которые как бы воспринимаются органами чувств, хотя на самом деле он не существует или субъект не уверен, что он его воспринимает» [НОССРЯ 2003, с. 460]. По нашему мнению, это значение реализуется в типовом контексте, где первая часть описывает образы мнимых объектов, а во второй – приводятся «реальные» факты, указывающие на несоответствие того, что *кажется*, тому, что есть на самом деле (в реальности возможного мира). Так, в следующем контексте описываются зрительные и слуховые образы, близкие к галлюцинациям, ср.: *В нескольких метрах от этого света мир кажется населенным невидимками: кто-то движется, вяло шагает, бормочет, а людей – нет!* [П. Барскова «Черный свет: проблема темноты в блокадном Ленинграде»].

Разоблачение *кажимости* впечатлений (*а людей – нет!*) может не иметь эксплицитного выражения, а подразумевается или выводится из более широкого контекста художественного произведения, как в следующем фрагменте. Ср.: ***И часто кажется – вдали / У темных стен, у поворота, / Где мы пропели и прошли / Еще поет и ходит Кто-то*** [А. Блок «Мы всюду. Мы нигде. Идем»]. Лирический субъект (мы) допускает возможность того, что ‘им мерещится, чудится кто-то вдали, у темных стен, у поворота’. Отметим названные в контексте неблагоприятные обстоятельства наблюдения – ‘вдали, у темных стен, у поворота’. Заметим также, что в контексте данного семантического типа имперфективный предикат употребляется в сочетаниях с наречиями ‘узуального времени’ *часто, всегда* и др.

С нашей точки зрения, в подобных контекстах запечатлена дискурсивная логика автора, реализующаяся в следующей информативно-описательной стратегии: автор наделяет персонажа самостоятельным восприятием, мыслями, голосом; автор и персонаж предстают как субъекты разных дискурсов, создавая полифонию голосов и впечатлений (М. М. Бахтин). Ср.: ***Ему показалось, что пол возле кровати ушел куда-то и что сию минуту он головой вниз полетит к чертовой матери в преисподнюю*** [М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»]. Нарратор сообщает о содержании восприятия персонажа – это *кажущиеся* образы, не имеющие ничего общего с той художественной действительностью, которая мыслится автором как ‘реальная’. Следующий контекст также описывает образы мнимых вещей. Ср.: ***Ему почудилась гарь, показалось, что кровь течет у него липко и жарко по шее*** [М. А. Булгаков «Роковые яйца»]. Перфективный глагол *показаться* в прошедшем времени встречается в контекстах со значением ‘мимолетности, кажимости, мнимости впечатлений’ чаще, чем имперфективный *казаться*. Как мы уже отмечали ранее, в форме прошедшего времени перфективного предиката концептуализируется временное значение – взгляд «назад», в ретроспективу. В связи с этим перфективный предикат **эксплицитно рефлексивный акт** субъекта, связанный с осознанием того, что ‘впечатление было обманчивым и быстро прошло’. Ср.: ***Показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил с осужденным, а может быть, чего-то не дослушал*** [М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»].

Рассмотренные контексты (*казаться₂₈* *показаться₂₈*) построены по правилу – ‘впечатления, ощущения персонажа нарратор оценивает как мнимые, ложные: персонажу *кажется*, мерещится то, чего нет, с точки зрения автора’. В контексте этого типа совмещаются две точки зрения: первая ложная, представленная «изнутри» сознания персонажа (вспомогательный фокус), и вторая истинная, оценивающая позиция «извне», принадлежащая нарратору (основной фокус).

Четвертая информативно-описательная стратегия строится по правилу одного фокуса, одной – внутренней – точки зрения: автор иронизирует над несовершенством персонажа (*казаться₂₉* *показаться₂₉*).

Следующие контексты имплицитно ироническую насмешку нарратора над легкомысленностью персонажа (*казаться₂₉*), о котором нарратор знает все подробности. Ср.: ***Ему казалось, что, если бы он держал только покрепче сверток, он, верно, остался бы у него в руке и после пробуждения*** [Н. В. Гоголь «Портрет»]. Это значение часто реализуется в контексте гипотетической модальности. Ср.: *И, чтобы заставить себя не думать о ней, хоть ему все время думалось, он тихонько вздохнул и сурово нахмурил свои выгоревшие, редкие брови: ему казалось, что, когда хмуришься, сила воли прибавляется* [В. Г. Мелентьев «33 марта»]; *И Рите казалось, что, если у нее когда-нибудь родится ребенок, он тоже будет обижен на Володю* [В. С. Токарева «Просто свободный вечер»].

Повествование строится как репортаж «изнутри» сознания персонажа. Ср.: ***Человеку казалось, что, пока он в новой машине, он богат и удачлив, и все видят его таким*** [С. Н. Есин «Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина»].

Контексты с предикатом *казаться* (в прошедшем времени) в сочетании с наречиями *иногда*, *тогда* эксплицитно указывают на смысл ‘персонаж думал, чувствовал, переживал нечто в прошлом, а затем его чувства и переживания стали другими’. Ср.: ***Иногда ему казалось, что, обретя новую и вполне мужскую силу, он легко может сдвинуть горы, но уже в следующую минуту он снова чего-то пугался и находил отговорки*** [А. Геласимов «Дом на Озерной»]; ***Однажды на вечеринке он попытался ее обнять. – Ему тогда казалось, что все девчонки в него влюблены. Получил***

по щеке [В. П. Аксенов «Сюрпризы»]; **Иногда ему казалось, что, чрезмерно загружая себя, он поддается панике, стараясь не думать ни о чем «постороннем», стараясь оттянуть как можно дальше знакомство с этим маленьким серым поселком, ставшим теперь всем его внешним миром** [В. П. Аксенов «Коллеги»].

Автор передает мимолетность мыслей и ощущений персонажа, быструю смену состояний сознания в целом. Ср.: **Ей казалось, что, когда она придет в свою комнату и закроет дверь, – голова перестанет болеть, все кончится, ей будет хорошо** [Л. К. Чуковская «Софья Петровна»].

В контекстах рассматриваемого типа **чаще употребляется имперфективный** глагольный предикат (*казаться*₂₉). В контекстах, построенных по правилу одного фокуса внимания, **не возникает оценки ложности, ошибочности впечатлений персонажа**, так как нет противопоставления разных точек зрения, отражающих эпистемический план vs. «перцептивный» план текста.

Пятая информативно-описательная стратегия также «использует» внутреннюю точку зрения (один фокус): ‘автор полностью солидарен с персонажем, не иронизирует над ним’ (*казаться*₃₀ / *показаться*₃₀).

Контексты организованы по правилу согласованности внешней (наблюдение за персонажем) и внутренней (знания о персонаже) точек зрения. Коммуникативная суть такой стратегии состоит в выражении единой, интегрированной точки зрения, хотя в семантике разных контекстов можно обнаружить преобладание то репродуктивного, то информативного значения глагольных слов *казаться*₃₀ / *показаться*₃₀.

Рассмотрим контекст, семантику которого мы определили следующим метавысказыванием: ‘во взгляд нарратора инкорпорирован взгляд персонажа – его зрительные впечатления’. Ср.: **Она сидит рядом с ним в ресторане, ей кажется прекрасным этот кабак, молодые люди в «чарльстонках», джазисты на эстраде** [А. Н. Рыбаков «Дети Арбата»]. В этом контексте представлен нарратор, который, во-первых, сам «ведет наблюдение» за персонажем (*Она сидит рядом с ним в ресторане*), а во-вторых, сообщает о том, что видит и о чем думает персонаж (*ей кажется прекрасным этот кабак, молодые люди в «чарльстонках», джазисты на эстраде*). Для нас важно, что нарратор солидарен с персонажем, не противопоставляет свою содержательную позицию впечатлениям и мнению персонажа.

Косвенная речь – лингвистическая техника информативно-описательной нарративной стратегии – может быть проанализирована как результат интерференции дискурсов разных субъектов. Ср.: *Прапорщик наорал на нижнего чина, а когда ему показалось, что солдат смотрит не прямо во все глаза на него, хрястнул его по зубам и отправил на двое суток на хлеб и воду на гауптвахту* [Б. Л. Пастернак «Доктор Живаго»]. В 'ОН'-контексте рассматриваемого типа происходит внутрифразовое объединение дискурсов нарратора и персонажа. Фрагмент – *Прапорщик наорал на нижнего чина, а когда ему показалось* – принадлежит дискурсу нарратора; а придаточное – *солдат смотрит не прямо во все глаза на него* – отражает впечатление персонажа (дискурс персонажа). Далее нарратор объясняет, как поступил персонаж в результате того, что увидел, и какие выводы сделал на базе увиденного (*ему показалось*). Ср. также следующий контекст: *Патрик все молчал, и Роберту показалось, что он колеблется* [А. и Б. Стругацкие «Далекая радуга»]. Роберт наблюдает за Патриком, реагирует на молчание Патрика мыслями (*он колеблется*). Нарратор не противоречит наблюдателю Роберту, описывает все происходящее «глазами» Роберта. В контексте возникает эффект диалогического согласия двух голосов, двух субъектов (нарратора и персонажа-наблюдателя), это формирует однофокусную нарративную стратегию.

Однофокусность связываем со следующей нарративной стратегией: 'автор / нарратор вкладывает в уста персонажа свое понимание событий возможного мира, поэтому голос персонажа как бы сливается с голосом нарратора'. Ср.: *Все здесь осталось по-прежнему, и Матвею казалось, что, с тех пор как они с дедом Фишкой провели тут беспокойную осень, миновало всего лишь несколько дней* [Г. М. Марков «Строговы»]; *Паршину даже казалось, что, случись такое, он, наверно, не допустил бы ограбления кассы, – ведь она была чем-то вроде его дома!* [Н. Н. Шпанов «Медвежатник»].

Анализируемые контексты имплицитно оценивают 'истинности' переживаний, ощущений, впечатлений персонажа, с точки зрения нарратора. Ср.: *Одинокий корабль, покачиваясь в непроглядном тумане, на время как будто оживал, и тогда всем казалось, что, в сущности, не все еще потеряно, – жизнь продолжается* [А. С. Новиков-Прибой «Цусима»]. Автор вживается

в сознание персонажей (*всем казалось*), доподлинно знает все, о чем думают персонажи, нарратор же сообщает читателю об их мыслях, ощущениях, фантазиях, ср.: ***Ему казалось, что, родись он в Питере, этот город совсем по-другому бы его слепил, выпестовал – одним только пространством*** [А. В. Иличевский «Матисс»]; ***Але казалось, что, пока она идет от автобусной остановки к дому, под ее каблуками рассыпаются по асфальту невидимые льдинки*** [А. Берсенева «Полет над разлукой»]. В отличие от ранее рассмотренных контекстов двуфокусной нарративной стратегии, в контексте однофокусной стратегии нарратор не противопоставляет свою содержательную позицию восприятию и мнению персонажа, а наоборот, подтверждает то, что воспринимает, чувствует, о чем думает персонаж. Два субъекта говорят одним голосом. Так, почти парадоксальным образом в художественном контексте может обнаруживаться совпадение точки зрения нарратора и точки зрения персонажа.

В однофокусном контексте возникает внутрифразовое двуязычие: слова, мысли персонажа органично включаются в дискурс нарратора. Дискурс персонажа не вычленим, не отделим от комментариев нарратора. Ср.: ***Он старался понять каждое ее душевное движение, и чем больше он думал об этом, тем больше ему казалось, что, в сущности, противоречие между первой и второй частью жизни Анны носило искусственный характер*** [Г. А. Газданов «Пробуждение»].

Интерференция двух дискурсов – нарратора и персонажа – имплицитно синхронна нарратору и персонажу, их сопребывание в одном мыслительном пространстве. Однофокусная нарративная стратегия размывает границы дискурсов, дискурс персонажа «растворяется» в дискурсе нарратора.

Выводы к подразделу 2.4. «Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться, показаться*, их нарративные функции в контекстах художественного дискурса»

1. Проанализированный художественный материал позволяет расширить наши представления о диапазоне контекстных значений глагольных предикатов за счет значений – *казать-*

ся₂₀ / показаться₂₀; казаться₂₁ / показаться₂₁; казаться₂₂ / показаться₂₂; казаться₂₃ / показаться₂₃; казаться₂₄ / показаться₂₄; казаться₂₅ / показаться₂₅; казаться₂₆ / показаться₂₆; казаться₂₇ / показаться₂₇; казаться₂₈ / показаться₂₈; казаться₂₉ / показаться₂₉; казаться₃₀ / показаться₃₀.

Анализ художественного материала подтверждает ранее сделанный вывод о том, что контекстное значение слова обусловлено комплексом факторов – содержанием контекста, типом художественной нарративной стратегии и характером коммуникативного регистра, которые, в свою очередь, задаются тактико-стратегическими установками автора – субъекта художественного дискурса.

1.1. Реализуя задачи исследования, мы рассмотрели корреляцию контекстного значения слова, нарративной функции слова с типом художественной нарративной стратегии и коммуникативного регистра. Та или иная художественная нарративная стратегия связана с определенным типом коммуникативного регистра. И коммуникативный регистр, и нарративная стратегия выражаются комплексно – всеми лексическими и грамматическими средствами совокупно.

1.2. Каждое из выделенных значений реализуется в контексте определенной художественной нарративной стратегии, в логике которой глагольный предикат выполняет определенную нарративную функцию. Чтобы показать **нетривиальность** анализируемых художественных стратегий, сравним их с соответствующими стратегиями обыденного дискурса.

2. **Первая** из выделенных нами художественных нарративных стратегий – **репродуктивно-описательная** (казаться₂₀ / показаться₂₀). Тактико-стратегические установки автора, его **дискурсивную логику** можно определить следующим образом: художественный контекст репродуктивно-описательной нарративной стратегии строится в соответствии со следующим правилом: субъект-наблюдатель (рассказчик, нарратор или персонаж) мысленно помещается в локус описываемых картин и событий, восстанавливаемых памятью либо рисуемых воображением. Субъект-наблюдатель находится «там», где происходит описываемое событие, и воспроизводит «наблюдаемое».

2.1. В репродуктивных 'Я'-контекстах **обыденного** дискурса (казаться₁, показаться₁) возникает имплицитная или экспли-

цитная оценка 'первое впечатление субъекта-экспериментатора было ошибочным / искаженным', в художественных же контекстах такая оценка не индуцируется. Отсутствие оценочного значения 'искаженность впечатления' можно объяснить стратегической задачей автора – создать перцептивный план возможного мира («наблюдаемую» природную, предметную среду и др.).

2.2. Художественные 'Я'-контексты представляют репродуктивно-описательную стратегию, строящуюся на оппозиции впечатлений: *казаться*₂₀ получает значение 'субъект-экспериментатор сначала описывает объект, который видит издалека, а потом это первое, неполное, общее зрительное впечатление сменяется другим, более детальным, полным'. Форма настоящего времени имперфективного глагола выполняет метанарративную функцию проспективизации дискурса: маркирует первое впечатление субъекта-наблюдателя, которое затем противопоставляется другому, более детализированному впечатлению.

2.3. Когнитивная стратегия, лежащая в основе такого структурирования информации, может быть описана как механизм «задержки» основного фокуса внимания (Ирисханова 2014). Задержка фокуса используется для создания эффекта ожидания. Когнитивная (и нарративная) стратегия задержки фокуса позволяет сначала задать крупный перцептивный план и выстроить зрительную перспективу, а затем сузить взгляд и навести «узкий» фокус. Это можно уподобить наплыву камеры на объект в кино. Художественная репродуктивно-описательная стратегия «задержки» фокуса служит не только привлечению внимания, но и эстетическому воздействию на реципиента. Подобная стратегия не характерна ни для обыденного рассказа, ни для публицистического дискурса.

3. **Вторая** из выделенных нами художественных нарративных стратегий – **информативно-описательная 'внутренней речи персонажа'** (*казаться*_{21'} *показаться*₂₁ в 'Я'-контексте) – характеризуется нетривиальностью следующего рода: 'субъект-носитель абсолютных знаний (автор) использует внутреннюю точку зрения для реконструкции ментального состояния действующих лиц, а также мотивов их поведения, которые не могли быть доступны внешнему наблюдению'. Главное отличие художественной информативно-описательной стратегии от информативной стратегий субъекта обыденного дискурса (*ка-*

заться₂, показаться₂) видим в использовании **внутренней точки зрения**. Обыденная (дискурсивная) логика базируется на представлении о том, что о содержании чужого сознания можно только догадываться, внутренний мир Другого нельзя увидеть. Дискурсивная логика субъекта художественного дискурса предполагает обратное: всезнающий автор владеет всей информацией о внутренней жизни персонажей. Различия в дискурсивной логике субъектов (говорящего vs. автора) проявляются в частности и в разном использовании 'Я'-контекста глагольного предиката (*мне кажется*) в обыденном рассказе и художественном повествовании. Среди контекстов обыденного дискурса не встречается 'Я'-контекст (*мне кажется / мне казалось*) со значением **ЧУЖОЙ 'внутренней речи'**.

4. Третья из выделенных нами художественных нарративных стратегий – **информативно-описательная стратегия 'рассказ-воспоминание участника события'** («Метель» Л. Н. Толстого). Рассматриваемая художественная стратегия нарушает конвенции излишней предсказуемости, понятности и тривиальности (предсказуемость, понятность и тривиальность можно считать конвенциями обыденного дискурса). Нетривиальность художественной стратегии связываем с сознательно создаваемым эффектом, который определим как игру с разными значениями полисемантического слова. В художественных 'Я'-контекстах воспоминания выделены три значения – репродуктивное (*казаться₂₂*), информативное (*казаться₂₃*), экзистенциальное (*казаться₂₄*). Экзистенциальное значение (*казаться₂₄*) отражает динамику угасания сознания замерзающего путника, рождается за счет «сталкивания» репродуктивного и информативного значений, игры с этими значениями. Игра с разными значениями делает текст привлекательным, так как в нем намеренно смешиваются в единый континуум ощущения и видения, реальное и нереальное. Внимание читателя переключается с информации о реальных впечатлениях путника на видения, на то, что причудилось, привиделось рассказчику, т. е. на экзистенциальный план жизни сознания.

Запланированный автором эффект от игры разными значениями видим в том, что, во-первых, создается иконичное повествование, изоморфное процессу воспоминаний: воспоминация состоит из 'квантов', которые хаотично сменяют друг друга,

спонтанно воссоздаются в сознании; во-вторых, скольжение значений от репродуктивного ('наблюдаю' – *казаться*₂₂) к информативному ('осмысляю' – *казаться*₂₃) и далее к экзистенциальному ('не могу отличить явь от видений' – *казаться*₂₄) создает определенные семантические «помехи», референтные сдвиги. Преодоление этих помех вызывает у реципиента эффект творческой fascinации, игровой эффект «мерцающего значения» (Ю. М. Лотман) и способствует «максимизированию инферентных усилий читателя» (О. К. Ирисханова). В-третьих, запланированная автором игра с разными значениями слова подводит читателя к осмыслению причин *кажмости*, среди которых оказываются как внешние (метель, снежная стихия, которая сделала окружающее пространство белым, неразличимым, континуальным), так и внутренние причины (состояние человека, утомленного дорогой, засыпающего, замерзающего).

5. **Четвертая** из выделенных нами художественных нарративных стратегий, релевантных для анализа избранных слов, – **стратегия метафорического сравнения** (*казаться*₂₅). Сравнение контекстных значений *казаться*₂₅ и *казаться*₂₀ позволяет заключить, что они различаются обозначаемым когнитивным процессом: в контекстах репродуктивно-описательной стратегии глагольный предикат *казаться*₂₀ связан с восприятием как первичным актом, в контекстах же метафорического сравнения слово *казаться*₂₅ репрезентирует восприятие не только как первичный акт, но и как акт вторичный, базирующийся на ранее воспринятом, познанном. *Казаться*₂₅ актуализирует ассоциативную связь Воображения с Памятью, отражает синтез когнитивных актов – установления подобия между наблюдаемой ситуацией и находящимся в памяти образом.

5.1. Сравнение контекстных значений *казаться*₁ и *казаться*₂₅ подтверждает ранее сделанный вывод о том, что семантическая модификация слова в том или ином контексте обуславливается комплексом факторов: глобальными интенциями субъекта дискурса, дискурсивной логикой субъекта – его когнитивной и коммуникативной (художественной нарративной) стратегией, семантикой контекста и его синтаксическим построением.

5.2. В соответствии с интенциями и дискурсивной логикой субъекта обыденного дискурса в контекстах возникает репродуктивное значение (*казаться*₁, *показаться*₁), которое отражает

акт референциальной проверки первого впечатления говорящего. Этот акт направлен на установление различий между первым впечатлением и реальным положением дел. В соответствии с другими интенциями и другой дискурсивной логикой – субъекта художественного дискурса – в контекстах возникает значение *кажущегося* подобия, *кажимости* как продукта субъективного воображения. Такая *кажимость* формирует свою «референцию» к создаваемому ею возможному миру, отражая акт творческого видения мира художником в границах реального и воображаемого, реального и фантастичного. Интересующая нас когнитивная семантика глагольного предиката *казаться*₂₅ может быть определена как диффузная, континуальная, отражающая онтологическую взаимосвязанность названных когнитивных процессов – зрительного восприятия, сравнения увиденного с хранящимися в памяти зрительными образами, понимания, воображения.

6. В материале художественных ‘ОН’-контекстов выделяются две мегастратегии, различающиеся по критерию количества представленных точек зрения (фокусов) на описываемое событие. Первая мегастратегия характеризуется однофокусностью. Вторая отличается двуфокусностью. Семантика ‘ОН’-контекстов ярче всего иллюстрирует идею тесной взаимосвязи между контекстным значением слова (*казаться / показаться*) и тактико-стратегической установкой субъекта дискурса, выражающейся, прежде всего, в выборе нарративной стратегии первого или второго типа.

7. Однофокусная мегастратегия представляет нарратора не только как носителя абсолютных знаний о персонаже или описываемом событии, но и как **наблюдателя** за происходящим в пространстве возможного мира. В связи с этим однофокусная мегастратегия может быть определена как интегрирующая внутреннюю (знания о персонаже) и внешнюю (наблюдение за персонажем) точки зрения. Двуфокусная мегастратегия организована сложнее: в ней разделены внешняя и внутренняя точки зрения (фокусы). Внешняя точка зрения приписывается стороннему наблюдателю или персонажу, она формирует дополнительный фокус. Внутренняя точка зрения всегда принадлежит нарратору и отражает его знания о событиях возможного мира, она формирует основной фокус.

7.1. Однофокусная мегастратегия **имплицитует** полидискурсивную организацию коммуникативного плана повествования. В контексте возникает внутрифразовое двуголосье: впечатления, мысли, слова персонажа органично включаются в дискурс нарратора. Однофокусная мегастратегия представлена двумя реализациями – двумя информативно-описательными стратегиями. Первая из них отражает ироническое отношение автора к несовершенству, легкомысленности персонажа (*казаться*₂₉). При этом в 'ОН'-контекстах этого типа все-таки не возникает оценки ложности, ошибочности впечатлений / мнений персонажа; в них чаще употребляется имперфективный глагол (*казаться*₂₉). Вторая стратегия отличается от первой отсутствием иронии автора, автор полностью солидаризируется с персонажем (*казаться*₃₀). Контексты этого типа организованы по правилу согласованности внешней и внутренней точек зрения: всезнающий нарратор сам ведет наблюдение за персонажем, при этом сообщает о том, что видит и думает персонаж. Нарратор не противопоставляет свою содержательную позицию восприятию и мнению персонажа, в связи с этим не возникает и противопоставления фокусов.

7.2. Если однофокусная мегастратегия **имплицитует** полидискурсивную организацию повествования, то двуфокусная, напротив, **эксплицитует** ее. Полидискурсивность выражается комплексом языковых средств, в том числе и семантикой глагольных предикатов. Благодаря когнитивной семантике *казаться*, *показаться* в 'ОН'-контексте формируется дополнительный фокус – еще одна точка зрения на описываемое событие.

7.3. Двуфокусная мегастратегия представлена тремя информативно-описательными нарративными стратегиями. Первая из них формируется в контексте с *казаться*₂₆, *показаться*₂₆: семантика глагольного предиката создает фигуру имплицитного или эксплицитного стороннего наблюдателя. За счет фигуры стороннего наблюдателя возникает эффект двух точек зрения на описываемое событие. 'ОН'-контексты этого типа построены по правилу 'нарратор сначала сообщает о том, что видит сторонний наблюдатель, а впоследствии излагает свои знания о происходящем'. Впечатления стороннего наблюдателя формируют вспомогательный фокус, знания нарратора помещаются в основной фокус.

7.4. Вторая информативно-описательная стратегия использует **оппозицию** двух точек зрения – внешней и внутренней (двух фокусов). *Кажимость* первого впечатления стороннего наблюдателя противопоставляется знаниям нарратора о персонаже (*казаться₂₇* / *показаться₂₇*). Благодаря фигуре наблюдателя, нарратор получает возможность раскрыть внутреннюю суть персонажа, противопоставив ее внешнему впечатлению, которое производит персонаж на наблюдателя. Первое впечатление – *кажимость* – играет роль вспомогательного фокуса (внешняя точка зрения), которому противопоставляется основной фокус (внутренняя точка зрения).

7.5. Третья информативно-описательная стратегия отличается от первых двух тем, что позиция субъекта-наблюдателя заполняется **персонажем** произведения (а не сторонним наблюдателем). Персонажу нечто мерещится, чудится, *кажется*, в то время как нарратор знает о том, что этого нет (*казаться₂₈* / *показаться₂₈*). Контексты с *показаться₂₈* построены по правилу – ‘впечатления, ощущения персонажа нарратор оценивает как мнимые, ложные’. В контекстах противопоставляются две точки зрения: первая – ложная, представляющая впечатления персонажа (вспомогательный фокус), а вторая – истинная, принадлежащая нарратору (основной фокус). В ‘ОН’-контекстах этого типа чаще используется перфективный глагольный предикат.

8. Применение процедуры когнитивного анализа в терминах ‘фон – фигура’, ‘фокусирование – дефокусирование’ для сравнения концептуализаций *казаться₂₆* / *показаться₂₆*; *казаться₂₇* / *показаться₂₇*; *казаться₂₈* / *показаться₂₈*; *казаться₂₉* / *показаться₂₉*; *казаться₃₀* / *показаться₃₀* позволяет определить сходства и различия между ними. Возникающие различия можно объяснить игрой когнитивного фокуса со смысловыми признаками.

8.1. В концептуализации *казаться₂₇* / *показаться₂₇* оценочный признак ‘**ошибочность** первичных впечатлений субъекта-экспериментатора’ попадает в фокус, становится ‘фигурой’ на соответствующем ‘фоне’. ‘Фоном’ служит семантика контекста, в котором эксплицитно выражаются знания нарратора о том, что сторонний наблюдатель ошибается.

8.2. Благодаря ‘фону’ (с позиции своего знания нарратор оценивает впечатления персонажа), в концептуализации *ка-*

заться₂₈ / показаться₂₈ 'фигурой' становится оценочный признак 'ЛОЖНОСТЬ впечатлений субъекта-экспериментера'. Концептуализации 'ОШИБОЧНОСТЬ впечатлений' (казаться₂₇ показаться₂₇) и 'ЛОЖНОСТЬ впечатлений' (казаться₂₈ показаться₂₈) различаются когнитивным признаком 'наличие / отсутствие референта'. Ложность впечатлений субъекта-экспериментера означает отсутствие референта. Сравнимые здесь различия соотносимы с различиями концептуализаций 'зрительные иллюзии' (казаться₁₆) и 'галлюцинации' (казаться₁₇).

9. Сложность когнитивной семантики избранных для анализа слов проявляется в том, что в художественных контекстах не возникает однозначного соответствия между однофокусной / двуфокусной нарративной стратегией и контекстным значением слова. Так, в контекстах и однофокусной (казаться₂₉ / показаться₂₉; казаться₃₀ / показаться₃₀), и двуфокусной (казаться₂₆ / показаться₂₆) стратегии когнитивный признак 'первое впечатление субъекта-экспериментера было ошибочным / искаженным / ложным' остается дефокусированным, «затемнённым», находящимся в 'фоне'. В названных контекстах не возникает противопоставленности первого впечатления субъекта-экспериментера (стороннего наблюдателя или персонажа) знаниям нарратора.

Если же в широком контексте возникает такое противопоставление, то оно индуцирует контекстное значение 'первое впечатление субъекта-экспериментера было ошибочным / искаженным / ложным' (казаться₂₇ / показаться₂₇; казаться₂₈ / показаться₂₈).

Выводы к разделу II. «Типология дискурсивных контекстов: когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться, показаться, девербатива кажимость* в дискурсивном режиме интерпретации»

1. Результаты проведенного когнитивно-дискурсивного исследования позволяют верифицировать гипотезу о **двухуровневой организации** когнитивной семантики слова, в которой условно выделяется когнитивный уровень – концептуальной семантики – и уровень поверхностной языковой семантики.

2. Результаты исследования **поверхностной языковой семантики** позволяют заключить следующее: поскольку глагольный предикат *казаться / показаться* обладает способностью к «мимикрии», семантическому копированию контекстного окружения, то его когнитивную семантику невозможно определить без учета семантики дискурсивного контекста, т. е. в изолированном виде. Во-первых, требуется учесть семантику всех слов, заполняющих позиции в пропозициональной структуре *кто / что кому кажется / показался каким / чем*; особенно важна позиция субъекта-экспериенцера. Во-вторых, в семантику контекста проецируется содержание дискурсивной и когнитивной (познавательной) деятельности субъекта дискурса, запечатлевается та или иная дискурсивная логика субъекта. В-третьих, необходимо учитывать коммуникативные признаки контекста, в котором отражается структура коммуникативной ситуации, коммуникативная роль говорящего в ней.

2.1. Установив взаимосвязь между контекстным значением слова и содержанием дискурсивной и когнитивной деятельности субъекта дискурса, мы проанализировали дискурсообразующие метапозиции – субъекта, адресата, объекта – обыденного, публицистического, научного, художественного дискурсов. В результате были зафиксированы различия в экстралингвистических условиях протекания дискурсивной деятельности; глобальных интенциях, когнитивных и коммуникативных стратегиях субъектов разных дискурсов; интеллектуальном уровне, уровне языковой компетенции субъектов разных дискурсов (см. результаты в таблице № 1).

2.2. Содержательные итоги дискурсивного анализа нашего материала можно кратко сформулировать так: каждый дискурс «разрабатывает» свою систему значений слова; система зафиксированных значений показывает зависимость языковой семантики от дискурсивной деятельности субъекта, его познавательного (когнитивного) опыта, его знаний; результаты исследования свидетельствуют о том, что отсутствует четкая граница между языковыми значениями и человеческим опытом, переход от познавательного опыта к языковому значению непрерывен.

3. Интегральный метод исследования служит цели объединить в единый аналитический аппарат семантический, коммуникативный и дискурсивный виды анализа, а именно: учесть

глобальные интенции субъектов разных типов дискурса, 'дискурсивный тип контекста', 'тип нарративной стратегии', 'коммуникативный тип контекста' ('Я'-; 'Ты'-; 'Он'-контекст), 'коммуникативный регистр', 'субъектную структуру контекста' и некоторые другие параметры. Интегральный подход позволил обобщить «сумму» контекстных значений (концептуализаций) слова и на этом основании эксплицировать дискурсивную логику субъекта обыденного vs. публицистического vs. научного vs. художественного дискурса.

4. **Метасубъектная и метаадресатная позиции обыденного дискурса** предполагают конкретного говорящего и конкретного слушающего. В обыденном дискурсе представлен субъект, который получает информацию об описываемом событии, будучи его непосредственным участником или сторонним наблюдателем. Экстралингвистические условия протекания дискурсивной деятельности определяются терминами – 'реальная коммуникативная ситуация'; 'ситуация сенсорного восприятия денотативной ситуации'. Экстралингвистические условия отражаются в семантике репродуктивного 'Я'-контекста: пространственно-временная позиция говорящего выражается значением глагольного времени – актуальным перцептивным временем. Когнитивная деятельность субъекта обыденного дискурса связана либо с 'перцептивным актом' (*кто / что мне кажется каким / чем*), либо актом 'осмысления первого впечатления', который потенциально может сопровождаться рефлексией, направленной на референциальную проверку соответствия первого впечатления объекту реального мира; либо актом 'вспоминания' и некоторыми другими (*кто / что мне показался каким / чем*). Установить референциальное соответствие своего первого впечатления тому, что имеется в действительности, важно для последующего процесса познания воспринимаемого объекта, ситуации, события.

4.1. В материале обыденного дискурса были дифференцированы семь контекстных значений (концептуализаций), система контекстных значений глагольных предикатов *казаться, показаться* представлена в таблице № 2.

4.2. Интенции субъекта обыденного дискурса связаны с тем, чтобы сообщить об увиденном (услышанном, почувствованном) и осмысленном им самим ('Я'-контекст); либо убедить

собеседника в ошибочности его первого впечатления ('ТЫ'-контекст), либо оценить впечатление / мнение третьего лица как несоответствующее тому, что имеется в действительности, с точки зрения говорящего ('ОН'-контекст). Корреляция между семантикой контекста с глагольным предикатом *казаться* / *показаться* и коммуникативной установкой говорящего была проанализирована с использованием понятия 'коммуникативный регистр' – 'репродуктивный' vs. 'информативный' vs. 'реактивный' vs. 'волюнтивный'.

4.3. В целом когнитивные стратегии субъекта обыденного дискурса характеризуются малой информативностью, отсутствием анализизма, редко встречающейся в контекстах рефлексией над собственным перцептивным и ментальным актом. Коммуникативным стратегиям собеседников присущи спонтанность, хаотичность, непродуманность, эклектичность.

5. Вывод о том, что система контекстных значений *казаться* / *показаться* обуславливается дискурсивной логикой субъекта, его тактико-стратегическими установками, подтверждается материалом **публицистического дискурса**. В материале публицистического дискурса были выделены шесть контекстных значений (концептуализаций) (см. таблицу № 3).

5.1. Дискурсивная логика автора-публициста коррелирует с экстралингвистическими условиями протекания дискурсивной деятельности. Экстралингвистические условия публицистического дискурса были охарактеризованы в терминах 'пространственно-временной дистанцированности', абстрагированности субъекта от процесса реального сенсорного восприятия описываемого события; квазикоммуникативности и др. В силу специфики квазикоммуникативной ситуации, принципиальной неверифицируемости сообщения, публицистическая нарративная стратегия получает особую риторическую оформленность, заостренность: опытный автор-публицист прибегает к рассуждению, рефлектирует над предметом осмысления и способом изложения материала, чтобы вызвать доверие информации у адресата; его когнитивная деятельность характеризуется информативностью, анализизмом. Дискурсивное рассуждение публициста получает статус информативно-генеритивного коммуникативного регистра – обобщенной информации, соотнесенной с жизненным опытом и универсальным знанием.

5.2. Метасубъектная дискурсообразующая позиция предполагает высокий интеллектуальный уровень, аналитизм мышления, высокий уровень языковой компетентности автора-публициста (в отличие от субъекта обыденного дискурса), выражающиеся в общем содержании публицистических текстов, в особых нарративных тактиках. Когнитивная семантика *казаться*, *показаться* в контекстах публицистического дискурса связана с реализацией публицистических стратегий и тактик: 'субъект рассуждает, рефлектирует над относительностью логического вывода – 'если принять другое условие, то и следствие будет другим'; 'субъект рассуждает; рефлектирует над этапами формирования собственной мысли, умозаключения'; 'публицист, восстанавливая в памяти описываемое событие и его участников, допускает возможность искажения фактов'; 'публицист развенчивает стереотипы сознания моделируемой социальной группы либо стереотипы обыденного сознания, призывает адресата к более фундаментальному осмыслению предмета обсуждения'.

5.3. Объектом публицистического сообщения становятся стереотипы обыденного (общественного) сознания; сознания реконструируемой социальной группы. Метаобъектная дискурсообразующая позиция связана со значениями 'неопределенный множественный субъект-экспериментер' (*украинским политикам кажется*) и 'максимально обобщенный субъект-экспериментер' (*всем обывателям кажется*), что отражает дискурсивную логику публициста: автор присваивает себе право устанавливать такое референциальное соотношение разоблачаемого впечатления с действительным миром, которое отражает его замысел и риторическую стратегию. Публицистический 'ОН'-контекст строится в соответствии с полемической стратегией автора, в тексте сталкиваются разные точки зрения реальных, но неизвестных читателю субъектов (*некоторым, другим кажется*); конструируется образ множественного субъекта-экспериментера (*политикам кажется одно, а избирателям кажется совсем другое*); все это придает информации принципиально не-верифицируемый характер. В публицистическом 'ОН'-контексте субъектная валентность глагольного предиката *казаться* служит базой для реконструкции сознания той социальной группы, которую автор критикует (*это всё казалось крестьянам нечестивым*).

5.4. В субъектной структуре публицистического контекста создается **иерархия**: в роли субъекта-экспериментатора, носителя первого взгляда / мнения (*кому кажется*) выступает обобщенно представленный субъект обыденного сознания, публицист же «наделяется» статусом субъекта рефлексии, обладающего профессиональными знаниями и опытом, необходимыми для разоблачения поверхностности, недостаточности первого впечатления / мнения субъекта обыденного сознания. Публицистическая тактика сталкивает стереотипы обыденного сознания с профессиональным (научным) представлением о предмете, раскрывает сложность того, что *кажется обывателю / читателю простым на первый взгляд*.

6. Метасубъектная позиция **научного дискурса** предполагает ученого-исследователя, представителя научного сообщества (носителя научных знаний). Метаадресатная позиция также связана с ученым-коллегой или всем множеством коллег, обладающих общим фондом научных знаний. Глобальные интенции субъекта научного дискурса характеризуются установками: исследовать объект, собрать и обобщить эмпирические данные, сформулировать новое знание. Когнитивная деятельность отличается научной методикой, системностью, процедурами верификации результатов, высоким аналитизмом, результаты научного исследования отличаются высшим уровнем абстракции. Коммуникативным стратегиям свойственна логичность изложения, продуманность, прозрачность, понятность, предсказуемость и внутренняя непротиворечивость.

6.1. Специфика метаобъектной позиции научного дискурса состоит в том, что процесс восприятия выступает **объектом научного изучения**, а именно: исследуются возникающие у реципиента зрительные иллюзии, галлюцинации, осмысляются другие гносеологические проблемы и причины *кажущести*.

6.2. В эпистемических контекстах научного дискурса психологии и медицинской психологии пропозициональная структура *кто / что кому кажется / может показаться каким / чем* отражает знания о том, что в момент восприятия определенного объекта у реципиента могут возникать зрительные иллюзии или галлюцинации. В научном дискурсе называются причины зрительных иллюзий и галлюцинаций. Концептуализация 'зрительные иллюзии' – 'субъект-экспериментатор смотрит, видит

объекты, но видит искаженно' – отражает знания о причинах иллюзорных эффектов, которые возникают из-за особого взаимного расположения геометрических фигур, из-за наличия других фигур (окружности, прямоугольники) (*Отрезки одной косо́й линии кажутся сдвинутыми относительно друг друга*). Зрительные иллюзии могут возникать как у автора, так и у любого другого реципиента. В таком контексте стирается противопоставленность 1-го лица 2-ому и 3-ему, возникает обобщенно-личное (инклюзивное) значение субъекта-экспериментера.

6.3. Концептуализация 'галлюцинации' отражает научные знания о ложном восприятии: 'то, что больному *кажется*, – это на самом деле галлюцинации'. В контексте возникает неопределенно-личное ('экслюзивное') значение субъекта-экспериментера – 'больным *кажется* то, чего нет, **но не автору**'. Автор-исследователь (он же субъект-носитель научных знаний) противопоставляется субъекту-экспериментеру (*когда люди изнывают от жажды, им начинает казаться, что впереди виднеется оазис, деревня, вода, в то время как на самом деле их нет*).

6.4. В дискурсе философии глагольный предикат *казаться / показаться* отражает знания о гносеологических причинах *кажимости*, об онтологической *кажимости*. В целом в материале научного дискурса были выделены шесть контекстных значений (концептуализаций), система контекстных значений представлена в таблице № 4.

7. Система контекстных значений слова в материале **художественного дискурса** обусловлена, с нашей точки зрения, дискурсивной логикой, когнитивными и нарративными стратегиями, а также глобальными интенциями субъекта художественного дискурса. В контекстах художественного дискурса были дифференцированы одиннадцать значений глагольных слов (см. таблицу № 5). Глагольные предикаты *казаться, показаться* по-разному участвуют в создании сложного коммуникативного плана фикционального мира, полидискурсивность которого проявляется в противопоставленности дискурсов нарратора или рассказчика дискурсу персонажа.

7.1. В художественном контексте репродуктивно-описательной стратегии за счет субъектной валентности глагольного предиката создается позиция наблюдателя (*кто / что кому ка́жется / показался каким / чем*), благодаря объектной позиции

(кто / что) возникает перцептивный план фикционального мира – «наблюдаемая» природная, предметная среда (*Отсюда долина кажется ровною, и только привычный глаз рассмотрит на ней едва уловимые линии глубоких лощин и оврагов*).

7.2. В 'Я'-контексте информативно-описательной стратегии 'внутренней речи персонажа' глагольный предикат отражает «внутренний» взгляд нарратор: нарратор «вживается» в сознание персонажа (*Все кажется, что здесь меня убьют*). В 'Я'-контексте обыденного дискурса такое употребление не встречается. Подобные различия демонстрируют корреляцию между дискурсивной логикой субъекта и функционированием глагольного предиката, его контекстным значением. Обыденная логика базируется на представлении о том, что о содержании чужого сознания можно только догадываться, внутренний мир Другого нельзя увидеть. Дискурсивная логика субъекта художественного повествования предполагает обратное: всезнающий автор владеет всей информацией о внутренней жизни персонажей.

7.3. В материале художественных 'ОН'-контекстов были выделены две мегастратегии, формируемые *казаться / показаться*, – однофокусная и двуфокусная. Однофокусная мегастратегия представляет нарратора не только как носителя абсолютных знаний о персонаже или описываемом событии, но и как наблюдателя за происходящим в пространстве фикционального мира. Однофокусная мегастратегия **имплицитует** полидискурсивную организацию коммуникативного плана повествования. В контексте возникает внутрифразовое двуголосие: впечатления, мысли, слова персонажа органично включаются в дискурс нарратора. Однофокусная мегастратегия представлена двумя стратегиями – первая отражает ироническое отношение автора к несовершенству, легкомысленности персонажа (при этом в контекстах не возникает оценки 'ложности, ошибочности впечатлений / мнений персонажа'; в них чаще употребляется имперфективный глагол); вторая отличается отсутствием иронии автора, солидаризацией автора и персонажа: 'всезнающий нарратор сам ведет наблюдение за персонажем, при этом сообщает о том, что видит и думает персонаж'.

7.4. Двуфокусная мегастратегия организована сложнее: в ней разделены внешняя и внутренняя точки зрения. Внешняя точка зрения приписывается стороннему наблюдателю или

персонажу, она формирует дополнительный фокус. Внутренняя точка зрения принадлежит нарратору и отражает его знания о событиях фикционального мира, она формирует основной фокус. Двухфокусная мегастратегия представлена тремя стратегиями: **первая** – ‘нарратор сначала сообщает о том, что видит сторонний наблюдатель, а впоследствии излагает свои знания о происходящем’; **вторая** – ‘противопоставляя *кажимость* первого впечатления стороннего наблюдателя своему знанию, нарратор получает возможность раскрыть глубинную «правду» о персонаже (внутреннюю суть персонажа)’; **третья** – ‘персонажу нечто мерещится, чудится, *кажется*, в то время как нарратор знает о том, что этого нет’. В контекстах третьего типа чаще используется перфективный глагол (*персонажу показалось*) в значении – ‘впечатления, ощущения персонажа нарратор оценивает как мнимые, ложные’.

8. Проведенный анализ позволяет предложить **метакогнитивную репрезентацию** исследуемой **концептуальной области *кажимости***. Пропозициональная структура *кто / что кому кажется / показался каким / чем* коррелирует с **когнитивной структурой**, репрезентирует опыт и знания носителей языка.

8.1. В концептуальной семантике реализуется когнитивный сценарий, генетически закодированный во внутренней форме. Старое существительное *казъ* обозначало ‘**искажение**’, глагол *казати* в контексте – *объект мне себя кажет каким* – имел значение ‘объект мне себя **показывает, дает видеть**’. Во внутренней форме концептуализируется то, как изначально был познан, осмыслен онтологический процесс зрительного восприятия человеком некоторого объекта. Во внутренней форме представлены первоначально закрепленные за глагольным словом интенционал и экстенционал: экстенционалом выступает сам онтологический процесс зрительного восприятия, интенционал же представлен соответствующей концептуализацией – ‘вызываемое во мне впечатление – перцептивный образ предмета – представляет собой известное подобие воспринимаемого предмета, но не является его абсолютным двойником; возникающий ментальный образ может оказаться ошибочным, искаженным’. По сути, концептуализируется дистанция между объектом ‘как он есть’ и его ментальной репрезентацией, полученной в результате обработки перцептивных данных сознанием.

8.2. В когнитивной структуре – ‘объект показывает себя человеку, но не всегда ментальный образ объекта соответствует тому, что есть на самом деле’, – имеет место скрещение гносеологического и онтологического, субъективного и объективного аспектов познания. Познавательные способности человека ограничены: человек не может до конца понять сложную суть объекта.

9. В силу диалектического соединения перцептивного и эпистемического модусов, **единый гештальт-сценарий** состоит из двух частей. **С одной стороны**, предполагается наличие субъекта-экспериментатора, а также его перцептивный акт, наблюдаемый им объект; первый, потенциально ошибочный / искаженный образ объекта; потенциальная возможность осуществить акт рефлексивной проверки первого впечатления и установить истину. **С другой** – наличие субъекта-носителя знания; его знание об искаженном характере восприятия субъекта-экспериментатора, о несоответствии первого впечатления субъекта-экспериментатора тому, что имеется в действительности; имплицитные / эксплицитные **знания** о причинах, приведших к искажению результатов перцепции.

9.1. Гештальт-сценарий можно «развернуть» в концептуальную смысловую область. Метакогнитивная репрезентация гештальта концептуальной области *кажимости* строится с опорой на инферентные выводы, полученные в результате когнитивно-дискурсивного анализа семантики глагольных предикатов *казаться, показаться*, девербатива *кажимость*. Метакогнитивная репрезентация гештальта концептуальной области *кажимости* включает концептуализированный в семантике контекстов когнитивный опыт и знания, зачастую не осознаваемые простыми носителями языка. Этот опыт можно описать следующими метавысказываниями: Говорящий знает, что можно не разглядеть наблюдаемый объект как следует, если, например, находиться на большом расстоянии от него, т. е. первое впечатление от увиденного может оказаться ошибочным. Говорящий также знает, что впоследствии можно подойти ближе к наблюдаемому объекту и рассмотреть его, т. е. перепроверить результаты перцепции эмпирически. Это позволяет сформировать более полное представление (знание) об объекте. Впоследствии – с позиции полученного представления / знания – говорящий рефлектирует над своим первым зрительным впечатлением, оценивает его как

истинное или ошибочное. Говорящий также знает, что существуют особые обстоятельства, под действием которых могут искажаться зрительные образы объектов действительного мира и у наблюдателя могут возникать зрительные иллюзии и галлюцинации.

9.2. Анализ в терминах 'фон – фигура' позволяет схематично показать корреляцию между концептуальным уровнем (гештальт-сценарий) и уровнем поверхностной языковой семантики. Реконструированный нами гештальт концептуальной области *кажмости* выполняет роль 'фона', на котором выделяется 'фигура' – семантика контекста с *казаться / показаться*. При этом в 'фигуру' всякий раз попадает только фрагмент концептуальной области, а оставшаяся часть концептуальных смыслов дефокусируется, «затемняется», но полностью не исчезает. Так, первая часть гештальт-сценария становится 'фигурой' в репродуктивном контексте, а вторая часть гештальт-сценария выделяется в качестве 'фигуры' в контексте эпистемического типа.

10. Реконструируемая нами концептуальная область *кажмости* может быть описана как целостная, континуальная, диффузная, неопределенная, размытая, не имеющая четких границ. В отличие от концептуальной, поверхностная языковая семантика предстает как более конкретный фрагмент концептуальной области, как будто бы выхваченный когнитивным фокусом.

Корреляция между семантикой контекста и семантикой слова в контексте опять может быть представлена в терминах 'фон – фигура'. В соответствии с правилом выделения 'фигуры' на 'фоне', в семантике каждого контекста «высвечивается» свое (более конкретное) значение глагольного слова.

11. Применение методики когнитивного анализа в терминах 'фон – фигура', 'фокус' к уровню поверхностной семантики позволило определить правило построения репродуктивного контекста. Репродуктивный контекст строится в соответствии с **общими принципами зрительного восприятия**, отражает прототипическую ситуацию восприятия. В репродуктивном контексте конструируется пространственная перспектива – позиция наблюдателя, т. е. местоположение, из которого субъект наблюдает за происходящим. Субъект-наблюдатель находится в локусе происходящего, как правило, на значительном расстоянии от наблюдаемого объекта. Наблюдатель занимает синхронную с временем описываемого события позицию. В ре-

продуктивном контексте с предикатом концептуализируется первая зрительная фиксация наблюдаемого объекта (фигура) на каком-то 'фоне' (*Вдали показалась гора. Она кажется невысокой, пологой*). В фокусе внимания говорящего находится объект, названный именем существительным в именительном падеже (*гора*). В контексте содержится указание на 'фон' (*вдали*).

Гештальт интересующей нас концептуальной области отражается в семантике контекста, который строится так: субъект-наблюдатель первый раз замечает объект, находясь на значительном расстоянии от него (*вдали показалась; на горизонте показался; издалека кажется*), возможны также и другие обстоятельства-причины, затрудняющие процесс наблюдения или искажающие впечатление (*С бешено несущегося поезда казалось, что возы стоят не двигаясь, а лошади поднимают и опускают ноги на одном месте* [Б. Л. Пастернак «Доктор Живаго»]; *Не верилось, что ее [волну] сдерживает редкая цепь неуклюжих машин, казавшихся отсюда совсем маленькими* [А. и Б. Стругацкие «Далекая Радуга»]). Гештальт-сценарий также фиксирует принципиальную возможность изменения первого впечатления субъекта: например, если наблюдатель приближается к заинтересовавшему его объекту, то получает возможность лучше рассмотреть объект, сформировать более полное представление о нем. С позиции этого, более полного представления / знания субъект получает возможность осмыслить первичное впечатление как соответствующее или не соответствующее тому, что имеется в действительности, оценить первое впечатление как 'истинное' или 'обманчивое'.

12. Значение имперфективного глагола *казаться*, представляет процесс актуального (во временном значении термина) наблюдения говорящим некоторого объекта действительного мира. В момент актуального наблюдения говорящий еще не может оценить свое впечатление как ошибочное или искаженное, однако он обладает априорным знанием об этом.

Знание о том, что первое впечатление может быть ошибочными / искаженным, как факт индивидуального сознания формируется в процессе эмпирического познания мира человеком, оно становится фундаментом для реконструируемой концептуальной области. Это же знание как факт коллективного сознания концептуализируется в конвенциональной семан-

тике слов *казаться, показаться, кажимость*; в силу этого носитель языка усваивает это знание в раннем детстве в процессе изучения родного языка. Между двумя когнитивными репрезентациями знания устанавливается корреляция.

13. Когнитивная семантика глагольного предиката представляет как будто бы **«слепок» с онтологического процесса**: акт восприятия человеком некоторого объекта концептуализируется как динамичный процесс, состоящий из этапов. Первый этап – перцептивное восприятие, второй этап – ментальное осмысление перцептивных данных. Каждый из двух названных этапов восприятия получает репрезентацию в контексте – репродуктивного или информативного / эпистемического типа.

13.1. Ментальное осмысление перцептивных данных концептуализируется в информативном контексте. Информативный ‘Я’-контекст воссоздает другую прагматическую ситуацию: ‘говорящий не находится в локусе описываемого им события; говорящий интерпретирует ситуацию, оценивает ее с позиции предварительных знаний’ (*Мне эта точка зрения кажется странной*).

13.2. Целостность концептуальной семантики проявляется в том, что информативное значение сохраняет связь с репродуктивным. Интерпретация, умозаключение, вывод восходят к акту перцепции, имеют эмпирическую основу. Это показывают контексты, в которых предикаты, маркируя процесс интерпретации, осмысления чего-то, тем не менее, сочетаются с распространителями *с первого взгляда кажется / может показаться; на первый взгляд кажется / могло показаться (На первый взгляд статья кажется простой и понятной)*.

13.3. Этап ментального осмысления перцептивных данных получает в дискурсивном контексте когнитивный статус ‘знание’ субъекта. ‘Знание’, в свою очередь, формирует пресуппозитивную базу для рефлексивного акта субъекта. Потенциальный акт проверки ошибочности / искаженности впечатления / мнения превращается в реальный рефлексивный акт в определенных условиях – это отражают контексты, в которых репрезентируется вторая часть гештальт-сценария: появляется субъект-носитель знания; его знание об искаженном характере восприятия субъекта-экспериментатора, о несоответствии первого впечатления субъекта-экспериментатора тому, что имеется в действительности; знания о причинах, приведших к искажению

результатов перцепции. Говоря когнитивистским языком, в 'фокус' попадает вторая часть гештальт-сценария, в то время как первая часть перемещается в 'фон', но полностью не исчезает.

13.4. Корреляция между степенью выделенности / невыделенности когнитивного признака 'знание о том, что первое впечатление / мнение может быть ошибочным / искаженным' и семантикой разных дискурсивных контекстов с глагольными предикатами представлена в таблицах № 2, № 3, № 4, № 5.

14. Глагольные предикаты *казаться*, *показаться*, девербатив *кажимость* служат для того, чтобы фиксировать и удерживать в памяти ту структуру знания, которую мы реконструировали и описали как гештальт концептуальной области *кажмости*. Когнитивно-дискурсивный анализ языкового материала показывает, что слово реагирует на развитие самой структуры знания, а также на особенности использования и понимания этой структуры знания разными говорящими. Знание динамично по своей природе, и в обществе, в силу научного прогресса, постоянно происходит процесс роста знаний. Вслед за изменением знания меняется значение слова, поскольку роль слова заключается в том, чтобы активизировать определенную структуру знания, ассоциированную со словом.

15. Семантика собранных и проанализированных контекстов свидетельствует о том, что субъекты разных дискурсов обладают разными знаниями о том, что обозначается пропозициональной структурой *кто / что кому кажется / может показаться каким / чем*. Особенно ярко это обнаруживается при сопоставлении контекстов научного дискурса с контекстами других дискурсивных типов – обыденного, публицистического, художественного. В научной сфере вместе с расширением и углублением знаний происходит расширение и уточнение экстенциональной области слова по сравнению с той, которая была зафиксирована его интенционалом и закреплена первоначально. У слова возникают новые значения и новые концептуальные структуры (концептуализации).

16. В системе контекстных значений научного дискурса когнитивный признак 'знание о том, что первое впечатление может быть ошибочными / искаженным / ложным' приобретает когнитивный статус научного факта, абстрактного знания о том, какие иллюзорные эффекты могут сопровождать процесс

восприятия (см. таблицу № 4). В дискурсе психологии постулируются знания о возникающих зрительных иллюзиях (*казаться₁₆*), их причинах; галлюцинациях, их причинах (*казаться₁₇*).

16.1. В контекстах научного дискурса эксплицируются знания о том, что в процессе эмпирического познания мира каждый человек сталкивается с определенными трудностями: ошибки восприятия могут возникать, когда не учитывается различие условий наблюдения объекта и условий его существования (*Кажимость восхода и захода Солнца вызвана тем, что мы вместе с Землей движемся вокруг Солнца*). В научном дискурсе проблема зрительного восприятия действительных размеров предмета связывается со знаниями о том, как влияют изменяющиеся условия на результаты перцепции. Результаты процесса познания обуславливаются определенными внешними обстоятельствами (условиями наблюдения, размерами наблюдаемого объекта и др.) и внутренними причинами (несовершенством зрительного аппарата человека и другими дефектами познавательных способностей).

16.2. Рассмотренные нами значения девербатива *кажимость* (гносеологическая vs. онтологическая), *казаться₁₈*, *казаться₁₉*, имеют непосредственное отношение к гносеологической проблеме субъективного и объективного в познании, связаны с вопросом о различении '*мира как он есть*' vs. '*мира, каким он кажется*'. В процессе познания осуществляется дифференциация истинного и неистинного, иллюзорного и действительного. Девербатив *кажимость* относится к категориям очень высокой степени инферентности, которые отражают восприятие мира человеком на универсально-обобщенном уровне. В семантике девербатива перцептивный модус как бы отчуждается от конкретного человека, превращается в философскую категорию, которая приобретает фактуальное значение.

17. Материал нашего исследования позволяет смоделировать когнитивный процесс создания дискурсивных модификаций значений слова – процесс порождения **полисемии слова** – как акт «применения» когнитивного гештальт-сценария субъектом определенной дискурсивной деятельности – обыденной, публицистической, научной, художественной.

17.1. В каждом из названных дискурсов «разрабатывается» своя система контекстных значений слова, при этом возрастает семантическое расстояние между ними. Сопоставительный ана-

лиз семантики контекстов разных дискурсов показал, что в контекстах научного дискурса возрастает степень абстракции и отвлечения от чувственных, перцептуальных значений. В терминах 'фокусирование – дефокусирование' были проанализированы изменения в концептуализациях *казаться*₁; *казаться*₂; *казаться*₃; *казаться*₄; *казаться*₅; *казаться*₆; *казаться*₇ vs. *казаться*₁₄; *казаться*₁₅; *казаться*₁₆; *казаться*₁₇; *казаться*₁₈; *казаться*₁₉. Этот анализ позволил представить когнитивную операцию создания концептуализаций как процесс абстрагирования от конкретного субъекта-экспериментера, его единичного перцептивного акта, наблюдаемой денотативной ситуации. Степень когнитивной «удаленности» от денотативной ситуации увеличивается в направлении от *казаться*₁ к *казаться*₁₈; рассматриваемый ряд отражает «скольжение» значений от актуального, эмпирического опыта человека к возможному, умозрительному. Языковая абстракция создается за счет когнитивного процесса дефокусирования названных признаков. Описанные изменения вызываются коммуникативными ('Я'-; 'Ты'-; 'Он'-контекст; репродуктивный / информативный / генеритивный / реактивный / волюнтивный регистр) и когнитивными – знаниями о разных феноменах – факторами.

17.2. Изменения в концептуализациях *казаться*₁; *казаться*₂; *казаться*₃; *казаться*₄; *казаться*₅; *казаться*₆; *казаться*₇ vs. *казаться*₁₄; *казаться*₁₅; *казаться*₁₆; *казаться*₁₇; *казаться*₁₈; *казаться*₁₉ были представлены как процесс смены когнитивного фокуса: в разных контекстах одни и те же когнитивные признаки то попадают в фокус, выдвигаются на передний когнитивный план, становятся 'фигурой', то дефокусируются, отодвигаются в концептуальный 'фон', но полностью не исчезают.

18. В итоге возникает полисемия, притом появление новых значений у слова вполне укладывается в явление регулярной, т. е. моделируемой по определенным правилам полисемии. Регулярная полисемия не разрушает тождества слова. Многозначное слово цементируется единым гештальт-сценарием.

19. Подвижность значений, их гибкость, их динамизм, проявляющийся в постоянном взаимодействии интенционалов и экстенционалов слова, становится неперменным компонентом развития языка как такового и обеспечивает выполнение им главной функции – работы с информацией, включая в эту работу как ее фиксацию в сознании говорящих, так и целевое предназначение ее для передачи другим людям.

20. Сопоставление пропозициональных структур с имперфективным и перфективным предикатами позволило сделать вывод о диффузности, континуальности когнитивной семантики, так как данные пропозициональные структуры выступают языковой формой для концептуализации сообщений о разных впечатлениях, ощущениях говорящего – зрительных, слуховых, обонятельных, осязательных, тактильных. Континуальность семантики слова объясняется синергетикой когнитивной деятельности человека, целостностью – гештальтностью – самого процесса восприятия человеком действительного мира.

20.1. Ментальная (модусная) рамка *мне кажется* **имплицитует**, а *мне показалось* **эксплицитует** опыт рефлектирующего субъекта – ‘говорящий знает о том, что первое впечатление / мнение может быть ошибочным, что впоследствии оно может смениться другим представлением / знанием’. В форме настоящего времени имперфективного предиката концептуализируется длительность когнитивного процесса говорящего, синергетически связанного с последующим во времени рефлексивным актом. В связи с этим в таком контексте **имплицитуются** рефлексивный акт субъекта. В форме же прошедшего времени перфективного предиката концептуализируется другое временное значение – взгляд «назад», в ретроспективу. В связи с этим во всех контекстах перфективный предикат **эксплицитует** рефлексивный акт субъекта. Значение ‘мгновенности, летучести мысли, быстрой сменяемости мыслей’ (*мне показалось*) обусловлено семантикой совершенного вида и прошедшего времени. Это формирует значение перфективного предиката – ‘большей субъективности интерпретации говорящего’ – в сравнении с имперфективным.

20.2. Имперфективный предикат *казаться* предназначен как для сообщений о конкретных когнитивных актах человека, так и для информирования о научных знаниях, установленных фактах, имеющих модус «всегда». Перфективный же предикат *показаться* предназначен для сообщений о конкретных когнитивных актах человека. Только в контексте модальных слов *может, вероятно, должен* перфективный предикат получает значение абстрактного знания об иллюзорных эффектах, сопровождающих процесс восприятия и познания человеком явлений мира (*Мед может показаться горьким при определенных заболеваниях печени*).

РАЗДЕЛ III

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ПАРЕНТЕЗЫ *КАЖЕТСЯ* В РАЗНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ КОНТЕКСТАХ

В теоретическом подразделе «История парентезы *кажется* в контексте диахронического процесса возникновения парентетической позиции в предложении» мы рассмотрели историю возникновения парентетической позиции в русском предложении, с которой связываем образование парентезы *кажется* от глагольного предиката *казаться*. Дискурсивные и коммуникативные модификации значений глагольного предиката *казаться* были проанализированы во втором разделе монографии.

В третьем разделе подробно рассмотрим семантику парентезы *кажется*, предопределенную, с одной стороны, особой коммуникативной и синтаксической – парентетической – позицией в предложении, с другой – исторически обусловленную когнитивной семантикой глагольного слова *казаться*.

Представим типологию дискурсивных контекстов парентезы, определим дискурсивные значения и функции парентезы *кажется* в диалоге и нарративе (разных коммуникативных режимах), в контекстах разного дискурсивного типа – обыденном, публицистическом, научно-публицистическом, художественном. На базе полученной «суммы» семантических данных реконструируем когнитивную семантику парентезы *кажется*; сопоставим когнитивную семантику глагольного предиката *казаться* и парентезы *кажется*.

Исторический процесс образование парентезы *кажется* от глагольного предиката можно рассматривать как грамматикализацию значения исходного глагола *казаться*. «Грамматикализация – диахронический процесс, сопряженный с выветриванием лексического значения исходного слова, с созданием более абстрактных грамматических значений или устойчивых, клишированных конструкций» [Ирисханова 2014, с. 214]. Далее покажем, что в рассматриваемом нами случае ‘Я’-модусная рамка редуцировалась до слова-парентезы: *мне кажется* → *кажется*.

Исследователи когнитивной семантики пишут, что частое использование языкового выражения в определенной позиции в предложении неизбежно приводит к пересмотру его функций. Второй процесс, связанный с диахроническими изменениями, – это прагматикализация значения исходного слова. Прагматикализация тоже сопровождается изменением исходного значения в пользу дискурсивно-интерактивных значений. «Под прагматикализацией понимают такой тип лексического выветривания, при котором синтагма или словоформа меняет свое лексическое значение в пользу дискурсивно-интерактивного значения» [Ирисханова 2014, с. 225].

Термины ‘грамматикализации’ и ‘прагматикализации’ значения исходного слова релевантны для описания деривационных и семантических отношений между глаголом и парентезой. При этом, несмотря на «выветривание» значения глагольного слова *казаться*, особенности его когнитивной семантики продолжают определять характер значения парентезы *кажется*.

В современной лингвистике парентезы рассматриваются как эгоцентрические слова: в диалогической речевой ситуации они связаны с говорящим и играют важную роль в организации нарратива [Падучева 1996, с. 320; Чернцова 2014, с. 75–82]. В значениях парентез как маркеров говорящего отражается вовлеченность субъекта речи в коммуникативную ситуацию, поэтому для анализа дискурсивных значений и дифференциации функций парентезы *кажется* релевантны, прежде всего, такие параметры контекста, как диалог vs. монолог (нарративный коммуникативный режим).

В контексте задач предприняемого исследования важно показать, что в дискурсивном значении парентезы *кажется* отражается говорящий, играющий разные коммуникативные роли: в

диалоге – роль реального собеседника, речь которого обращена и учитывает актуальное участие второго лица, а в нарративе – роль повествователя или рассказчика, который обращает свою речь не всегда к определенному слушателю, иногда это потенциальный читатель. С различными коммуникативными (и дискурсивными) ролями говорящего, с нашей точки зрения, связаны различия в употреблении парентезы. С точки зрения коммуникативной, говорящий предстает как субъект разных коммуникативных типов речи – диалога или нарратива. Каждый коммуникативный тип речи строится в соответствии со своими процедурными правилами и коммуникативной стратегией субъекта.

Для экспликации дискурсивных значений и функций парентезы необходимо осмыслить процедурные правила построения диалога и нарратива, а также коммуникативные стратегии, которые описываем посредством параметров 'коммуникативный регистр речи': диалогические стратегии коррелируют с 'волюнтивным' и / или 'реактивным' типом коммуникативного регистра; нарративные стратегии – 'репродуктивным', 'информативным', 'генеритивным' типом коммуникативного регистра.

Уточним методику анализа. Параметр 'коммуникативный тип контекста' ('Я'- / 'ТЫ'- / 'ОН'-контекст) **релевантен** для осмысления семантики глагольного предиката *казаться*, учет этого параметра позволил нам противопоставить и проанализировать контекстные значения *казаться*₁; *казаться*₂; *казаться*₃; *казаться*₄ ('Я'-контекст) vs. *казаться*₅ ('ТЫ'-контекст) vs. *казаться*₆; *казаться*₇ ('ОН'-контекст).

В отличие от глагольного предиката *казаться*, парентеза всегда маркирует когнитивный акт говорящего, формируя, по сути, 'Я'-контекст. Парентеза *кажется не предназначена для обозначения когнитивный акт второго или третьего лица*, ср. с глагольным предикатом: *Тебе / ему это кажется!*

Имперфективный глагольный предикат *казаться* обычно нельзя извлечь из предложения, не превратив его в дефектное с формальной, грамматической точки зрения, а также семантической точки зрения. Парентеза же «парит» над синтаксической структурой предложения, грамматически изолирована, что отражается в пунктуации. Парентеза может быть элиминирована из состава предложения, так как имеет особое значение, которое определим в дальнейшем. В отличие от глагольного предиката,

который выступает грамматическим центром пропозициональной структуры *кто / что кому кажется каким / чем*, парентеза не имеет грамматической связи ни с одним из слов предложения, т. е. не имеет синтаксических распространителей, занимает в предложении изолированную синтаксическую и особую коммуникативную позицию атонической темы (о коммуникативной позиции атонической темы см. в [Янко 2001, с. 76–82]).

Несмотря на названные, существенные грамматические отличия парентезы от глагольного предиката, парентеза обнаруживает функциональное и семантическое сходство с глагольным предикатом. Парентеза *кажется*, как и глагольный предикат, обладает способностью к копированию семантического окружения. Это свойство проявляется у парентезы даже в большей степени, чем у глагольного предиката. Этим свойством парентезы обусловлен выбор методики семантического анализа, а именно: нам необходимо учитывать семантику более широкого контекста. Для этого примем следующие метаобозначения: высказывание с парентезой *кажется* будем называть ‘контекст парентезы’, а более широкое окружение обозначим термином ‘внешний контекст’.

Чтобы зафиксировать участие парентезы в организации иллокуции речевого акта, используем термин ‘коммуникативная функция – диалогическая / нарративная’. Иллокутивный и смысловой вклад парентезы в высказывание можно определить, если сопоставить два контекста – с парентезой и без нее.

3.1. Когнитивная семантика и функции парентезы *кажется* в диалогических контекстах обыденного дискурса

В данном подразделе рассмотрим семантику и диалогические функции парентезы *кажется* в разных контекстах, взятых из Устного корпуса Национального корпуса русского языка, подкорпусов публичной и непубличной речи. Для верификации результатов исследования привлекаем художественные диалогические контексты, имитирующие обыденный дискурс и поэтому дающие материал для дополнительных наблюдений. Для определения диалогической функции и дискурсивной семан-

тики парентезы *кажется* релевантен учет иллокуции речевого акта 1) открывающего дискурс; 2) продолжающего дискурс. Инициальный речевой акт в диалоге описываем в терминах 'волеизъявление' говорящего (волюнтивный регистр). Ответный речевой акт отражает реакцию на предшествующую речь (реактивный регистр). Внешний (широкий) контекст может фиксировать несколько иллокуций говорящего, которые можно описать как интегральные коммуникативные стратегии, а именно – репродуктивную и волюнтивную; репродуктивную и реактивную; информативную и волюнтивную; информативную и реактивную.

В качестве методологической базы изучения диалогического дискурса как коммуникативного события используем концепцию когнитивной модели информационного дискурса [Йокояма 2005]. В контексте задач нашего исследования приобретает релевантность понятие 'знание коммуникативной ситуации', поскольку оно позволяет эксплицировать функции парентезы *кажется* в дискурсе. «Во всех случаях, когда человек собирается произнести какое-нибудь высказывание, он должен сначала сориентироваться, произвести некоторую оценку речевой ситуации и вынести заключение – верное или неверное – об общем состоянии знаний и о текущем предмете внимания партнера (оценка состояния когнитивных множеств и множеств активизированных знаний)» [Йокояма 2005, с. 40]. В реальном диалоге знание коммуникативной ситуации – это трудноуловимое знание, которое фактически возникает всякий раз заново в тот момент, когда говорящий собирается вступить с собеседником в диалог, и устаревает после каждой транзакции. Основной метаинформационный акт, совершаемый говорящим, – это оценка коммуникативной ситуации. Говорящий должен иметь хотя бы приблизительное представление о том, имеется ли определенный вид знаний у собеседника и если да, то сосредоточено ли на нем в данный момент его внимание.

«Искренний и опытный говорящий делает все для того, чтобы правильно оценить состояние знаний своего собеседника, хотя ему это не всегда удается. В отдельных случаях неудачная попытка говорящего правильно оценить состояние знаний своего собеседника препятствует намеченному ходу коммуникации (...) Знание дискурсивной ситуации является той разно-

видностью знаний, свою неуверенность в которой мы осознаем лучше всего и, по-видимому, с максимальной легкостью готовы признать ее зыбкость. Причина этого понятна: каждая дискурсивная ситуация предполагает обращение к когнитивному множеству собеседника, а проникнуть в разум другого человека – задача, несомненно, нелегкая» [Йокояма 2005, с. 41].

Проведенная нами систематизация ‘внешних контекстов’ употребления парентезы *кажется* по названным параметрам позволяет представить следующую типологию.

3.1.1. Семантика и функции парентезы *кажется* в инициальном речевом акте

Рассмотрим инициальные речевые акты, которые относим к репродуктивному регистру, так как в них отражается реальное восприятие говорящим денотативной ситуации. В нашей терминологии это первый тип внешнего контекста – репродуктивный внешний контекст (*кажется*₁). Инициальные речевые акты побуждают собеседника к ответу, поэтому их можно интерпретировать как волюнтивные. Определим функцию и семантику парентезы *кажется*₁ в составе первого речевого акта, задающего **новую** тему разговора, ср.:

А – *Кажется, за нами следят. Что будем делать?*

Б – *Не знаю. Давай свернем на соседнюю улицу и посмотрим [НКРЯ].*

Проанализируем коммуникативную ситуацию: своим высказыванием **А** хочет передать **Б** информацию о том, что предмет его активизированного внимания составляет оценка денотативной ситуации (ср.: *мне кажется, что за нами следят*). Опираясь на данные своего наблюдения за текущей денотативной ситуацией (*кажется* – маркер этого наблюдения и осмысления увиденного), говорящий **А** начинает диалог с тем, чтобы узнать, разделяет ли собеседник его мнение о ситуации. **А** рассчитывает на кооперативность поведения **Б** (*Что будем делать?*). Развитие диалога зависит от реакции **Б**, от того, как он оценивает актуальное событие. Реакцию **Б** можно расценить как кооперативную (*Давай свернем на соседнюю улицу и посмотрим*). Нас интересует смысловая и коммуникативная нагрузка парентезы: *кажется* эксплицирует стратегию говорящего **А**, связанную

с попыткой предвидеть другую оценку денотативной ситуации. Говорящий **А** оценивает результаты своего наблюдения за текущей ситуацией как такие, которые могут не найти поддержки у **Б**: например, **Б** не считает, что кто-то за ними следит (значит, **А** это только *кажется*). Говорящий **А** пытается учесть возможное другое мнение собеседника и его реакцию на высказывание. Этот смысл поддерживается внутренней формой парентезы – значением предиката *казаться*: ‘зрительные впечатления могут быть обманчивыми / ошибочными / искаженными’ (ср.: *Тебе всегда что-нибудь кажется*). Это своеобразное приглашение Другого к сотрудничеству, предполагается его участие в проверке высказанного мнения. Ср. – *За нами следят* – имплицитно: ‘Будь осторожен’; в то время как – *Кажется, за нами следят* – имплицитно: ‘А ты как думаешь? Посмотри, не ошибаюсь ли я’. Кооперативность говорящего состоит в приглашении к верификации высказанного мнения. Вклад парентезы в семантику и иллокуцию инициального речевого акта в диалоге можно считать дискурсивно-интерактивным значением парентезы *кажется*.

Рассмотрим диалог, который открывается общим вопросом. Общий вопрос задается **А** в целях установления контакта (фатических целях) с **Б**: иллокуция речевого акта вопроса требует, чтобы на вопрос ответили. Когда **А** собирается задать **Б** вопрос, он предполагает получить информацию из единственно достоверного источника, которого у **А** нет, и **А** ожидает получить его от **Б**:

А – *Кажется, вы уезжаете за границу?*

Б – *Кто Вам сказал? Никуда я не уезжаю* [НКРЯ].

До начала диалога **А** обладает той или иной информацией о намерениях **Б** (**А** думает, что источник информации не вполне надежен). Общий вопрос задается говорящим **А** с целью верификации полученной информации. Парентеза *кажется* выполняет роль коммуникативного маркера, который эксплицирует осознание говорящим того, что его информация может оказаться недостоверной (*кажется* – это модальный комментарий к пропозиции *вы уезжаете за границу*). Как следует из ответной реплики **Б**, источник информации **А** оказался ненадежным. Ответ **Б** можно расценивать как нежелание продолжать диалог. Важное процедурное правило поведения адресата состоит в том, что **Б** обычно корректирует ошибку **А**.

Как показывает анализ диалогического материала, исследование функций парентез предполагает учет дискурсивных процедур: пока у людей нет некоторого общего знания денотативной ситуации, информационный диалог между ними невозможен. Рассмотрим диалог малознакомых людей, попутчиков, который начинается с вопроса-просьбы об идентификации предмета.

А – *Кажется, что-то упало?*

Б – *Да, действительно, это мой чемодан упал с полки: поезд резко остановился* [НКРЯ].

Если изъять из дискурса парентезу *кажется* (ср.: *Что-то упало?*), то иллокуция первого речевого акта может измениться (в случае изменения интонации на более резкую). В этом случае вопрос **А** может восприниматься 1) как более бесцеремонное требование ответить, отчитаться перед **А** или 2) как косвенная форма предложения поднять упавшее. Речевой акт с *кажется* имеет иллокуцию ‘приглашение к проверке’: ‘Посмотрите, не упало ли у Вас что-нибудь?’ Просодия вопросительного высказывания с парентезой *кажется* не предполагает сильного акцента на парентезе (ср. другой акцент: *Конечно же, что-то упало!*), и парентеза *кажется* отражает вежливое, толерантное отношение говорящего, его неагрессивность (об интонации атонической темы см. [Янко 2001, с. 76–82]). Не исключено, что парентеза *кажется* выражает рефлексию говорящего, в которой фиксируется осознание возможной импозиции.

Термин ‘импозиция’ означает такую оценку говорящим коммуникативной ситуации, при которой **А** считает, что нечто, сейчас занимающее его внимание, заслуживает внимания слушающего. Это свидетельствует о некоторой бесцеремонности говорящего, который навязывает слушающему предмет своего текущего внимания. Чаще всего импозиция встречается в начале дискурса, поскольку, чтобы начать диалог, говорящий **А** должен отвлечь внимание адресата от текущего, не имеющего к **А** отношения объекта, на котором сосредоточено внимание **Б**.

Помимо приветствия, создающего речевой акт обращения к адресату, часто люди произносят «Простите...», которое, по всей видимости, указывает на то, что, навязывая адресату предмет своего внимания, мы осознаем, что совершаем некоторое насилие над собеседником, и ощущаем свою вину за это. Как прави-

ло, информационный дискурс начинается после того, как завершилась дословесная (или клишированная) стадия импозиции [Йокояма 2005, с. 99]. Импозиции встречаются в контекстах как открывающих, так и продолжающих дискурс.

Приведем фрагмент, в котором авторский комментарий эксплицирует описываемую диалогическую роль речевого акта с парентезой. Ср. авторский комментарий (*перебивает товарища Саша Королёв*) в следующем художественном репродуктивном фрагменте: – *Вон ведут, **кажется**, кого-то, – перебивает товарища Саша Королёв* [И. П. Максимов «Куча-мала» (Из фронтового дневника)]. Парентеза – знак того, что говорящий (персонаж) **наблюдает** за развитием ситуации, считает релевантным привлечь внимание собеседника к событию, меняет тему разговора. Яркий пример импозиции находим в следующем диалоге. Ср.:

А – *Кажется, что-то случилось? У тебя такое лицо...*

Б – *Нет, тебе показалось. Все в порядке* [НКРЯ].

А начинает дискурс общим вопросом: *Что-то случилось?* Общий вопрос предполагает фактивную пресуппозицию ‘что-то случилось’. Эта пресуппозиция выводится говорящим **А** из данных наблюдения, эмпирически, а основанием для вывода является его опыт: подобное выражение лица бывает у людей, которые переживают нечто неприятное (*мне кажется, что-то случилось*).

Если изъять парентезу *кажется* из дискурса, то иллокуция инициального высказывания может измениться 1) с «мягкого» вопроса на вопрос-требование отчета (который уместен, например, в ситуации официально-деловых отношений) или 2) это может свидетельствовать о готовности говорящего включиться в ситуацию: ‘Я готов тебе помочь’. На этом основании можно предположить, что парентеза, помимо уже названной импозиции, может отражать следующее когнитивное, психологическое и коммуникативное состояние говорящего **А** и его оценку коммуникативной ситуации: говорящий **А** отдает себе отчет в том, что социальный статус собеседников, их отношения не предполагают подобного вопроса, который может расцениваться как вторжение **А** в личную сферу **Б**. **А** осознает, что его вопрос может показаться **Б** удивительным или неожиданным, поэтому **А** прибегает к иллокутивному «смягчению» с помощью *кажется*.

Интонационный контур высказывания несет информацию о вежливости, доброжелательности и неагрессивности намерений говорящего А. Парентезу *кажется* можно интерпретировать как предупредительный знак возможного вторжения в личную сферу Другого.

Для настоящего исследования представляет особый интерес диалогическое, вежливое «употребление» парентезы *кажется*, в речевом акте вопроса, который также отражает желание говорящего завязать разговор и разделить с собеседником свое мнение: – *Кажется, Вы постриглись? Вам идет...* [НКРЯ]. Это высказывание – своеобразная языковая игра говорящего: вопросительное предложение он употребляет в значении утвердительного (*я вижу, что вы постриглись*). Вопросительная форма выбирается говорящим, скорее всего, потому, что вопрос задает установку на ответ, на продолжение диалога (в большей степени, чем сообщение), при этом создается эффект доброжелательности, «смягчения» межличностных отношений. Парентеза *кажется* – знак осознаваемой говорящим импозиции начала дискурса: ‘говорящий как будто бы просит прощение за то, что переключает внимание адресата на себя и навязывает ему разговор’. В следующих примерах представлены подобные речевые акты. Ср. следующие диалоги:

А – Кажется, Вы кого-то ждете? Б – Да, вашего соседа.

А – Кажется, лифт сломался? Б – Похоже.

А – Кажется, идет наш автобус? Б – Нет, номер другой [НКРЯ].

Говорящий А, опираясь на денотативную ситуацию, общую для собеседников, начинает дискурс с вопроса, устанавливающего контакт и задающего фатическое общение, лишенное значимого информационного повода. Парентеза *кажется*, благодаря своей внутренней форме, включается в иллокуцию вопросительного речевого акта в качестве знака осознаваемой говорящим импозиции начала разговора.

Все рассмотренные диалоги, кроме второго, представляют собою контексты репродуктивного коммуникативного регистра (внешний контекст первого типа в нашей типологии), так как отражают актуальное восприятие говорящим текущей денотативной ситуации, а речевой акт говорящего опирается на то, что субъект речи видит, слышит или чувствует непо-

средственно. В таком случае парентеза *кажется*₁ употребляется в качестве маркера актуального (во временном значении термина) рефлексивного акта субъекта-наблюдателя. Актуальным называем такое настоящее время, при котором время события совпадает со временем наблюдения [Золотова, 2014, с. 330–331]. Несмотря на репродуктивный характер внешнего контекста, в самом высказывании с *кажется*₁ обнаруживается дискурсивно-интерактивное значение, близкое к информативному значению глагольного предиката *казаться*₂. Покажем это экспериментально, трансформировав осложненное предложение с парентезой в сложноподчиненное с глагольным предикатом, ср.: **Мне кажется**, за нами следят; **Мне кажется**, что-то упало; **Мне кажется**, что-то случилось? У тебя такое лицо...; **Мне кажется**, Вы кого-то ждете; **Мне кажется**, Вы постриглись? Вам идет...; **Мне кажется**, лифт сломался; **Мне кажется**, идет наш автобус. Здесь уместно привести наши рассуждения о континуальности, диффузности семантики глагольного предиката *казаться*₂, так как в рассматриваемых контекстах возникает не только информативное значение ('говорящий осмысляет нечто'), но и репродуктивное – 'говорящий видит нечто, слышит нечто, чувствует нечто'. Для нас важно, что в момент актуального (во временном значении термина) восприятия субъект не может оценить свои впечатления как 'ошибочные' или 'истинные', поэтому когнитивный признак 'обманчивость первого впечатления' остается дефокусированным.

Во внешних контекстах репродуктивного регистра парентеза *кажется*₁ выступает маркером актуального рефлексивного акта субъекта-наблюдателя, ее значение подобно значению глагольного предиката *казаться*₂ – 'актуальное осмысление того, что субъект воспринимает'. Несмотря на отмеченное семантическое сходство с информативным значением глагольного предиката *казаться*₂, дискурсивно-интерактивное значение парентезы *кажется*₁ отличается характером выражаемой иллокуции: парентеза свободно употребляется в инициальных вопросительных речевых актах волюнтивного регистра, отражающих интенцию завязать диалог. Парентезу *кажется* можно интерпретировать как знак осознаваемой говорящим импозиции начала дискурса: говорящий как будто бы просит прощение за то, что переключает внимание адресата на себя и навязывает

ему свой предмет внимания. Обсуждаемое употребление парентезы можно объяснить кооперативностью говорящего, говорящий приглашает собеседника к верификации высказанного мнения: 'А ты как думаешь? Посмотри, не ошибаюсь ли я'.

Материал, позволяющий проанализировать диалогические функции парентезы *кажется*₁, предоставляет Устный подкорпус публичной речи Национального корпуса русского языка. Рассмотрим внешний контекст репродуктивного регистра, в котором говорящий представлен как непосредственный участник ситуации, который реагирует на собеседника, ср.:

[Л.Л. Касаткин, муж, 1926] *Одинаково/ а мы воспринимаем по-разному/ потому что для нас гласные ударные и первые предударные резко отличаются по силе и длительности. Поэтому вот мой ответ. Я думаю/ что для местных жителей яканье нет там/ они екают все/ а вот мы воспринимаем некоторые их примеры как еканье. Розалия Францевна/ **кажется** не согласна?*

[Р.Ф. Касаткина, жен, 1934] *В корне не согласна/ это фонологическая ошибка/ описывают и квалифицируют тип вокализма не местные жители/ а всегда носители литературного языка... и поэтому примеров с яканьем там довольно много.*

[Л.Л. Касаткин, муж, 1926] *Нет! Не довольно [НКРЯ].*

В ситуации непосредственного наблюдения субъект [Л.Л. Касаткин, муж, 1926] осмысляет результат увиденного, его рефлексивный акт направлен на понимание реакции собеседника – *Розалия Францевна / **кажется** / не согласна?* Субъект [Л.Л. Касаткин, муж, 1926] интерпретирует реакцию собеседника [Р.Ф. Касаткина, жен, 1934] как несогласие с ним, но предлагает последнему подтвердить или опровергнуть высказанное предположение. Предположение имеет форму общего вопроса, который задает два варианта ответа: согласие или несогласие со сказанным. Общим вопросом открывается дискуссия. Диалогическая функция парентезы состоит в выражении иллюкуции волюнтивного речевого акта 'поправь меня, если я ошибаюсь, интерпретирую твою реакцию как несогласие со мной'. Во внешнем репродуктивном контексте парентеза сигнализирует о том, что актуальный рефлексивный акт говорящего базируется на данных непосредственного наблюдения, нацелен на понимание собеседника, объяснение реакции последнего.

Трансформируем контекст с парентезой (*Розалия Францевна/ **кажется**/ не согласна?*) в контекст с глагольным предикатом (***Мне кажется**, что Розалия Францевна не согласна*), сравним синтаксическое построение двух контекстов, определим сходства и различия. Наша трансформация коснулась грамматики и порядка слов: глагольный предикат (*мне кажется, что...*) формирует грамматическую структуру – главную часть сложноподчиненного предложения, и поэтому предшествует придаточной (*Розалия Францевна не согласна*). В отличие от глагольного предиката, парентеза свободно употребляется в составе простого предложения, которое называют осложненным. Сравнение сложноподчиненного предложения с осложнённым позволяет заключить, что редуцирование модусной рамки до слова-парентезы (*мне кажется* → *кажется*) позволяет сократить линейную протяженность предложения, не утратив при этом синтаксическую позицию (парентетическую), в которой обнаруживается рефлексивный акт субъекта, хотя синтаксема субъекта отсутствует, информация о субъекте дефокусирована, «затемнена», находится в 'фоне', но полностью не исчезает (см. об этом более подробно [Чернцова 2005, с. 40–44]).

Следующий внешний репродуктивный контекст соотносится с прагматической ситуацией, в которой когнитивная деятельность говорящего связана с реакцией на услышанное (репродуктивно-реактивный контекст). Ср.:

А – *А я не мёрзну.*

Б – *Сейчас салют будет / да?*

А – *Салют?*

Б – *Уже грохает / **кажется**. День ракетчиков.* [идёт в комнату] *Там её брат* [НКРС]. Ср. подобный контекст:

[Игорь Феоктистов, муж, 1983] *Не всегда сразу удаётся отыскать необходимую частоту. Вот / **кажется** / она. Москва / Шаболовка.*

[Диктор1, муж] *Говорит Москва. Работают все центральные каналы телевиденья* [НКРЯ].

Рассмотрим следующий диалог, в котором парентеза встречается в составе речевого акта знакомства. Определим функцию и семантику парентезы в составе инициального речевого акта знакомства. Иллокуция речевого акта знакомства участников дискурсивной ситуации состоит в установлении контакта и на-

чале дискурса. Так, например: – *Вы, **кажется**, не знакомы*, – *сказал Лева*, – *моя жена Аня, мой брат Борис* [А. Рыбаков «Тяжелый песок»]. В соответствии с процедурным правилом ведения диалога, речевому акту знакомства должен предшествовать вопрос говорящего, направленный на проверку фонда общих знаний (знакомств): **А** – *Вы знакомы с моей женой и братом?*

И ответ собеседника:

Б – *Нет, не знаком.*

Речевой акт знакомства релевантен только в том случае, если собеседник **Б** не знает названных **А** участников коммуникативной ситуации. Говорящий **А** не задал вопроса и осознает это. Говорящий строит предположение: ‘вы не знакомы с моей женой и братом’. Коммуникативную функцию парентезы в организации иллокуции речевого акта знакомства можно интерпретировать так: *кажется* сигнализирует о том, что собеседник **А** предлагает **Б** поправить его в случае, если предположение **А** оказалось неверным.

Ср. также: – *Недавно Света Хоркина, вы с ней, **кажется**, знакомы, спела дуэтом с «фабрикантом» Прохором Шаляпиным* [НКРЯ].

Конвенциональное процедурное правило дискурсивного поведения говорящего **А** предполагает сначала вопрос к **Б**: – *Вы знакомы со Светой Хоркиной?* Далее все зависит от ответа собеседника **Б**: если собеседник не знает, кто такая Света Хоркина, то степень релевантности сообщения о ней снижается. Говорящий **А** пропускает вопрос: он моделирует знания собеседника, надеясь, что **Б** ответил бы положительно: – *Да, знаком.* При этом говорящий ведет как будто бы скрытый диалог с собеседником: ‘*Я прав? Поправьте меня, если я ошибаюсь*’.

Таким образом, в рассмотренных диалогах ‘контекст парентезы’ *кажется*₁ связан с внешним репродуктивным контекстом. Подобное, репродуктивное значение (и употребление) было зафиксировано и для глагольного предиката *казаться*. Это сопоставление позволяет заключить, что парентеза в целом «наследует» функциональный контекст глагольного предиката, так как и во внешнем контексте парентезы, и в контекстах с глагольным предикатом представлен субъект-экспериенсер (чаще наблюдатель), характер его когнитивной и коммуникативной деятельности. Это проецируется в субъектную структуру репро-

дуктивного контекста, которая формируется двумя позициями – субъекта-наблюдателя и субъекта речи.

Наши выводы созвучны идеям когнитивистов о том, что «в значении глагольных лексем и глагольных конструкций содержится информация об их обычном употреблении в контекстах (ср. с идеями Р. Лэнкера о том, что случаи употребления лексемы могут сохраняться в памяти говорящих как спецификации более общей схемы, которая рождается из совокупности этих употреблений). Следовательно, значительная часть лексики и грамматики отражает знания о дискурсивных сценариях» [Ирисханова 2014, с. 227].

Здесь уместно привести толкование репродуктивного значения глагольного предиката *казаться*₁: ‘говорящий находится в локусе происходящего события; говорящий воспринимает некоторый объект действительного мира и сообщает собеседнику о своем первом впечатлении’. Однако, в отличие от глагольного предиката *казаться*₁, парентеза *кажется*₁ перестает ассоциироваться с процессом актуального восприятия. Напротив, парентеза *кажется*₁ ассоциируется с рефлексивным актом субъекта над полученными впечатлениями. Рефлексивный акт представлен как актуальный, благодаря внутренней форме слова, «отсылающей» к грамматической форме настоящего времени глагола. Мы приходим к выводу, что грамматическая форма настоящего времени глагола, а также «выветренное» лексическое значение глагольного предиката *казаться* сохраняются во внутренней форме парентезы.

Далее покажем, что, подобно глагольному предикату, парентеза *кажется* функционально связана и с внешним информативным контекстом (второй тип внешнего контекста в нашей типологии).

3.1.2. Семантика и функции парентезы *кажется* в ответном речевом акте ‘припоминания запрашиваемой информации’

Чтобы проанализировать то, как интенции говорящего, его тактика ведения диалога связаны с характером дискурсивно-интерактивного значения парентезы, обратимся к примерам неинициальных высказываний, которые продолжают дискурс,

прежде всего – это ответы на вопросы собеседника. Рассмотрим значение и функцию парентезы *кажется*₂ в организации иллокуции ответного речевого акта (информативно-реактивного регистра):

А – *Как звали мальчика?*

Б – *Не помню. Кажется, Петя* [НКРЯ].

Вопрос **А** имплицитует тот факт, что собеседники знакомы друг с другом и раньше обладали тем знанием, которое теперь приписывается как активизированное только у **Б**. От **Б** требуется референциальное знание данного термина. **Б** не обладает запрашиваемым знанием (*Не помню*), но, желая оставаться кооперативным, осознавая свое неблагоприятное коммуникативное положение, обусловленное затруднением ответить на вопрос, что может помешать развитию дискурса, собеседник **Б** пытается вспомнить. Это когнитивное усилие (попытка вспомнить) возникло как реакция на вопрос и формируется иллокуцией ответа (*не помню*). Коммуникативная функция парентезы *кажется* состоит в следующем: говорящий придает своей мысли характеристики: 1) **Б** хочет оставаться вежливым и продолжать разговор (функция поддержания контакта), а значит, ему нужно ответить на вопрос; 2) осознавая возникшее затруднение, **Б** предпринимает попытку вспомнить и для этого строит предположение по поводу запрашиваемой информации; 3) **А** должен правильно понять коммуникативную проблему **Б**: **Б** искренен в своей попытке вспомнить; 4) просодия сигнализирует о том, что **Б** **задумался** (парентеза произносится с интонацией атоначеской темы – безударно, приглушенно). Ср. следующее (данное автором) описание интонации высказывания с парентезой:

– *Не помню, – сказал Будяев и так потряс головой, будто хотел проснуться. – Кажется, говорили, – задумчиво протянула она. – Ну не важно* [А. Г. Волос «Недвижимость»].

В следующем диалоге когнитивное затруднение говорящего выражается парентезой и частицей *что ли*: ‘здесь и сейчас я стараюсь вспомнить / понять / определить’. Ср.:

А – *Кем работала?*

Б – *Кажется, секретаршей, что ли... Или на телефоне сидела, звонки переключала* [НКРЯ]. Говорящий **Б** снимает с себя ответственность за сказанное формой дизъюнктивного суждения и парентезой *кажется*, которая модифицирует иллокуцию

сообщения, превращая ее в допущение-размышление. Частица *что ли* может свидетельствовать о безразличии субъекта речи: информация не представляет для него ценности. Если учесть тот факт, что **Б**, по сути, признается в своей коммуникативной некомпетентности, то информационная ценность его ответа для собеседника резко уменьшается, поэтому такой речевой акт можно считать фатическим, служащим не собственно информационному обмену знаниями, а поддержанию контакта в диалоге.

Материалы Устного подкорпуса непубличной речи Национального корпуса русского языка показывают, что в ответных информативных (по коммуникативной установке) высказываниях парентеза *кажется*₂ играет роль показателя внутреннего усилия припомнить запрашиваемую собеседником информацию. Эту функцию можно считать типовой. Нам встретились контексты с предикатами: *я помню...*, *я припоминаю...* или *я не помню...*, *я забыл...*, которые можно назвать эксплицитными, и контексты с подразумеваемым предикатом *помню / забыл* (имплицитные). Ср. диалог:

– *В большом доме жил?*

– ***Кажется**, жил, – припоминал Гоша.*

– *На большой красивой машине катался?* [А. И. Слаповский «Синдром Феникса»]. Ср. также реплики: – *Меня в это время не было, **кажется**, болел, был в отпуске...* [НКРЯ]. Парентеза *кажется* маркирует внутреннее усилие и мыслительный процесс, который можно понятийно выразить так: ‘Я не помню точно, но пытаюсь вспомнить, я задумался над вопросом’. Ср.: – *Я был еще маленький, но, **кажется**, помню, как она убеждала мать не брать меня с собой: «Что там ребенок будет с тобой делать?»* [НКРЯ].

Приведем художественный фрагмент, который, по нашему мнению, доказывает правомерность предложенного нами толкования дискурсивно-интерактивного значения парентезы *кажется*₂. Внутренняя речь персонажа художественного произведения «строится» по определенным дискурсивным правилам. Ср.: *И потом в бессонные ночи, сидя на этом стуле, он думал: «А не встречался ли я с ней где-нибудь в городе?» Но, кажется, нет, не встречался* [Ю. О. Домбровский «Факультет ненужных вещей»]. В художественном контексте эксплицировано то, что в реальном диалоге может быть скрыто, – взаимосвязь речемыслительных процедур: вопрос, когнитивное затруднение от-

ветить, попытка вспомнить. Нарративные функции парентезы в организации разных контекстов художественного дискурса более подробно рассматриваются в следующем подразделе 3.4. «Когнитивная семантика и нарративные функции парентезы *кажется* в разных контекстах художественного дискурса».

Все рассмотренные контексты связаны с коммуникативной ситуацией, которая вынуждает говорящего 'задуматься, вспоминать, припоминать запрашиваемую информацию'. Воспоминание о чем-то базируется на пресуппозициях говорящего. 'Я в прошлом' – это другая временная реализация моего 'Я'. Воспоминание, как показывает наш материал, связано с мысленным наблюдением самого себя в прошлом в пространстве памяти. 'Мысленное наблюдение прошлых ситуаций' – так представлен процесс воспоминания внутренней формой *кажется*.

Диалоги, взятые из материала подкорпуса непубличной речи Устного корпуса Национального корпуса русского языка, иллюстрируют дискурсивно-интерактивное значение парентезы *кажется*₂ как маркера рефлексивного акта – 'если я правильно помню'; 'если мне не изменяет память'. Диалогическая функция парентезы может быть определена так: 'я предупреждаю тебя, что могу ошибаться'. Эта функция парентезы обусловлена иллокуцией ответного речевого акта говорящего (реактивный коммуникативный регистр). Рефлексивный когнитивный акт говорящего, маркируемый парентезой, коррелирует с дискурсивными условиями (обыденный диалог или рассказ), коммуникативной установкой субъекта (ответ собеседнику и припоминание запрашиваемой им информации).

В следующем контексте говорящий также вспоминает о прошлом, его рассказ отличается автобиографическим содержанием. Ср.:

[Племянница, жен, 49] *А вначале были/ несколько семей?*

[Петр Константинович, муж, 85] *Как?*

[Племянница, жен, 49] *Несколько семей?*

[Петр Константинович, муж, 85] *А раньше тро.../ три семьи жили// Брежневы и мы/ и Николай понимаешь/ Зорин// Во// Он там не только жил/ комнатку маленькую занимали// А потом/ [закуривает] Брежневы **кажется**/ ... Ну да// В каком они году.../ По-моему/ в писят седьмом// Ну да// В тыща.../ или писят шестом// Он построил дом/ себе// Во/ там// Ну и/ освободи-*

лось// А Николай/ чё ж он будет в такой/ комнатушке/ тоже ему дали квартиру// А эта ко.../ вся квартира нам осталась//

[Племянница, жен, 49] Хорошо//

[Петр Константинович, муж, 85] вот/ во// Хорошая/ очень хорошая квартира// Отопление паровое/ рад.../ рядом же котельная//

[Племянница, жен, 49] Угу // [НКРЯ].

Диалоги, взятые из подкорпуса публичной речи Устного корпуса русского языка, демонстрируют подобное употребление парентезы:

[Колмогоров, муж] Просто вышло постановление Совета Министров об устройстве при [некоторых] университетах таких физико-математических школ. На основании этого постановления/ 62-го/ **кажется**/ года/ мы до сих пор существуем/ эти школы/ Новосибирская/ Московская/ Киевская/ Ленинградская/

[Марутян, муж] Андрей Николаевич / а что вам ближе / обучение вот такое «келейное» / когда аспиранты приезжали к вам и вы с ними вместе входили в решение каких-то задач / или обучение лекционного типа? [НКРЯ].

Мы рассмотрели диалогические ситуации двух типов, с которыми связаны разные дискурсивно-интерактивные значения и функции парентезы.

Первое значение может быть представлено в виде следующего **дискурсивного сценария**: говорящий находится в локусе обсуждаемого в диалоге события, когнитивная деятельность говорящего направлена на восприятие денотативной ситуации и осознание результатов увиденного, услышанного. В таком случае парентеза *кажется*₁ маркирует актуальный рефлексивный акт субъекта над полученными впечатлениями. Рефлексивный акт выражается в иллокуции обращения к собеседнику – ‘Поправь меня, если я ошибаюсь’.

Второе значение (*кажется*₂) может быть представлено в виде другого **дискурсивного сценария**: находясь в коммуникативной позиции того, кто отвечает на вопрос, вспоминая запрашиваемую собеседником информацию, говорящий рефлектирует по поводу способности / неспособности вспомнить нечто – ‘если я правильно помню’; ‘если мне не изменяет память’.

В рассмотренных нами внешних контекстах репродуктивного и информативного типа эти значения и функции отчетли-

во противопоставлены друг другу. Примем следующие условные обозначения дискурсивно-интерактивных значений парентезы: первое назовем 'актуальная рефлексия над полученными впечатлениями', а второе – 'актуальная рефлексия над припоминанием запрашиваемой собеседником информации'.

В языковом материале встречаются контексты, в которых запечатлевается актуальное восприятие и припоминание как взаимосвязанные виды когнитивной деятельности говорящего. В таких контекстах обнаруживается наложение выявленных значений – палимпсест двух описанных значений. В следующем диалоге отражена ситуация непосредственного зрительного восприятия говорящим (репродуктивный регистр) и диалогическая установка ответить на вопрос – узнать (вспомнить) известного говорящему человека на фотографии (информативный регистр), ср.:

А – *Посмотрите на фотографию. Узнаете: это он?*

Б – *Кажется, похож, но что-то не то* [НКРЯ].

Пытаясь ответить на вопрос, говорящий сравнивает фотографию с тем мысленным визуальным образом, который хранит его память. При этом осознание ненадежности памяти не позволяет говорящему утверждать категорично, парентеза *кажется* формирует контекст размышления говорящего, не претендующего на абсолютную истинность.

В реальных разговорах, которые проводят люди, проявляются разнообразные когнитивные затруднения собеседников, связанные с несовпадением их коммуникативных интенций, пресуппозиций, фоновых знаний. Так, следующие диалоги демонстрируют палимпсест значений – 'если я правильно помню' и 'точно сказать не могу, не знаю', ср.:

[Кто-то из торговков] *Галя/какой номер дома надо?*

[Женщина2, жен, 1959] *Восьм... / восьмой по-моему//*

[Кто-то из торговков] *Восьмой?*

[Женщина2, жен, 1959] *Кажется восемь//*

[Кто-то из торговков] *Первомайская восемь? Где раньше расчётная была //* [Женщина1, жен] *Где детская библиотека//* [НКРЯ].

В подобных диалогических ответных (реактивных) речевых актах парентеза *кажется* имплицитно иллокуцию – 'я боюсь ошибиться', 'я предупреждаю тебя о том, что могу исказить

информацию / быть неточным'. Желание говорящего застраховаться от ошибки отражает нежелание брать на себя ответственность за сказанное – за точность сообщаемой информации. При этом говорящий остается кооперативным собеседником, хочет продолжать диалог.

Следующий диалог показывает колебания говорящего в выборе варианта ответа: *на втором или на третьем*. Ср.:

[Антон, муж, 19] *Там где «Макдак»/ в Голутвине... где... и вот соседняя дверь по-моему... там «Шоколадница» была. Там было типа «скоро открытие». Он уже там давно... Там еще есть крутой книжный. На втором/ **кажется**.*

[Валя, жен, 20] *Я там не была.*

[Антон, муж, 19] *Или на третьем...*

[Валя, жен, 20] *Я вывеску видела [НКРЯ].*

С нашей точки зрения, колебания говорящего связаны с осознанием неважности точного ответа, так как обыденный диалог предоставляет говорящему определенную свободу, право на ошибку, ведь никто не будет строго спрашивать. Колебания говорящего, маркируемые парентезой *кажется*, отражают **прагматически релевантную неточность** (см. об этом подробнее в [Чернцова 2012г, с. 91–98]).

3.1.3. Семантика и функции парентезы *кажется* в интерпретационном речевом акте, в котором не возникает значения 'рефлексии над припоминанием'

Помимо типового значения 'говорящий припоминает, осознавая ненадежность своей памяти', в котором запрашиваемая информация отнесена в план прошлого, парентеза *кажется*, встречается в контексте, который базируется на **прогнозе**. Так, например:

А – *Так кто у тебя будет, все-таки мальчик?*

Б – ***Кажется**, девочка, – ответила чемпионка.*

В – *А у меня, наверное, мальчик, – призналась Юлия Бордовских [НКРЯ].*

Последний диалог позволяет сопоставить две парентезы – *кажется* и *наверное*. Прагматическое правило выбора говорящим парентезы *кажется* или парентезы *наверное* связано с тем, что *кажется* эксплицирует актуальное внутреннее мыслитель-

ное усилие, совершаемое в момент речи (не знаю, но пытаюсь почувствовать), а *наверное* – некоторые (априорные) знания, полученные, например, в результате УЗИ (что в контексте подтверждается словом *призналась*).

В контекстах, относящих обсуждаемую ситуацию к плану будущего времени, парентеза *кажется*₃ эксплицирует когнитивный акт говорящего, направленный на моделирование возможной ситуации и связанный с предположением о том, что может произойти, ср.:

[Владимир Ткач, муж] *Финны звали его «Сурсари»/ остров печали. Любый капитан старается его обойти/ но остров манит/ манит к себе/ подпустит/ а потом погубит. Сколько же судов затонуло у его скал? Кажется/ и нас ждёт подобная участь. Кто бы подумал/ что судьба разделяется с нами так. Да поможет нам Господь. Капитан судна «Америка» Михаил Тироль [НКРЯ].*

В значении парентезы *кажется*₃ эксплицируются актуальные внутренние мыслительные процедуры, разрешающиеся в найденном ответе, принятом решении. Ср. следующий художественный контекст:

– *К двум к Алексею Алексеевичу? – переспросил Марков и на мгновение задумался. – Кажется, догадываюсь, о чем будут вас просить* [В. С. Гроссман «Жизнь и судьба»]. Говорящий сначала задумался, а потом как результат этого сообщил: *догадываюсь*. При этом именно в момент речи говорящего посещает догадка: *кажется* – знак того, что состояние *задумался* продолжает длиться и в момент речи. *Кажется* – знак прогноза, *догадываюсь* – знак мыслительной деятельности и способа, которым она осуществляется.

Ср.: – *Я, кажется, придумал*, – сказал Михайлыч, **изобразив сперва, что он внимательно подумал** [В. М. Шукшин «Калина Красная»].

Метаречевому акту говорящего *Я придумал* в норме (и в соответствии с узуальным языковым значением) предшествует процесс *Я подумал*. Здесь художник сталкивает два разных смысла, которые имеют однокоренные слова: интуитивно-фикциональное *придумать* (в значении ‘фантазировать’) и дискурсивно-логическое *подумать*. Говорящий сообщает об осознании им результатов своей ментальной деятельности, это осознание

приходит в момент речи (*кажется*). Ср. также следующий контекст:

[Марутян, муж] *Да/ служитель был ловкий/ прямо скажем.*

[Колмогоров, муж] *Я сказал/ что ничего не имею против/ **кажется**/ ничего такого страшного я [в этой беседе] не сказал... И на этом мы мирно расстались [НКРЯ].*

3.1.4. Семантика и функции парентезы *кажется* в речевом акте переспроса или пересказа чужой речи

Б. А. Успенский использует термин 'вульгарная речь' по отношению к обыденному дискурсу, обыденному **диалогу** [Успенский 1995]. Исследователь считает, что в 'вульгарной речи' возникает эффект непротивопоставления говорящего и слушающего: говорящий предвосхищает оценку слушающим своего сообщения, становится на точку зрения слушающего, предлагает ему свой вариант понимания обсуждаемой ситуации. По мнению исследователя, «вульгарный стиль» является в лингвистическом отношении более «продвинутым», так как в нем совершаются те процессы, которые еще не затронули другие сферы языка. «Это не случайно, поскольку данный процесс представляет собой один из типичных путей эволюции языка (изменения значения слов) (ср., например, эволюцию значения слова «наверное» в русском языке, которое еще в начале этого века обозначало «наверняка», тогда как теперь употребляется в смысле «вероятно» и даже «возможно», то есть в значении, в большой степени противоположном предыдущему; можно видеть, что здесь произошел сдвиг от точки зрения говорящего к точке зрения слушающего). Таким образом, понятно, что именно в вульгарном стиле явления несобственно-прямой речи и вообще использования чужого слова должны превалировать» [Успенский 1995, с. 57].

Особого внимания заслуживает дискурсивно-интерактивное значение парентезы *кажется*₄, которое реализуется в речевом акте переспроса и пересказа слов собеседника. Говорящий повторяет слова собеседника для того, чтобы напомнить их ему и проверить, адекватен ли говорящий в понимании сказанного. В таких речевых актах парентеза *кажется*₄ выполняет функцию индикатора чужой речи. Заметим, что в современных исследо-

ваниях для описания лингвистической техники включения чужой речи в авторскую используется термин 'несобственная прямая речь'. Несобственную прямую речь принято отграничивать от того явления, которое называется 'цитированием' [Падучева, 1996, с. 207].

Рассмотрим более подробно диалогическую функцию парентезы как маркера несобственной прямой речи в следующих неинициальных речевых актах. Ср.: – *Вы, **кажется**, сказали, что все члены общества должны одинаково работать?* [В. Я. Брюсов «Обручение Даши»]. Ср. также: – *И вы, **кажется**, заявили, что согласны указать его членом?* [Б. В. Савинков (В. Ропшин) «В тюрьме»].

Пресуппозицию речевого акта переспроса и пересказа слов собеседника формируют две ситуации. Первая – дискурсивная ситуация, в которой говорящий либо не расслышал слова собеседника, либо недопонял их, и поэтому прибегает к переспросу. В таком случае в вопросительном высказывании говорящий просит подтвердить: правильно ли он репродуцирует слова адресата. Вторая – дискурсивная ситуация, в которой говорящий не согласен с собеседником, и поэтому повторяет его слова для того, чтобы возразить. Подобное оценочное значение было зафиксировано у глагола *казаться* в 'Ты'-контексте: *Тебе кажется!* – 'ты ошибаешься'. В отличие от парентезы, оценка, выражаемая в 'Ты'-контексте с глагольным предикатом, звучит «однозначно» и категорично.

Иллокуция же речевого акта переспроса с участием парентезы, с одной стороны, имплицитно утверждает говорящего, противоположное ранее высказанному собеседником (*Вы сказали..., но это не так; Вы заявили..., но не выполнили*), однако, с другой стороны, *кажется* «смягчает» иллокуцию, модифицирует ее: 'говорящий побуждает собеседника пояснить: как следует понимать слова последнего'. Высказывание без парентезы звучит как упрек или претензия собеседнику. Ср. следующий художественный контекст:

– *Да как же выждать, Тимофей Семёныч? Ну что, если он там задохнётся?*

– *Да почему же-с? Ведь вы, **кажется**, говорили, что он даже с довольным комфортом устроился? Я рассказал всё опять. Тимофей Семёныч задумался.*

– Гм! – проговорил он, вертя табакерку в руках, – по моему, даже и хорошо, что он там на время полежит, вместо заграницы-то-с [Ф. М. Достоевский «Крокодил»]. Художественный контекст имплицитно диалогичен, в процессе которого говорящий приводит и комментирует слова собеседника (ведь – ‘я знаю’). Вопросительное высказывание без парентезы уместно в ситуации, когда слова собеседника оказались ложью, ср.: *Ведь вы говорили, что он даже с довольным комфортом устроился?* В более широком смысловом контексте: *а на самом деле это не так*. Высказывание с парентезой не имплицитно контекстуальности слов собеседника. Парентеза *кажется* – знак актуальной рефлексии говорящего над сказанным: в момент речи говорящий вспоминает слова собеседника и осознает, что понял их неправильно, и предлагает последнему внести ясность. В рассматриваемом художественном контексте есть подтверждение такому толкованию: рассказчик-собеседник реагирует адекватно (*Я рассказал все опять*).

В нашем материале встретились особые диалогические контексты. В них запечатлен говорящий, который встает на точку зрения собеседника, формулирует его понимание себя. Ср.: – *Вы, кажется, думаете, что перед вами настоящий герцог, – ответил он сурово, – но вы ошибаетесь* [Б. А. Лавренев «Крушение республики Итль»]; – *Вы, кажется, думаете, что я – ужасно злая и что я только и делаю, что ее бью* [Ф. К. Сологуб «Звериный быт»].

В реактивных речевых актах с парентезой представлен говорящий, который моделирует сознание собеседника, его мысли, фоновые знания (*Вы думаете...*), при этом говорящий осознает возможные риски такого моделирования (ср.: *Чужая душа – потемки*). Говорящий как будто бы встает на точку зрения собеседника и предлагает ему правильный, с точки зрения говорящего, вариант речевого поведения.

Парентеза *кажется* – знак осознания говорящим того, что понимание Другого носит вероятностный характер. Говорящий также осознает, что его высказывание может показаться собеседнику удивительным или неожиданным, поэтому говорящий прибегает к иллокутивному «смягчению» с помощью *кажется*. Как уже отмечалось, парентезу *кажется* можно интерпретировать как предупредительный знак возможного вторжения в личную сферу Другого.

Парентеза *кажется* употребляется в оценочных речевых актах, в которых отношение говорящего выражается по-разному – как имплицитно, так и эксплицитно. Парентеза имплицитно приглашает Другого к сотрудничеству, предполагается его участие в проверке высказанного мнения, оценки. Богатый материал для анализа коммуникативных функций парентезы представлен в диалогических контекстах художественного дискурса, имитирующих обыденный диалог.

Ср. ироническое высказывание: – *Ах, вы, **кажется**, надулись, мой грозный муж?* [Ю. П. Герман «Россия молодая»]. *Кажется* – маркер иллокуции: ‘Если я правильно тебя понимаю, ты надулся. Ты можешь меня поправить, если я не права’. Ср. также: *Нора усмехнулась: теперь ты, **кажется**, меня, прелюбодейку, решил возвести в ангельский чин?* [В. П. Аксенов «Новый сладостный стиль»]. Несмотря на усмешку, говорящий готов учесть противоположное мнение собеседника: он толерантен. Ср.: – *Ты, **кажется**, забыл, куда мы едем? – возмутилась она* [В. П. Аксенов «Новый сладостный стиль»]. Предшествующий речевой акт вызвал у говорящего реакцию возмущения: *Ты забыл, куда мы едем? Как ты мог?* Иллокуция возмущения выражается косвенно, формой вопросительного речевого акта. *Кажется* можно интерпретировать так: ‘если я тебя правильно понимаю’. Парентеза за знак того, что, несмотря на эмоциональную реакцию возмущения, говорящий оставляет за собеседником право на объяснение своего поступка. Речевой акт с *кажется* имеет иллокуцию ‘приглашение к проверке высказанного мнения’. Парентеза отражает неавторитарность позиции говорящего. Парентеза маркер иллокуции волюнтивного речевого акта, которую можно отразить в таком метавысказывании: ‘объясните свои речевые действия и поступки’. Кооперативность говорящего состоит в приглашении к верификации высказанного мнения, оценки.

Выводы к подразделу 3.1. «Когнитивная семантика и функции парентезы *кажется* в диалогических контекстах обыденного дискурса»

Проанализировав дискурсивно-интерактивные значения и диалогические функции парентезы, мы можем сделать обобщение

ние – представить все рассмотренные контексты в виде четырех дискурсивных сценариев.

1. Первый дискурсивный сценарий: говорящий находится в локусе обсуждаемого события, когнитивная деятельность говорящего направлена на восприятие и осознание – рефлексию – результатов увиденного, услышанного. Парентеза *кажется*₁ маркирует актуальный рефлексивный акт субъекта, иллокуция которого выражается в обращении к собеседнику – ‘Поправь меня, если я ошибаюсь’. Это дискурсивно-интерактивное значение мы описываем следующим метавысказыванием: ‘рефлексия над полученными впечатлениями’. Внутренняя форма парентезы *кажется* «отсылает» к значению грамматической формы настоящего времени исходного глагола. Благодаря семантике настоящего времени, *кажется* маркирует актуальный (во временном значении термина) рефлексивный акт субъекта.

1.1. В инициальных речевых актах репродуктивно-волевого коммуникативного регистра говорящий вводит в поле зрения собеседника мысль, считая, что ее учет необходим для правильной реакции на текущую прагматическую ситуацию, при этом говорящий осознает, что не обладает полной информацией о денотативной ситуации, может ошибаться в оценке мнений и предмете активизированного внимания собеседника. Коммуникативная функция парентезы *кажется* связана с выражением:

а) диалогической установки говорящего на дополнительную верификацию, парентеза имплицитно метатекст: ‘Поправь меня, если я ошибаюсь’;

б) осознания говорящим возможной импозиции начала дискурса, имплицитно: ‘Прости за то, что навязываю тебе свою тему разговора’;

в) вежливого предупреждения о возможном вторжении в личную сферу собеседника.

Доминирующими чертами коммуникативного портрета говорящего становятся неавторитарность, кооперативность и вежливость. Парентеза *кажется* способствуют установлению эмпатии и снижению формальности общения.

1.2. В инициальных речевых актах знакомства, в тех случаях когда говорящий нарушил конвенциональное процедурное правило дискурсивного поведения: не задал вопрос с целью

проверки фонда общих знаний (знакомств), не определил, релевантно ли его сообщение для собеседника, субъект речи как будто бы предлагает собеседнику поправить его.

2. Второй дискурсивный сценарий: находясь в коммуникативной позиции того, кто отвечает на вопрос, вспоминая запрашиваемую собеседником информацию, говорящий рефлектирует по поводу способности / неспособности вспомнить нечто – ‘если я правильно помню’; ‘если мне не изменяет память’. Это дискурсивно-интерактивное значение парентезы *кажется*₂ связываем с ‘актуальной рефлексией над припоминанием запрашиваемой собеседником информации’.

2.1. Говорящий испытывает когнитивные затруднения – не помнит того, о чем спрашивает его собеседник, или не владеет запрашиваемой информацией, но, желая продолжать разговор, предпринимает мыслительное усилие, направленное на поиск ответа. При этом говорящий осознает, что человеческая память избирательна, не всегда точно запечатлевает произошедшее или узнанное ранее, а мыслительные способности ограничены. Диалогическая функция парентезы может быть определена так: ‘я предупреждаю тебя, что могу ошибаться’.

2.2. Колебания говорящего связаны с осознанием неважности точного ответа, так как обыденный диалог предоставляет говорящему определенную свободу, право на ошибку, никто не будет строго спрашивать. Колебания говорящего, маркируемые парентезой *кажется*, отражают **прагматически релевантную неточность**.

3. Третий дискурсивный сценарий: если обсуждаемая ситуация относится к плану будущего времени, то парентеза *кажется*₃ эксплицирует рефлексивный акт говорящего, направленный на моделирование возможной ситуации. В значении парентезы *кажется* эксплицируются актуальные мыслительные процедуры, разрешающиеся в найденном ответе, принятом решении: ‘Я не знаю, но пытаюсь понять’. Осознавая, что высказывание может показаться собеседнику удивительным или неожиданным, субъект речи прибегает к иллокутивному «смягчению» с помощью *кажется* – ‘я предупреждаю тебя, что могу ошибаться’. Характер рефлексии формирует особый когнитивный стиль говорящего, с которым связана парентеза *кажется* и который можно определить как размышление, не претендую-

щее на абсолютную точность и исчерпывающую информационную полноту.

4. Четвертый дискурсивный сценарий: если говорящий не расслышал слова собеседника, недопонял их, он прибегает к речевому акту переспроса. В речевых актах переспроса собеседника парентеза *кажется*₄ выполняет функцию индикатора чужой речи – ‘несобственной прямой речи’. В таком случае в вопросительном высказывании говорящий просит подтвердить, правильно ли он воспроизводит / понимает чужие слова.

Возможна другая ситуация: говорящий не согласен с собеседником, и поэтому повторяет его слова для того, чтобы возразить оппоненту. В реактивных речевых актах возражения собеседнику *кажется* «смягчает» иллокуцию речевого акта, модифицирует ее: ‘говорящий побуждает собеседника пояснить: как следует понимать слова последнего’. Высказывание без парентезы звучит как упрек или претензия собеседнику. Парентеза сигнализирует о том, что говорящий остается кооперативным собеседником, приглашая Другого к верификации высказанного мнения, оценки.

3.2. Дискурсивные проекции парентезы *кажется* в разных жанрах нарратива

Рассмотрим значение и функции парентезы *кажется* в нарративе. Определим, в чем заключается особенность сообщений о третьем лице, которые мы рассматриваем как базовый тип высказывания, конституирующий дискурс нарратива. Нарратив как коммуникативный тип речи связан с монологически ориентированными сообщениями, которые используются для передачи впечатлений, знаний и логических обобщений, не предполагающих обязательной реакции слушающего. Для активного воздействия на личность предназначаются диалогически ориентированные предложения волюнтивного и реактивного регистров. Субъектная же организация монологически ориентированных сообщений строится без учета возможностей адресата (читателя) выступать в роли субъекта действующего и актуально реагирующего на слова говорящего (рассказчика или нарратора). Аналогом говорящего в них выступает рассказчик или нарратор.

Парентеза *кажется*, по нашему мнению, маркирует особый когнитивный стиль субъекта, коррелирующий с типом нарративной стратегии и жанром нарратива. Как показывает языковой материал, для исследования дискурсивной вариативности значений парентезы *кажется* значимы следующие разновидности нарратива: обыденный рассказ, личный автобиографический нарратив (бытовое письмо, мемуары, записки, дневник), художественное и публицистическое эссе, научно-публицистический нарратив.

3.2.1. Семантика и функции парентезы *кажется* в обыденном рассказе

Демонстрацию дискурсивно обусловленных функций парентезы в нарративе начнем с обыденного рассказа. Ср. фрагмент: – *Еще у Петра от второго брака, **кажется**, дочь* [НКРЯ]. Парентеза *кажется* формирует контекст размышления говорящего, не претендующего на абсолютную истинность. Такой вывод можно сделать из сопоставления двух контекстов – с парентезой и без нее. Ср. контекст без парентезы: *Еще у Петра от второго брака дочь*. Информация, лишённая модального комментария говорящего, воспринимается как достоверная, а точнее, претендующая на достоверность, на референциальную соотнесенность с ситуацией действительности. Речевой акт сообщения без парентезы *кажется* функционирует как категоричное утверждение с иллокуцией: «Я хочу, чтобы ты принял пропозицию и включил ее во множество своих знаний в качестве истинного утверждения» [Йокояма 2005, с. 119]. Введение парентезы *кажется* меняет иллокуцию высказывания. Иллокуция модифицируется: говорящий высказывает мнение и приглашает адресата к его верификации: ‘поправь меня, если я ошибаюсь’. Ранее мы зафиксировали подобное дискурсивно-интерактивное значение в диалоге.

Поскольку мышление по своей природе диалогично (М. М. Бахтин), постольку каждая мысль – не изолированное индивидуальное мнение, а некая позиция в дискурсе (диалоге, споре), отражающая авторскую дискурсию. Дискурсивные проекции парентезы, представленные по материалам Национального корпуса русского языка, позволяют расширить наши представления о нарративных функциях *кажется*.

Так, в обыденном рассказе о прошлых событиях, в которых участвовал говорящий, парентеза *кажется*₅ играет роль маркера сообщения, в котором рассказчик моделирует чужое сознание.

Если говорящий сообщает о психологическом или физиологическом состоянии Другого, которое говорящему не может быть известно, то парентеза маркирует рефлексивный акт ('я могу ошибаться') над процессом понимания реакций или поведения третьего лица, интерпретации его состояния. Ср.: *Я его, кажется*₅ *обидел, а он такой милый человек и такой джентльмен* [НКРЯ]. Парентеза в данном случае отражает интерпретационный акт говорящего, базирующийся на восприятии (*говорящему кажется, что он обидел третье лицо*), и представляет его в неавторитарном когнитивном стиле. Контекст фиксирует колебания говорящего между стремлением вынести истинное суждение и осознанием принципиальной невозможности истинного суждения о содержании чужих мыслей. Ср. также: *Но он, кажется*₅ *понял, что меня тошнит* [НКРЯ].

Рассматриваемое дискурсивно-интерактивное значение парентезы *кажется*₅ в контекстах обыденного рассказа можно определить следующим образом: парентеза выступает маркером колебаний говорящего (субъекта обыденного дискурса) между стремлением вынести истинное суждение и осознанием принципиальной невозможности истинного суждения о содержании чужих мыслей. Парентеза сигнализирует о том, что интерпретация говорящего базируется на результатах непосредственного наблюдения, нацелена на понимание ментального состояния третьего лица, объяснение реакций последнего, при этом говорящий допускает, что может ошибаться в своей интерпретации.

Если же говорящий (пишущий) сообщает о своем физическом, психологическом или ментальном состоянии, которое ему доподлинно известно, то парентеза *кажется*₆ маркирует рефлексивный акт над актуальным, продолжающимся и в момент речи осмыслением собственного состояния. Ср.: *Я, кажется*₆ *заболел; Я, кажется*₆ *ничего не понял* [НКРЯ]. Сопоставление контекстов парентезы *кажется*₅ с контекстами *кажется*₆ позволяет заключить, что дискурсивное значение парентезы модифицируется под влиянием ряда контекстных факторов,

а именно: интенции субъекта, его коммуникативной стратегии, связанной с сообщением о собственном или чужом состоянии.

Парентеза *кажется* часто употребляется в контексте оценочных речевых актов, характерных для обыденного нарратива. Ср.: – *Я же его не знаю, но, **кажется**, добродушный, хороший человек* [НКРЯ]. Если изъять из контекста парентезу *кажется*, высказывание становится аномальным, так как нарушается условие успешности речевого акта утверждения. Ср.: **Я же его не знаю, но [он] добродушный, хороший человек*. В этом примере возникает парадокс, известный под названием парадокс Мура [Падучева 1996, с. 237], – аномалия рождается вследствие противоречия между содержанием утверждения и основным условием успешности речевого акта: говорящий должен знать то, что утверждает. Смысл ‘[он] добродушный, хороший человек’ в качестве семантического компонента высказывания имплицитно пресуппонирует пресуппозицию ‘я его знаю’.

В рассматриваемом контексте представлено рассуждение, строящееся на антитезе, – *Я же его не знаю, но, **кажется**, добродушный, хороший человек*. В контексте рассуждения парентеза маркирует рефлексию говорящего над собственной ментальной деятельностью. Парентеза – маркер актуальной рефлексии говорящего: за счет застывшей формы настоящего времени *кажется* ассоциируется с текущим, продолжающимся в настоящем времени процессом осмысления говорящим высказываемой оценки.

Анализ роли парентезы *кажется* в реализации стратегии обыденного рассказа показывает, что парентеза связана с когнитивным стилем, близким к рассуждению. Это актуальное рассуждение становится мотивацией оценки; оно наделяет соответствующий речевой акт экзистенциальной значимостью и, как следствие, предопределяет ценность авторского рассуждения в дискурсе (диалоге / споре).

Обыденная нарративная стратегия часто воплощается в **тактике цитирования, пересказа чужих слов, указания на источник информации**. Например: *Борхес, **кажется**, сказал, что, кто не понимает разлада между матерью мужчины и его женой, никогда не поймет сути человеческих отношений* [НКРЯ]. В данном случае контекст пересказа чужих слов содержит эксплицитный речевой модус: *Борхес сказал, что...* Высказы-

вание без парентезы относит сообщаемое только к источнику (Борхесу). Парентеза *кажется*, как маркер говорящего оформляет его скрытое присутствие в высказывании, связывая говорящего с субъектом-авторизатором. Два голоса (в данном контексте – Борхеса и говорящего) обнаруживают себя именно в парентезе. Парентеза имплицитно авторский метатекст типа: ‘Я пытаюсь вспомнить того, кто это сказал. Я могу ошибаться’. Ср. подобное употребление в контексте пересказа чужих слов: *Анатоль Франс, **кажется**, сказал, что никто так много и охотно не говорит о Боге, как атеист* [НКРЯ]. Здесь *кажется* отражает «диалогическую» установку: ‘А ты не помнишь, кто сказал? Готов принять уточнение’.

В устном **рассказе автобиографического типа** парентеза *кажется*_g маркирует активный мыслительный процесс говорящего, связанный с припоминанием забытой информации. Материалы Национального корпуса показывают, что такое употребление парентезы является типовым как в контекстах публичной, так и в контекстах непубличной устной речи. Ср.:

[Николай Гаврилов, муж] *Вот как меняется м... человек маленький и... всё вокруг большое. [Пауза] Это дом/ где была первая в жизни персональная выставка. В три года я обклеил ... все стены своими безумными кораблями и матросами - я больше ничего не рисовал/ только корабли-парусники и только матросов/ только в профиль и идущих по набережной. И поскольку отец учился/ были большие листы ватманской бумаги одиннадцатый формат и вот пь.../ одно из первых воспоминаний/ я ползу из угла в угол по этому листу и рисую корабль/ причём с использованием циркуля и вот этих э... “балеринка”/ **кажется**/ называется вот этот циркуль. Из отцовской огромной готовальни я достаю корабль/ у корабля мачта/ у мачты реи/ и/ раз на тебя смотрит рея/ у реи же есть торе/ обрезанное дерево/ а у дерева годовые кольца/ я вот эти годовые кольца этой “балеринкой” рисую на каждой вот этой реи. Это пх...я [смеётся] я вообще не понимаю/ откуда я знал/ что у дерева есть годовые кольца?! Откуда я знал/ что бывают такие реи?! [НКРЯ].*

Здесь говорящий припоминает название предмета: “балеринка”/ *кажется*_g / называется вот этот циркуль.

В следующих фрагментах устного непубличного рассказа парентеза *кажется*_g также маркирует акт припоминания ин-

формации, релевантной, с точки зрения говорящего, для повествования, ср.:

[Е.И., жен] *Там он так... И мы не знаем даже его/ где/ и что/ и как. Ну так вот/ родственников тут/ конечно/ много/ но больше нас из М-вой стороны много в запретной зоне живут. Дядя Саша М-ко жил/ тётя Лена в Челябинске жила. Она работала врач-акушер/ **кажется**. Тётя Катя тоже медицинский работник/ медсестра. Много лет она жила... Это папина самая меньшая сестра. Но она уже/ по матери они родные/ по отцу уже разные* [НКРЯ].

Говорящий восстанавливает в памяти информацию о профессии: *Она работала врач-акушер/ кажется_г*

3.2.2. Семантика и функции парентезы *кажется* в жанре бытового письма

Рассмотрим функцию парентезы *кажется*_г в организации автобиографической повествовательной стратегии, реализованной в жанре бытового письма. Особенностью автобиографического нарратива является временная дистанция между «Я» повествующим и «Я» повествуемым. Ср. фрагмент письма: *А потом решилась, прыгнула, самый ужас, дыхание перехватило, желудок в горле застрял, так долго, **кажется**, летела, врезалась в воду (в шлеме, спасжилете, обуви – во всем), вынырнула – и погребла к рафтам* [НКРЯ]. Воспоминание связано с мысленным наблюдением самого себя в пространстве памяти. ‘Я в прошлом’ – это другая временная реализация ‘Я’ субъекта. В отсутствие различий по лицу у глаголов в форме прошедшего времени рассказчик будет одинаково описывать действия разных субъектов в прошлом (*Я / ты / она летела*). Если изъять из фрагмента парентезу *кажется*, то без знания контекста письма непонятно, о ком идет речь – об авторе письма или о третьем лице. Из этого следует, что парентеза *кажется*_г открывает возможность объединения позиции субъекта для разных коммуникативных ролей – рассказчика и субъекта-экспериментера. В жанре автоповествования в разных ролях – рассказчика (субъекта повествования) и субъекта-экспериментера (объекта повествования) – выступает пишущий. В комментируемом контексте *кажется* фиксирует также несоответствие между

внутренним (психологическим) и объективным (физическим) временем. В актуальном восприятии событие длится долго, а в воспоминании действует пресуппозиция 'подобные события происходят быстро'.

Дискурсивную семантику *кажется* в рассматриваемом фрагменте письма невозможно интерпретировать как контекст размышления с иллюзией 'Поправь меня, если я ошибаюсь', поскольку автобиографический дискурс как тип знания (в отличие от диалогического дискурса) задает другой смысловой контекст и другую дискурсивную логику субъекта: 'рассказывая о прошлом, я вспоминаю о своем состоянии, переживаю его заново, чтобы сформировать адекватное представление адресата о том, что произошло со мной'. *Кажется*₉ – знак актуальности того состояния, которое говорящий воссоздает в памяти, и несоответствия восприятия реальному положению дел. Ср. фрагмент письма из заключения: *Если до него дошло что-нибудь мое неблагоприятное (было, **кажется**), скажи, что я прошу прощения* [НКРЯ]. Контексты часто представляют интерпретацию причин прошлых событий. Ср.: ***Кажется**, – потому, что адрес обратный подмок и расплылся почти до непрочтения* [НКРЯ].

Далее рассмотрим особую нарративную функцию парентезы *кажется*₁₀. Нарративная функция парентезы *кажется*₁₀ обусловливается нарративной стратегией автора, направленной на преодоление «ущербности» эпистолярной коммуникации: в-первых, эпистолярный дискурс состоит из порций (писем), каждая из которых несет свой «квант» информации; во-вторых, автор получает отложенную во времени реакцию адресата на свои слова. Монологическая форма текста письма входит в противоречие с диалогическими задачами общения, этим противоречием можно объяснить желание автора диалогизировать свой дискурс. Одним из средств диалогизации являются метатекстовые выражения типа: *Я уже писал, что...; Я уже сообщал о том, что...*. Апелляция к предыдущей интеракции (воспоминание о ней) формирует диалогический стиль монологического текста, при этом субъект хочет оставаться релевантным, т. е. быть кратким и повторять только самое главное из ранее сообщенного. Ср. контекст письма: *Я уже, **кажется**, писал, что получил письма от Кадика [Филатова] и Лешки Пугачева – очень хорошие и трогательные?* [НКРЯ]; *Я уже, **кажется**, писал, что меня тут*

по-всякому называют: и Юлий, и Юлий Маркович, и просто Маркович, и Юра, и Юрок [НКРЯ]. Сюда же можно отнести контексты автобиографических заметок, демонстрирующие диалог, который ведет человек сам с собой, ср.: *Я, **кажется**, говорил, что при первом опыте нашим третьим партнёром был Спартак Мишулин* [НКРЯ]; *Пью всё меньше, не испытывая, как уже, **кажется**, говорил, радости от вынужденного уменьшения доз* [НКРЯ].

Таким образом, в рассмотренных дискурсивных контекстах парентеза *кажется*₁₀ маркирует особую нарративную стратегию автора письма (и дискурсивную логику), суть которой состоит в воссоздании в памяти предыдущего акта коммуникации, повторении его содержания (я уже, **кажется**, писал, что...) с целью продолжения дискурса. Содержание предыдущего письма играет роль темы для следующего, нового сообщения, т. е. известной из предтекста, базовой информации. Таким образом осуществляется связность (темо-рематическая связь) эпистолярного дискурса. Парентеза *кажется*₁₀ отражает рефлексивный акт пишущего – ‘субъект как будто бы не помнит точно, сообщал он ранее эту информацию или нет’.

Парентеза *кажется* выполняет функцию метанарративного маркера стратегии повтора уже известного адресату содержания ради облегчения понимания новой информации. Для экспликации подобной функции парентезы *кажется* в реальном диалоге мы использовали понятие ‘знание коммуникативной ситуации’: искренний и опытный говорящий делает все для того, чтобы правильно оценить состояние знаний своего собеседника, иначе его может постигнуть коммуникативная неудача [Йокояма 2005, с. 40].

3.2.3. Семантика и функции парентезы *кажется* в жанре автобиографических / биографических мемуаров

Еще явственнее дискурсивная семантика парентезы *кажется*₁₁ обнаруживает связь с когнитивным актом воспоминания в жанре мемуаров. Ср. контекст: *Сыновья, старшего звали, **кажется**, Алвар, младшего, возможно, Тиммо, приходили к нам, один из них был влюблен в меня, но я не помню который* [НКРЯ]. Парентеза *кажется* выступает маркером мемуарного стиля, интенцию субъекта можно истолковать так: ‘я пытаюсь припом-

нить имя человека, о котором рассказываю'. Ср. следующий контекст – фрагмент из фронтового дневника: *Прямо на перронах стояли столы для едущих с фронта и на фронт, это называлось, **кажется**, продпунктами, там нас кормили и первым и вторым, да еще выдавали по общему аттестату сухой паек, до следующей большой станции [НКРЯ].* Материалы Национального корпуса русского языка показывают, что для парентезы *кажется* функция маркера когнитивного акта припоминания деталей описываемого события является типовой. Ср.: *Лет двенадцать назад я была в Монреале, умудрилась там каким-то образом оставить свой кошелек (с деньгами – семьсот долларов там, **кажется**, было, ну и со всеми карточками) в телефонной будке [НКРЯ].* Ср. также: *В 20-м, **кажется**, году, когда на севере не было бумаги, имажинисты отправили в Одессу для печатания альманахов под названием «Бабочки в колодце» [НКРЯ].*

Воспоминание – глобальная интенция, основной когнитивный акт, связанный с нарративной стратегией автобиографии, которая реализуется в разных нарративных жанрах: мемуарах, заметках, дневнике, бытовом письме. Так, парентеза *кажется*¹¹ маркирует акт воспоминания и в следующем контексте публицистических мемуаров. Ср.: *Обнаружено письмо Оруэлла (**кажется**, единственное, посланное в Советский Союз) в том же фонде «Интернациональной литературы», но в другом архивном деле, рассекреченном только в 1990-е годы и называвшемся весьма пространно и примечательно: «Письмо Оруэлла (Orwell) Джорджа Динамову Сергею на англ. яз. с приложением копии письма редакции журнала «Интернациональная литература» в Иностранный отдел НКВД о принадлежности Джорджа Оруэлла к троцкистской организации и прекращении с ним отношений [НКРЯ].*

Следующая, не менее важная нарративная функция парентезы (*кажется*¹²) состоит в маркировке коммуникативной стратегии пересказа чужих слов. Ср. контекст воспоминания о беседах с известным лицом: *Признание его как первого поэта эмиграции Гиппиус сохранила до конца. Вспомнил он и рассказ Тэффи. Во время войны, **кажется**, в 1941 году, разговор с «бабушкой русского декадентства» (так Гиппиус сама называла себя) зашёл об эмигрантских поэтах. Упомянули секретаря Мережковских Злобина, потом Мамченко, которого Зинаида Николаевна считала*

своим первым другом, потом других, в том числе не вполне сформировавшихся, кого Гиппиус называла «зародышами». Вспомнили покойного умницу Поплавского [НКРЯ]. Последний контекст с парентезой может быть истолкован двояко, хотя оба толкования связаны с дискурсом пересказа чужих слов. Парентеза – маркер рефлексивного акта и соответствующей иллокуции пересказчика, который сам не был свидетелем, а со слов третьего лица (*Тэффи*) знает о разговоре, и поэтому не берет на себя смелость утверждать нечто категорично, отсюда ощущение «неуверенности» автора текста в точности указанной даты. Во-первых, это может быть неуверенность, связанная с ненадежностью человеческой памяти как таковой. Во-вторых, это может быть неуверенность в том источнике, со слов которого автор узнал об описываемом событии.

Дискурсивный сценарий употребления парентезы *кажется*₁₂ может быть определен в следующем метавысказывании: ‘я слышал чужой рассказ, и теперь, пересказывая Вам, пытаюсь припомнить все в точности, но тем не менее не беру на себя ответственность утверждать нечто категорично’. Ср.: *Один провинциальный литератор (кажется, Слово-Глаголь), долго не получавший от него гонорара, прислал ему сердитое письмо: «вы эксплуататор, из-за вашего кровопийства я живу в нищете, у меня нет ни хлеба, ни дров...» [НКРЯ].*

*Кажется*₁₂ отражает процессуальность мышления (ноэтический аспект, по Э. Гуссерлю), его актовую, бытийную сторону: тот факт, что автор и в момент речи продолжает осмыслять описываемое событие из прошлого. Способность отражать актовость мышления субъекта делает парентезу языковым средством, которое часто употребляется в жанре художественных мемуаров как маркер диалогического, неавторитарного когнитивного стиля. Ср.: *Одно из его немногочисленных стихотворений (кажется, то, которое понравилось Блоку) считалось у нас шедевром [НКРЯ].* Ср. также: *А вначале бравировал, писал в «Новом Времени» самые непопозволительные ругательные статьи против «интеллигенции», приходил на каждое Р-ф. собрание, чуть ли не до последнего, на котором его торжественно исключили. Кто-то сказал, что «гонение» на Розанова жестоко: это неправда. Никакой жестокости в этих протестах, исключениях не было: ведь его «наплевать» – слово очень искреннее. Если*

и огорчался «скандалами» – то опять, **кажется**, боясь, не расстроили бы они его больную жену. А вскоре и Бейлис, и Розанов – всё было забыто: пришла война. Что писал и делал Розанов во время войны? Писал, конечно, в «Новом Времени» – неинтересно [НКРЯ]. В рамках нарративной стратегии воспоминания автор, описывая события жизни и воссоздавая внутренний мир личности, моделирует сознание Розанова (объекта интерпретации). В авторской интерпретации причин поступков описываемого человека – *Если и огорчался «скандалами» – то опять, **кажется**, боясь, не расстроили бы они его больную жену* – парентеза **кажется** маркирует принципиальную возможность другого понимания: ‘автор не исключает иного объяснения, которое может иметься у Другого’. **Кажется** – знак рефлексии и осознания принципиальной вариативности возможных интерпретаций описываемых событий. Сказанное предстает как один из потенциально возможных вариантов понимания личности описываемого человека и объяснения его поступков. Автор не претендует на абсолютность и исчерпанность своего варианта понимания. Автор предстает как неавторитарный, рассуждающий, диалогически настроенный по отношению к мнению Другого.

Нарративная стратегия субъекта, пишущего дневник, имеет целью отразить в тексте состояние сознания автора в момент создания записи, зафиксировать самоотчет субъекта, часто анализ всего, что с ним происходит или произошло. Ср.: *Кстати, тот кусочек хлеба, который мне вчера дала М.М., я стоически не съел, хотя и был изрядно голоден: продав его сегодня на базарчике, я буду иметь деньги, необходимые для получения продуктов в детмаге (**кажется**, макароны, копченый лещ и сладкое за апрель)* [НКРЯ]. Здесь парентеза **кажется** маркирует когнитивный акт автора, связанный с моделированием будущей ситуации – **кажется**, макароны, копченый лещ и сладкое за апрель. Часто когнитивный акт отражает рефлексия субъекта над чужими утверждениями, акт референциальной проверки их содержания. Ср.: *Слухи о вырезании талонов иждивенцев, **кажется**, подтверждаются, но доноров это не касается* [НКРЯ]; *С середины дня разъяснило и поэтому пошли тревоги, а около 4-х бешенный обстрел, за 30 минут выпущено было штук 20-25 двойных снарядов, которые, **кажется**, пришлось на В.О. Утром происходило внедрение Гали в ИРЛИ; **кажется**, внед-*

рилась, но не очень-то этому сочувствую... [НКРЯ]; *Эльдар Рязанов помирился с Войновичем и, **кажется**, будет, наконец, ставить новый фильм про Чонкина* [НКРЯ].

Типовая нарративная стратегия, представленная в дневнике как автобиографическом жанре, связана с фиксацией происходивших событий, а также их пониманием, интерпретацией автором или его современниками: *Говорят (**кажется**, правда), наши самолеты сегодня эвакуировались по недостатку бензина* [М. М. Пришвин «Дневники»]; *Вчера вечером были сведения, **кажется**, верные, что казаки опять наступают с Касторной и дерутся возле Набережной с 42-й дивизией коммунистов* [М. М. Пришвин «Дневники»]. Представленную в контекстах нарративную стратегию квалифицируем как информативную.

Помимо информативной нарративной стратегии, в некоторых текстах (дневниках) обнаруживается стратегия репродуктивного типа – *кажется*₁₃. В нашем материале встретились дневники М. М. Пришвина, И. Э. Бабеля, репродуктивная стратегия в текстах этих писателей близка к художественной. Художественная репродуктивная стратегия будет подробно рассматриваться в разделе, посвященном функционированию парентезы в контекстах художественного дискурса. Здесь заметим, что цель репродуктивной стратегии состоит в воспроизведении того, что видит, слышит, чувствует субъект когнитивной деятельности в тот момент, о котором идет речь в тексте. Парентеза *кажется*₁₃ маркирует репродуктивную повествовательную стратегию. Ср.: *Прислушиваясь к выстрелам, одни говорили: «Что-то все на одном месте», другие отвечали: «**Кажется**, подаются, ближе слышнее»* [М. М. Пришвин «Дневники»].

Контекст описывает экзистенциально важное воспоминание автора, связанное с переживанием страха. Чтобы точнее передать состояние страха, которое владело людьми, автор дневника обращается к художественному приему: репродукции сказанного описываемыми лицами, цитированию их слов. Парентеза принадлежит дискурсу лиц, которые были свидетелями события (*другие отвечали*), маркирует акт непосредственного восприятия ими пугающих звуков (*выстрелов*) и рефлексии над услышанным. Таким образом автор текста добивается эффекта достоверности описания, что позволяет

усилить воздействие текста на читателя. Ср. также следующий контекст, в котором прошлое событие описывается как «актуально наблюдаемое», переживаемое, хотя и представленное в пространстве памяти: *Атмосфера начала боя, большое поле, аэропланы, маневры кавалерии на поле, наша конница, вдали разрывы, начался бой, пулеметы, солнце, где-то сходятся, заглушенное ура, мы с Иваном отходим, опасность смертельная, что я чувствую, это не страх, это пассивность, он, **кажется**, боится, куда ехать, группа с Корочаевым идет направо, мы почему-то налево, бой кипит, нас догоняют на лошади – раненые, смертельно бледный – братишка, возьми, штаны окрашены кровью, угрожает нам стрелять, если не возьмем, осаживаем, он страшен, куртку Ивана заливают кровью, казак, остановились, буду перевязывать, у того легкая рана, в живот, кость повреждена, везем еще одного, у которого лошадь убили* [И. Э. Бабель «Конармейский дневник»]. Репродуктивная нарративная стратегия описывает наблюдаемые автором картины боя, воспроизводит то, что чувствует автор (*что я чувствую*). Репродуктивная стратегия получает специфическое текстовое (синтаксическое) выражение: **именные** предложения фиксируют зрительные образы и другие ощущения автора (*Атмосфера начала боя, большое поле, аэропланы, маневры кавалерии на поле, наша конница, вдали разрывы, начался бой, пулеметы, солнце...*); **формы настоящего времени имперфективных** предикатов отражают совпадение времени восприятия и времени события (*отходим, боится, идет направо, бой кипит, нас догоняют, угрожает, осаживаем, заливают кровью, везем*). Значение настоящего времени, выражающее синхронность времени наблюдения и времени события, фиксируем термином 'актуальное перцептивное настоящее'. Нарративная функция парентезы *кажется* состоит в маркировке рефлексивного акта субъекта-наблюдателя, который интерпретирует состояние Другого (*он, **кажется**, боится*). Рефлексия автора принимает вид заключения, к которому приходит субъект в результате рассуждения – *мы с Иваном отходим, опасность смертельная, что я чувствую, это не страх, это пассивность, он, **кажется**, боится*. Автор выносит вердикт (*он боится*), хотя и допускает возможность ошибки.

3.2.4. Семантика и функции парентезы *кажется* в жанре художественного и публицистического эссе

Особенности когнитивного стиля, с которым функционально связана парентеза *кажется*₁₃, ярче всего реализуются в жанре художественного и публицистического эссе. В этом жанре стиль является семантически значимым фактором формирования повествования и стержнем интерпретационной программы для читателя. Ср. следующий контекст: *Напишешь утром – **кажется**, здорово, в обед строки режут душу, как осколки стекла, отложишь на несколько дней – и только тогда взгляд устоится, и видишь, что есть на самом деле...* [В. Бондаренко «Опаленный взгляд Алексея Прасолова»]. Здесь *кажется* используется как средство создания антитезы – *на первый взгляд кажется – здорово, а на самом деле...* (ср. со значением глагольного предиката *казаться*). Эта стилистическая фигура связана с глубинной структурой парадокса, свойственного жанру эссе. В данном случае она реализуется в противопоставлении. Эта риторическая фигура маркирует противопоставление разных этапов мыслительного процесса: *кажимость* первичного восприятия соотнесена с последующими рефлексивными актами. В качестве аналогичного риторического средства *кажется* функционирует и в следующем фрагменте: *Мы все дети любви, и уж от этого одного так её, **кажется**, должно быть много, что только ею и дышать, ею с утра до вечера и жить. А поглядишь внимательно – нет, на всех любви не хватает...* [В. Г. Распутин «Новая профессия»]. Риторическую установку автора можно интерпретировать как направленную на столкновение двух противоположных точек зрения – первой, поверхностной, и второй, более глубокой, связанной со знанием жизни, мудростью и опытом. *Кажется* не только участвует в формировании первой части стилистической фигуры – антитезы: *кажется, должно быть... а поглядишь внимательно – нет...*, но и задает своеобразную интригу текстовой проспекции: далее в дискурсе последует развитие авторской мысли.

В риторически организованных эссеистических контекстах парентеза *кажется*₁₃ обнаруживает дискурсивное значение, восходящее, по нашему мнению, к когнитивной семантике глагольного предиката *казаться*. В семантике глагольного предиката

ката концептуализируются знания носителей языка о 'возможном, потенциальном расхождении между тем, что есть на самом деле, и тем, как это выглядит, чем *кажется*'.

Схожие риторические функции выполняет парентеза *кажется* и в текстах гуманитарного дискурса. Возьмем, к примеру, статьи филологической направленности, причисленные Национальным корпусом русского языка к учебно-научной сфере функционирования: *Но что такое это различие изучения и понимания? Кажется, эти два дела предполагают друг друга. Но в истории нашего русского размышления о Пушкине за полтора столетия они не вполне совпадали, и всегда между ними был ощутимый зазор* [С. Г. Бочаров «Из истории понимания Пушкина»]. Задавая вопрос и отвечая на него, автор разворачивает повествование как диалог: строит предположение о поверхностном мнении читателя и затем опровергает это мнение. Открывая читателю новые факты в живой, разговорной манере, исследователь создает при этом эффект неожиданности выводов и рассуждений, которые противоположны опорным (поверхностным) предположениям. Парентеза играет роль маркера первого из противопоставляемых компонентов в эмфатической фигуре – антитезе.

В следующем контексте из статьи С. Г. Бочарова роль парентезы *кажется* можно трактовать примерно так же, как и в предыдущем, как маркера риторической фигуры – антитезы: *Но можно рискнуть заговорить и о дионисийском чувстве жизни в этой элегии, разумея под ним не философскую идеологему, а нечто вечное и глубокое в философском составе жизни, именованное этой идеологемой, чему не мог не быть причастен и Пушкин, и, может быть, особенно в этой элегии. В прожитом и настоящем здесь открывается такая взволнованная и напряжённая глубина, какую можно почувствовать с помощью этого столь специфического и, *кажется*, столь отдалённого слова* [С. Г. Бочаров «Из истории понимания Пушкина»]. Здесь возникает подтекст: автор указывает на то, что, на первый взгляд может казаться, что слово «столь отдаленное», но на самом деле оно несколько не отдаленное, а, наоборот, «близкое» мироощущению поэта. В этой же статье, в другом фрагменте, обнаруживаем другую риторическую функцию парентезы: *Кажется, при возрастающем внимании к Пушкину в мировой филологии, все*

же она еще недостаточно отдает себе отчет в том факте, что Пушкину принадлежит вот такое центральное положение в европейской культурной истории, а не только почётное место в русской литературе [С. Г. Бочаров «Из истории понимания Пушкина»]. Автор отдает себе отчет в том, что не может говорить от лица мировой филологии, и поэтому прибегает к риторическому смягчению, снимая при этом с себя часть ответственности за сказанное.

3.2.5. Семантика и функции парентезы *кажется* в жанре научно-публицистического нарратива

Как мы уже отмечали ранее, в силу риторической специфики научно-публицистического дискурса дискурсивное рассуждение автора-специалиста получает статус генеритивного коммуникативного регистра – обобщенной информации, соотнесенной не только с личным профессиональным опытом, но и универсальным знанием, носителем которого выступает все научное сообщество.

В научно-публицистическом нарративе дискурсивная проекция парентезы *кажется*₁₄ модифицируется. Ср.: *[Сколько вам лет?] Не торопитесь отвечать на этот простой, **кажется**, вопрос, потому что за вас на него ответил шведский невролог Йонас Фрисен: каждому взрослому человеку в среднем пятнадцать с половиной лет [НКРЯ].* В этом контексте *кажется* сталкивает оценочный стереотип обыденного сознания с научным представлением о предмете, подчеркивая сложность того, что *кажется* простым на первый взгляд. Ср. также: *Он ест на улице конфеты и бросает бумажки на тротуар, И папа с мамой даже не подумают сказать ему, что это нельзя, сказать, чтобы он поднял бумажку, тем более не догадаются показать, как это надо сделать. **Кажется**, безобидно, а в сущности? Совершается ласковое отравление души ребенка [НКРЯ].*

Обратимся к следующему контексту – фрагменту научно-го дневника: *Теперь (сегодня), возвращаясь к этим вопросам, я, **кажется**, могу, по крайней мере, для себя сформулировать два совершенно различных подхода к решению вопроса о происхождении психической деятельности – П. Я. [Гальперина] и мой [НКРЯ].* Автор дневника пересматривает свою концепцию и маркирует

парентезой *кажется*¹⁴ становление нового содержания. Парентеза вновь сопряжена с мыслительный процессом и отражает бытийную сторону становления научного знания. Ср. также: *Действительно, здесь учтено, **кажется**, все, что наиболее значимо для успеха научного поиска* [НКРЯ]; *Логика да и опыт, **кажется**, убеждают, что при таком устройстве сопротивление воды должно быть наименьшим* [НКРЯ].

Интересный пример употребления *кажется* находим в научно-популярной статье на правовую тематику: *Раз в году – очередной отпуск продолжительностью не менее двух недель (**кажется**, в европейских странах ежегодные оплачиваемые отпуска для всех появились даже несколько позже, ближе к тридцатым годам)* [НКРЯ]. Здесь, размышляя над трудовым законодательством начала 20-го века, автор отнюдь не сомневается в сообщаемом факте, временные рамки которого, к тому же, легко можно было бы уточнить. Парентеза *кажется* вводит авторский метакомментарий, выполняющий стилеобразующую роль, – свободного от точных дат (когда автор не считает нужным) размышления, имитирующего воспоминание. Обозначим его метавысказыванием: ‘ни в чем нельзя полностью быть уверенным’. Высокий уровень авторской рефлексии приводит к выбору вероятностного модуса по отношению к описываемому в тексте объекту и неавторитарного когнитивного стиля. Неавторитарный когнитивный стиль коррелирует с релятивистским типом знания и поэтому претендует на большую глубину постижения предмета, чем стиль категоричного утверждения, ассоциирующийся с позитивистским типом знания (см. об этом более подробно в [Чернцова 2012д, с. 535–540]). Ср. фрагмент устного научно-популярного дискурса:

[Гелий Жеребцов, муж] *на Марс/ другие планеты. И сейчас уже вот эти варианты просматриваются. И вот я недавно читал/ идёт дискуссия/ в какой период лучше лететь/ в минимум или в максимум солнечной активности. **Кажется**/ нужно лететь в минимуме/ когда нет вспышек/ когда спокойное межпланетное пространство. Но/ однако/ нужно помнить/ что в этот момент как раз межплане... межпланетное пространство/ солнечная систему буквально забита галактическими космическими лучами/ у них очень высокие энергии. Правда/ поток почти там постоянный. Поэтому тут всё надо принимать во внимание* [НКРЯ].

Исследование материала Национального корпуса русского языка позволяет сделать следующее обобщение: парентеза *кажется* не употребляется авторами, работающими в собственно научных жанрах – научная статья, монография, научный доклад. В научно-популярном же дискурсе парентеза *кажется* создает образ неавторитарного, кооперативного автора, который, уважительно относясь к мнению читателя-коллеги, настроен на диалог с ним, предлагает свое мнения для обсуждения с ним.

Выводы к подразделу 3.2. «Дискурсивные проекции парентезы *кажется* в разных жанрах нарратива»

1. Проведенный анализ позволяет сделать следующее обобщение: парентеза *кажется* выступает маркером особого когнитивного стиля – рефлектирующего, рассуждающего субъекта. Когнитивный стиль субъекта связан с определенной нарративной стратегией и жанром нарратива. Как показал дискурсивный анализ языкового материал из Национального корпуса русского языка, для исследования дискурсивно обусловленных значений парентезы *кажется* значимы такие разновидности нарратива: обыденный рассказ, личный автобиографический нарратив (бытовое письмо, мемуары, записки, дневник), художественное и публицистическое эссе, научно-публицистический нарратив.

2. В нарративных контекстах названных жанров парентеза *кажется* связана с рефлексией субъекта над собственной когнитивной деятельностью, которая варьируется в соответствии с разной дискурсивной деятельностью. Мы выделили пять типов нарративного контекста и одиннадцать дискурсивных значений парентезы *кажется* в них.

3. В контекстах обыденного рассказа можно дифференцировать четыре дискурсивных значения парентезы *кажется* – *кажется₅*; *кажется₆*; *кажется₇*; *кажется₈*.

3.1. Дискурсивно-интерактивное значение парентезы *кажется₅* в контекстах обыденного рассказа мы определили следующим образом: парентеза выступает маркером колебаний говорящего (субъекта обыденного дискурса) между стремлением вынести истинное суждение и осознанием принципиальной невозможности истинного суждения о содержании чужих мыслей.

Парентеза сигнализирует о том, что интерпретация говорящего базируется на результатах непосредственного наблюдения, нацелена на понимание ментального состояния третьего лица, объяснение реакций последнего, при этом говорящий допускает, что может ошибаться в своей интерпретации. В обыденном нарративе рефлексия говорящего, выраженная парентезой, становится основанием мотивации оценки, придает ей экзистенциальную значимость и / или формирует диалогическую установку на дополнительную верификацию: 'Поправь меня, если я ошибаюсь'.

3.2. Если говорящий сообщает о своем физическом, психологическом или ментальном состоянии, которое ему доподлинно известно, то парентеза *кажется*₆ маркирует рефлексивный акт над актуальным, продолжающимся и в момент речи осмыслением собственного состояния. Сопоставление контекстов: *Я, кажется*₆, заболел vs. *Он, кажется*₃, заболел – показывает, что дискурсивное значение парентезы модифицируется в зависимости от интенции субъекта, связанной с сообщением о собственном или чужом состоянии – 'я пытаюсь понять, что со мною происходит' vs. 'он выглядит больным'.

3.3. Если говорящий прибегает к пересказу чужих слов и указанию на источник информации, то парентеза *кажется*₇ оформляет скрытое присутствие говорящего в высказывании, связывая говорящего с субъектом-источником информации. Парентеза имплицитно метатекст: 'Я пытаюсь вспомнить того, кто это сказал. Я могу ошибаться'.

3.4. В устном рассказе автобиографического типа парентеза *кажется*₈ маркирует активный мыслительный процесс говорящего, связанный с припоминанием забытой информации.

3.5. Сопоставление обыденных контекстов – *кажется*₅ vs. *кажется*₆ vs. *кажется*₇ vs. *кажется*₈ – показывает, что дискурсивные значения парентезы модифицируются под влиянием ряда факторов, а именно: интенции субъекта, его коммуникативной и когнитивной стратегии, связанной с сообщением о собственном или чужом состоянии, или пересказом чужих слов, или припоминанием забытой информации, которую говорящий считает релевантной для повествования.

4. В контекстах жанра бытового письма выделяются два дискурсивных значения парентезы – *кажется*₉ и *кажется*₁₀.

4.1. Парентеза *кажется*₉ выполняет важную нарративную функцию организации автобиографической эпистолярной стратегии: *кажется*₉ открывает возможность объединения позиции субъекта для разных коммуникативных ролей – ‘Я’ повествующего и ‘Я’ повествуемого, между которыми существует временная дистанция. Воспоминание связано с мысленным наблюдением самого себя в пространстве памяти. *Кажется*₉ – знак актуальной рефлексии над прошлым впечатлением / состоянием и маркер несоответствия прошлого впечатления реальному положению дел. Дискурсивную логику субъекта можно отобразить в следующем метаописании: ‘рассказывая о прошлом, я вспоминаю о своем состоянии, переживаю его заново, чтобы сформировать адекватное представление адресата о том, что произошло со мной’.

4.2. Нарративная функция парентезы *кажется*₁₀ обуславливается стратегией субъекта, направленной на преодоление «ущербности» эпистолярной коммуникации. Монологическая форма текста письма входит в противоречие с диалогическими задачами общения, этим противоречием можно объяснить желание автора диалогизировать свой дискурс. Одним из средств диалогизации являются метатекстовые выражения типа: *Я уже, кажется, писал, что...* Парентеза *кажется*₁₀ отражает рефлексивный акт пишущего – ‘субъект как будто бы не помнит точно, сообщал он ранее эту информацию или нет’. Апелляция к предыдущей интеракции (воспоминание о ней) формирует диалогический стиль монологического текста, при этом субъект хочет оставаться релевантным, т. е. быть кратким и повторять только самое главное из ранее сообщенного. Парентеза выполняет функцию метанарративного маркера стратегии автореферентного повтора – повторяется уже известное адресату содержание ради облегчения понимания новой информации.

5. В контекстах жанра автобиографических / биографических мемуаров у парентезы обнаруживаются три дискурсивных значения – *кажется*₁₁; *кажется*₁₂; *кажется*₁₃.

5.1. Парентеза *кажется*₁₁ выступает в типовой роли маркера рефлексии над когнитивной деятельностью воспоминания – восстановлением визуальных образов прошлого. Воспоминание – глобальная интенция, основной когнитивный акт, связанный с нарративной стратегией автобиографии / биографии,

которая реализуется в разных нарративных жанрах: мемуарах, заметках, дневнике, бытовом письме.

Материал нашего исследования позволяет констатировать, что парентеза *кажется* маркирует 'рефлексивный акт над припоминанием некоторой информации' и в этом значении используется как в обыденном диалоге, так и в разных нарративных жанрах. Реализуя исследовательскую задачу – установить корреляцию между дискурсивным значением парентезы *кажется*, с одной стороны, и интенциями субъекта, его дискурсивной логикой, запечатленными в семантике контекста (диалогический vs. нарративный), с другой, – сравним значение *кажется*₂ (в диалоге) со значениями *кажется*₈; *кажется*₁₁; *кажется*₁₂ (в нарративе).

5.2. В обыденном диалоге парентеза *кажется*₂ связана с интенцией говорящего ответить на вопрос собеседника. Дискурсивную логику субъекта можно определить так: говорящий испытывает когнитивные затруднения: не помнит того, о чем спрашивает его собеседник, или не владеет запрашиваемой информацией, но, желая продолжать разговор, предпринимает мыслительное усилие, направленное на поиск ответа. Дискурсивно-интерактивное значение *кажется*₂ мы определили как 'актуальную рефлексия над припоминанием запрашиваемой собеседником информации'.

5.3. В устном рассказе автобиографического типа парентеза *кажется*₈ связана с другой интенцией, а именно: **ВОЛОНТИВНЫМ** намерением вспомнить всю релевантную для повествования информацию из прошлого. Парентеза маркирует активный мыслительный процесс говорящего, связанный с припоминанием забытой информации.

5.4. В жанре автобиографических мемуаров употребление парентезы *кажется*₁₁ предопределено дискурсивной логикой пишущего и особенностями когнитивного стиля: автор осознает, что человеческая память избирательна, не всегда точно запечатлевает произошедшее или узнанное ранее. Характер рефлексии обуславливает интенциональную позицию субъекта: он не претендует на абсолютную истинность суждений и исчерпывающую информативность высказываемого. Это формирует особый образ автора высказывания, коммуникативная гибкость которого связана с диалогической, неавторитарной

манерой сообщения. Парентеза *кажется*₁₁ выполняет функцию маркера мемуарного стиля.

5.5. Дискурсивное значение парентезы *кажется*₁₂ можно представить следующим метавысказыванием: 'ранее я слышал чужой рассказ, и теперь, пересказывая Вам некоторые подробности этого рассказа, я пытаюсь припомнить все в точности, но тем не менее не беру на себя ответственность утверждать нечто категорично'. «Неуверенность» автора эксплицирует либо осознание ненадежности человеческой памяти как таковой, либо сомнения в достоверности информации, полученной от третьих лиц.

*Кажется*₁₂ отражает процессуальность мышления, его актовую, бытийную сторону: тот факт, что автор и в момент речи продолжает осмыслять описываемое событие из прошлого. Способность отражать актовость мышления субъекта делает парентезу языковым средством, которое часто употребляется в жанре художественных мемуаров как маркер диалогического, неавторитарного когнитивного стиля.

5.6. В нашем материале, в некоторых дневниках, помимо информативной нарративной стратегии, обнаруживается стратегия репродуктивного типа. В этом случае нарративная функция парентезы *кажется*₁₃ состоит в маркировке рефлексивного акта субъекта-наблюдателя. Репродуктивная стратегия жанра дневников близка к художественной нарративной стратегии, однако, в отличие от художественной, носит характер личного, автобиографического документа.

6. В эссеистическом нарративе, структура которого предполагает ту или иную разновидность парадокса, парентеза *кажется*₁₄ задает условия его реализации. *Кажется* используется как средство создания антитезы. Эта риторическая фигура маркирует противопоставление разных этапов мыслительного процесса: *кажимость* первичного впечатления соотнесена с последующими рефлексивными актами. Риторическую установку автора можно интерпретировать как направленную на столкновение двух противоположных точек зрения – первой, поверхностной, обыденной, стереотипной, и второй, более глубокой, связанной со знанием жизни, мудростью и опытом рефлектирующего субъекта. Носитель первой точки зрения моделируется в тексте как субъект обыденного дискурса, носитель стереотип-

ного мнения, непрофессионал, автор же эссе моделируется как носитель второй точки зрения, субъект рефлексии. *Кажется*₁₄ задает своеобразную интригу текстовой проспекции: далее в дискурсе последует развитие авторской мысли.

Когнитивный стиль автора как человека размышляющего проявляется в осмыслении несоответствия первичного восприятия (*кажимости*) и реального положения дел, а также в поиске объективных оснований суждения. В риторически организованных эссеистических контекстах парентеза *кажется*₁₄ обнаруживает дискурсивное значение, восходящее к когнитивной семантике глагольного предиката *казаться*. В семантике глагольного предиката концептуализируются знания носителей языка о 'возможном, потенциальном расхождении между тем, что есть на самом деле, и тем, как это выглядит, чем *кажется*'.

7. В контекстах научно-публицистического нарратива отражается высокий уровень научной рефлексии автора, которой соответствует современный модус относительности знания. Парентеза *кажется*₁₅ имплицитно метатекст: 'нельзя быть полностью уверенным в том, что удалось учесть все важные факторы', предопределяя особый характер когнитивного стиля субъекта научного дискурса. Этот когнитивный стиль указывает на большую глубину постижения предмета, чем стиль категоричного утверждения, отражая переход от позитивистского типа знания к **релятивистскому**. Парентеза вновь сопряжена с мыслительным процессом и отражает бытийную сторону становления научного знания.

7.1. В научно-популярном дискурсе парентеза *кажется* создает образ неавторитарного, кооперативного автора, который, уважительно относясь к мнению читателя-коллеги, настроен на диалог с ним, предлагает свое мнение для обсуждения с ним.

7.2. Парентеза *кажется* маркирует когнитивный стиль рефлектирующего субъекта. В целом рефлексия, маркируемая парентезой *кажется*, отражает диалогичность мышления как такового, и дискурсивность мысли говорящего: говорящий взвешивает все «за» и «против», ищет объективные основания суждения и не претендует на «окончателность» высказанной мысли.

3.3. Когнитивная семантика и нарративные функции парентезы *кажется* в разных контекстах художественного дискурса

В данном подразделе продолжим исследование дискурсивно обусловленных значений парентезы *кажется* в художественных контекстах разного типа. Как уже говорилось, систематизация функциональных контекстов проводится для того, чтобы собрать «сумму» данных о функционировании парентезы: нас интересуют дискурсивные проекции значений парентезы *кажется*, а также ее нарративные функции.

В ходе исследования сравним результаты когнитивно-дискурсивного анализа семантики глагольного предиката *казаться* с наблюдениями над функциональной нагрузкой парентезы *кажется*.

В решении поставленной задачи важна взаимосвязь между значением, функцией парентезы *кажется* и художественной нарративной стратегией, осмысляемой в контексте параметра 'коммуникативный регистр' (см. об этом в [Чернцова 2015а]). Целью когнитивно-дискурсивного анализа является выявление когнитивной значимости парентезы в построении той или иной нарративной стратегии, связанной или с репродуктивным, или информативным, или генеритивным регистром. Для того чтобы дифференцировать высказывание с парентезой *кажется* и более широкий контекст, частью которого является это высказывание, используем ранее принятые условные обозначения: высказывание с парентезой – 'контекст парентезы'; более широкое дискурсивное окружение – 'внешний контекст'. Анализ значимости парентезы в разных типах художественного контекста, представленных в дискурсивном материале Национального корпуса русского языка, позволяет различать частные типы контекстов.

Начнем с анализа диалогических контекстов прямой речи персонажей. Учтем, что, в отличие от диалогических контекстов обыденного дискурса, контексты художественного дискурса организованы сложнее. В диалогических контекстах обыденного дискурса субъектный план одномерен – это говорящий и слушающий. В художественных же контекстах прямой речи персонажей, помимо самих персонажей, имплицитно присутствует ав-

тор-наблюдатель, часто комментирующий диалог персонажей. Диалогический контекст прямой речи персонажей имплицитно задает позицию нарратора, «находящегося» в том же времени и пространстве (хронотопе), что и персонажи.

Разграничение авторской речи (своего слова) и речи персонажа (чужого слова) – фундаментальное лингвистическое основание, в соответствии с которым различаются современные литературные жанры. При прямой (репродуктивной) передаче речи персонажей в драматургическом тексте (пьесе, киносценарии) не возникает проблемы разграничения «своего» и «чужого» слова; автор часто не проясняет коммуникативных интенций участников диалога. Иллокуция прямой речи отражает интенцию автора, связанную с репродукцией слов персонажей, их точным воссозданием, точным цитированием. Прямая речь легко проговаривается при чтении, интонация усиливает ее достоверность, т. е. имеет самостоятельный перлокутивный эффект. В письменном диалоге прямая речь устраняет позицию нарратора. Здесь важны голоса персонажей [Арутюнова 2010, с. 7].

Если художественная нарративная стратегия включает и прямую речь персонажей, и комментирующую речь автора, это усложняет субъектную структуру контекста. Диалогические реплики персонажей сопровождаются подробными авторскими комментариями, которые часто касаются внешней стороны речи, особенностей произнесения, мимики, жестов. Авторские комментарии помогают читателю понять характер персонажа, истинные мотивы его поступков (см. об этом более подробно в [Чернцова 2009]). Чтобы проанализировать нарративную функцию парентезы *кажется*, ее роль в организации нарративной стратегии, учтем эти особенности диалогических контекстов художественного дискурса. Для выявления особенностей функционирования парентезы *кажется*, ее роли в синтаксическом оформлении 'коммуникативной позиции говорящего', которая традиционно описывается в категориях прямой, косвенной, свободной косвенной речи, будем последовательно отвечать на вопрос: кто является субъектом когнитивного акта, маркируемого парентезой *кажется*, – нарратор, рассказчик или персонаж.

Далее рассмотрим семантику и нарративные функции парентезы во внешнем репродуктивном и внешнем информативном контексте прямой речи персонажей.

3.3.1. Семантика и функции парентезы *кажется* в диалогических контекстах прямой речи персонажей

3.3.1.1. Внешний репродуктивный контекст

Парентеза *кажется*₁₆ принадлежит дискурсу персонажа, который выступает 'субъектом когнитивной деятельности'. Начнем с диалогического контекста репродуктивного регистра, в котором персонаж представлен как участник ситуации, опирающийся на данные своего наблюдения, ср.: – *Вот этот, – кричала ему барышня, становясь на колени перед могучим телом бородача дворника, – **кажется**, дышит, господин офицер, дайте ему воды.* [П. Н. Краснов «От Двуглавого Орла к красному знамени»].

В репродуктивном контексте обретает значимость синхронность времени наблюдения и времени события. Субъект-наблюдатель выдвигает предположение о состоянии наблюдаемого лица. Парентеза *кажется* в таком случае отражает рефлексивный акт субъекта-наблюдателя, который осознает принципиальную невозможность истинного суждения о физическом состоянии наблюдаемого лица по ряду причин, в частности, субъект может осознавать свою некомпетентность в таких вопросах. Иллокуция интерпретационного диалогического речевого акта, выраженная парентезой *кажется*, может быть определена следующим образом: 'говорящий высказывает свою версию происходящего и приглашает адресата к его верификации: 'поправь меня, если я ошибаюсь'. Парентезой *кажется* маркируется актуальный (для моделируемого в диалогическом контексте момента времени) рефлексивный акт субъекта-наблюдателя.

Ср. подобные контексты: – ***Кажется**, стреляют!* – сказала одна барышня с пирожным в руке, садясь на подоконник [П. Н. Краснов «От Двуглавого Орла к красному знамени»]; – *К нам, **кажется**, гости, и боюсь, не особенно приятные* [А. Белянин «Свирепый ландграф»]; *Но они нашли-таки нужный дом. – **Кажется**, этот, – указал на него Виктор. – Она сказала, что на двери квартиры нет номера* [А. Мельник «Авторитет»]; – *Тише, **кажется**, объявляют, как проголосовала Чукотка, – остановила разговор Нинель Семенова* [М. Баконина «Школа двойников»]; – *А он, **кажется**, умер, – сказала она тихо* [Г. Щербакова «Кровать Молодова»].

Двойственность семантики *кажется*₁₆ состоит в том, что рефлексия по поводу наблюдаемого как вид когнитивной деятельности отражает не только репродуктивную ('описываю то, что вижу / слышу / чувствую'), но и информативную коммуникативную установку субъекта речи ('предлагаю свой вариант понимания происходящего, осознавая, что могу ошибаться'). Несмотря на внешний репродуктивный контекст, функцию парентезы *кажется* можно интерпретировать как функцию маркера информативного и волюнтивного речевого акта персонажа. Подобную функцию выполняет парентеза *кажется*₁ в ситуации обыденного диалога о наблюдаемом собеседниками положении дел. Функциональная нагрузка парентезы в художественном диалогическом контексте увеличивается, в частности за счет указания на особенности речевого портрета персонажа. Доминирующими чертами речевого портрета персонажа становятся неавторитарность, кооперативность, вежливость. Парентеза *кажется* способствует выражению эмпатии, неформальности отношений между персонажами.

3.3.1.2. Внешний информативный контекст интерпретации

В этом случае реплика с парентезой *кажется*₁₇ принадлежит персонажу, строящему свое предположение не на непосредственном наблюдении, а на определенных фоновых знаниях, ср.: – *А он всё-таки здесь! – Не понимаю... – пожал плечами студент Конякин. – Мы с Гагаровым друзья, и он, если бы вернулся, первым долгом известил бы меня. – Он, **кажется**, скрывается, – постукивая носком ботинка о ковёр, сообщила Серафима Петровна. – За ним следят. Последняя фраза, очевидно, была сказана просто так, чтобы прекратить скользкий разговор о Гагарове. Но студент Конякин забеспокоился [А. Т. Аверченко «Ложь»].*

Рассмотрим коммуникативную структуру диалога персонажей. Реплика – *Он, кажется, скрывается* – выполняет в структуре диалога двойную роль: высказывания-реакции на предшествующий речевой акт собеседника и высказывания-сообщения об обсуждаемом предмете речи, которое задает перспекцию дискурса. В контексте задач нашего исследования важна роль парентезы в формировании особой иллокуции сообщения (*Он,*

кажется, скрывается), в котором представлена интерпретация субъектом-персонажем мотивов поведения другого персонажа. В таком контексте парентеза выполняет функцию маркера процесса становления мысли персонажа, его рефлексии: персонаж представляется как субъект, который находится в состоянии активного мыслительного процесса: имеет некоторое представление об обсуждаемом лице, но еще не понял до конца происходящее, не готов вынести вердикт, продолжает обдумывать и искать «верную», адекватную предмету мысли интерпретацию. Отметим еще раз, что субъект изображается как дистанцированный в пространстве и времени, но имеющий некоторые представления об объекте осмысления. Ср.: – *Пирамидон – это таблетки, – вступил Гош невпопад, но примирительным тоном, – Кажется, анальгетик, то есть, от боли. По-моему, конкретно от головной* [О. Дивов «Молодые и сильные выживут»].

3.3.1.3. Внешний информативный контекст воспоминания, в котором у парентезы *кажется* возникает значение ‘если я правильно помню’

В контекстах этого типа представлен рассказчик, вспоминающий о деталях прошлого события, а парентеза *кажется*¹⁸ маркирует рефлексию над соответствующей когнитивной деятельностью – ‘если я правильно помню’, ‘если мне не изменяет память’. Ср.: *Я тогда ухаживал за одной местной, ничего была женщина, как же её звали? Кажется, Настя. – Нина, – подсказал Скворцов. – Не путай, Нина – это в другой раз. А на этот раз была Настя, я теперь твёрдо вспомнил* [И. Грекова «На испытаниях»]. Нарративная стратегия, разворачивающая процесс воспоминания персонажа-рассказчика, строится из фрагментов разного типа – автодиалога (*как же её звали? Кажется, Настя*) и собственно диалога (*Нина, – подсказал Скворцов. – Не путай, Нина – это в другой раз*). В таком контексте *кажется* маркирует установку рассказчика на восстановление в памяти забытой информации. Ср. также: – *А в последнее время они часто виделись? – Кажется, нет, – припоминая, медленно ответила Катерина. В марте картину закончили* [Э. Володарский «Дневник самоубийцы»]; – *Ой, сейчас не вспомню, кажется, летом, в июле, что ли? Да, пожалуй, в июле* [Э. Володарский «Дневник самоубийцы»].

В художественном дискурсе встречаются контексты, в которых значения 'рефлексии над зрительными впечатлениями' и 'воспоминания' накладываются друг на друга – 'субъект рефлектирует над зрительным впечатлением, полученным в прошлом', ср.: – *Рожя была, **кажется**, женская, но я бы не поручился* [А. Кабаков «Путешествие экстраполятора»].

Таким образом, контекст парентезы может быть связан с внешним репродуктивным контекстом (*кажется₁₆*), а также внешним информативным контекстом интерпретации (*кажется₁₇*) и внешним информативным контекстом воспоминания (*кажется₁₈*). Различия между возникающими контекстными значениями парентезы можно объяснить особенностями коммуникативной и когнитивной деятельности субъекта: в ситуации непосредственного наблюдения субъект восприятия осмысляет полученное впечатление и его рефлексивный акт направлен на понимание или объяснение увиденного: субъект интерпретирует физические или ментальные состояния наблюдаемого лица или возможные причины наблюдаемого события (*кажется₁₆* во внешнем репродуктивном контексте).

Во внешнем информативном контексте с *кажется₁₇* концептуализируется интерпретационный акт субъекта, процесс осмысления тех или иных ситуаций, опирающийся на впечатления, полученные в прошлом, фоновые знания о предмете мысли, которые часто обобщаются, систематизируются в процессе обдумывания.

Во внешнем информативном контексте воспоминания концептуализируется рефлексивный акт субъекта над припоминанием забытой информации, которую субъект считает релевантной для интеракции (*кажется₁₈*). В этом случае парентеза *кажется₁₈* маркирует рефлексивный акт над процессом восстановления информации в памяти – 'если я правильно помню'.

Коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-наблюдателя проецируется в контекст – обуславливает характер субъектной структуры внешнего репродуктивного контекста, включающего субъекта-наблюдателя, субъекта речи и субъекта рефлексии над полученным впечатлением. Эти три позиции субъекта могут совпадать в персонаже. Коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-носителя знания проецируется в контекст в виде иной субъектной структуры,

складывающейся из субъекта фоновых знаний, субъекта рефлексии и субъекта речи.

Коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-наблюдателя обуславливает значение парентезы, отражающее актуальную рефлексию субъекта-наблюдателя, а коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-носителя знаний формирует либо значение 'рефлексивный акт субъекта-носителя фоновых знаний над осмыслением происходящего', либо 'рефлексивный акт субъекта, который припоминает нечто'.

Выделенные нами три типа художественных диалогических контекстов коррелируют с дискурсивными сценариями, реконструированными для обыденного диалога в подразделе 3.1. Отмеченное совпадение позволяет предположить, что **в памяти носителей языка сохраняется некая общая схема**, задающая все случаи употребления парентезы *кажется*. Материал нашего исследования свидетельствует в пользу того, что эта же общая схема – знания о дискурсивных сценариях – «работает» в случае употребления глагольного предиката *казаться*. Проведенное исследование дискурсивной вариативности парентезы позволяет предположить, что парентеза, как и глагольный предикат, связана с реконструированной нами концептуальной областью *кажимости*.

Отвечая на вопросы, имеет ли парентеза собственное понятийное значение, какова зависимость значения парентезы от семантики внешнего контекста, коммуникативной и когнитивной деятельности субъекта дискурса, мы приходим к следующему умозаключению: реализация того или иного варианта дискурсивного значения парентезы *кажется* зависит от семантики внешнего контекста, в котором запечатлены интенции субъекта, его когнитивная деятельность. Например, если во внешнем контексте эксплицитно представлено значение 'ретроспективный взгляд субъекта', формируемое прежде всего лексическими средствами (*помнить, вспоминать* и др.), то парентеза становится знаком 'рефлексии над припоминанием забытой информации' – 'если я правильно помню', 'если мне не изменяет память'.

Таким образом, главная отличительная особенность парентеза (по сравнению с глагольным предикатом) состоит в том, что она не имеет собственного понятийного значения: *кажется*

функционально **связана с рефлексией субъекта над когнитивной деятельностью, содержание которой обусловлено различными планами внешнего контекста.**

Пропозициональная структура с глагольным предикатом *кто / что кому кажется каким / чем* выступает непосредственной языковой формой для концептуализации определенных когнитивных актов человека – зрительного восприятия, или интерпретации увиденного, или восстановления в памяти прошлых впечатлений. Высказывание с парентезой не является непосредственной языковой формой для концептуализации названных когнитивных актов человека. Информация о том или ином когнитивном акте выражается семантикой внешнего контекста, а высказывание с парентезой отражает только рефлексивный акт субъекта.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что на уровне поверхностной языковой семантики у парентезы *кажется* произошел процесс семантического «опустошения», переструктурирования семантики исходного глагольного слова *казаться*. Нам предстоит разобраться в следующем: какая часть семантической информации, ассоциируемой с глагольным словом, сохраняется парентезой, а какие смысловые (когнитивные) признаки, говоря когнитивистским языком, дефокусируются.

3.3.2. Семантика и функции парентезы *кажется* в художественных нарративных контекстах

Анализ значимости парентезы *кажется* в разных типах **внешнего контекста**, представленных в дискурсивном материале Национального корпуса русского языка, позволяет различать частные типы контекстов. Далее представим нашу типологию нарративных контекстов парентезы *кажется*.

В первую группу контекстов включаем следующие: 'Я'-контекст 'внутренней речи персонажа', 'Я'-контекст рассуждения, 'Я'-контекст эксплицитной авторской рефлексии над собственной дискурсивной деятельностью.

Во вторую группу объединяем 'Я'-контексты и 'ОН'-контексты на основании представленного в них значения парентезы *кажется*, которое связываем с рефлексивным актом рассказчика / нарратора над припоминанием некоторой информации о персонаже.

В третью группу входят 'Я'-контексты и 'ОН'-контексты, в которых у парентезы *кажется* не возникает значение 'рефлексия над припоминанием'.

В четвертую группу объединяем контексты, в которых парентеза *кажется* выполняет особую нарративную функцию, а именно – выступает маркером несобственной прямой речи – особой лингвистической техники создания свободного косвенного дискурса.

3.3.2.1. Внешний 'Я'-контекст информативно-описательной стратегии 'внутренней речи персонажа'

В нашем материале встретились 'Я'-контексты, которые принято называть 'внутренней речью' или 'внутренними монологом' персонажа. В контексте этого типа стерта грань между дискурсом рассказчика и дискурсом персонажа. Здесь дискурс персонажа и авторское отношение неразрывно сливаются в тексте. В контексте выражается установка описать внутренний мир чувствующего субъекта (персонажа) «изнутри» – во всех подробностях протекания психологических процессов.

Для глагольного предиката *казаться* в 'Я'-контексте 'внутренней речи персонажа' (*казаться*₂₁) мы сформулировали тактико-стратегическую установку автора следующим образом: 'субъект-носитель абсолютных знаний использует внутреннюю точку зрения для реконструкции ментального / психологического состояния действующих лиц, а также мотивов их поведения, которые не могли быть доступны внешнему наблюдению'. Нарративную функцию глагольного предиката *мне кажется* / *мне казалось* мы связали с имплицитной «онлайн» позицией субъекта-носителя знаний (автора) как точки отсчета в системе координат художественного текста. Имплицитная позиция субъекта-носителя знаний моделируется как синхронная событиям художественного мира.

Все сказанное о глагольном предикате можно экстраполировать и на парентезу. Ср.: *Если Анюшина глава сделана иначе – жаль (повелительное наклонение от глагола жалить). Я, кажется, вымотан, и порядком! Слова начинают аукаться во мне и без спроса либо когда засыпаю, либо...* [М. Вишневецкая «Вышел месяц из тумана»]. Рассказчик выступает в качестве субъекта

екта-носителя абсолютных знаний о персонаже. Рассказчик использует внутреннюю точку зрения для реконструкции психологического состояния персонажа. В таком контексте парентеза *кажется*₁₉ маркирует актуальный, длящийся когнитивный процесс, свидетельствующий о том, что рефлексивный акт еще не окончен. Рефлексивный акт можно определить таким метавысказыванием: 'персонаж пребывает в процессе самоосознания, подбирает слова для того, чтобы описать то, что он чувствует'.

Предложенное нами толкование подтверждает следующий контекст, в котором автор эксплицирует значение парентезы *кажется*₁₉, ср.: *И никаких сомнений. Не «кажется, люблю», а люблю. Люблю его, а он до сих пор любит свою покойную жену Тоню [И. Греков «Перелом»]. Люблю (в противовес *кажется, люблю*) говорится, когда процесс размышления, обязательно включающий рефлексивный акт, закончен, субъект пришел к окончательному выводу. В таком случае *кажется, люблю* отражает длящийся, еще не оконченный процесс осмысления того, что чувствует субъект. *Люблю*, напротив, свидетельствует о том, что говорящий сообщает об осознании им результатов своей ментальной деятельности, это осознание приходит в момент речи.*

Мы приходим к заключению, что в рассматриваемых контекстах внутренней речи персонажа дискурсивное значение парентезы *кажется*₁₉ обнаруживает явное сходство со значением глагольного предиката: во-первых, и в контексте с глагольным предикатом, и в контексте с парентезой процессуальность мысли (*кажется, люблю*) противопоставляется статике результирующего ментального состояния (*люблю*); во-вторых, мысль подается в «мягкой» языковой оболочке, отражая некатегоричность когнитивного стиля автора.

К контекстам внутренней речи близок следующий тип контекста.

3.3.2.2. Внешний информативный 'Я'-контекст рассуждения

Рассматривая дискурсивно обусловленные значения глагольного предиката *казаться* (*казаться*₉), мы проанализировали контекст рассуждения, квалифицировали рассуждение как особую тактику, часто связанную с операцией логического вы-

вода. Включаясь в условно-следственное суждение, парентеза *кажется*₂₀ (как и предикат) маркирует логическое следствие. Ср.: *Если долго смотреть, то, **кажется**, видишь, как по нижней кромке нарастает лед* [Б. Екимов «Житейский истории»]. Трансформируем авторский контекст с парентезой в контекст с глагольным предикатом, ср.: *Если долго смотреть, то **кажется**, что видишь, как по нижней кромке нарастает лед*. Характер рефлексии, отражаемой и парентезой, и глагольным предикатом в рассматриваемом контексте, можно определить в таком метавысказывании: 'субъект рефлектирует над своей способностью видеть нечто, различать микроскопические детали'.

Как уже отмечалось выше, глагольный предикат и парентеза существенно различаются грамматически, а также коммуникативной ролью в темо-рематической организации высказывания, которая находит выражение в характере коммуникативно релевантного (рема – предикат) или нерелевантного (атоническая тема – парентеза) акцента. Несмотря на названные, существенные отличия парентезы от глагольного предиката, парентеза обнаруживает функциональное сходство с глагольным предикатом в некоторых типах контекста, в частности в контексте рассуждения. Ср.: *Он был красив, что правда, то правда, но, во-первых, одной красоты, **кажется**, мало, а во-вторых, в его внешности было что-то... не знаю, как сказать... что-то от Есенина с картинки* [В. Белоусова «Второй выстрел»]. Авторский контекст может быть перестроен в контекст с глагольным предикатом, ср.: *Он был красив, что правда, то правда, но, во-первых, **мне кажется**, что одной красоты мало, а во-вторых, в его внешности было что-то... не знаю, как сказать... что-то от Есенина с картинки*.

Чтобы уточнить характер значения парентезы в контекстах рассуждения, обратимся к следующему фрагменту. Ср.: ***Мне показалось, что** я и студент вовсе не спорим о том, что нас интересует, а состязаемся в остроумии перед нею, и я ясно видел, что то же думает и она и что ей это приятно. Мне было обидно и странно, что и теперь она может относиться равно к нам обоим. Потом она встала и вышла на площадку, а мне хотелось пойти за нею, но почему-то я не пошёл. **Кажется**, потому, что все ожидали, что я встану и пойду, и потому, что так и было «нужно». На даче опять думали пить чай, но вместо этого другой студент, весёлый и простой малый, достал водки. Я тогда*

пил мало и не любил пить, но очень обрадовался водке, смеялся, пил, закусывал селёдкой, неприятной на вкус. С женой мне было неловко говорить, и она села далеко [М. П. Арцыбашев «Жена»]. Рассказчик восстанавливает в памяти событие как непосредственно наблюдавшееся им (репродуктивный регистр). Предикат **мне показалось** «реферировать» к ситуации непосредственного наблюдения: рассказчик осмысляет увиденное, его рефлексивный акт направлен на понимание реакции третьих лиц на происходящее – *я и студент вовсе не спорим о том, что нас интересует, а состязаемся в остроумии перед нею, и я ясно видел, что то же думает и она и что ей это приятно*. Нарративная тактика рассуждения строится на антитезе, отражающей рефлексивную субъекта – *я и студент вовсе не спорим... , а состязаемся в остроумии перед нею...* В контексте рассуждения парентеза маркирует рефлексивную реакцию рассказчика над осмыслением мотива своего поведения – *почему-то я не пошел. Кажется, потому, что...* Парентеза – маркер актуальной рефлексии рассказчика: за счет застывшей формы настоящего времени *кажется* ассоциируется с текущим, продолжающимся в настоящем времени процессом осмысления рассказчиком причины своего поступка.

Актуальность мыслительной операции, направленной на понимание мотива собственного поступка, связана с несоответствием прошлого понимания причины события, тем которые появились у субъекта позже, ср.: *Кажется, потому, что все ожидали, что я встану и пойду, и потому, что так и было «нужно».*

В следующем контексте *кажется* также маркирует длящийся процесс рассуждения, не оконченность которого автор объясняет отсутствием необходимой информации. Ср.: *У него была какая-то своя политическая концепция, довольно странная, кажется. Я пишу «кажется», потому что и об этом знаю лишь понаслышке, от третьих лиц, а не от него самого* [В. Белоусова «Второй выстрел»].

В контекстах рассуждения, помимо парентезы *кажется*₂₀ встречается парентеза *казалось* / *казалось бы*. Парентеза *казалось бы* «застыла» в форме сослагательного наклонения (прошедшего времени); отпочковалась от парадигмы финитных форм имперфективного глагола *казаться*. Как и парентеза *кажется*, парентеза *казалось бы* наследуют семантику и нарративные функции глагольного предиката, участвуя в построении рассуждения как особой нарративной тактики.

Рассмотрим фрагмент рассказа М. Пришвина «Старый скворец» из книги «Кладовая солнца». Ср.: *Скворцы вывелись и улетели, и давно уже их место в скворечнике занято воробьями. Но до сих пор на ту же яблоню в хорошее росистое утро прилетает старый скворец и поет.*

*Вот странно! **Казалось бы**, все уже кончено, самка давно вывела птенцов, детеныши выросли и улетели... Для чего же старый скворец прилетает каждое утро на яблоню, где прошла его весна, и поет?* [М. М. Пришвин «Старый скворец»].

Первая ситуация, которая имеет место в художественной действительности – *все уже кончено, самка давно вывела птенцов, детеныши выросли и улетели*, – противоречит другому событию – *старый скворец прилетает каждое утро на яблоню*. Это противоречие индуцирует рассуждение автора, которое он формулирует в виде вопроса: *Для чего же старый скворец прилетает каждое утро на яблоню, где прошла его весна, и поет?*

Парентезу *казалось бы* можно считать стилистически маркированным, высоким средством, отражающим рефлексивный акт нарратора в структуре рассуждения. Частица *бы*, исторически восходящая к глаголу *быть*, подчеркивает условно-гипотетический характер рассуждения, т. е. выражает более абстрактный характер рефлексии нарратора в сравнении с выражаемым парентезой *кажется*.

Дискурсивы (*Вот странно! Казалось бы*) создают эффект квазикоммуникативного взаимодействия автора с читателем: «реферируют» к ситуации общения, в которой автор в той или иной степени учитывает читателя.

3.3.2.3. Внешний 'Я'-контекст эксплицитной авторской рефлексии над собственной дискурсивной деятельностью

В традиционной стилистике прием обращения автора к читателю принято называть «интимизацией». Исследователи художественного текста в методологии коммуникативной грамматики пишут о том, что это не просто прием, а это организация модусного времени читателя – членение этого времени. «Время авторского «Я» и время «Он» изображаемой действительности в художественном тексте развиваются как две параллель-

ные прямые, но автор может совмещать отрезки этих временных осей, превращая речемыслительный акт в особое событие» [Золотова 2004, с. 236]. Тем самым в одновременной последовательности оказываются действия персонажей и речевые действия автора, переводящие внимание читателя на сферу идей и мнений самого автора. Автор, «организуя таким образом время читателя, создает условия для звучания «голоса за кадром» (но речь линейна, и звучание «голоса за кадром» возможно только тогда, когда автор приостановит время действия и воспользуется временем читателя для своих собственных рассуждений). Условие использования «голоса за кадром» – таксисные отношения монотемпоральности при полисубъектности, но на уровне соотношения текстовых блоков, а не в пределах между большой буквой и точкой» [Золотова 2004, с. 237]. Таким образом автор получает эксплицитную «локализованность» в тексте, а читатель знакомится с его точкой зрения на происходящее с персонажами.

В нашем материале встречаются контексты эксплицитной авторской рефлексии, цель которой состоит в привлечении внимания читателя к собственной дискурсивной деятельности. Проанализируем следующий фрагмент текста: *Кажется, у меня опять выходит что-то не то. Сначала меня всё время тянуло забежать вперёд и рассказать всё с самого начала, а теперь я начал говорить сплошными загадками, так что вообще ничего нельзя понять. Необходимо объяснить, о какой «травме» говорила мать, что я и сделаю очень скоро* [В. Белоусова «Второй выстрел»]. В таком контексте парентеза *кажется*₂₁ выполняет функцию метанарративного маркера, эксплицирующего актуальную рефлексию автора по поводу успешности / неуспешности реализации собственного замысла. Парентеза маркирует оценку – *у меня опять выходит что-то не то*. Высказанная оценка мотивируется противоречием между первичным стремлением – *забежать вперёд и рассказать всё с самого начала* – и последующим – *теперь я начал говорить сплошными загадками, так что вообще ничего нельзя понять*.

Особенность рассматриваемой стратегии состоит в эффекте квазикоммуникативного взаимодействия автора с читателем: автор учитывает читателя (*Необходимо объяснить*), рефлектирует над своими неудачами (*Кажется, у меня опять выходит что-то не то*), доверительно делится с читателем планами,

касающимися сюжетной линии, раскрывает свои намерения. Автор «ожидает» доброжелательной реакции адресата: читатель поймет автора (необходимо только объяснить), это выражается в автореференции к своим речевым действиям – *меня всё время тянуло забежать вперёд и рассказать всё с самого начала, а теперь я начал говорить сплошными загадками*. Речевые действия преобразуются при этом не только в предмет внимания, но и в прагматические поступки, устанавливающие межсубъектные отношения и делающие возможным референцию к ним, ср.: *Необходимо объяснить, о какой «травме» говорила мать, что я и сделаю очень скоро*.

Далее рассмотрим контексты, в которых представлена нарративная стратегия, имитирующая живой разговорный курс. Нарративная стратегия этого типа может быть описана в терминах спорадической импровизации – с ее непоследовательностью, нелогичностью, самоперебивами, разрывами в повествовании. Ср. контекст, который строится с нарушением принципа последовательного нанизывания новой информации на старую: – *А что если я временно оставляю тебе кота? Про кота я, **кажется**, забыл сказать. Кот был огромный, абсолютно чёрный и умный, как дьявол* [В. Белоусова «Второй выстрел»]. Стиль, формируемый такой нарративной стратегией, близок к стилю дружеской беседы автора с читателем. Рассказчик не просто описывает кота, он обращается к читателю, привлекает его внимание к своему рефлексивному акту: ‘не помню точно, рассказывал ли я про кота раньше’. Ср.: *Нужно ли крестить детей – всегда было спорным вопросом в нашей семье. Мой брат, кстати, не собирается крестить своего сына. Я, **кажется**, забыл сказать: у меня месяц назад появился племянник* [В. Белоусова «Второй выстрел»].

Далее проанализируем художественные контексты, которые мы отнесли ко **второй** группе.

3.3.2.4. Семантика и нарративные функции парентезы *кажется* в ‘Я’- и ‘ОН’-контекстах информативно-повествовательной стратегии биографического типа

Рассмотрим контексты художественной нарративной стратегии биографического типа, в субъектной структуре которых

обнаруживается позиция нарратора, ведущего повествование от третьего лица (так называемый недиегетический нарратор).

Е. В. Падучева заключает, «изменение функций языковых элементов в нарративе по сравнению с разговорным дискурсом мотивировано, и только выявив эту мотивированность, можно прийти до общего значения языковой единицы, абстрагированного от различий, которые порождены сферой употребления» [Падучева 1996, с. 199]. «Язык нарратива состоит, в основном из тех же слов и тех же синтаксических построений, что и разговорный язык. Но только в основном: какие-то элементы разговорного языка все-таки оказываются в нарративе (или по крайней мере в определенной его форме) недопустимыми, а другие – и их очень много – меняют интерпретацию» [там же, с. 199].

Результаты нашего анализа позволяют установить смысловую корреляцию между дискурсивным значением парентезы *кажется* и дискурсивной логикой субъекта дискурса – его когнитивной и коммуникативной (художественной нарративной) стратегией.

Так, дискурсивная логика обычного говорящего предопределяется различными обстоятельствами, в частности, субъект может не обладать абсолютным знанием о событии по ряду причин: например, говорящий может забыть некоторые подробности той ситуации, свидетелем которой он был. В таком случае рефлексивный акт будет направлен на восстановление в памяти всех деталей произошедшего. Характер рефлексии («если мне не изменяет память») говорящего фиксируется ментальной рамкой *мне казалось*, парентезой *кажется*.

Как мы показали ранее, в контекстах **личного** автобиографического нарратива разных жанров – мемуарах, заметках, личном дневнике, бытовом письме – употребление парентезы также предопределено дискурсивной логикой субъекта и особенностями когнитивного стиля: пишущий осознает, что человеческая память избирательна, не всегда точно запечатлевает произошедшее или узнанное ранее. Характер рефлексии обусловливает интенциональную позицию субъекта: он не претендует на абсолютную истинность суждений и исчерпывающую информативность высказываемого. Это формирует особый образ автора высказывания, коммуникативная гибкость которого связана с диалогической, неавторитарной манерой сообщения.

В художественном же повествовании отражена **иная дискурсивная логика**: автор моделируется как субъект-носитель абсолютного знания о персонажах и событиях художественного мира. Автор не может забыть ту или иную информацию о персонаже, когнитивная и дискурсивная деятельность автора отличается от когнитивной деятельности как говорящего, так и субъекта личного автобиографического повествования.

«В коммуникативной ситуации нарратива аналогом говорящего является не сам автор, а, как иногда говорят, образ автора, а точнее сказать – повествователь: именно повествователь является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель» [Падучева 1996, с. 201–202].

Мы исходим из того, что для художественного повествования характерна двойная коммуникативная система, состоящая из авторской и нарраторской коммуникации, причем нарраторская коммуникация входит в авторскую как составная часть изображаемого мира. Абстрактный автор не идентичен с нарратором, но представляет собой принцип «вымышления» нарратора и всего изображаемого мира. «Традиционный нарратив – это повествовательная форма, при которой залогом композиционной целостности служит сознание повествователя» [там же, с. 206]. С одной стороны, нарратор (он же повествователь) становится центром той системы пространственно-временных координат, которая необходима для создания целостности художественного мира. С другой – целостность структуры и композиции художественного мира произведения обеспечивается единством стоящего за ним сознания.

Далее покажем, что парентеза *кажется* принадлежит к средствам создания образа рассказчика / нарратора. Эксплицитный рассказчик свое присутствие в художественном мире выражает не только парентезой, но и эксплицитной ментальной рамкой *мне кажется / мне казалось*, **имплицитный же нарратор** использует только парентезу *кажется* в функции, которую уточним далее. Поскольку нас интересует роль парентезы *кажется* в создании образа имплицитного рассказчика / нарратора, а также функция парентезы в организации нарративной стратегии, проведем детальный анализ различных типов внешнего контекста.

3.3.2.5. Внешний 'Я'-контекст воспоминания информативно-описательной стратегии

Проанализировав диалогические контексты обыденного дискурса с парентезой *кажется*, мы сформулировали четыре дискурсивных сценария, для того чтобы ответить на вопрос, в каких диалогических ситуациях говорящий употребляет парентезу. Сценарий под номером два включает следующее: находясь в коммуникативной позиции того, кто отвечает на вопрос, вспоминая запрашиваемую собеседником информацию, говорящий рефлектирует по поводу способности / неспособности вспомнить нечто – 'если я правильно помню'; 'если мне не изменяет память'. Это дискурсивно-интерактивное значение парентезы *кажется*₂ мы назвали 'рефлексией над припоминанием запрашиваемой информации'.

Материал нашего исследования позволил сравнить дискурсивно-интерактивное значение *кажется*₂ (в диалоге) со значениями *кажется*₈; *кажется*₁₁; *кажется*₁₂ (в разных жанрах нарратива) и установить корреляцию между дискурсивным значением парентезы, с одной стороны, и интенциями субъекта, содержанием его дискурсивной деятельности, запечатленными в семантике контекста (диалогический vs. нарративный), с другой.

Продолжим сопоставление дискурсивных значений парентезы *кажется*. Несмотря на то что художественный нарратив как когнитивно-коммуникативное событие представляет собой квазикоммуникацию, несмотря на то что в силу временной и пространственной разобщенности субъектов коммуникации их специфическое общение протекает в режиме автодиалога, тем не менее, в художественном контексте нарративной стратегии **автобиографического** типа парентезе *кажется*₂₂ можно приписать то же значение, что и в реальном диалоге – 'если я правильно помню', 'если мне не изменяет память'. Ср.: *Мы разговаривали с тобой, смеялись, **кажется**, обнимались, **кажется**, даже целовались, но не это главное и не в этом дело* [С. Осипов «Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой»]. Проведем эксперимент: элиминируем парентезу из контекста, сравним контекст с парентезой и без нее, ср.: *Мы разговаривали с тобой, смеялись, обнимались, даже целовались, но не это главное и не в этом дело*. Трансформированный нами контекст утрачивает **маркеры мемуарного стиля**.

Рассмотрим еще один контекст художественной нарративной стратегии, которая близка к личной, автобиографической стратегии. Ср.: *Дальше была снова музыка и танцы; и в этот, **кажется**, вечер, именно в этот, состоялся тот самый большой, даже грандиозный бал, от которого у меня в памяти сохранился образ множества движущихся людей и необыкновенно яркого света, похожего на свет пожара или тысячи смоляных бочек* [Л. Н. Андреев «Он»]. Здесь также содержится эксплицитное описание зрительных образов, которые всплывают в памяти рассказчика (*у меня в памяти сохранился образ множества движущихся людей и необыкновенно яркого света, похожего на свет пожара или тысячи смоляных бочек*), и рефлексивных актов рассказчика, связанных с припоминанием прошлых событий (*и в этот, кажется, вечер, именно в этот...*).

Размышляя над тем, как мыслит субъект художественного дискурса и как в этом случае «работает» язык, мы приходим к следующему выводу: парентеза *кажется* «реферировать» к дискурсивному сценарию под номером два – отражает когнитивный процесс припоминания некоторой информации о прошлом событии или ряде событий, в которых рассказчик принимал непосредственное участие или был наблюдателем. Дискурсивное значение парентезы *кажется* ассоциативно связано с когнитивным процессом восстановления в памяти прошлого события, этот процесс, в свою очередь, можно считать когнитивной основой нарративной стратегии **ретроспективного описания** с авто-/биографическими элементами.

Реализуя задачи исследования, сопоставим семантику парентезы и глагольного предиката *казаться*. Как показал наш анализ художественного материала (Л. Н. Толстой «Метель»), для глагольного предиката *казаться* типовым контекстом является 'Я'-контекст информативно-описательной стратегии 'рассказ-воспоминание участника события'. Грамматическая форма прошедшего времени предиката *мне казалось*₂₂ маркирует когнитивный акт восстановления в памяти прошлых впечатлений, прежних ощущений субъекта. Контекст описывает зрительные впечатления – *небо казалось **чрезвычайно низким и черным***; другие виды ощущений субъекта – *казалось **тепло и тихо***.

Пропозициональная структура с глагольным предикатом *казаться*₂₂ отражает репродукцию того, что видел, слышал,

чувствовал субъект-рассказчик в описываемый им момент. В отличие от глагола, парентеза лишена синтаксических пространителей, не формирует пропозициональную структуру, и поэтому **не предназначена для репродукции** тех или иных **впечатлений** субъекта. Когнитивная семантика парентезы связана с рефлексивным актом субъекта над той когнитивной деятельностью, которая репрезентирована во внешнем контексте. В данном случае речь идет о рефлексивном акте над процессом припоминания важной для рассказчика информации. Сопоставление значений позволяет говорить о том, что диахронический процесс образования парентезы *кажется* от глагольного слова *казаться* сопряжен с **«опустошением» лексического значения исходного слова, с созданием более абстрактного значения.**

Далее обратимся к нарративным контекстам, в которых повествование ведется от 3-го лица.

3.3.2.6. Внешний 'ОН'-контекст информативно-повествовательной стратегии биографического типа

Рассмотрим контексты, в которых нарратор запечатлен как субъект, в целом владеющий всей информацией о персонаже и событиях его жизни (а не субъект-наблюдатель), но как будто бы забывший некоторые подробности, ср.: *Поступивши в Красную Армию еще в 1918 году, он многократно успел доказать свою преданность общему делу, был, **кажется**, ранен, командиров всех знал лично, понимал их верно, ладил с ними по-товарищески, и они его любили и уважали – «свой» был, словом, человек [Д. А. Фурманов «Чапаев»].* В контексте представлен фрагмент биографии персонажа. Автор «вкладывает в уста» нарратора парентезу, которая ассоциативно связана с актуальной рефлексивной деятельностью – «если мне не изменяет память»; «если я правильно помню». С когнитивной точки зрения, парентеза *кажется*₂₃ маркирует **имитацию** рефлексивного акта: нарратор как будто бы припоминает некоторую забытую информацию (*был, **кажется**, ранен*). За счет этого парентеза *кажется* привносит в мемуарный контекст образ рефлектирующего над своей когнитивной деятельностью нарратора.

Мы можем сделать вывод: парентетическая позиция – это особая синтаксическая и коммуникативная позиция в предло-

жении, дающая автору дополнительную возможность **выразить ментальный акт нарратора**. В рассматриваемом контексте парентезы *кажется, словом* выступают также маркерами когнитивного стиля нарратора – неавторитарного, некатегоричного размышления, включающего рефлексия (*кажется, ранен*) и собственные выводы («*свой*» *был, словом, человек*). Ср. также следующий контекст: *Тотчас силы удвоились: испитой врангелевец, некогда ротмистр ея императорского величества гусарского полка, Варшавского, **кажется**, и в доску нашенский квадратный полковник-танкист* [Ю. Давыдов «Синие тюльпаны»].

В следующих информативных контекстах с парентезой нарратор также моделируется как субъект, который, сообщая нечто о прошлых событиях, как будто бы «запамятовал» фамилию одного из персонажей своего рассказа, ср.: *Анна Францевна де Фужере, пятидесятилетняя почтенная и очень деловая дама, три комнаты из пяти сдавала жильцам: одному, фамилия которого была, **кажется**, Беломут, и другому – с утраченной фамилией* [М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»]; ср. похожий контекст: *Кто-то из лётчиков, **кажется**, Молчанов, ответил, что есть плохие люди среди всех наций* [В. Гроссман «Жизнь и судьба»]; далее речь идет о номере смеси, который «восстанавливает в своей памяти» нарратор, ср.: *Тайное знание: покупать следовало смесь под определенным номером, **кажется**, 36, поскольку она содержала не только грузинский чайный лист, но и известную долю индийского* [Б. Кенжеев «Из Книги счастья»].

Парентеза *кажется*, привнося в контекст значение 'рефлексии нарратора над припоминанием некоторой информации о персонаже', вместе с другими языковыми средствами (лексическими и грамматическими) формирует нарративную стратегию, отражающую 'ретроспективный взгляд нарратора'. Описанную нарративную функцию можно считать типовой функцией парентезы *кажется*. Ср.: *Степа съехал, она рыдала, мама тайком ходила в больницу, Саша кричала, что выследит ее все равно, тая и разглаживая под подушкой украденный у Степы в последнюю ночь белый носовой платок, Авангарда, **кажется**, облучали, потому что он умер – Катерина успела перевезти его к – матери в Краснодар, – **кажется**, в ту же самую осень* [М. Вишневецкая «Вышел месяц из тумана»].

3.3.2.7. Внешний контекст репродуктивно-повествовательной стратегии, строящейся на смене коммуникативного регистра от репродуктивного на информативный

Если контекст отражает ретроспективный взгляд нарратора на события художественного мира и строится из фрагментов разных регистровых блоков: внешнего репродуктивного и внешнего информативного – то нарративная функция парентезы *кажется*²⁴ усложняется, ср.: *Плясали свои и приглашённые гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта, какой-то Витя Куфтик из Ростова, **кажется**, режиссёр, с лиловым лишаём во всю щёку, плясали виднейшие представители поэтического подразделения МАССОЛИТа, то есть Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Буздяк, плясали неизвестной профессии молодые люди в стрижке боксом, с подбитыми ватой плечами, плясал какой-то очень пожилой с бородой, в которой застряло пёрышко зелёного лука, плясала с ним пожилая, доедаемая малокровием девушка в оранжевом шёлковом измятом платице* [М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»]. Контекст в целом описывает внешние, наблюдаемые извне действия персонажей, отнесенные в план прошлого, – *Плясали свои и приглашённые гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта*; внешние, наблюдаемые извне приметы персонажей – *с лиловым лишаём во всю щёку; молодые люди в стрижке боксом, с подбитыми ватой плечами; очень пожилой с бородой, в которой застряло пёрышко зелёного лука; доедаемая малокровием девушка в оранжевом шёлковом измятом платице*. Репродуктивно-описательная нарративная стратегия отражает точку зрения нарратора-наблюдателя. Сообщение же, формируемое парентезой (*какой-то Витя Куфтик из Ростова, **кажется**, режиссёр*), отражает информативный регистр, парентеза маркирует когнитивный акт нарратора, который как будто бы припоминает профессию «наблюдаемого» персонажа.

Фрагменты разных регистров выполняют определенные функции в построении художественного текста: предложения репродуктивного регистра служат констатации происходящего (наблюдаемого) в художественном мире, а предложения информативного регистра выражают мысли, реакции нарратора

на наблюдаемое событие в целом либо его участников. Сочетание фрагментов разных регистров создает движение мысли в тексте – от описания увиденного к его объяснению, осмыслению. Нарративная функция парентезы *кажется* усложняется во внешнем репродуктивном контексте косвенной речи: сам контекст имплицитно позиционирует нарратора-наблюдателя, а парентеза дополнительно указывает на нарратора, маркируя его когнитивный акт, который мы определили как ‘припоминание некоторой информации о персонаже’. В таком контексте нарратор моделируется и как субъект-наблюдатель, и как субъект когнитивной деятельности.

Таким образом, в контекстах информативно-повествовательной стратегии авто- / биографического типа парентеза отражает рефлексию субъекта над припоминанием важной информации; а в контекстах репродуктивно-повествовательной стратегии ассоциируется с собственно припоминанием как будто бы забытой нарратором информации.

В контексте задач проводимого исследования важно объяснить, почему в некоторых контекстах ‘ретроспективного повествования’ у парентезы не возникает значения – ‘если мне не изменяет память’; ‘если я правильно помню’. Далее попытаемся ответить на этот вопрос.

Проанализируем значение парентезы *кажется*, входящей в состав парентетической конструкции. Ср.: *Яшка – ему было лет пятнадцать – со свойственным этому возрасту азартом убежал на фронт и там погиб (мamu попрекали этим бегством), а Женю отец после полугода мытарств отдал в детдом, рассудив (и, **кажется**, справедливо), что, хотя его престиж у родни падет, там ей будет лучше* [В. Соловьев «Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами»]. Рассмотрим роль комментария нарратора, представленного в парентетической конструкции (*и, **кажется**, справедливо*). Этот комментарий, будучи приложенным к основной повествовательной линии, создает стереоскопический эффект: в контексте звучат два голоса нарратора. Именно парентетическая конструкция вербализует второй голос нарратора, а *кажется* маркирует рефлексивный акт нарратора над оценкой сказанного – *и справедливо*. В таком контексте два голоса нарратора: первый ведет основное повествование о прошлых событиях персонажей (*Женю отец после полугода*

мытарств отдал в детдом, рассудив, что, хотя его престиж у родни падет, там ей будет лучше); второй голос оценивает поступок персонажа (*отца Жени*) и его мотивацию с позиции более позднего знания об их судьбе, как бы из настоящего времени. Оценка обычно возникает при известной дистанцированности от эмпирически наблюдаемого, при взгляде «назад», в ретроспективу.

Парентеза *кажется* создает образ нарратора как человека, рефлектирующего над своей оценкой – ‘знаю, что могу ошибаться’, взвешивающего все «за» и «против», рассуждающего над неоднозначностью поступка персонажа. *Кажется* выражает установку нарратора на поиск адекватного мнения / оценки. Субъектная структура рассматриваемого контекста содержит три позиции – субъекта-носителя знаний о прошлых событиях, субъекта речи, субъекта актуального рефлексивного акта, представленного в парентезе.

Сравнивая глагольный предикат и парентезу, мы приходим к следующему: глагольный предикат *казаться* обнаруживает явные различия в ‘Я’-контексте (*мне кажется*) vs. ‘ОН’-контексте (*ему кажется*); в отличие от глагольного предиката, парентеза не обнаруживает существенных различий в контекстах разного коммуникативного типа (‘Я’-контекст vs. ‘ОН’-контекст). В ‘Я’-контексте и ‘ОН’-контексте нарративной стратегии биографического типа у парентезы возникают близкие значения, а именно: в контекстах информативно-повествовательной стратегии авто- / биографического типа парентеза отражает рефлексию субъекта над припоминанием важной информации; а в контекстах репродуктивно-повествовательной стратегии ассоциируется с собственно припоминанием как будто бы забытой нарратором информации. В целом, наши наблюдения позволяют говорить о том, что значение парентезы, как и контекстное значение глагольного предиката, обуславливается типом нарративной стратегии, характером коммуникативного регистра, семантикой внешнего контекста.

Далее перейдем к анализу **третьей** группы контекстов, в которых у парентезы не возникает ни значение ‘припоминания’, ни значение ‘рефлексии над процессом припоминания’.

3.3.2.8. Семантика и функции парентезы *кажется* во внешних 'Я'-/ 'ОН'-контекстах репродуктивно-описательной нарративной стратегии

Начнем с анализа семантики 'Я'-/ 'ОН'-контекстов репродуктивно-описательной нарративной стратегии 'рассказ о прошлом участника события'. Определим дискурсивно обусловленное значение парентезы *кажется*₂₅ в них.

В 'Я'-контекстах этого типа рассказчик является главным действующим лицом описываемых прошлых событий. Репродуктивный характер контекста задается лексически, семантикой слов – *я сам вошел... и увидел...* Ср.: *Тогда я сам вошел к нему в пещеру и, освоившись с темнотой, увидел человека во цвете лет и, **кажется**, сил, но лежавшего недвижимо, словно расслабленного болезнью* [В. М. Дорошевич «Сказки и легенды»]. В контексте сообщается о наблюдаемой рассказчиком ситуации. В репродуктивном контексте ассоциативная связь парентезы с глагольным предикатом проявляется особенно сильно – 'субъект воспринимает нечто, пытается осмыслить увиденное'. Далее в контексте содержится противопоставление (*увидел человека во цвете лет и, **кажется**, сил, **но** лежавшего недвижимо, словно расслабленного болезнью*), которое эксплицирует процесс осознания субъектом первого впечатления – рефлексию над первоначально увиденным (*во цвете лет и сил*).

Когнитивно-дискурсивный анализ семантики контекстов с глагольным предикатом *казаться*₂₀ позволил сделать вывод о том, что в разных контекстах когнитивный признак 'первое впечатление оценивается рассказчиком как ошибочное / обманчивое / искаженное' то эксплицируется, помещается в фокус, то остается имплицитным, дефокусированным.

В отличие от глагольного предиката *казаться*, во внешних репродуктивных контекстах с парентезой *кажется* рассматриваемый когнитивный признак – 'первое впечатление оценивается рассказчиком как ошибочное / обманчивое / искаженное' – никогда не помещается в фокус, всегда остается дефокусированным. Ср.: *А мы с восторгом глядим на его обсосанную фигурку и радуемся сердцем: **кажется**, это и есть нужный нам человек!...**Кажется**, он миляга!* [И. Е. Вольнов (И. Е. Владимиров) «Повесть о днях моей жизни»].

Мы можем определить значение и функцию парентезы *кажется* в контекстах репродуктивно-описательной стратегии так: парентеза создает в предложении специальную позицию субъекта-наблюдателя, семантика парентезы отражает как будто бы актуальное наблюдение рассказчиком описываемой «денотативной» ситуации. Ср.: *Луна где-то за домом, и, **кажется**, ночь, **но** звезда утренняя перед домом горит полно в рождении утра* [М. М. Пришвин «Дневник»]. Рассматриваемый контекст не имплицитно означает смысл ‘субъект-наблюдатель ошибается’. Парентеза выполняет функцию метанарративного маркера, задающего перспективу дискурса: первое впечатление нужно дополнить вторым, возникающим синхронно с первым – *звезда утренняя перед домом горит полно в рождении утра*. Второе впечатление не только дополняет первое, но и противопоставляется ему (**но звезда**). Возникающее в рассматриваемом контексте противопоставление двух впечатлений напоминает нарративную стратегию ‘задержки’ фокуса внимания, которая была описана в разделе о функционировании глагольного предиката (*казаться*₂₀). Если нарративную стратегию ‘задержки’ фокуса внимания мы сравнили с наплывом камеры на объект в кино, то обсуждаемую нарративную стратегию можно уподобить совмещению двух кадров – утренняя звезда вроде бы появляется на небе после луны, но на самом деле *и луна, и утренняя звезда* могут быть одновременно видны наблюдателю.

Значение парентезы ‘знаю, что могу ошибаться’ выступает когнитивной основой рефлексивного акта, поэтому *кажется* становится одним из средств изображения особого состояния сознания, когда субъект путается в своих ощущениях, ср. например: *Нужно уснуть. **Кажется**, утро, **а может быть**, вечер. Не нужно помнить все дни...* [Вс. В. Иванов «Бронепоезд № 14.69»]. Рассматриваемое дискурсивное значение парентезы напоминает контекстное значение глагольного предиката *казаться*₂₄ в экзистенциальном типе контекста.

Проанализировав семантику глагольных предикатов *казаться*₂₄, *показаться*₂₄ в контекстах, которые изображают некоторые онтологические процессы ‘жизни сознания’, в частности, неспособность субъекта-экспериментатора в отдельные моменты поддерживать перцептивную связь с реальным миром, мы предложили толкование: ‘восстанавливая в памяти свои первые впечатления

чатления / мысли, рефлектируя над ними, субъект осознает, что был не способен адекватно воспринимать окружающее, анализировать происходящее'. Говоря когнитивистским языком, признак 'первое впечатление было ошибочным / обманчивым / искаженным' выдвигается на первый когнитивный план.

В отличие от глагольного предиката, в семантике контекста с парентезой когнитивный признак 'первое впечатление было ошибочным / обманчивым / искаженным' всегда остается в дефокусированном виде, сопровождая в этом статусе все репродуктивные ('рефлексия над увиденным') употребления парентезы *кажется*. Эта особенность когнитивной семантики парентезы составляет главное отличие от семантики глагольного предиката *казаться*.

3.3.2.9. Внешний 'Я'-контекст репродуктивно-повествовательной стратегии, строящейся на смене коммуникативного регистра с репродуктивного на информативный

Чтобы определить вклад парентезы *кажется* в организацию той или иной нарративной стратегии, необходимо осмыслить лингвистическую специфику построения контекстов разного типа.

Проанализируем следующий контекст. Ср.: *Я покидаю свою очередь, приближаюсь к нему, здороваюсь и спрашиваю: – Скажите, пожалуйста, Вы любите горчицу? Тот, **кажется**, решил, что ослышался. Я повторил [А. Избицер «...но с благодарностью: были»].* Этот контекст интересен тем, что в нем рассказчик воспроизводит как бы в конкретной длительности свои действия и разговор с персонажем, произошедший в прошлом (репродуктивный регистр). Формы настоящего времени имперфективных предикатов – *покидаю, приближаюсь, здороваюсь и спрашиваю* – изображают действия в их наблюдаемой протяженности, отражая точку зрения субъекта-наблюдателя. В контексте возникает зрительный эффект – действия, сменяя друг друга, происходят как бы на глазах у читателя. Читатель становится «наблюдателем» описываемой ситуации и разговора. Нарративная стратегия строится следующим образом: сначала читатель «наблюдает» за перемещением рассказчика; затем «слышит» обры-

вок разговора; далее следует интерпретация поведения третьего лица (персонажа – *тот*). Рассказчик строит свою интерпретацию мотивов поведения и мыслей персонажа (*Тот, кажется, решил*), опираясь на полученные впечатления. Нарративную функцию парентезы *кажется*₂₆ мы связываем с «переключением» коммуникативного регистра с репродуктивного на информативный: так переводится внимание читателя со зрительных образов в сферу идей рассказчика, внимание читателя привлекается к рефлексивному акту рассказчика.

Рассматриваемое значение парентезы *кажется*₂₆ в целом соотносится с дискурсивно-интерактивным значением *кажется*₅ в контекстах обыденного рассказа. Дискурсивно-интерактивное значение *кажется*₅ мы определили следующим образом: парентеза выступает маркером колебаний говорящего (субъекта обыденного дискурса) между стремлением вынести истинное суждение и осознанием принципиальной невозможности истинного суждения о содержании чужих мыслей (ср.: *Я его, кажется, обидел*). Парентеза сигнализирует о том, что интерпретация говорящего базируется на результатах непосредственного наблюдения, нацелена на понимание состояния третьего лица, объяснение реакций последнего, при этом говорящий допускает, что может ошибаться в своей интерпретации.

Несмотря на то что парентеза *кажется*₂₆ «реферировать» к дискурсивному сценарию обыденного рассказа и значению *кажется*₅, в особых условиях художественной квазикоммуникации, в контекстах репродуктивно-повествовательной стратегии, парентеза *кажется*₂₆ выполняет иную нарративную функцию. Как уже отмечалось, нарратор использует те же языковые средства, что и обычный говорящий, но слова «меняют интерпретацию» (Е. В. Падучевой). Б. А. Успенский, например, называет парентезы «словами остранения» и определяет функцию парентезы *должно быть* как «ограничение авторского знания о персонаже» [Успенский 1995, с. 114].

Возникающие в художественных контекстах семантические модификации парентезы *кажется* мы связываем с глобальными интенциями субъекта художественного дискурса (автора), его дискурсивной логикой, когнитивной и нарративной стратегиями. В особых условиях художественной квазикоммуникации, в контекстах репродуктивно-повествовательной стратегии,

автор изображает рассказчика следующим образом: рассказчик строит свою интерпретацию мотивов поведения третьего лица (персонажа), опираясь на зрительные впечатления. Парентеза *кажется*₂₆ маркирует рефлексия рассказчика, связанную с поиском адекватной интерпретации и объяснения того, что он «видит». Ср. также следующий контекст: *Он поворачивается ко мне щекой, действительно очень чисто выбритой и, **кажется**, ожидает, что я его если не поцелую, то хоть поглажу, и стоило бы погладить, но я зачем-то сдерживаю жест* [К. Метелица, В. Гнеушев «Красиво умереть не запретишь»]. Обращает на себя внимание композиция фрагмента: внешний репродуктивный контекст (*Он поворачивается ко мне щекой, действительно очень чисто выбритой*) предшествует контексту парентезы (*и, **кажется**, ожидает, что я его если не поцелую, то хоть поглажу*) – так нарративная стратегия изображает рассказчика, строящего свою интерпретацию на базе впечатлений, полученных эмпирическим путем. Как уже не раз отмечалось, в таком ‘Я’-контексте рассказчик выступает одновременно в трех ролях: субъекта-наблюдателя, субъекта рефлексии над своим впечатлением, субъекта речи.

Проанализируем, из каких регистровых блоков строится следующий контекст, ср.: *Мамочка чуть-чуть улыбается и ласково целует меня; она, **кажется**, догадывается, она ведь всегда все видит, чувствует и понимает, моя мамуся* [В. С. Новицкая «Безмятежные годы»]. Фрагмент – *Мамочка чуть-чуть улыбается и ласково целует меня* – строится по правилу репродуктивного регистра, в соответствии с которым рассказчик-наблюдатель моделируется как занимающий ту же пространственно-временную позицию, что и описываемое лицо. Фрагмент – *она, **кажется**, догадывается* – отражает информативный регистр: парентеза маркирует рефлексия рассказчика, связанную с поиском адекватной интерпретации и объяснения того, что видит субъект. Фрагмент – *она **ведь всегда все** видит, чувствует и понимает, моя мамуся* – отражает генеритивный регистр, обобщение, абстрагирование от наблюдения (первой ситуации). Нарративная стратегия рассказчика строится как последовательность следующих действий: сначала воссоздается «наблюдаемая» в пространстве памяти ситуацию, затем – ее интерпретационная модель, в которой парентеза маркирует

рефлексивный акт субъекта (рассказчика); затем, как бы поднимаясь над «наблюдаемой» ситуацией, абстрагируясь от нее, субъект обобщает свой жизненный опыт для объяснения наблюдаемого и подтверждения уже высказанной, отрефлексированной мысли – она, **кажется**, догадывается. Создаваемые в тексте регистровые блоки – репродуктивный, информативный и генеритивный – служат движению сюжета во времени, представляют события как наблюдаемые, осмысляемые, обобщаемые, что обнаруживает движение авторской мысли от прямого наблюдения к объяснению, от следствия к причине.

В контекстах рассмотренной нарративной стратегии парентеза *кажется* выполняет **функцию переключателя коммуникативного регистра** с репродуктивного на информативный. В тексте запечатлевается разворачивающееся движение мысли автора. Этот процесс моделируется как состоящий из трех фаз: первая – стадия непосредственного наблюдения, вторая – рефлексии над впечатлением (парентеза *кажется*) и формулирования интерпретации, третья – стадия обобщения имеющегося опыта, подведения высказанной мысли под общий знаменатель с ранее имевшимися у субъекта. Контекст строится из трех регистровых блоков – репродуктивного, информативного и генеритивного.

3.3.2.10. Внешний 'ОН'-контекст репродуктивно-повествовательной стратегии, строящейся на смене коммуникативного регистра с информативного на репродуктивный

Рассмотрим контексты, в которых парентеза маркирует когнитивный акт интерпретации «видимого» и «слышимого» нарратором (без значения 'нарратор припоминает забытую информацию о персонаже'). Большинство контекстов этого типа строится из блоков разных коммуникативных регистров – репродуктивного и информативного. Так, например, в следующем контексте нарратор моделируется как находящийся в том же локусе, что и его персонажи, нарратор как будто бы видит все, что происходит, и слышит все, о чем говорят персонажи. К средствам, обнаруживающим локус нарратора, относится парентеза *кажется*, а также глаголы, выражающие прямое восприятие

субъектом-наблюдателем описываемых действий персонажа – *Мудряк... подмигивал и прищелкивал пальцами...* Ср.: *Мудряк, **кажется**, понимал, что мелет чушь, и потому подмигивал и прищелкивал пальцами; обращался к Милию Алексеевичу на «ты», но это было не внове Милию Алексеевичу: люди, вовсе с ним незнакомые, чаще всего говорили ему «ты», и он не одергивал, а только как бы немножко конфузился за них «тыкающих»* [Ю. Давыдов «Синие тюльпаны»]. В контексте происходит переключение коммуникативных регистров – с информативного (*Мудряк, **кажется**, понимал, что мелет чушь*) на репродуктивный (*подмигивал и прищелкивал пальцами; обращался к Милию Алексеевичу на «ты»*), что позволяет передать движение мысли в тексте – от внутренней мотивации поступка персонажа к описанию его поведения; от причины к следствию. Парентеза *кажется*²⁷ принадлежит дискурсу нарратора, маркирует его когнитивный акт, направленный на объяснение причины увиденного: почему персонаж ведет себя таким образом.

Нарративная функция парентезы усложняется за счет установки автора показать мысли персонажа, внутреннюю мотивацию его поступков, формирующих события художественного мира. Обратимся к следующему контексту. Ср.: *Кригсман, который не очень уважал вино, всё-таки вынужден был выпить и, **кажется**, больше, чем следовало, – не мог отказаться, когда его наперебой угощали солдаты* [В. Быков «Главный кригсман»]. Контекст строится из блоков разных регистров: первый блок – *Кригсман, который не очень уважал вино* – отражает знания нарратора (информативный регистр); второй блок – *всё-таки вынужден был выпить и, **кажется**, больше, чем следовало* – помимо констатации произошедшего события, содержит репродуктивное отражение ситуации: нарратор «видел» персонажа в состоянии сильного опьянения. Парентеза *кажется* маркирует рефлексивный акт нарратора над пониманием и объяснением причины увиденного. Блок – *не мог отказаться, когда его наперебой угощали солдаты* – содержит объяснение поведения персонажа, которое делается нарратором с опорой на более широкие знания о характере персонажа.

Если нарративная стратегия автора строится из блоков разных коммуникативных регистров, то парентеза выполняет нарративную функцию переключателя регистра с репродук-

тивного на информативный. Ср. репродуктивный и информативный регистровые блоки в структуре следующих контекстов: *Он улыбался Тане, он смотрел на неё всё тем же замедленным взглядом, и Таня уже тогда, **кажется**, догадалась, что в эту минуту совершается её судьба* [Л. Улицкая «Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света]»]; *Увидела свекровь, на мгновение, **кажется**, испугалась, но тут же приняла надменно-суровый вид* [Р. Сенчин «Елтышевы»].

В контексте репродуктивного регистра парентеза *кажется* отражает дискурсивную логику автора, реализующуюся в установке объяснить читателю «видимое» и «слышимое» нарратором. Нарративная функция парентезы усложняется за счет импликаций – ‘нарратор наблюдает за описываемым событием’, ‘владеет полной информацией о персонажах, хочет объяснить читателю внутреннюю мотивацию поступков персонажей, раскрыть содержание их мыслей’.

Парентезу *кажется*₂₇ можно считать языковым средством, отражающим «игру» с разными точками зрения – «изнутри» сознания персонажа и «снаружи», с позиции наблюдателя.

3.3.2.11. Семантика и функции парентезы *кажется* в нарративных контекстах свободной косвенной речи

В теоретической разделе работы мы рассмотрели историю парентетической позиции в предложении. Исторически первичная, представленная уже в древнерусских текстах, коммуникативная и текстовая функция протопарентез формирует скрытую позицию нарратора, отражает нарративную стратегию, а значит, задает компактность формы и полимодальную сложность (многоголосость) линейной речи нарратора.

Как уже отмечалось, данные исторических исследований позволяют предположить, что многочисленные и разнообразные по внутренним формам парентезы получают распространение в русском языке с XVIII века, их экспансия связана с усложнением сфер общения и ростом личного начала в разных формах речи [Спринчак 1960].

Чтобы определить исторически сложившиеся нарративные функции парентезы *кажется*, ее роль в синтаксическом оформлении ‘коммуникативной позиции говорящего’, нам необходи-

мо было дифференцировать нарративные контексты – разделить их на контексты косвенной речи и свободной косвенной речи. Нарративные контексты косвенной речи мы проанализировали в предыдущих пунктах.

Далее перейдем к рассмотрению контекстов свободной косвенной речи. Чтобы выявить нарративную функцию парентезы, будем последовательно отвечать на вопрос: кто является субъектом когнитивного акта, маркируемого парентезой *кажется*, – нарратор, рассказчик или персонаж.

3.3.2.11.1. Внешний контекст свободной косвенной речи – ‘пересказ нарратором слов персонажа’

Свободной косвенной речью называется синтаксическая техника, смешивающая формы косвенной и прямой речи. Исследователи пишут о том, что свободная косвенная речь – это специфический способ передачи чужой мысли или речи, при котором автор стремится «привести речь персонажа (...), не отказываясь от признаков своего нарративного присутствия» [Шмид 2008, с. 123].

«В целом причисление художественного текста к той или иной повествовательной форме производится с известной долей условности, речь идет о пропорциях (...) Если традиционный – третьеличный – нарратив сужает выразительные возможности языка, представляя собой проекцию языка на редуцированную речевую ситуацию, то свободный косвенный дискурс позволяет автору вернуть некоторые из лингвистических возможностей, утраченных в традиционном нарративе (...) Несобственную прямую речь следует отграничить от того явления, которое естественно назвать цитированием» [Падучева, 1996, с. 207].

В нарративных контекстах свободной косвенной речи парентеза *кажется*₂₈ выполняет функцию маркера рефлексивного акта персонажа, включенного в виде трансформированной цитаты в дискурс нарратора. Ср.: *Неспешно подойдя к машине, шофёр сказал, что полетел, **кажется**, кардан, пассажиры его спешат, не подвезёт ли он их до Москвы* [А. Азольский «Лопушок»]. Чтобы показать нарративную функцию парентезы, трансформируем синтаксическую форму контекста свободной косвенной

речи в прямую речь персонажа и слова автора и сравним два контекста: *Неспешно подойдя к машине, шофёр сказал: – Полетел, **кажется**, кардан. Мои пассажиры спешат. Не подвезете ли Вы их до Москвы?* Сопоставление двух контекстов – авторского и трансформированного нами – показывает, что с синтаксической точки зрения весь авторский контекст представляет собою косвенную речь, кроме парентезы. Парентеза *кажется* – знак интерпретационного акта, субъектом которого выступает персонаж, а значит, парентеза цитируется нарратором.

Парентеза становится индикатором синтаксической техники свободной косвенной речи (см. об этом более подробно в [Чернцова 2017]). В таком контексте парентеза *кажется* выполняет функцию маркера пересечения двух дискурсов, посредством которого имплицитно устанавливается их связь, а значит, задается пространственно-временная позиция нарратора-наблюдателя описываемой ситуации. Нарратор моделируется в контексте как находящийся в том же локусе, что и его персонажи, нарратор как будто «слышит» то, что говорит персонаж, и пересказывает его слова читателю. Ср. следующий контекст: *Вряд ли он что-то сейчас соображал, но то, что Мария, **кажется**, жива, все-таки понял* [Н. Леонов, А. Макеев «Ментовская крыша»]. Парентеза *кажется* усложняет семантику контекста, организованного как антитеза: в первой части запечатлено сомнение нарратора в способности персонажа понимать что-либо, а во второй части нарратор констатирует противоположное. Авторский голос предикативует дважды: первый предикативный акт – *Вряд ли он что-то сейчас соображал*; второй – *но что-то все-таки понял*. Персонаж предикативует: – *Мария, кажется, жива*, нарратор пересказывает эти слова персонажа. Парентеза *кажется* в речи персонажа сигнализирует о его догадке. Догадка связана с рефлексией над процессом осмысления ситуации. В целом в контексте совмещаются два дискурса: первый – персонажа (*он*), а второй – нарратора-пересказчика. Два дискурса, интерферируя и налагаясь друг на друга, звучат тем не менее самостоятельно.

Если нарративный контекст сообщает о пересказе нарратором слов персонажа, содержит предикативную конструкцию типа – *он сказал / соображал / понял, что...; она говорит / писала, что...*, то парентеза *кажется*₂₈ имплицитно устанавливает значение – ‘пространственно-временные позиции нарратора-наблюдате-

ля и персонажа, моделируемые в тексте, синхронны'. В такой многоголосой конструкции содержится два субъекта диктума, два их референта и три предикации: одна – от речи персонажа и две – от нарратора. Таким образом, парентеза открывает особую субъектную позицию для когнитивного (рефлексивного) акта персонажа в дискурсе нарратора. Субъектная структура контекста усложняется: в нем два субъекта речи – персонаж и нарратор, а также представлен субъект рефлексии – персонаж. Нарративная стратегия при этом описывает состояние сознания персонажа, строится как совмещающая две точки зрения: «изнутри» сознания персонажа и оценивающая позиция «извне», принадлежащая нарратору-наблюдателю. Ср. подобный контекст: *Вслед за разными новостями Эльза, в частности, писала, что Татьяна Яковлевна выходит замуж за какого-то, **кажется**, виконта, что будет венчаться с ним в церкви, в белом платье, с флердоранжем и т. д.* [В. Катанян «Лиля Брик»].

3.3.2.11.2. Внешний контекст свободной косвенной речи – 'пересказ нарратором воспоминаний персонажа'

Нарративный контекст пересказа речевого акта воспоминания близок к предыдущему контексту свободной косвенной речи. Ср.: *Что они потом говорили и где были, Корнилов **помнит** очень плохо. **Кажется**, вдвоём они провожали Марью Григорьевну. **Кажется**, потом Марья Григорьевна проводила их* [Ю. О. Домбровский «Факультет ненужных вещей»]. Нарративная стратегия использует точку зрения персонажа: нарратор воссоздает в своем дискурсе речевой акт персонажа. Речевой акт персонажа направлен на то, чтобы вспомнить произошедшее с ним, персонажем, событие. Представления об устойчивых причинно-следственных связях позволяют интерпретировать контекст следующим образом: в контексте имплицитруется нарратор в позиции наблюдателя или даже участника прошлого разговора с персонажем: нарратор «слышит» сказанное персонажем.

Синтаксическое построение контекста таково: первое сложное предложение с придаточными изъяснительного типа представляет собою контекст косвенной речи – *Что они потом говорили и где были, Корнилов помнит очень плохо*; но второе и третье предложения – контекст свободной косвенной речи, так как содержит парентезу *кажется*₂₉, принадлежащую дискурсу

персонажа и маркирующую его рефлексивный акт – ‘*насколько я помню*’, ‘*если меня не подводит память*’. Поскольку парентеза *кажется* заимствуется нарратором из дискурса персонажа, то в контексте формируется прагматическая импликатура: пространственно-временные позиции персонажа и нарратора синхронны, персонаж «сообщил» нарратору релевантную для повествования информацию.

В следующем фрагменте всезнающий нарратор помещает свой «наблюдательный пункт» в субъектную сферу персонажа, излагает содержание мыслей персонажа – *ей вспомнилась...* Ср.: *Тут же ей вспомнилась политэкономия социализма, собачий бред, который проходили на втором, **кажется**, курсе, и даже преподаватели ничего внятного на этот счет произнести были не в состоянии, заикались и путались, старались поменьше спрашивать и совсем не проверяли конспекты, почему и студенты изощрялись, как могли, ребята в шутку переписывали в тетрадь рецепты из поваренной книги* [Г. Маркосян-Каспер «Кариатиды»]. В дискурсе воспоминаний персонажа парентеза маркирует его рефлексивный акт над припоминанием информации – *проходили на втором, кажется, курсе*. С точки зрения информативного содержания дискурс нарратора представляет собою дискурс персонажа, так как содержит воспоминания, оценки персонажа (*собачий бред*), его интерпретации (*преподаватели ничего внятного на этот счет произнести были не в состоянии, заикались и путались, старались поменьше спрашивать*).

Автор как будто бы «изнутри» сознания своего персонажа рассказывает о том, как протекает его внутренний мыслительный процесс – воспоминания. Этот фрагмент мог бы быть оформлен как прямая речь персонажа. Нарратор от себя ничего не добавляет к словам персонажа. Нарратор выступает в роли пересказчика мыслей персонажа – два дискурса сливаются в один.

Выводы к подразделу 3.3. «Семантика и функции парентезы *кажется* в разных контекстах художественного дискурса»

1. Парентеза *кажется* не имеет собственного понятийного значения, функционально связана с **рефлексией** субъекта над

когнитивной деятельностью, содержание которой обусловлено различными планами внешнего контекста. Контекстное значение парентезы *кажется* задается глобальными интенциями, дискурсивной логикой субъекта художественного дискурса (автора), избранной художественной нарративной стратегии, характером коммуникативного регистра, а также семантикой и субъектной структурой внешнего контекста.

2. В 3.3.1. «Семантика и функции парентезы *кажется* в диалогических контекстах прямой речи персонажей» мы показали, что контекст парентезы может быть связан с внешним репродуктивным контекстом (*кажется*₁₆), а также внешним информативным контекстом интерпретации (*кажется*₁₇) и внешним информативным контекстом воспоминания (*кажется*₁₈).

2.1. Различия между возникающими контекстными значениями парентезы объяснили особенностями коммуникативной и когнитивной деятельности субъекта: в ситуации непосредственного наблюдения субъект восприятия осмысляет полученное впечатление и его рефлексивный акт направлен на понимание или объяснение увиденного: субъект интерпретирует физические или ментальные состояния наблюдаемого лица или возможные причины наблюдаемого события. Во внешнем репродуктивном контексте у парентезы *кажется*₁₆ фиксируется значение – ‘субъект рефлектирует над зрительными впечатлениями’.

2.2. Во внешнем информативном контексте интерпретации с *кажется*₁₇ концептуализируется интерпретационный акт субъекта, процесс осмысления тех или иных ситуаций, опирающийся на впечатления, полученные в прошлом, фоновые знания о предмете мысли, которые часто обобщаются, систематизируются в процессе обдумывания.

2.3. Во внешнем информативном контексте воспоминания концептуализируется рефлексивный акт субъекта над припоминанием забытой информации, которую субъект считает релевантной для интеракции (*кажется*₁₈). В этом случае парентеза *кажется*₁₈ маркирует рефлексивный акт над процессом восстановления информации в памяти – ‘если я правильно помню’.

2.4. Коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-наблюдателя проецируется в контекст – обуславливает характер субъектной структуры внешнего репродуктивного контекста, включающего субъекта-наблюдателя, субъекта речи

и субъекта рефлексии над полученным впечатлением. Эти три позиции субъекта могут совпадать в персонаже. Коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-носителя знания реализуется в виде иной субъектной структуры: субъект фоновых знаний, субъект рефлексии и субъект речи. Логика репродуктивного регистра задает в контексте значение парентезы, отражающее актуальную (во временном значении термина) рефлексию субъекта-наблюдателя, а логика информативного регистра формирует либо значение 'рефлексивный акт субъекта-носителя фоновых знаний над осмыслением происходящего', либо 'рефлексивный акт субъекта, который припоминает нечто'.

3. В 3.3.2. «Семантика и функции парентезы *кажется* в художественных нарративных контекстах» мы сопоставили дискурсивные значения парентезы и глагольного предиката, это позволило обнаружить сходства и различия между ними. Художественный материал показывает, что парентеза *кажется* в самом общем виде наследует семантику и функциональные контексты глагольного предиката *казаться* – 'Я'-контекст 'внутренней речи персонажа', 'Я'-контекст рассуждения и 'Я'-контекст эксплицитной авторской рефлексии над собственной дискурсивной деятельностью. За счет застывшей формы настоящего времени *кажется* ассоциируется с текущим, продолжающимся в настоящем времени процессом актуальной рефлексии рассказчика.

3.1. В 'Я'-контексте 'внутренней речи персонажа' парентеза *кажется*¹⁹ маркирует актуальный рефлексивный акт, который представлен как длящийся в настоящем времени: 'персонаж пребывает в процессе самоосознания, подбирает слова для того, чтобы описать то, что он чувствует'. В контексте этого типа нарративная функция парентезы *кажется* связана с ее использованием в качестве средства создания 'внутренней точки зрения', которая реконструирует психологическое состояние персонажа, не доступное внешнему наблюдению рассказчика.

3.2. С когнитивной точки зрения, рефлексивный акт входит в структуру рассуждения. В 'Я'-контексте рассуждения парентеза *кажется*²⁰ ассоциируется с актуальным, продолжающимся в настоящем времени рефлексивным актом субъекта над своей способностью либо делать выводы, либо понимать и объяснять обнаруживаемые противоречия.

3.3. 'Я'-контекст эксплицитной авторской рефлексии над собственной дискурсивной деятельностью отличается намеренно создаваемым эффектом квазикоммуникативного взаимодействия автора с читателем. Автор привлекает внимание читателя к себе, делает себя «действующим» лицом произведения, часто имитируя образ говорящего, ведущего душевную, дружескую беседу. Для нарративной стратегии, имитирующей спорадическую импровизацию, характерны непоследовательность, нелогичность, самоперебивы, разрывы в повествовании. Парентеза *кажется*₂₁ отражает авторскую рефлексию по поводу успешности / неуспешности осуществления своего замысла: рефлектируя над собственными неудачами, автор доверительно делится с читателем планами о дальнейшем развитии сюжетной линии, раскрывает свои намерения.

4. В 3.3.2.4. «Семантика и нарративные функции парентезы *кажется* в 'Я'- и 'ОН'-контекстах информативно-повествовательной стратегии биографического типа» мы проанализировали разные дискурсивные значения парентезы. Сравнение дискурсивных (контекстных) значений подтверждает ранее сделанный вывод о том, что значение парентезы обуславливается комплексом факторов: тактико-стратегическими установками автора – субъекта художественного дискурса; его дискурсивной логикой, в частности – избранной нарративной стратегией, реализующейся в семантике внешнего контекста и его синтаксическом построении. Парентетическая позиция – это особая синтаксическая и коммуникативная позиция в предложении, предоставляющая автору дополнительную возможность выразить когнитивный акт **имплицитного** рассказчика / нарратора. Парентеза *кажется* принадлежит к средствам создания образа имплицитного рассказчика / нарратора.

4.1. Если автор выбирает языковые средства информативно-описательной стратегии **автобиографического** типа, в логике которой рассказчик ведет ретроспективное повествование о собственном прошлом, то во внешнем 'Я'-контексте парентеза (*кажется*₂₂) маркирует рефлексивный акт рассказчика, направленный на восстановление в памяти некоторой информации – 'если мне не изменяет память'; 'если я правильно помню'. В контекстах с *кажется*₂₂ информативно-описательная стратегия не опирается на репродукцию прошлых зрительных впечатлений рассказчика.

4.2. Если автор использует языковые средства информативно-повествовательной стратегии **биографического** типа, в логике которой нарратор ведет повествование о прошлом третьего лица, то во внешнем 'ОН'-контексте парентеза *кажется*₂₃ маркирует **имитационный** рефлексивный акт: нарратор как будто бы припоминает некоторую забытую информацию. За счет этого парентеза *кажется* привносит в мемуарный контекст образ рефлектирующего над своей когнитивной деятельностью нарратора, создавая этим его «присутствие» в тексте.

4.3. Если автор прибегает к репродуктивно-повествовательной стратегии, в логике которой во внешнем 'ОН'-контексте создается импликация – 'нарратор наблюдает за действиями персонажей, отнесенными в план прошлого', то парентеза *кажется*₂₄ маркирует когнитивный акт нарратора, который как будто бы припоминает некоторую информацию о «**наблюдаемом**» персонаже. Нарративная функция парентезы усложняется: она 'переключает' регистр с репродуктивного на информативный, в результате чего создается движение мысли в тексте – **от описания увиденного к его объяснению, осмыслению**.

4.4. Сопоставив контексты информативно-повествовательной стратегии авто- / биографического типа (*кажется*₂₂; *кажется*₂₃) с контекстами репродуктивно-повествовательной стратегии (*кажется*₂₄), мы обнаружили различия: парентеза *кажется*₂₂/*кажется*₂₃ отражает рефлексю субъекта над припоминанием некоторой информации; а *кажется*₂₄ ассоциируется с самим актом припоминания как будто бы забытой нарратором информации.

4.5. Отвечая на вопрос, как мыслит субъект художественного дискурса и как в этом случае «работает» язык, мы приходим к следующему выводу: парентеза *кажется* «реферирует» к дискурсивному сценарию под номером два – отражает когнитивный процесс припоминания некоторой информации о прошлом событии, в котором рассказчик принимал непосредственное участие или был наблюдателем. Это дискурсивное значение можно считать типовым значением парентезы *кажется*. Парентеза ассоциативно связана с процессом восстановления в памяти прошлого события, этот мыслительный процесс, в свою очередь, можно считать когнитивной основой нарративной стратегии ретроспективного описания с авто-/биографическими элементами.

5. Помимо типового значения 'если мне не изменяет память'; 'если я правильно помню', у парентезы *кажется*₂₅ возникает другое дискурсивное значение – 'знаю, что могу ошибаться', обусловленное, с нашей точки зрения, содержанием другой нарративной стратегии. Если автор использует языковые средства репродуктивно-описательной стратегии, в логике которой рассказчик представлен как наблюдатель описываемого события, парентеза эксплицирует процесс осознания субъектом первого зрительного впечатления – 'рефлексию над первоначально увиденным'. Парентеза создает в предложении специальную позицию субъекта-наблюдателя, значение парентезы *кажется*₂₅ отражает как будто бы актуальное наблюдение рассказчиком описываемой денотативной ситуации. Значение парентезы *кажется*₂₅ – 'знаю, что могу ошибаться' – выступает когнитивной основой рефлексивного акта, поэтому *кажется* становится одним из средств изображения особого состояния сознания, когда субъект путается в своих ощущениях, или в контексте создается эффект одновременного совмещения нескольких визуальных «кадров-картин».

5.1. Чтобы определить вклад парентезы *кажется* в организацию той или иной нарративной стратегии, мы проанализировали лингвистическую специфику организации контекстов разного типа. Сравнив дискурсивно-интерактивное значение парентезы *кажется*₅ в контекстах обыденного рассказа с дискурсивным значением *кажется*_{26'}, возникающим в художественном нарративном контексте, мы установили сходства и различия между ними. В обыденном рассказе реальный говорящий использует парентезу *кажется*₅ в качестве маркера размышления – 'колебаний между стремлением вынести истинное суждение и осознанием принципиальной невозможности истинного суждения о содержании чужих мыслей'. Парентеза сигнализирует о том, что интерпретация говорящего базируется на результатах непосредственного наблюдения, нацелена на понимание состояния третьего лица, объяснение реакций последнего, при этом говорящий допускает, что может ошибаться в своей интерпретации.

5.2. В контекстах художественной репродуктивно-повествовательной стратегии автор изображает рассказчика следующим образом: рассказчик строит свою интерпретацию мотивов поведения третьего лица (персонажа), опираясь на зритель-

ные впечатления. Нарративная функция парентезы *кажется*₂₆ состоит в «переключении» коммуникативного регистра с репродуктивного на информативный: так переводится внимание читателя со зрительных образов в сферу идей рассказчика, внимание читателя привлекается к рефлексивному акту рассказчика. Проанализировав репродуктивно-повествовательную нарративную стратегию, мы представили ее в виде создаваемых в тексте регистровых блоков – репродуктивного, информативного и генеритивного, которые служат движению сюжета во времени, представляют события как наблюдаемые, осмысляемые, обобщаемые, что обнаруживает движение авторской мысли от прямого наблюдения к объяснению, от следствия к причине.

5.3. Нарративная функция парентезы *кажется*₂₇ также связана с «переключением» коммуникативного регистра, но в этом случае с информативного на репродуктивный. Во внешних 'ОН'-контекстах репродуктивно-повествовательной стратегии «переключение» регистра с информативного на репродуктивный позволяет передать движение мысли в тексте – от внутренней мотивации поступка персонажа к описанию его поведения; от причины к следствию. Парентеза *кажется*₂₇ принадлежит дискурсу нарратора, маркирует его когнитивный акт, направленный на объяснение причины увиденного, часто это ответ на вопрос, почему персонаж ведет себя тем или иным образом.

5.4. В соответствии с **дискурсивной логикой автора**, парентеза *кажется* имплицитно устанавливает установку объяснить читателю «видимое» и «слышимое» нарратором. Нарративная функция парентезы усложняется за счет импликаций – 'нарратор наблюдает за описываемым событием', 'владеет полной информацией о персонажах, хочет объяснить читателю внутреннюю мотивацию поступков персонажей, раскрыть содержание их мыслей'.

5.5. Парентезу *кажется*₂₇ относим к группе языковых средств, которые, во-первых, отображают когнитивные процессы нарратора, во-вторых, обнаруживают «игру» с точкой зрения – повествование ведется то «изнутри» сознания персонажа, то «снаружи», с позиции внешнего наблюдателя.

6. В контекстах свободной косвенной речи, в рамках стратегии пересказа нарратором речи персонажа, парентеза играет двойную роль – в дискурсе персонажа сигнализирует о его рефлексивном акте – 'интерпретации' (*кажется*₂₈) или 'припомина-

нии' (*кажется*₂₉), а в дискурсе нарратора имплицитно единую пространственно-временную локализованность нарратора и персонажа.

6.1. Парентеза становится индикатором синтаксической техники свободной косвенной речи. В таком контексте парентеза *кажется* выполняет функцию маркера пересечения двух дискурсов, посредством которого имплицитно устанавливается их связь, а значит, задается пространственно-временная позиция нарратора-наблюдателя описываемой ситуации. Нарратор моделируется в контексте как находящийся в том же локусе, что и его персонажи, нарратор как будто «слышит» то, что говорит персонаж, и пересказывает его слова читателю.

6.2. Если нарративный контекст сообщает о пересказе нарратором слов персонажа, содержит предикативную конструкцию типа – *он сказал, что...*, – то парентеза *кажется* имплицитно имеет значение – ‘пространственно-временные позиции нарратора-наблюдателя и персонажа, моделируемые в тексте, синхронны’. В такой многоголосой конструкции содержится два субъекта диктума, два их референта и три предикации: одна – от речи персонажа и две – от нарратора.

6.3. Таким образом, парентеза открывает особую субъектную позицию для когнитивного (рефлексивного) акта персонажа в дискурсе нарратора. Субъектная структура контекста усложняется: в нем два субъекта речи – персонаж и нарратор, а также представлен субъект рефлексии – персонаж. Нарративная стратегия при этом описывает состояние сознания персонажа, строится как совмещающая две точки зрения: «изнутри» сознания персонажа и оценивающая позиция «извне», принадлежащая нарратору-наблюдателю.

Выводы к разделу III. «Когнитивная семантика и функции парентезы *кажется* в разных дискурсивных контекстах»

1. Результаты проведенного когнитивно-дискурсивного исследования семантики и функций парентезы *кажется* подтверждают гипотезу о **двухуровневой организации** когнитивной семантики слова.

1.2. Проанализировав «сумму» дискурсивно-интерактивных значений парентезы *кажется* (**уровень поверхностной языковой семантики**), мы пришли к заключению, что парентеза не имеет собственного понятийного значения, функционально связана с **рефлексией субъекта над когнитивной деятельностью**, содержание которой обусловлено различными планами внешнего контекста.

1.3. **На когнитивном уровне** парентеза *кажется*, как и глагольный предикат *казаться*, связана с концептуальной областью *кажимости* и когнитивным гештальт-сценарием. Парентеза соотносится с фрагментом гештальт-сценария – когнитивным признаком ‘потенциальная возможность осуществить акт рефлексивной проверки первого впечатления и установить истину’. За счет внутренней формы, «отсылающей» к настоящему моменту времени, парентеза *кажется* ассоциируется с актуальным рефлексивным актом субъекта. В этом состоит главная отличительная особенность когнитивной семантики парентезы от семантики глагольного предиката.

2. Пропозициональная структура *кто / что кому кажется* *каким / чем* выступает непосредственной языковой формой для концептуализации когнитивной деятельности человека – перцептивного восприятия денотативной ситуации, ментального осмысления перцептивных данных, восстановления в памяти прошлых впечатлений, акта рефлексивной проверки первого впечатления и оценки первого впечатления как ошибочного и др. Высказывание с парентезой *кажется* не является непосредственной языковой формой для концептуализации названных когнитивных актов человека. Информация о когнитивном акте или синтезе разных когнитивных актов выражается семантикой внешнего контекста, а высказывание с парентезой отражает только рефлексивный акт субъекта.

3. Сопоставление семантики глагола и парентезы позволяет сделать вывод о семантическом результате диахронического процесса преобразования глагола в парентезу – «опустошении» исходного значения глагола *казаться*. Когнитивный анализ в терминах ‘фон – фигура’ позволяет объяснить обнаруженное нами изменение семантики – представить его как результат процесса ‘дефокусирования’ когнитивных признаков: ‘перцептивный акт’ (вижу, слышу, чувствую), ‘интерпретация перцеп-

тивных данных', 'акт воспоминания' и др. Названные когнитивные признаки перемещаются из 'фигуры' в 'фон'. В качестве 'фона' выступает семантика внешнего контекста. 'Дефокусирование' названных когнитивных признаков сопровождается 'фокусированием' на признаке 'рефлексивный акт субъекта над актуальной когнитивной деятельностью'.

3.1. 'Дефокусирование' в семантике парентезы (по сравнению с предикатом) коррелирует с ее интонационной обособленностью и синтаксической изолированностью в предложении. Глагольный предикат характеризуется тесными синтаксическими связями с актантами **кто / что кому кажется каким / чем**, парентеза же утратила эти синтаксические связи.

3.2. Различия между глаголом в парентезой могут быть представлены на двух уровнях – поверхностном семантико-синтаксическом и когнитивном. На синтаксическом уровне исторический процесс привел к элиминации синтаксических актантов (**кто / что – кому – каким / чем**). На когнитивном уровне произошло 'дефокусирование' информации о субъекте-экспериментере (*кому*), наблюдаемом объекте (*кто / что*), содержании первого впечатления / мнения (*каким / чем*). Процесс 'дефокусирования' состоит в **абстрагировании** от названных компонентов информации, перемещении их в 'фон' – семантику внешнего контекста. Параллельно происходит **сужение фокуса** на когнитивном признаке 'рефлексивный акт', т. е. фокусность в семантике возрастает. По сравнению с глагольным предикатом, контекстное значение парентезы обнаруживает еще большую обусловленность содержанием внешнего контекста – 'фона'.

4. В сознании носителей языка парентеза *кажется* не ассоциируется с такими когнитивными актами, как 'перцептивный акт' (вижу, слышу, чувствую), 'интерпретация перцептивных данных', 'акт воспоминания' и др. Парентеза *кажется* ассоциируется с 'рефлексивным актом субъекта над актуальной когнитивной деятельностью'. Актуальная когнитивная деятельность субъекта представлена в семантике внешнего контекста, в разных дискурсивных контекстах это может быть либо 'перцептивный акт' (вижу, слышу, чувствую), либо 'интерпретация перцептивных данных', либо 'акт воспоминания' и др.

5. Несмотря на диахронический процесс «опустошение» поверхностной языковой семантики глагольного слова *казаться*,

особенности его когнитивной семантики продолжают определять характер рефлексивного акта, маркируемого парентезой *кажется*.

6. Диахронический процесс образования парентезы *кажется* от глагола *казаться* можно представить в терминах 'грамматикализации' и 'прагматикализации' исходного значения глагольного слова.

6.1. Грамматикализация связана с историческим процессом редуцирования 'Я'-модусной рамки до слова-парентезы: *мне кажется* → *кажется*. Грамматикализацию можно рассматривать с точки зрения распределения внимания, особенно дефокусирования, поскольку дефокусирование позволяет затемнить ненужные, невостребованные элементы исходного значения глагольного слова. Парентеза обнаруживает диалектическую противоречивость формы и содержания, асимметрию формы и содержания, которая выражается, с одной стороны, в синтаксической (грамматической) независимости слова-парентезы в составе предложения, а с другой – в еще большей (в сравнении с глагольным предикатом) семантической зависимости от внешнего контекста.

6.2. Диахронический процесс образования парентезы *кажется* от глагола *казаться* можно описать как **прагматикализацию** исходного значения глагольного слова *казаться*, а именно – изменение понятийной семантики слова в сторону дискурсивно-интерактивных значений.

7. В диалогических речевых актах дискурсивно-интерактивные значения парентезы *кажется* отражают психологические аспекты диалогического общения коммуникантов – эмпатию, вежливость, кооперативность в общении с собеседником. В инициальных речевых актах парентеза выражает осознание говорящим возможной импозиции начала дискурса, имплицитно: 'Прости за то, что навязываю тебе свою тему разговора'. Коммуникативная функция парентезы *кажется* связана с выражением: либо диалогической установки говорящего на дополнительную верификацию: 'поправь меня, если я ошибаюсь', либо вежливого предупреждения о возможном вторжении в личную сферу собеседника.

7.1. В реактивных речевых актах возражения собеседнику *кажется* «смягчает» иллокуцию речевого акта, модифицирует ее: 'говорящий побуждает собеседника пояснить: как следует

понимать слова последнего'. Высказывание без парентезы звучит как упрек или претензия собеседнику. Парентеза сигнализирует о том, что говорящий остается кооперативным собеседником, готов учесть чужое мнение, приглашая Другого к верификации высказанной мысли, оценки.

7.2. Проанализированный нами диалогический материал показывает, что часто колебания говорящего, маркируемые парентезой *кажется* – 'я предупреждаю тебя, что могу ошибаться', отражают **прагматически релевантную неточность**, так как обыденный диалогический дискурс предоставляет говорящему определенную свободу, право на ошибку.

8. В контекстах разных нарративных жанров – обыденного рассказа, бытового письма, личных авто- / биографических мемуаров, записок, дневника; художественного и публицистического эссе, научно-публицистического нарратива – парентеза *кажется* выступает маркером особого когнитивного стиля рефлектирующего, рассуждающего субъекта. Парентеза *кажется* связана с рефлексией субъекта над собственной когнитивной деятельностью, которая варьируется в соответствии с разной дискурсивной деятельностью.

8.1. Анализ когнитивной семантики и функций *кажется* в реализации стратегии обыденного рассказа показывает, что парентеза связана с когнитивным стилем, близким к рассуждению – 'говорящий не претендует на абсолютную точность и исчерпывающую информационную полноту'. Актуальное рассуждение становится мотивацией оценки; оно наделяет соответствующий речевой акт экзистенциальной значимостью и, как следствие, предопределяет ценность авторского рассуждения в дискурсе (диалоге / споре).

8.2. В контекстах разных жанров авто- / биографического нарратива парентеза отражает процессуальность мышления, его актовую, бытийную сторону; тот факт, что автор и в момент речи продолжает осмыслять описываемое событие из прошлого. Способность отражать актовость мышления субъекта делает парентезу *кажется* языковым средством, которое часто употребляется в жанре художественных мемуаров как маркер диалогического, неавторитарного когнитивного стиля.

8.3. В эссеистическом нарративе, структура которого предполагает ту или иную разновидность парадокса, парентеза *кажет-*

ся задает условия его реализации. *Кажется* используется как средство создания антитезы. Эта риторическая фигура маркирует противопоставление разных этапов мыслительного процесса: *кажимость* первичного впечатления соотнесена с последующими рефлексивными актами. Риторическую установку автора можно интерпретировать как направленную на столкновение двух противоположных точек зрения – первой, поверхностной, обыденной, стереотипной, и второй, более глубокой, связанной со знанием жизни, мудростью и опытом рефлектирующего субъекта. Носитель первой точки зрения моделируется в тексте как субъект обыденного дискурса, носитель стереотипного мнения, непрофессионал, автор же эссе моделируется как носитель второй точки зрения, субъект рефлексии. *Кажется* задает своеобразную интригу текстовой перспективы: сигнализирует о том, что далее в дискурсе последует развитие авторской мысли.

8.4. В научно-популярном дискурсе парентеза *кажется* создает образ неавторитарного, кооперативного автора, который, уважительно относясь к мнению читателя-коллеги, настроен на диалог с ним, предлагает свое мнение для обсуждения с ним. В целом рефлексия, маркируемая парентезой *кажется*, отражает диалогичность мышления как такового, дискурсивность мысли говорящего: говорящий взвешивает все «за» и «против», ищет объективные основания суждения и не претендует на «окончателность» высказанной мысли. Этот когнитивный стиль указывает на большую глубину постижения предмета, чем стиль категоричного утверждения, отражая переход от позитивистского типа знания к релятивистскому.

9. Поскольку парентеза, как и глагольный предикат, обладает способностью к «мимикрии», семантическому копированию контекстного окружения, то дискурсивно-интерактивные значения и функции парентезы *кажется* невозможно определить без учета семантики внешнего контекста, т. е. в изолированном виде.

9.1. Чтобы собрать «сумму» дискурсивно обусловленных значений парентезы, нам потребовалось учесть не только семантику внешнего контекста, но и 'дискурсивный тип внешнего контекста' (обыденный vs. публицистический vs. научно-популярный vs. художественный), 'коммуникативный тип внешнего контекста' ('Я'-; 'Ты'-; 'ОН'-контекст); тип 'диалогической / нар-

ративной стратегии' и 'коммуникативного регистра' ('репродуктивный' vs. 'информативный' vs. 'генеритивный' vs. 'реактивный' vs. 'волюнтивный').

9.2. Проведенное нами сопоставление дискурсивных значений парентезы *кажется* и глагольного предиката *казаться* позволило обнаружить сходства и различия между ними. Материал контекстов разных дискурсов – обыденного, публицистического, научно-популярного, художественного – свидетельствует, что парентеза *кажется* в самом общем виде «наследует» функциональные контексты глагольного предиката *казаться*.

10. В памяти носителей языка сохраняются основные контексты употребления глагольного предиката *казаться*, которые применительно к парентезе мы назвали **дискурсивными сценариями** и соотнесли с типом внешнего контекста и коммуникативным регистром. В семантике внешнего контекста запечатлеваются интенции субъекта, его дискурсивная и когнитивная деятельность – дискурсивная логика, т. е. в целом отражается тот или иной дискурсивный сценарий.

10.1. В специальном подразделе мы показали, что контекст парентезы может быть связан, во-первых, с **внешним репродуктивным контекстом** (первый дискурсивный сценарий); во-вторых, **внешним информативным контекстом воспоминания** (второй дискурсивный сценарий); в-третьих, **внешним информативным контекстом интерпретации** (третий дискурсивный сценарий); в-четвертых, **внешним контекстом свободной косвенной речи – 'пересказа (переспроса) субъектом чужих слов'** (четвертый дискурсивный сценарий).

10.2. Коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-наблюдателя проецируется в контекст – обуславливает характер субъектной структуры внешнего репродуктивного контекста, включающего субъекта-наблюдателя, субъекта речи и субъекта рефлексии над полученным впечатлением. Коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-носителя знания реализуется в виде иной субъектной структуры, которая складывается из субъекта-носителя фоновых знаний, субъекта рефлексии и субъекта речи.

10.3. Логика репродуктивного регистра задает в контексте значение парентезы, отражающее актуальную рефлексию субъекта-наблюдателя, а логика информативного регистра фор-

мирует либо значение 'рефлексивный акт субъекта-носителя фоновых знаний над осмыслением происходящего', либо 'рефлексивный акт субъекта, который припоминает нечто', либо 'рефлексивный акт нарратора, который пересказывает слова персонажа'. Пересказывая слова персонажа, нарратор включает в свой дискурс парентезу *кажется* в качестве цитаты из дискурса персонажа. В этом случае парентеза выполняет функцию индикатора 'несобственной прямой речи'.

10.4. В контекстах разного дискурсивного типа выявленные дискурсивные сценарии реализуются либо в чистом виде, либо совмещаются по принципу палимпсеста – 'субъект рефлектирует над впечатлением, полученным в прошлом'; 'нарратор пересказывает слова персонажа, который, в свою очередь, припоминает некоторую релевантную для повествования информацию'.

11. Первый дискурсивный сценарий: в ситуации непосредственного наблюдения субъект восприятия осмысляет полученное впечатление и его рефлексивный акт направлен на понимание или объяснение увиденного: субъект интерпретирует физические или ментальные состояния наблюдаемого лица или возможные причины наблюдаемого события. Во внешнем репродуктивном контексте у парентезы *кажется* фиксируется значение – 'субъект рефлектирует над зрительными впечатлениями'. В контекстах разного дискурсивного типа значение парентезы модифицируется. Различия между возникающими контекстными значениями парентезы мы объяснили особенностями дискурсивной логики субъекта, который включен в диалог либо ведет монологическое повествование (нарратив), а также учли тип дискурсивной деятельности – обыденной, публицистической, научно-популярной, художественной.

11.1. Для *кажется*₁ характерна концептуализация – 'говорящий находится в локусе обсуждаемого в диалоге события'. Когнитивная деятельность говорящего направлена на восприятие и осознание результатов увиденного, услышанного – рефлексию. Парентеза *кажется*₁ маркирует актуальный рефлексивный акт субъекта, иллокуция которого выражается в обращении к собеседнику – 'Поправь меня, если я ошибаюсь'.

11.2. *Кажется*₅ маркирует колебания говорящего – субъекта обыденного рассказа. Дискурсивно-интерактивное значение парентезы *кажется*₅ отражает стремление вынести истинное

суждение и осознание принципиальной невозможности истинного суждения о содержании чужих мыслей. Парентеза сигнализирует о том, что интерпретация говорящего базируется на результатах непосредственного наблюдения, нацелена на понимание ментального состояния третьего лица, объяснение реакций последнего, при этом говорящий допускает, что может ошибаться в своей интерпретации.

11.3. Репродуктивная стратегия жанра дневников носит характер личного, автобиографического документа. В этом случае нарративная функция парентезы *кажется*₁₃ состоит в маркировке рефлексивного акта субъекта-наблюдателя.

11.4. В контекстах художественного дискурса *кажется*₁₆ принадлежит прямой речи персонажа, в этом случае парентеза отражает замысел автора создать речевой портрет персонажа как человека неавторитарного, кооперативного, вежливого.

11.5. Парентеза *кажется*₂₅ создает в художественном контексте специальную позицию субъекта-наблюдателя, отражает замысел автора представить рассказчика наблюдателем описываемого события, происходящего в фикциональном мире; рассказчик строит свою интерпретацию мотивов поведения персонажа, опираясь на зрительные впечатления.

11.6. Нарративная функция парентезы *кажется*₂₆ усложняется за счет 'переключения' внимания читателя со зрительных образов в сферу идей рассказчика – внимание читателя привлекается к рефлексивному акту рассказчика.

11.7. Нарративная функция парентезы *кажется*₂₇ также связана с 'переключением' коммуникативного регистра, но в этом случае с информативного на репродуктивный, что позволяет передать движение мысли в тексте – от внутренней мотивации поступка персонажа к описанию его поведения; от причины к следствию. Нарративная функция парентезы усложняется за счет импликаций – 'нарратор наблюдает за описываемым событием', 'владеет полной информацией о персонажах, хочет объяснить читателю внутреннюю мотивацию поступков персонажей, раскрыть содержание их мыслей'.

12. Второй дискурсивный сценарий реализуется во внешнем информативном контексте воспоминания: в контексте концептуализируется рефлексивный акт субъекта над припоминанием забытой информации, которую субъект считает ре-

левантной для интеракции или повествования. В этом случае парентеза *кажется* маркирует рефлексивный акт над процессом восстановления информации в памяти – ‘если я правильно помню’. В контекстах разного дискурсивного типа значение парентезы модифицируется. Различия между возникающими контекстными значениями парентезы мы объяснили особенностями дискурсивной логики субъекта, который включен в диалог либо ведет монологическое повествование (нарратив), а также учли тип дискурсивной деятельности – обыденной, публицистической, научно-популярной, художественной.

12.1. Для *кажется*₂ характерна концептуализация – ‘находясь в коммуникативной позиции того, кто отвечает на вопрос собеседника в реальном диалоге, вспоминая запрашиваемую собеседником информацию, говорящий рефлектирует по поводу способности / неспособности вспомнить нечто’.

12.2. *Кажется*₈ употребляется в устном рассказе автобиографического типа (и публичной, и непубличной монологической речи), в этом случае парентеза отражает волюнтивное намерение вспомнить всю релевантную для повествования информацию из прошлого.

12.3. Парентеза *кажется*₉ выполняет иную нарративную функцию – функцию организации автобиографической эпистолярной стратегии, открывает возможность объединения позиции субъекта для разных коммуникативных ролей – ‘Я’ повествующего и ‘Я’ повествуемого, между которыми существует временная дистанция. *Кажется*₉ – знак актуальной рефлексии над прошлым впечатлением / состоянием и маркер несоответствия прошлого впечатления реальному положению дел.

12.4. В жанре автобиографических мемуаров парентеза *кажется*₁₁ выполняет функцию маркера мемуарного стиля и рефлексии пишущего: автор осознает, что человеческая память избирательна, не всегда точно запечатлевает произошедшее или узнанное ранее. Характер рефлексии обуславливает интенциональную позицию субъекта: он не претендует на абсолютную истинность суждений и исчерпывающую информативность высказываемого. Это формирует особый образ автора высказывания, коммуникативная гибкость которого связана с диалогической, неавторитарной манерой сообщения.

12.5. В жанре биографических мемуаров дискурсивное значение парентезы *кажется*₁₂ «рождается» по правилу палимпсе-

ста двух дискурсивных сценариев: 'воспоминания' и 'пересказа чужих слов' – 'ранее я слышал чужой рассказ, и теперь, пересказывая Вам некоторые подробности этого рассказа, я пытаюсь припомнить все в точности, но не могу утверждать категорично'. Неуверенность автора эксплицирует либо осознание ненадежности человеческой памяти как таковой, либо сомнения в достоверности информации, полученной от третьих лиц.

12.6. В контекстах художественного дискурса *кажется*₁₈ принадлежит прямой речи персонажа, в этом случае парентеза отражает замысел автора создать речевой портрет персонажа как человека рефлектирующего над процессом восстановления информации в памяти – 'если я правильно помню'.

12.7. Парентеза *кажется*₂₂ принадлежит к средствам создания образа имплицитного рассказчика, автобиографическая нарративная стратегия которого не опирается на репродукцию зрительных впечатлений. Во внешнем 'Я'-контексте парентеза *кажется*₂₂ маркирует рефлексивный акт рассказчика, направленный на восстановление в памяти некоторой информации – 'если мне не изменяет память'.

12.8. Парентеза *кажется*₂₃ принадлежит к средствам создания образа имплицитного нарратора. Во внешнем 'ОН'-контексте парентеза маркирует имитационный рефлексивный акт: нарратор как будто бы припоминает некоторую забытую информацию. За счет этого *кажется* привносит в мемуарный контекст образ рефлектирующего над своей когнитивной деятельностью нарратора, создавая этим его «присутствие» в тексте.

12.9. Во внешнем 'ОН'-контексте с *кажется*₂₄ создается импликация – 'нарратор наблюдает за действиями персонажей, отнесенными в план прошлого'. Парентеза маркирует когнитивный акт нарратора, который как будто бы припоминает некоторую информацию о «наблюдаемом» персонаже. Нарративная функция парентезы *кажется*₂₄ усложняется: она 'переключает' регистр с репродуктивного на информативный, в результате чего создается движение мысли в тексте – от описания увиденного к его объяснению, осмыслению.

13. **Третий дискурсивный сценарий** связываем с внешним информативным контекстом интерпретации: в контексте с *кажется* концептуализируется интерпретационный акт субъекта, процесс осмысления тех или иных ситуаций, опирающийся на

впечатления, полученные в прошлом, фоновые знания о предмете мысли, которые часто обобщаются, систематизируются в процессе обдумывания. Парентезе можно приписать значение – ‘рефлексивный акт субъекта-носителя фоновых знаний над осмыслением происходящего’. В контекстах разного дискурсивного типа значение парентезы модифицируется. Различия между возникающими контекстными значениями парентезы мы объяснили особенностями дискурсивной логики субъекта, который включен в диалог либо ведет монологическое повествование (нарратив), а также учли тип дискурсивной деятельности – обыденной, публицистической, научно-популярной, художественной.

13.1. Если обсуждаемая в реальном диалоге ситуация относится к плану будущего времени, то парентеза *кажется*₃ эксплицирует рефлексивный акт говорящего, направленный на моделирование возможной ситуации. В значении парентезы эксплицируются актуальные мыслительные процедуры: ‘Я не знаю, но пытаюсь понять’. Осознавая, что высказывание может показаться собеседнику удивительным или неожиданным, говорящий прибегает к иллокутивному «смягчению» с помощью *кажется* – ‘я предупреждаю тебя, что могу ошибаться’.

13.2. Если говорящий сообщает о своем физическом, психологическом или ментальном состоянии, которое ему доподлинно известно, то парентеза *кажется*₆ маркирует рефлексивный акт над актуальным, продолжающимся и в момент речи осмыслением собственного состояния. Сопоставление контекстов: *Я, кажется*₆ *заболел* vs. *Он, кажется*₇ *заболел* – показывает, что дискурсивное значение парентезы модифицируется в зависимости от интенции субъекта, связанной с сообщением о собственном или чужом состоянии – ‘я пытаюсь понять, что со мною происходит’ vs. ‘он выглядит больным’.

13.3. В риторически организованных контекстах жанра художественного и публицистического эссе парентеза *кажется*₁₄ обнаруживает дискурсивное значение, восходящее к когнитивной семантике глагольного предиката *казаться*, а именно – ‘осознаваемым или неосознаваемым знаниям носителей языка о возможном, потенциальном расхождении между тем, что есть на самом деле, и тем, как это выглядит, чем *кажется*’. Когнитивный стиль автора как человека размышляющего про-

является в осмыслении несоответствия первичного восприятия (*кажимости*) и реального положения дел, а также в поиске объективных оснований суждения.

13.4. В контекстах научно-публицистического нарратива отражается высокий уровень научной рефлексии автора, которой соответствует современный **модус относительности знания**. Парентеза *кажется*₁₅ имплицитно метатекст: 'нельзя быть полностью уверенным в том, что удалось учесть все важные факторы', предопределяя особый характер когнитивного стиля субъекта научного дискурса. Этот когнитивный стиль указывает на большую глубину постижения предмета, чем стиль категоричного утверждения, отражая переход от позитивистского типа знания к релятивистскому. Парентеза вновь сопряжена с мыслительным процессом и отражает бытийную сторону становления научного знания.

13.5. В контекстах художественного дискурса *кажется*₁₇ принадлежит прямой речи персонажа, в этом случае парентеза отражает замысел автора создать речевой портрет персонажа как человека рассуждающего, рефлектирующего над процессом осмысления событий фикционального мира, опирающегося на фоновые знания о предмете мысли, обобщающего и систематизирующего их в процессе обдумывания.

13.6. Нарративная функция парентезы *кажется*₁₉ связана с ее использованием в качестве средства создания 'внутренней точки зрения', которая реконструирует психологическое состояние персонажа, не доступное внешнему наблюдению рассказчика. В 'Я'-контексте 'внутренней речи персонажа' парентеза маркирует актуальный рефлексивный акт – 'персонаж пребывает в процессе самоосознания, подбирает слова для того, чтобы описать то, что он чувствует'.

13.7. Рефлексивный акт входит в структуру рассуждения как типа мыслительной деятельности человека. В 'Я'-контексте рассуждения парентеза *кажется*₂₀ ассоциируется с актуальным, продолжающимся в настоящем времени рефлексивным актом субъекта над своей способностью либо делать выводы, либо понимать и объяснять обнаруживаемые противоречия.

13.8. Парентеза *кажется*₂₁ опять отражает авторскую рефлексивность по поводу успешности / неуспешности осуществления своего художественного замысла: рефлектируя над собствен-

ными неудачами, автор доверительно делится с читателем планами о дальнейшем развитии сюжетной линии, раскрывает свои намерения. 'Я'-контекст эксплицитной авторской рефлексии над собственной дискурсивной деятельностью отличается намеренно создаваемым эффектом квазикоммуникативного взаимодействия автора с читателем. Автор привлекает внимание читателя к себе, делает себя «действующим» лицом произведения, часто имитируя образ говорящего, ведущего дружескую беседу.

14. Четвертый дискурсивный сценарий реализуется во внешнем информативном контексте свободной косвенной речи: в таком контексте представлен либо собеседник в диалоге, либо субъект обыденного монологического рассказа, либо субъект эпистолярной стратегии, либо нарратор в контекстах художественного дискурса.

14.1. В диалогическом речевом акте переспроса собеседника парентеза *кажется*₄ выполняет функцию индикатора чужой речи – 'несобственной прямой речи'. В таком случае в вопросительном высказывании говорящий просит подтвердить, правильно ли он воспроизводит / понимает чужие слова. Возможна другая ситуация: говорящий не согласен с собеседником, и поэтому повторяет его слова для того, чтобы возразить оппоненту. В реактивных речевых актах возражения собеседнику *кажется* «смягчает» иллокуцию речевого акта, модифицирует ее, а именно: 'говорящий побуждает собеседника пояснить, как следует понимать слова последнего'.

14.2. Парентеза *кажется*₇ используется говорящим в контексте обыденного (монологического) рассказа в том случае, если говорящий пересказывает чужие слова и при этом указывает на автора этих слов. Парентеза *кажется*₇ оформляет скрытое присутствие говорящего в высказывании, связывает говорящего с субъектом-источником информации, имплицитно метатекст – 'Я пытаюсь вспомнить того, кто это сказал. Я могу ошибаться'.

14.3. Нарративная функция парентезы *кажется*₁₀ обуславливается стратегией пишущего, направленной на преодоление «ущербности» эпистолярной коммуникации. Апелляция к предыдущей интеракции (*Я уже, кажется, писал, что...*) формирует диалогический стиль монологического текста, при этом субъект

ект хочет оставаться релевантным, т. е. быть кратким и повторять только самое главное из ранее сообщенного ('субъект как будто бы не помнит точно, сообщал он ранее эту информацию или нет'). Парентеза выполняет функцию метанарративного маркера стратегии автореферентного повтора – повторяется уже известное адресату содержание ради облегчения понимания новой информации.

14.4. В контексте свободной косвенной речи, в рамках стратегии пересказа нарратором речи персонажа, парентеза играет двойную роль – в дискурсе персонажа сигнализирует о его рефлексивном акте – 'интерпретации' (*кажется*₂₈), а в дискурсе нарратора имплицитно указывает единую пространственно-временную локализованность нарратора и персонажа. Если контекст содержит предикативную конструкцию типа – *он сказал, что...*, – то субъектная структура контекста усложняется: в нем два субъекта речи – персонаж и нарратор, а также представлен субъект рефлексии – персонаж. Нарративная стратегия описывает состояние сознания персонажа, строится как совмещающая две точки зрения – «изнутри» сознания персонажа и оценивающая позиция «извне», принадлежащая нарратору-наблюдателю.

14.5. В контексте свободной косвенной речи, в рамках стратегии пересказа нарратором речи персонажа, парентеза *кажется*₂₉ также играет двойную роль – в дискурсе персонажа сигнализирует о его рефлексивном акте 'припоминания', а в дискурсе нарратора имплицитно указывает единую пространственно-временную локализованность нарратора и персонажа. Нарратор моделируется в контексте как находящийся в том же локусе, что и его персонажи, нарратор как будто «слышит» то, что говорит персонаж, и пересказывает его слова читателю.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Интегральный метод исследования, складывающийся из частных методик семантического, когнитивного, а также коммуникативного и дискурсивного видов анализа, был апробирован на значительном языковом материале; была продемонстрирована его релевантность для решения поставленных в исследовании задач. Атомистический – исчисление контекстных значений – подход позволил (на уровне поверхностной языковой семантики) собрать «сумму» контекстных значений слова, осмыслить варьирование когнитивной семантики слова в разных коммуникативных и дискурсивных типах контекста. Холистический – когнитивный – подход позволил обобщить полученные эмпирические данные, осуществить операцию «извлечения общего знаменателя» из всех значений (концептуализаций); выявить повторяющуюся структуру когнитивных процессов, в которой отражены шаблоны понимания и мышления; реконструировать единый гештальт-сценарий концептуальной области *кажимости* (на уровне концептуальной семантики).

2. Содержательные итоги проведенного семантического, коммуникативного и дискурсивного видов анализа (атомистический подход) можно свести к следующим теоретическим положениям: каждый дискурс «разрабатывает» свою систему контекстных значений (концептуализаций) слова; система зафиксированных значений (концептуализаций) показывает зависимость языковой семантики, с одной стороны, от дискурсивной деятельности субъекта, его интенций, с другой – от познавательного (когнитивного) опыта, знаний; результаты исследования свидетельствуют о том, что отсутствует четкая граница между языковыми значениями и человеческим опытом, переход от по-

знавательного опыта к языковому значению непрерывен. Анализ семантики контекстов с *казаться, показаться* по заданным параметрам ('дискурсивный тип контекста', 'коммуникативный тип контекста', 'коммуникативный регистр', 'субъектная структура контекста' и др.) показал *variationes multae* глагольных слов (в таблицах № 2, № 3, № 4, № 5 представлены тридцать контекстных значений). Дискурсивно-интерактивные значения парентезы *кажется* также могут быть описаны термином *variationes multae* (двадцать девять значений). Анализ же семантики контекстов с девербативом *кажимость* продемонстрировал *variationes parvae* этого слова: были зафиксированы два значения в контекстах научного дискурса.

3. Когнитивно-дискурсивное исследование значительного по объему языкового материала позволило верифицировать теоретическую идею о двухуровневой организации когнитивной семантики слова, состоящей из анализируемого уровня поверхностной языковой семантики и реконструируемого уровня концептуальной семантики (когнитивного).

4. В целях дополнения и разработки этой теории был проведен диахронический анализ, позволивший сделать вывод об исторической обусловленности концептуальной семантики. Старое существительное *казь* обозначало 'искажение', глагол *казати* в контексте – *объект мне себя кажет* – имел значение 'объект мне себя показывает, дает видеть'. Во внутренней форме концептуализируется то, как изначально был познан онтологический процесс зрительного восприятия человеком некоторого объекта; представлены первоначально закрепленные за глагольным словом интенционал и экстенционал. Экстенционалом выступает сам онтологический процесс зрительного восприятия, интенционал же представлен концептуализацией: 'вызываемое во мне впечатление – перцептивный образ предмета – представляет собой известное подобие воспринимаемого предмета, но не является его абсолютным двойником; возникающий ментальный образ может оказаться ошибочным, искаженным'. Концептуализируется дистанция между объектом 'как он есть' и его ментальной репрезентацией, полученной в результате обработки перцептивных данных сознанием.

В когнитивной структуре – 'объект показывает себя человеку, но не всегда ментальный образ объекта соответствует

тому, что есть на самом деле' – имеет место скрещение гносеологического и онтологического, субъективного и объективного аспектов познания. Познавательные способности человека ограничены: человек не может до конца понять сложную суть объекта.

5. В целях лингвокогнитивного моделирования предмета исследования был реконструирован гештальт-сценарий концептуальной области *кажимости*. В силу диалектического соединения перцептивного и эпистемического модусов, **единый гештальт-сценарий** состоит из двух частей, **с одной стороны**, предполагается наличие субъекта-экспериенцера; а также его перцептивный акт; наблюдаемый им объект; первый, потенциально ошибочный / искаженный образ объекта; потенциальная возможность осуществить акт рефлексивной проверки первого впечатления и установить истину; **с другой** – наличие субъекта-носителя знания; его знание об искаженном характере восприятия субъекта-экспериенцера, несоответствии первого впечатления субъекта-экспериенцера тому, что имеется в действительности; имплицитные / эксплицитные **знания** о причинах, приведших к искажению результатов перцепции.

6. Гештальт-сценарий можно «развернуть» в **концептуальную смысловую** область. Метакогнитивная репрезентация гештальта концептуальной области *кажимости* включает концептуализированный в семантике контекстов **когнитивный опыт** и **знания**, представленные в **диффузном, свернутом виде**, и поэтому зачастую не осознаваемые простыми носителями языка: 'Говорящий знает, что можно не разглядеть наблюдаемый объект как следует, если, например, находиться на большом расстоянии от него, т. е. первое впечатление от увиденного может оказаться ошибочным. Говорящий также знает, что впоследствии можно подойти ближе к наблюдаемому объекту и рассмотреть его, т. е. перепроверить результаты перцепции эмпирически. Это позволяет сформировать более полное представление (знание) об объекте. Впоследствии – с позиции полученного представления / знания – говорящий рефлектирует над своим первым зрительным впечатлением, оценивает его как истинное или ошибочное. Говорящий также знает, что существуют особые обстоятельства, под действием которых могут исказиться зрительные образы объектов действительного

мира и у наблюдателя могут возникать зрительные иллюзии или галлюцинации'.

7. Анализ в терминах 'фон – фигура' позволил схематично показать корреляцию между концептуальным уровнем (гештальт-сценарий) и уровнем поверхностной языковой семантики. Реконструированный нами гештальт концептуальной области *кажимости* выполняет роль 'фона', на котором выделяется 'фигура' – семантика контекста с глагольным предикатом *казаться / показаться*. При этом в 'фигуру' всякий раз попадает только фрагмент концептуальной области, а оставшаяся часть концептуальных смыслов дефокусируется, «затемняется», но полностью не исчезает. Так, фрагмент первой части гештальт-сценария становится 'фигурой' в репродуктивном контексте, а вторая часть гештальт-сценария выделяется в качестве 'фигуры' в контексте эпистемического типа.

8. Реконструируемая нами концептуальная область *кажимости* может быть описана как целостная, континуальная, диффузная, неопределенная, размытая, не имеющая четких границ. В отличие от концептуальной, поверхностная языковая семантика предстает как более конкретный фрагмент концептуальной области, как будто бы выхваченный когнитивным фокусом. Корреляция между семантикой контекста и семантикой слова в контексте опять может быть представлена в терминах 'фон – фигура'. В соответствии с правилом выделения 'фигуры' на 'фоне', в семантике каждого контекста «высвечивается» свое (более конкретное) значение глагольного слова.

9. Применение методики когнитивного анализа в терминах 'фон – фигура', 'фокус' к уровню поверхностной семантики позволило определить правило построения репродуктивного контекста. Репродуктивный контекст строится в соответствии с общими принципами зрительного восприятия: отражает распределение внимания и прототипическую ситуацию восприятия. В репродуктивном контексте конструируется пространственная перспектива позиция наблюдателя, т. е. местоположение, из которого субъект наблюдает за происходящим.

9.1. Гештальт интересующей нас концептуальной области отражается в семантике репродуктивного контекста, который строится так: субъект-наблюдатель первый раз замечает объект, находясь на значительном расстоянии от него (*издалека*

кажется), большой объект *кажется* маленьким пространственно удаленному наблюдателю; возможны также и другие обстоятельства-причины, затрудняющие процесс наблюдения или искажающие впечатление, например, перемещающийся объект *кажется* стационарным перемещающемуся наблюдателю (*Из окна движущегося поезда машины кажутся стоящими на месте; В темноте деревья кажутся огромными*).

9.2. Гештальт-сценарий также фиксирует принципиальную возможность изменения первого впечатления субъекта: например, если наблюдатель приближается к заинтересовавшему его объекту, то получает возможность лучше рассмотреть объект, сформировать более полное представление о нем. С позиции этого, более полного представления / знания субъект получает возможность осмыслить первичное впечатление как соответствующее или не соответствующее тому, что имеется в действительности, оценить первое впечатление как истинное или обманчивое.

10. Значение имперфективного глагола *казаться* представляет процесс актуального наблюдения говорящим некоторого объекта действительного мира. В момент актуального наблюдения время события совпадает со временем перцептивного акта, и поэтому говорящий еще не может оценить свое впечатление как ошибочное или искаженное, однако он обладает априорным знанием об этом.

11. Знание о том, что первое впечатление может быть ошибочными / искаженным, как факт индивидуального сознания формируется в процессе эмпирического познания мира человеком, оно становится фундаментом для реконструируемой концептуальной области. Это же знание как факт коллективного сознания концептуализируется в конвенциональной семантике слов *казаться, показаться, кажимость, парентезы кажется*; в силу этого носитель языка усваивает это знание в раннем детстве в процессе изучения родного языка. Между двумя когнитивными репрезентациями знания устанавливается корреляция.

12. Когнитивная семантика глагольного предиката представляет как будто бы «слепок» с онтологического процесса: **иконичность** семантики проявляется в том, что в контекстах с глагольным предикатом процесс восприятия концептуализируется как динамичный процесс, состоящий из этапов. Первый

этап – перцептивное восприятие, второй этап – ментальное осмысление перцептивных данных. Каждый из двух названных этапов восприятия получает репрезентацию в контексте репродуктивного или информативного (эпистемического) типа.

12.1. Ментальное осмысление перцептивных данных концептуализируется в информативном контексте. Информативный 'Я'-контекст воссоздает другую прагматическую ситуацию: 'говорящий не находится в локусе описываемого им события; говорящий интерпретирует ситуацию, оценивает ее с позиции предварительных знаний' (*Мне эта точка зрения кажется странной; Мне кажется, всех надо судить одной меркой*).

12.2. Целостность концептуальной семантики проявляется в том, что информативное значение сохраняет связь с репродуктивным. Интерпретация, умозаключение, вывод восходят к акту перцепции, имеют эмпирическую основу. Это показывают контексты, в которых предикаты, маркируя процесс интерпретации, осмысления чего-то, тем не менее, сочетаются с распространителями *с первого взгляда кажется / может показаться; на первый взгляд кажется / могло показаться*.

12.3. Этап ментального осмысления перцептивных данных получает в дискурсивном контексте когнитивный статус 'знания' субъекта. 'Знание', в свою очередь, формирует пресуппозитивную базу для рефлексивного акта субъекта. Потенциальный акт проверки ошибочности / искаженности впечатления / мнения превращается в реальный рефлексивный акт в определенных условиях – это отражают контексты, в которых репрезентируется вторая часть гештальт-сценария: появляется субъект-носитель знания; его знание об искаженном характере восприятия субъекта-экспериментатора, о несоответствии первого впечатления субъекта-экспериментатора тому, что имеется в действительности; знания о причинах, приведших к искажению результатов перцепции. Говоря когнитивистским языком, в 'фокус' попадает вторая часть гештальт-сценария, в то время как первая часть перемещается в 'фон', но полностью не исчезает.

13. Глагольные предикаты *казаться, показаться, девербатив кажимость* служат для того, чтобы фиксировать и удерживать в памяти ту структуру знания, которую мы определили и описали как гештальт-сценарий концептуальной области *кажимости*. Когнитивно-дискурсивный анализ языкового мате-

риала показал, что слово реагирует на развитие самой структуры знания, а также на особенности использования и понимания этой структуры знания разными говорящими – прежде всего, субъектами разных дискурсов. Знание динамично по своей природе, и в обществе, в силу научного прогресса, постоянно происходит процесс роста знаний. Вслед за изменением знания меняется значение слова, поскольку роль слова заключается в том, чтобы активизировать определенную структуру знания, ассоциированную со словом.

14. Семантика собранных и проанализированных контекстов свидетельствует о том, что субъекты разных дискурсов обладают разными знаниями о том, что обозначается пропозициональной структурой *кто / что кому кажется / может показаться каким / чем*. Особенно ярко это обнаруживается при сопоставлении контекстов научного дискурса с контекстами других дискурсивных типов – обыденного, публицистического, художественного. В научной сфере вместе с расширением и углублением знаний происходит расширение и уточнение экстенциональной области слова по сравнению с той, которая была зафиксирована его интенционалом и закреплена первоначально. У слова возникают новые значения и новые концептуальные структуры (концептуализации).

15. В системе контекстных значений научного дискурса когнитивный признак 'знание о том, что первое впечатление может быть ошибочными / искаженным / ложным' приобретает **когнитивный статус научного факта, теоретического знания** о том, какие иллюзорные эффекты могут сопровождать процесс восприятия. В дискурсе психологии постулируются знания о возникающих зрительных иллюзиях (*казаться₁₆*), их причинах; галлюцинациях, их причинах (*казаться₁₇*).

16. Девербатив *кажимость* репрезентирует научный концепт, концептуальная семантика девербатива соотносится со всеми позициями гештальт-сценария в целом. Девербатив *кажимость* относится к категориям очень высокой степени инферентности, которые отражают восприятие мира человеком на универсально-обобщенном уровне. В семантике девербатива перцептивный модус как бы отчуждается от конкретного человека, превращается в философскую категорию, которая приобретает фактуальное значение. В контекстах научного дискурса

эксплицируются знания о том, что в процессе эмпирического познания мира каждый человек сталкивается с определенными трудностями: ошибки восприятия могут возникать, когда не учитывается различие условий наблюдения объекта и условий его существования (*Кажимость восхода и захода Солнца вызвана тем, что мы вместе с Землей движемся вокруг Солнца*). В научном дискурсе проблема зрительного восприятия действительных размеров предмета связывается со знаниями о том, как влияют изменяющиеся условия на результаты перцепции. Результаты процесса познания обуславливаются определенными внешними обстоятельствами (условиями наблюдения, размерами наблюдаемого объекта и др.) и внутренними причинами (несовершенством зрительного аппарата человека и другими дефектами познавательных способностей – *Мед может показаться горьким при определенных заболеваниях печени*).

Рассмотренные нами значения девербатива *кажимость* (гносеологическая vs. онтологическая), *казаться*₁₈, *казаться*₁₉ имеют непосредственное отношение к гносеологической проблеме субъективного и объективного в познании, связаны с вопросом о различении *'мира как он есть'* vs. *'мира, каким он кажется'*. В процессе познания осуществляется дифференциация истинного и неистинного, иллюзорного и действительного.

17. Материал нашего исследования позволяет представить когнитивный процесс создания разных концептуализаций (значений) как акт «применения» когнитивного гештальт-сценария субъектом в целях, связанных с его дискурсивной деятельностью – обыденной, или публицистической, или научной, или художественной. Когнитивный процесс создания различных концептуализаций коррелирует с процессом порождения полисемии слова. В каждом из названных дискурсов «разрабатывается» своя система контекстных значений слова, при этом возрастает семантическое расстояние между ними.

17.1. Сопоставительный анализ семантики контекстов разных дискурсов показал, что в контекстах научного дискурса возрастает степень абстракции и отвлечения от чувственных, перцептуальных значений, представленных в контекстах обыденного дискурса. В терминах 'фокусирование – дефокусирование' были проанализированы изменения в концептуализациях *казаться*₁; *казаться*₂; *казаться*₃; *казаться*₄; *казаться*₅; *казаться*₆;

ся₆; казаться₇ vs. казаться₁₄; казаться₁₅; казаться₁₆; казаться₁₇; казаться₁₈; казаться₁₉. Изменения в концептуализациях были представлены как процесс смены когнитивного фокуса: востребованные когнитивные признаки попадают в 'фокус', выдвигаются на передний когнитивный план, становятся 'фигурой', а невостребованные признаки дефокусируются, отодвигаются в концептуальный 'фон', но полностью не исчезают. Этот анализ позволил представить когнитивную операцию создания концептуализаций как процесс абстрагирования от конкретного субъекта-экспериментера, его единичного перцептивного акта, наблюдаемой денотативной ситуации. Степень когнитивной «удаленности» от денотативной ситуации увеличивается в направлении от казаться₁ к казаться₁₉; рассматриваемый ряд отражает «скольжение» значений от актуального, эмпирического опыта человека к возможному, умозрительному, а от него к абстрактному значению – 'ложное восприятие' ('галлюцинации'); 'отсутствие реальности' ('онтологическая кажимость'). Языковая абстракция создается за счет когнитивного процесса дефокусирования названных признаков. Описанные изменения вызываются коммуникативными ('Я'-; 'Ты'-; 'Он'-контекст; репродуктивный / информативный / генеритивный / реактивный / волюнтивный регистр) и когнитивными – знаниями о разных феноменах – факторами.

17.2. В итоге возникает полисемия, притом появление новых значений у слова вполне укладывается в явление регулярной, т. е. моделируемой по определенным правилам полисемии. Регулярная полисемия не разрушает тождества слова. Многозначное слово цементируется единым гештальт-сценарием. Подвижность значений, их гибкость, их динамизм, проявляющийся в постоянном взаимодействии интенционалов и экстенционалов слова, становится неперенным компонентом развития языка как такового и обеспечивает выполнение им главной функции – работы с информацией, включая в эту работу как ее фиксацию в сознании говорящих, так и целевое предназначение ее для передачи другим людям.

18. Вывод о том, что система дискурсивных (контекстных) значений слова казаться / показаться обуславливается комплексом дискурсивных и коммуникативных факторов, подтверждается материалом как публицистического, так и худо-

жественного дискурса. Среди важнейших факторов необходимо назвать тактико-стратегические установки субъекта, его дискурсивную логику – то, как мыслит субъект дискурса, как он использует языковые средства для достижения своих коммуникативных целей.

19. Когнитивная семантика глагольных предикатов *казаться, показаться* в контекстах публицистического дискурса связана с реализацией публицистических стратегий и тактик: ‘субъект рассуждает, рефлектирует над относительностью логического вывода – ‘если принять другое условие, то и следствие будет другим’; ‘субъект рассуждает; рефлектирует над этапами формирования собственной мысли, умозаключения’; ‘восстанавливая в памяти описываемое событие и его участников, публицист допускает возможность искажения фактов’; ‘публицист развенчивает стереотипы сознания моделируемой социальной группы либо стереотипы обыденного сознания, призывает адресата к более фундаментальному осмыслению предмета обсуждения’. Метаобъектная дискурсообразующая позиция связана со значениями ‘неопределенный множественный субъект-экспериментер’ (*украинским политикам кажется*) и ‘максимально обобщенный субъект-экспериментер’ (*всем обывателям кажется*), что отражает дискурсивную логику публициста: автор присваивает себе право устанавливать такое референциальное соотношение разоблачаемого впечатления / мнения с действительным миром, которое отражает его замысел и риторическую стратегию. В субъектной структуре публицистического контекста создается иерархия: в роли субъекта-экспериментера, носителя первого взгляда (*кому кажется*), выступает обобщенно представленный субъект обыденного сознания, публицист же «наделяется» статусом субъекта рефлексии, обладающего профессиональными знаниями и опытом, необходимыми для разоблачения поверхностности, недостаточности первого впечатления субъекта обыденного сознания. Публицистическая тактика сталкивает стереотипы обыденного сознания с профессиональным (научным) представлением о предмете, раскрывает сложность того, что *кажется обывателю / читателю простым на первый взгляд*.

20. Система контекстных значений слова в материале художественного дискурса служит созданию сложного коммуни-

кативного плана фикционального мира, полидискурсивность которого проявляется в противопоставленности дискурсов нарратора или рассказчика дискурсу персонажа. В контексте репродуктивно-описательной стратегии за счет субъектной валентности глагольного предиката формируется позиция наблюдателя (*кому кажется / показалось*), благодаря объектной валентности (*кто / что*) возникает перцептивный план фикционального мира – «наблюдаемая» природная, предметная среда. В 'Я'-контексте внутренней речи персонажа глагольный предикат отражает «внутренний» взгляд нарратора, который «вживается» в сознание персонажа. Дискурсивная логика субъекта предполагает всезнание автора, владеющего полной информацией о внутренней жизни персонажей.

20.1. Глагольные предикаты *казаться, показаться* участвуют в формировании однофокусной и двуфокусной мегастратегий ('ОН'-контексты). Однофокусная мегастратегия представляет нарратора одновременно и как носителя абсолютных знаний о персонаже, и как наблюдателя за происходящим в пространстве фикционального мира. Однофокусная мегастратегия **имплицитует** полидискурсивную организацию коммуникативного плана повествования. В контексте возникает внутрифразовое двуголосие: впечатления, мысли, слова персонажа органично включаются в дискурс нарратора. Однофокусная мегастратегия представлена двумя стратегиями – первая отражает ироническое отношение автора к несовершенству, легкомысленности персонажа (при этом в контекстах не возникает оценки 'ложности, ошибочности впечатлений / мнений персонажа'; в них чаще употребляется имперфективный глагол); вторая отличается отсутствием иронии автора, солидаризацией автора с персонажем: всезнающий нарратор сам ведет наблюдение за персонажем, при этом сообщает о том, что видит и думает персонаж.

20.2. Двуфокусная мегастратегия организована сложнее: в ней разделены внешняя и внутренняя точки зрения (фокусы). Внешняя точка зрения приписывается стороннему наблюдателю (или персонажу), она формирует дополнительный фокус. Внутренняя точка зрения всегда принадлежит нарратору и отражает его знания о событиях фикционального мира, она формирует основной фокус. Двуфокусная мегастратегия представ-

лена тремя стратегиями: первая – ‘нарратор сначала сообщает о том, что видит сторонний наблюдатель, а впоследствии излагает свои знания о происходящем’; вторая – ‘благодаря *кажмости* первого впечатления стороннего наблюдателя, нарратор получает возможность раскрыть глубинную правду о персонаже в результате создания контрастного сопоставления правды (внутренней сути персонажа) и *кажмости* (внешнего впечатления, которое производит персонаж на наблюдателя)’; третья – ‘персонажу нечто мерещится, чудится, *кажется*, в то время как нарратор знает о том, что этого нет’ (в этом значении чаще используется перфективный глагол).

21. Когнитивно-дискурсивное исследование исторически обусловленной семантики **парентезы *кажется***, сопоставление с семантикой исходного глагольного слова *казаться* позволило определить специфику парентезы. Парентеза *кажется* не имеет собственного понятийного значения, функционально связана с рефлексией субъекта над когнитивной деятельностью, содержание которой обусловлено различными планами внешнего контекста.

22. **На когнитивном уровне** парентеза *кажется* соотносится с фрагментом гештальт-сценария – когнитивным признаком ‘потенциальная возможность осуществить акт рефлексивной проверки первого впечатления и установить истину’. За счет внутренней формы, «отсылающей» к настоящему времени, парентеза *кажется* ассоциируется с актуальным рефлексивным актом субъекта.

23. Сопоставление семантики глагола и парентезы позволило сделать вывод о семантическом результате диахронического процесса преобразования глагола в парентезу: у парентезы *кажется* произошел процесс семантического «опустошения» исходного значения глагола *казаться*. Различия между глаголом и парентезой были представлены на двух уровнях – поверхностном семантико-синтаксическом и когнитивном. На синтаксическом уровне исторический процесс привел к элиминации синтаксических актанта *кто / что – кому – каким / чем* из пропозиции *кто / что кому кажется каким / чем*. На когнитивном уровне – к ‘дефокусированию’ информации о субъекте-экспериментере (*кому*), наблюдаемом объекте (*кто / что*), содержании первого впечатления / мнения (*каким / чем*). Процесс

‘дефокусирования’ состоит в **абстрагировании** от названных компонентов информации, перемещении их в ‘фон’ – семантику внешнего контекста. Параллельно происходит **сужение фокуса** на когнитивном признаке ‘рефлексивный акт’, т. е. фокусность в семантике парентезы возрастает. По сравнению с глагольным предикатом, контекстное значение парентезы обнаруживает еще большую обусловленность содержанием внешнего контекста – ‘фона’. ‘Дефокусирование’ в семантике парентезы (по сравнению с глагольным предикатом) коррелирует с ее интонационной обособленностью и синтаксической изолированностью в предложении.

24. В сознании носителей современного языка парентеза *кажется* не ассоциируется с такими когнитивными актами, как ‘перцептивный акт’ (вижу, слышу, чувствую), ‘интерпретация перцептивных данных’, ‘акт воспоминания’ и др. Парентеза ассоциируется с ‘рефлексивным актом субъекта над актуальной когнитивной деятельностью’. Актуальная когнитивная деятельность субъекта представлена в семантике внешнего контекста, в разных дискурсивных контекстах это может быть либо ‘перцептивный акт’ (вижу, слышу, чувствую), либо ‘интерпретация перцептивных данных’, либо ‘акт воспоминания’ и др.

25. Несмотря на диахронический процесс «опустошения» поверхностной семантики глагольного слова *казаться*, особенности его когнитивной семантики продолжают определять характер рефлексивного акта, маркируемого парентезой *кажется*.

26. Результат диахронического процесса преобразования глагола в парентезу был описан в терминах ‘грамматикализации’ и ‘прагматикализации’ исходного значения глагольного слова. **Грамматикализация** связана с историческим процессом редуцирования ‘Я’-модусной рамки до слова-парентезы с более абстрактным значением: *мне кажется* → *кажется*. Грамматикализацию можно рассматривать с точки зрения распределения внимания, особенно дефокусирования, поскольку дефокусирование позволяет «затемнить» ненужные, невостребованные элементы исходного значения глагольного слова. Парентеза обнаруживает диалектическую противоречивость формы и содержания, асимметрию формы и содержания, которая выражается, с одной стороны, в синтаксической (грамматической) независимости слова-парентезы в составе предложения, а с другой – в

еще большей (в сравнении с глагольным предикатом) семантической зависимости от содержания внешнего контекста.

27. **Прагматикализация** исходного значения глагольного слова *казаться* состоит в изменении понятийной семантики в сторону дискурсивно-интерактивных значений.

27.1. **В диалогических речевых актах** дискурсивно-интерактивные значения парентезы *кажется* отражают психологические аспекты диалогического общения коммуникантов – эмпатию, вежливость, кооперативность в общении с собеседником. В инициальных речевых актах парентеза выражает осознание говорящим возможной импозиции начала дискурса, имплицитно: ‘Прости за то, что навязываю тебе свою тему разговора’. Коммуникативная функция парентезы *кажется* связана с выражением: либо диалогической установки говорящего на дополнительную верификацию: ‘Поправь меня, если я ошибаюсь’, либо вежливого предупреждения о возможном вторжении в личную сферу собеседника.

27.1.1. В реактивных речевых актах возражения собеседнику *кажется* «смягчает» иллокуцию речевого акта, модифицирует ее: ‘говорящий побуждает собеседника пояснить: как следует понимать слова последнего’. Высказывание без парентезы звучит как упрек или претензия собеседнику. Парентеза сигнализирует о том, что говорящий остается кооперативным собеседником, готов учесть чужое мнение, приглашая Другого к верификации высказанной мысли, оценки.

27.1.2. Анализ диалогического материала показывает, что часто колебания говорящего, маркируемые парентезой *кажется* – ‘я предупреждаю тебя, что могу ошибаться’, отражают **прагматически релевантную неточность**, так как обыденный диалогический дискурс предоставляет говорящему определенную свободу, право на ошибку.

27.2. В контекстах разных нарративных жанров – обыденного рассказа, бытового письма, личных авто- / биографических мемуаров, записок, дневника; художественного и публицистического эссе, научно-публицистического нарратива – парентеза *кажется* выступает маркером особого когнитивного стиля рефлектирующего, рассуждающего субъекта.

27.2.1. В реализации стратегий и тактик обыденного рассказа *кажется* значима как маркер когнитивного стиля, близкого

к рассуждению – говорящий не претендует на абсолютную точность и исчерпывающую информационную полноту. Актуальное рассуждение становится мотивацией оценки; оно наделяет соответствующий речевой акт экзистенциальной значимостью и, как следствие, предопределяет ценность рассуждения в дискурсе (диалоге / споре).

27.2.2. В контекстах разных жанров авто- / биографического нарратива парентеза отражает процессуальность мышления, его актовую, бытийную сторону; тот факт, что автор и в момент речи продолжает осмыслять описываемое событие из прошлого. Способность отражать актовость мышления субъекта делает парентезу *кажется* языковым средством, которое часто употребляется в жанре художественных мемуаров как маркер диалогического, неавторитарного когнитивного стиля.

27.2.3. В эссеистическом нарративе, структура которого предполагает ту или иную разновидность парадокса, парентеза *кажется* задает условия его реализации. *Кажется* используется как средство создания антитезы. Эта риторическая фигура маркирует противопоставление разных этапов мыслительного процесса: *кажимость* первичного впечатления соотнесена с последующими рефлексивными актами. Риторическую установку автора можно интерпретировать как направленную на столкновение двух противоположных точек зрения – первой, поверхностной, обыденной, стереотипной, и второй, более глубокой, связанной со знанием жизни, мудростью и опытом рефлектирующего субъекта. Носитель первой точки зрения моделируется в тексте как субъект обыденного дискурса, носитель стереотипного мнения, непрофессионал, автор же эссе моделируется как носитель второй точки зрения, субъект рефлексии. *Кажется* задает своеобразную интригу текстовой проспекции: сигнализирует о том, что далее в дискурсе последует развитие авторской мысли.

27.2.4. В научно-популярном дискурсе парентеза *кажется* создает образ неавторитарного, кооперативного автора, который, уважительно относясь к мнению читателя-коллеги, настроен на диалог с ним, предлагает свое мнение для обсуждения с ним. В целом рефлексия, маркируемая парентезой *кажется*, отражает диалогичность мышления как такового, дискурсивность мысли говорящего: говорящий взвешивает все «за» и

«против», ищет объективные основания суждения и не претендует на «окончателность» высказанной мысли. Этот когнитивный стиль указывает на большую глубину постижения предмета, чем стиль категоричного утверждения, отражая переход от позитивистского типа знания к релятивистскому.

27.3. В художественном дискурсе парентеза *кажется* создает образ **имплицитного** рассказчика / нарратора, предоставляя автору дополнительную возможность выразить рефлексивный акт имплицитного рассказчика / нарратора. В соответствии с **дискурсивной логикой автора**, *кажется* имплицитно устанавливает установку объяснить читателю «видимое» и «слышимое» нарратором. Нарративная функция парентезы усложняется за счет импликаций – ‘нарратор наблюдает за описываемым событием’, ‘владеет полной информацией о персонажах, хочет объяснить читателю внутреннюю мотивацию поступков персонажей, раскрыть содержание их мыслей’.

Если нарративный контекст сообщает о пересказе нарратором слов персонажа (*он сказал, что...*), то парентеза становится индикатором синтаксической техники свободной косвенной речи – открывает особую субъектную позицию для рефлексивного акта персонажа в дискурсе нарратора. Субъектная структура контекста усложняется: в нем два субъекта речи – персонаж и нарратор, а также представлен субъект рефлексии – персонаж. Нарративная стратегия при этом строится как совмещающая две точки зрения: ‘изнутри’ сознания персонажа и оценивающая позиция ‘извне’, принадлежащая нарратору-наблюдателю.

28. Проведенное нами сопоставление дискурсивных значений парентезы *кажется* и глагольного предиката *казаться* позволило обнаружить сходства и различия между ними. Материал контекстов разных дискурсов – обыденного, публицистического, научно-популярного, художественного – свидетельствует, что парентеза *кажется* в самом общем виде «наследует» функциональные контексты глагольного предиката *казаться*.

28.1. В памяти носителей языка сохраняются основные контексты употребления глагольного предиката *казаться*, которые применительно к парентезе мы назвали **дискурсивными сценариями** и соотнесли с типом внешнего контекста и коммуникативным регистром. В семантике внешнего контекста запечатлеваются интенции субъекта, содержание его коммуника-

тивной и когнитивной деятельности, т. е. в целом отражается тот или иной дискурсивный сценарий.

28.2. Контекст парентезы может быть связан, во-первых, с внешним репродуктивным контекстом (первый дискурсивный сценарий); во-вторых, внешним информативным контекстом воспоминания (второй дискурсивный сценарий); в-третьих, внешним информативным контекстом интерпретации (третий дискурсивный сценарий); в-четвертых, внешним контекстом свободной косвенной речи – ‘пересказа (переспроса) субъектом чужих слов’ (четвертый дискурсивный сценарий). Коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-наблюдателя проецируется в контекст, обуславливает характер субъектной структуры внешнего репродуктивного контекста, включающего субъекта-наблюдателя, субъекта речи и субъекта рефлексии над полученным впечатлением. Коммуникативная и когнитивная деятельность субъекта-носителя знания реализуется в виде иной субъектной структуры, которая складывается из субъекта-носителя фоновых знаний, субъекта рефлексии и субъекта речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашина 2006 – Абашина В. Н. Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения. Л.: Изд. центр ЛНУ им. Франко, 2006. 344 с.

2. Авилова 1976 – Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.

3. Адамец 1966 – Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praga: Academia, 1966. 96 с.

4. Андерсон 2002 – Андерсон В. Г. Когнитивная психология. 5-е изд. СПб: Питер, 2002. 496 с.

5. Антоненко 2014 – Антоненко Ю. М. Когнітивно-комунікативні характеристики мовленнєвого жанру наукової рецензії як складника російського наукового дискурсу. Автореф. дис.... канд. філол. наук. Л., 2014. 22 с.

6. Апресян – Богуславский – Иомдин – Санников 2010 – Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 408 с.

7. Апресян 1966 – Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Просвещение, 1966. 302 с.

8. Апресян 1989 – Апресян Ю. Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 186–196.

9. Апресян 1993 – Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. М.: Русский язык, 1993. С. 6–17.

10. Апресян 1995а – Апресян Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. VIII с., 472 с.

11. Апресян 1995б – Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

12. Апресян 1995в – Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 135–155.

13. Апресян 1995г – Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 199–218.

14. Апресян 1995д – Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа считать // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 389–404.

15. Апресян 1995е – Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об обозначаемом лексемы // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 178–198.

16. Апресян 2003 – Апресян Ю. Д. Структура словарной статьи словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 2003. 2-е изд., испр. и доп. С. XII–XXI.

17. Апресян 2004 – Апресян Ю. Д. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 13–33.

18. Апресян 2008 – Апресян Ю. Д. От истины до лжи по пространству языка // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2008. С. 23–45.

19. Арутюнова – Падучева 1985 – Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.

20. Арутюнова 1973 – Арутюнова Н. Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. М., 1973. № 1. С. 117–124.

21. Арутюнова 1976 – Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.

22. Арутюнова 1987 – Арутюнова Н. Д. Глагол видеть в функции предиката пропозициональной установки // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспектах: Тезисы докл. раб. совещания. М.: Наука, 1987. С. 10–14.

23. Арутюнова 1988 – Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.

24. Арутюнова 1989 – Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 7–30.

25. Арутюнова 1990 – Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

26. Арутюнова 1993 – Арутюнова Н. Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 67–78.

27. Арутюнова 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

28. Арутюнова 2000а – Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–454.

29. Арутюнова 2000б – Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.

30. Арутюнова 2010 – Арутюнова Н. Д. Слово о диалоге // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2010. 472 с.

31. Асратян 2015 – Асратян З. Дискурс художественного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. 1. С. 30–32.

32. Аткинсон 1980 – Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения / пер. с англ. М.: Прогресс, 1980. 528 с.

33. Балли 1955 – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 416 с.

34. Барт 1983 – Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
35. Барт 1989 – Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
36. Бахтин 1979 – Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
37. Бахтин 1996а – Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. в 7 томах. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.
38. Бахтин 1996б – Бахтин М. М. Проблема текста // Собр. соч. в 7 томах. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 306–328.
39. Бахтин 1996в – Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 томах. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. 732 с.
40. Бацевич 2000 – Бацевич Ф. С. Основи комунікативної девіатології. Л.: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. 236 с.
41. Бацевич 2003 – Бацевич Ф. С. Нариси з комунікативної лінгвістики. Л.: ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. 278 с.
42. Бейтс 1984 – Бейтс Э. Интенции, конвенции, символы // Психолингвистика: сб. ст. / сост. А. М. Шахвич. М.: Прогресс, 1984. С. 50–103.
43. Бейкер 1985 – Бейкер А. Пресуппозиция и типы предложений // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 406–418.
44. Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика / ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
45. Бирвиш 1988 – Бирвиш М. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 93–152.
46. Богданов 1977 – Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1977. 204 с.
47. Богданов 1982 – Богданов В. В. О перспективе изучения семантики предложения // Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982. С. 22–28.
48. Богуславский 1980 – Богуславский И. М. Отрицание и противопоставление // Проблемы структурной лингвистики 1980. М.: Наука, 1982. С. 63–76.

49. Богуславский 1985 – Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985. 175 с.
50. Богуславский 1996 – Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М.: Наука, 1996. 360 с.
51. Богуславский 2004 – Богуславский И. М. Целое – Часть – Признак // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 34–53.
52. Бойко 2001 – Бойко Н. В. Словесный художественный текст как пантеизированный феномен в аспекте восприятия и интерпретации // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. 2001. № 520. Сер: Філологія. Вип. 33. С. 28–31.
53. Бойко 2002 – Бойко Н. В. Конвенциональность как лингво-философская универсалия // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. 2002. № 557. Сер: Філологія. Вип. 35. С. 6–10.
54. Бойко 2004 – Бойко Н. В. Конвенциональность и дискурс: парадоксы отношений // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. 2004. № 631. Сер: Філологія. Вип. 41. С. 201–203.
55. Бойко 2006 – Бойко Н. В. Концепция восприятия и интерпретации художественного текста А. А. Потемби в ее мыслеобразующем потенциале // Олександр Потемба: сучасний погляд: матеріали міжнар. читань, присвяч. 170-річчю від дня народж. фундатора Харк. філол. шк., 11–12 жовт. 2005 р. Харків, 2006. С. 46–51.
56. Болдырев 2006 – Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
57. Болдырев 2008 – Болдырев Н. Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. трудов. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 25–37.
58. Болдырев 2009 – Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: кол. монография / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. Н. Н. Болдырев. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
59. Болдырев 2016а – Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика глагола: сб. ст. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 222 с.
60. Болдырев 2016б – Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты: монография. 2-е изд., стереот. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 229 с.

61. Бондаренко 2009 – Бондаренко Е. В. Время как лингвокогнитивный феномен англоязычной картины мира: монография. Х.: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. 377 с.

62. Бондаренко 2014 – Бондаренко Е. В. Матричное моделирование. Дуальность времени в англоязычной картине мира: монография. Х.: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2014. 304 с.

63. Бондарко – Буланин 1967 – Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.

64. Бондарко 2004а – Бондарко А. В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.

65. Бондарко 2004б – Бондарко А. В. Признак коррелятивности в структуре грамматических категорий (на материале русского языка) // Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 221–232.

66. Бондарко 2005 – Бондарко А. В. Языковая интерпретация семантических категорий в сфере грамматики // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 139–148.

67. Бонно – Кодзасов 1998 – Бонно К., Кодзасов С. В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц «же» и «ведь») // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. С. 382–443.

68. Борборотько 2011 – Борборотько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либком», 2011. 288 с.

69. Борисова 1990 – Борисова Е. Г. Отражение коммуникативной организации смысла высказывания в лексическом значении // Вопросы языкознания. М., 1990. № 2. С. 113–120.

70. Борковский 1972 – Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессюжные сложные предложения, сопоставляемые со сложносочиненными. М.: Наука, 1972. 157 с.

71. Брунер 1977 – Брунер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации / пер. с англ. К. И. Бабицкого; общ. ред. А. Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. 285 с.

72. Брунер 1984 – Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 21–49.
73. Булаховский 1958 – Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд., доп. и перераб. К.: ГУПИ «Радянська школа», 1958. 411 с.
74. Булыгина – Шмелев 1989 – Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 31–55.
75. Булыгина – Шмелев 1993 – Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 78–82.
76. Булыгина – Шмелев 1997 – Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
77. Буслаев 1959 – Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 625 с.
78. Быкова 2010 – Быкова Л. А. «Мысль и язык» А. А. Потебни и современная когнитивистика // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія: Філологія. 2010. № 910. Вип. 60. Ч. 1. С. 491–496.
79. Вандриес 1937 – Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю // пер. с франц.; под ред. Р. О. Шор. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. 410 с.
80. Васильев 1981 – Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
81. Васильев 1982 – Васильев Л. М. Семантические типы предикатов. М.: Высшая школа, 1982. 160 с.
82. Вежбицка 1968 – Вежбицка А. Наброски к русско-семантическому словарю // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1968. № 12. С. 23–28.
83. Вежбицка 1978 – Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. VIII. Лингвистика текста. Сб.: пер. с разн. яз. / сост., ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
84. Вежбицка 1982 – Вежбицка А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XIII. Логика и лингвистика: Проблемы референции. Сб.: пер. с разн. яз. / сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1982. С. 237–262.
85. Вежбицка 1985 – Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.

86. Вежбицка 1986 – Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка: пер. с англ. / общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 336–370.

87. Вежбицка 1996 – Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

88. Вежбицка 1999 – Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языка / пер. с англ. А. Д. Шмелева; общ. ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

89. Вежбицка 2002 – Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. М., 2002. № 2 (4). С. 6–34.

90. Веккер 1998 – Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.

91. Величковский 1982 – Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1982. 336 с.

92. Вельмезова 2005 – Вельмезова Е. В. В начале была ... диффузность? (О философско-эпистемологических предпосылках некоторых эволюционистских теорий в лингвистике в конце XIX – XX в.) // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 73–86.

93. Вендлер 1985 – Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.

94. Вендлер 1987 – Вендлер З. Факты в языке // Философия, логика, язык: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 293–317.

95. Вертгеймер 1987 – Вертгеймер М. Продуктивное мышление: пер. с англ. / общ. ред. С. Ф. Горбова и В. П. Зинченко. М.: Прогресс, 1987. 336 с.

96. Видинеев 1989 – Видинеев Н. В. Природа интеллектуальных способностей человека. М.: Мысль, 1989. 176 с.

97. Виноградов 1958 – Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М.: МГУ, 1958. 400 с.

98. Виноградов 1959 – Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. 654 с.

99. Виноградов 1971 – Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.

100. Виноградов 1972 – Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 615 с.
101. Виноградов 1976 – Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М.: Наука, 1976. 511 с.
102. Виноградов 1977 – Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 162–192.
103. Виноградов 1978 – Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1978. 367 с.
104. Виноградов 1999 – Виноградов В. В. История слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Ин-т русск. яз. РАН, 1999. 1138 с.
105. Витгенштейн 1985 – Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 79–128.
106. Вригт 1986 – Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: избр. тр. / пер. с англ.; общ. ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986. 600 с.
107. Гак 1993 – Гак В. В. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 22–29.
108. Галич 2017 – Галич Г. Г. Ономаσιологические тенденции в когнитивной лингвистике: сб. ст. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 165 с.
109. Гаспаров 1996 – Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 352 с.
110. Гловинская 1993 – Гловинская М. Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 82–89.
111. Гловинская 1996 – Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 237–304.
112. Гловинская 2000 – Гловинская М. Я. Глаголы со значением передачи информации // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 403–416.
113. Гоготишвили 2006 – Гоготишвили Л. А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
114. Голованова 1996а – Голованова Е. И. О современном публичном диалоге // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М.: Наука, 1996. С. 142–150.

115. Голованова 1996б – Голованова Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 427–451.

116. Гордон – Лакофф 1985 – Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 276–302.

117. Грайс 1985 – Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

118. Грайс 2004 – Грайс Г. П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серль: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.

119. Грамматика-80 – Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. 1980. 710 с.

120. Гуйванюк 2002 – Гуйванюк Н. В. «Мовна картина світу» в синтаксичній номінації (на матеріалі українських перекладів М. Голя) // Культура народов Причерноморья. № 32. 2002. С. 373–374.

121. Гумбольдт 1984 – Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. Т. 1. 400 с.

122. Гумбольдт 1985 – Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / перев. с нем. М.: Прогресс, 1985. 450 с.

123. Гусев 2008 – Гусев С. С. Метафизика текста. Коммуникативная логика. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. 352 с.

124. Гуссерль 1998 – Гуссерль Э. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1998. 134 с.

125. Гуссерль 2009 – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.

126. Даммит 1987 – Даммит М. Что такое теория значения // Философия, логика, язык: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 127–212.

127. Дейк – Кинч 1988 – Дейк ван Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.

128. Дейк ван 1989 – Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

129. Дементьев 2006а – Дементьев В. В. Варьирование коммуникативных концептов // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 5–24.
130. Дементьев 2006б – Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
131. Демьянков 1980 – Демьянков В. З. Предикаты и концепция семантической интерпретации // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1980. № 4. С. 336–346.
132. Демьянков 1992 – Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 39–77.
133. Демьянков 1995 – Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 239–320.
134. Демьянков 2005 – Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.
135. Демьянков 2006 – Демьянков В. З. *Studia Linguistica Cognitiva* – призыв к сотрудничеству // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 5–7.
136. Дункер 1965 – Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления / пер. с нем. и англ.; под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.
137. Джонсон-Лэрд 1988 – Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 234–257.
138. Добровольский 2004 – Добровольский Д. О. Регулярная многозначность в сфере идиоматики // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 77–88.
139. Ермакова 2008 – Ермакова О. П. Метафора в отношении категории кажимости // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Изд-во «Индрик», 2008. С. 618–624.
140. Ерофеева 1992 – Ерофеева Т. И. Функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия в современной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь: Перм. гос. ун-т имени А. М. Горького, 1992. С. 83–89.

141. Жаботинская 2010 – Жаботинская С. А. Лингвокогнитивный подход к анализу номинативных процессов // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія: Філологія. 2010. № 928. С. 6–20.

142. Жаботинська 2011 – Жаботинська С. А. Методологія і методи сучасних лінгвістичних досліджень // Вісн. Львівськ. ун-ту. Серія філологічна. 2011. Вип. 52. С. 3–11.

143. Жоль 1982 – Жоль К. К. Проблема понимания как предмет гносеологического и семантического анализов // Понимание как логико-гносеологическая проблема. К.: Наукова думка, 1982. С. 170–191.

144. Жоль 1990 – Жоль К. К. Язык как практическое сознание (философский анализ). К.: Вища школа, 1990. 238 с.

145. Залевская 1985 – Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М.: Наука, 1985. С. 150–171.

146. Зализняк 2008 – Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.

147. Зализняк – Падучева 1989 – Зализняк Анна А., Падучева Е. В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 92–115.

148. Зализняк 2000 – Зализняк Анна А. Глагол говорить: Три этюда к словесному портрету // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 381–402.

149. Зализняк 2005 – Зализняк Анна А. Проблема внутренней формы слова в типологическом аспекте // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 87–108.

150. Зализняк 2006 – Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

151. Звегинцев 1967 – Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967. 338 с.

152. Звегинцев 2001 – Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.

153. Зельдович 1990 – Зельдович Г. М. Система минимальных значений частицы хоть и их взаимодействие с контекстом. Автореф. дисс....канд. филол. наук. Х., 1990. 20 с.

154. Зельдович 1998 – Зельдович Г. М. Русские временные квантификаторы // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 46. Wien, 1998. 190 с.

155. Зельдович 2012 – Зельдович Г. М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012. 648 с.

156. Земская – Китайгородская – Ширяев 1981 – Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

157. Земская 1987 – Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Наука, 1987. 238 с.

158. Золотова 1982 – Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

159. Золотова 1984 – Золотова Г. А. О принципах классификации простого предложения // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1984. 22 с.

160. Золотова 1988 – Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.

161. Золотова 1995 – Золотова Г. А. Труды В. В. Виноградова и проблемы текста // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 4. С. 7–12

162. Золотова 2000 – Золотова Г. А. О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Вопросы русского языкознания. М., 2000. Вып. 8. С. 11–23.

163. Золотова 2001а – Золотова Г. А. К вопросу о структуре текстов разного коммуникативного назначения // Языковая система в ее развитии во времени и пространстве: сб. ст. к юбилею К. В. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 322–332.

164. Золотова 2001б – Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 1. С. 107–113.

165. Золотова 2001в – Золотова Г. А. К вопросу о таксисе // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко / отв. ред. И. В. Недялков. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 170–175.

166. Золотова 2002а – Золотова Г. А. О возможностях функционального исследования языка // Русский язык в научном освещении. М., 2002. № 1 (3). С. 65–73.

167. Золотова 2002б – Золотова Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. М., 2002, № 3. С. 8–29.

168. Золотова 2002в – Золотова Г. А. К проблеме системности русской грамматики // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VIII. Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика. Тарту, 2002. С. 40–48.

169. Золотова 2005а – Золотова Г. А. О традициях и тенденциях в современной грамматической науке // Вопросы русского языкознания. Вып. 12: Традиции и тенденции в современной грамматической науке. М., 2005. С. 7–12.

170. Золотова 2005б – Золотова Г. А. Перфектив как категория структуры текста // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 149–161.

171. Золотова 2006а – Золотова Г. А. В чем смысл изучения грамматики? // Сборник «Обретение смысла». СПб.: Осипов, 2006. С. 31–38.

172. Золотова 2006б – Золотова Г. А. О возможностях грамматической науки // Вопросы языкознания. № 3. 2006. С. 14–21.

173. Золотова – Онипенко – Сидорова 2004 – Золотова Г. А, Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Ин-т русск. яз. им. В. В. Виноградов РАН, 2004. 544 с.

174. Иванов 2005 – Иванов В. В. К типологии и истории начальных цепочек энклитических частиц // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 109–131.

175. Иоанесян 1993 – Иоанесян Е. Р. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 89–95.

176. Йокояма 2005 – Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.

177. Ирисханова – Мотро 2009 – Ирисханова О. К., Мотро Ю. Б. Коммуникативное событие «обмен экспертными знаниями»: опыт лингвокогнитивного моделирования // Вестник МГЛУ. Вып. 557. Сер. Языкознание: Языковое существование человека и этноса. М., 2009. С. 147–168.

178. Ирисханова 2008 – Ирисханова О. К. О типах знания и семантической неопределенности (дело о деле) // Когнитивные исследования языка. Вып III. Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. трудов. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 148–157.

179. Ирисханова 2010 – Ирисханова О. К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах // Когнитивные исследования языка: Типы категорий в языке. Вып. VII. М.: ИЯЗ РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 78–93.
180. Ирисханова 2014 – Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
181. Иссерс 2002 – Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. 284 с.
182. Каган 1999 – Каган М. С. Философская теория ценности. М.: Текст, 1999. 205 с.
183. Бондаренко – Мартынюк – Фролова – Шевченко 2017 – Бондаренко Е. В., Мартынюк А. П., Фролова И. Е., Шевченко И. С. Как нарисовать портрет птицы: методология когнитивно-коммуникативного анализа языка: кол. монография / под ред. И. С. Шевченко. Х.: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2017. 246 с.
184. Карасик – Красавский – Слышкин 2009 – Карасик В. И., Красавский Н. А., Слышкин Г. Г. Лингвокультурная концептология. Волгоград: Парадигма, 2009. 116 с.
185. Карасик 2004 – Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
186. Карасик 2007 – Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
187. Караулов 1987 – Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
188. Караулов – Петров 1989 – Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 5–11.
189. Кардашова 2013 – Кардашова Е. В. Маленький человек на фоне большого мира: семантические модели идентификации субъекта обыденного дискурса // Наукові записки Луганськ. нац. ун-ту. Сер. Філологічні науки. Дискурсологія: мова, культура, суспільство: зб. наук. праць. № 2 (38). Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ ім. Тараса Шевченко», 2013. С. 125–143.
190. Кардашова 2016 – Кардашова О. В. Вербальна ідентифікація суб'єкта буденного дискурсу в російській лінгвокультурі. Автореф. дис.... канд. філол. наук. Х., 2016. 24 с.
191. Карттунен 1985 – Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 303–332.

192. Карцевский 1976 – Карцевский С. О. Сравнение // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 107–112.
193. Кацнельсон 1965 – Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Наука, 1965. 110 с.
194. Кацнельсон 1986 – Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 298 с.
195. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса 1999 – Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и порт. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
196. Кибрик 1982 – Кибрик А. Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике: пер. с англ. / общ. ред. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1982. С. 5–36.
197. Кибрик 1994 – Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
198. Кибрик 2003 – Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис....доктора филол. наук. М., 2003. 90 с.
199. Кибрик 2009 – Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
200. Кириллова – Примакова 1988 – Кириллова В. А., Примакова М. В. Структурно-семантические особенности предложений, репрезентирующих ситуации слухового и зрительного восприятия // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: Наука, 1988. С. 116–125.
201. Киселева – Пайар 1998 – Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. С. 7–44.
202. Китайгородская – Розанова 1996 – Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 345–383.
203. Кифер 1985 – Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 333–348.

204. Кобозева 1976 – Кобозева И. М. Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом переноса отрицания в русском языке). Автореф. дис... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1976. 22 с.
205. Кобозева 1988 – Кобозева И. М. Модальные слова и частицы в предложениях побудительного наклонения // Императив в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1988. С. 64–80.
206. Кобозева 1990 – Кобозева И. М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // Логический анализ язык. Противоречивость и аномальность. М.: Наука, 1990. С. 194–203.
207. Кобозева 1992 – Кобозева И. М. Проблема описания частиц в исследованиях 80-х годов // Семантика и прагматика. М.: Наука, 1992. С. 147–176.
208. Кобозева 2000 – Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 303–359.
209. Ковтунова 1976 – Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 239 с.
210. Кодзасов 2000 – Кодзасов С. В. Голос: свойства, функции и номинации // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 502–526.
211. Кодзасов 2009а – Кодзасов С. В. Интонация предложений с дискурсивными словами // Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 199–222.
212. Кодзасов 2009б – Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. 496 с.
213. Кожина – Дускаева 1993 – Кожина М. Н., Дускаева Л. Р. Лингвостилистические изменения в русской газете последнего десятилетия // Stylistyka-II. Opole, 1993. № 2. С. 111–132.
214. Кожина – Котюрова 1997 – Кожина М. Н., Котюрова М. П. Изучение научного функционального стиля во второй половине XX в. // Stylistyka-VI. Opole, 1997. С. 145–171.
215. Кожина 1966 – Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь: Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1966. 213 с.
216. Кожина 1972 – Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь: Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1972. 396 с.
217. Колесов 2002 – Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

218. Конрад 1985 – Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 349–383.

219. Кошелев 2015 – Кошелев А. Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. 280 с.

220. Кравченко 2006 – Кравченко А. В. Является ли язык репрезентативной системой? // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 135–156.

221. Красильникова 1996 – Красильникова Е. В. О соотношении монолога и диалога // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М.: Наука, 1996. С. 138–142.

222. Крипке 1986 – Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка: пер. с англ. / общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 194–242.

223. Кронгауз 2004 – Кронгауз М. А. Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 137–141.

224. Кубрякова 1974 – Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков). М.: Наука, 1974. 319 с.

225. Кубрякова 1976 – Кубрякова Е. С. Текст и синхронная реконструкция словообразовательного акта // *Лингвистика текста*. Научн. тр. МГПИИЯ. М., 1976. Вып. 103. С. 22–32.

226. Кубрякова 1978 – Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978. 115 с.

227. Кубрякова 1986 – Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 158 с.

228. Кубрякова 1990 – Кубрякова Е. С. Противопоставление имен и глаголов как важнейшая черта организации и функционирования языковых систем // *Теория грамматики. Лексико-грамматические классы и разряды слов*. М.: ИНИОН, 1990. С. 29–50.

229. Кубрякова 1991a – Кубрякова Е. С. Модели порождения речи и главные отличительные особенности речепорождающего процесса // *Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи*. М.: Наука, 1991. С. 21–81.

230. Кубрякова 1991b – Кубрякова Е. С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // *Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи*. М.: Наука, 1991. С. 82–140.

231. Кубрякова 1991в – Кубрякова Е. С. Память и ее роль в исследовании речевой деятельности // Текст в коммуникации. М.: Наука, 1991. С. 4–21.

232. Кубрякова 1991г – Кубрякова Е. С. Онтогенез речи и формирование речевой способности человека // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 141–184.

233. Кубрякова 1992 – Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М.: Наука, 1992. С. 4–38.

234. Кубрякова 1994а – Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. М.: ИНИОН, С. 5–31.

235. Кубрякова 1994б – Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН. Сер. литературы и языка. М., 1994. Т. 53. С. 3–15.

236. Кубрякова 1994в – Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. М., 1994. № 4. С. 34–37.

237. Кубрякова 1995 – Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.

238. Кубрякова 1997 – Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 1997. 331 с.

239. Кубрякова 2004 – Кубрякова Е. С. О семиотических особенностях производного слова // Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 243–249.

240. Кубрякова 2005 – Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст: сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 23–33.

241. Кубрякова 2008 – Кубрякова Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. научн. трудов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: изд. ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 30–45.

242. Кубрякова 2012а – Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. С. 13–36.

243. Кубрякова 2012б – Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.

244. Кубрякова – Александрова 2008 – Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Драматургические произведения как особый объект дискурсивного анализа (К постановке проблемы) // Известия РАН. СЛЯ. 2008. № 4. С. 3–10.

245. Кубрякова – Демьянков 2007 – Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. О ментальных репрезентациях // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. научн. трудов. М., Калуга: Эйдос, 2007. С. 13–28.

246. Кубрякова – Ирисханова 2007 – Кубрякова Е. С., Ирисханова О. К. Языковое абстрагирование в именах категорий // ИАН СЛЯ. 2007. Т. 66. № 2. С. 3–12.

247. Кун 1975 – Кун Т. С. Структура научных революций / пер. с англ. И. Э. Налетовой. М.: Книга по требованию, 1975. 264 с.

248. Курилович 1962а – Курилович Е. Заметки о значении слова / Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 237–250.

249. Курилович 1962б – Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 57–70.

250. Куслий 2016 – Куслий П. С. Свободная косвенная речь и ее семантика // Epistemology Philosophy of Science, 2016. Т. XLVIII. № 2. С. 238–243.

251. Кустова 2000 – Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.

252. Кустова 2001 – Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации: Автореф. дисс... доктора филол. наук. М., 2001. 36 с.

253. Кустова 2002 – Кустова Г. И. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 16–34.

254. Кустова 2004 – Кустова Г. И. Вид, видимость, сущность (о семантическом потенциале слов со значением зрительного восприятия) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 155–175.

255. Лакофф 1981 – Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск X. Лингвистическая семантика. Сб.: пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 350–368.

256. Лакофф 1985 – Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 439–470.

257. Лакофф 1988 – Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.

258. Лакофф – Джонсон 1990 – Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

259. Лауфер 1993 – Лауфер Н. И. Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 105–111.

260. Левонтина 2000а – Левонтина И. Б. Речь vs. язык в современном русском языке // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 271–289.

261. Левонтина 2000б – Левонтина И. Б. Понятие слова в современном русском языке // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 290–302.

262. Ленерт 1988 – Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного диалога // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 258–280.

263. Леонтович 2010 – Леонтович О. А. Нарративный анализ в контексте коммуникативных исследований // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. С. 60–71.

264. Леонтьев 1997 – Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

265. Ломтев 1956 – Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 596 с.

266. Лосев 1990 – Лосев А. Ф. Философия имени. М.: МГУ, 1990. 269 с.

267. Лотман 1996 – Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

268. Лотман 1998 – Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 19–34.

269. Лурия 1998 – Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1998. 336 с.

270. Макаров 2003 – Макаров М. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

271. Малинович – Малинович 2008 – Малинович М. В., Малинович Ю. М. Семантические константы внутреннего мира человека: кажимость // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Издательство Индрик, 2008. С. 608–618.

272. Мальцева 2018 – Мальцева В. В. Лингвистические методы анализа художественного дискурса // Русская филология. Вестн. Харьк. нац. педагог. ун-та им. Г. С. Сковороды. Х., 2018. № 4 (60). С. 11–17.

273. Маляр 2000 – Маляр Т. Н. Пространственные концепты в семантике английских предложно-наречных слов и сочетаний in front of, ahead of, behind, beyond // Исследования по семантике предлогов / под ред. Д. Пайара, О. Н. Селиверстовой. М.: Русские словари, 2000. С. 263–296.

274. Мамардашвили 1997 – Мамардашвили М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 1997. 320 с.

275. Мамардашвили 1999 – Мамардашвили М. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1999. 320 с.

276. Мамардашвили 2000 – Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.

277. Манаенко 2006 – Манаенко Г. Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2006. 263 с.

278. Маринчак 1982 – Маринчак В. А. Анализ семантико-синтаксической организации текста (на материале русской научной речи). Автореф. дис... канд. филол. наук. Х., 1982. 27 с.

279. Маринчак 2004 – Маринчак В. А. Интенциональное исследование ценностной семантики в художественном тексте: монография. Х.: «Фолио», 2004. 287 с.

280. Маринчак 2007 – Маринчак В. А. Интенциональный субъект и «дом бытия» // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. 2007. № 787. Вип. 52. С. 7–12.

281. Маринчак 2010 – Маринчак В. А. Настоятельность сказанного. Катастрофическое – сокровенное – сакральное в искусстве слова. Х.: «Права людини», 2010. 344 с.

282. Мартынюк 2013 – Мартынюк А. П. Концепт лингвокультурный vs. лингвокогнитивный: методы анализа // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст. к 65-летию В. А. Масловой. М.: Флинта; Наука, 2013. С. 509–519.

283. Мартинюк 2015 – Мартинюк А. П. Аргументація та сугестія як інструментальні стратегії дискурсу // Мовні і концептуальні картини світу. Вип. 55. К.: КНУ ім. Тараса Шевченко, 2015. С. 238–246.

284. Маслій 2008 – Маслій О.В. Дискурсивні парадигми концепту юродство як самобутнього феномена російської культури. Автореф. дис... канд. філол. наук. Х., 2008. 20 с.

285. Мерло-Понти 1999 – Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с франц.; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. М.: «Ювента», «Наука», 1999. 608 с.

286. Методы когнитивного анализа семантики слова 2015 – Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015. 192 с.

287. Мечковская 2010 – Мечковская Н. Б. Речевое общение в жизни, в романе и драме: коммуникативные инварианты и семиотические метаморфозы // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2010. С. 252–278.

288. Минский 1988 – Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 281–309.

289. Моисеева 1998 – Моисеева Н. В. Глаголы восприятия в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1998. № 6. С. 82–92.

290. Мясищев 1968 – Мясищев В. Н. Основы общей и медицинской психологии. Л.: Медицина, 1968. 106 с.

291. Николаева 1978 – Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 467–472.

292. Николаева 1982 – Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 103 с.

293. Николаева 1985 – Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков. М.: Наука, 1985. 169 с.

294. Николаева 2000 – Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2000. 1003 с.

295. Николаева 2008 – Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика (история «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008. 376 с.

296. Остин 1986 – Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: вып. XVII. Теория речевых актов. Сб.: пер с англ. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–130.

297. Остин 1987 – Остин Дж. Чужое сознание // Философия, логика, язык: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 48–95.

298. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964 – Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе простого и осложненного предложения / под ред. акад. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1964. 500 с.

299. Павиленис 1983 – Павиленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

300. Павиленис 1986 – Павиленис Р. И. Понимание речи и философия языка (вместо послесловия) // Новое в зарубежной лингвистике: вып. XVII. Теория речевых актов. Сб.: пер с англ. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. Прогресс, 1986. С. 380–388.

301. Падучева 1974 – Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике). М.: Наука, 1974. 292 с.

302. Падучева 1977 – Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семантика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 91–124.

303. Падучева 1985 – Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.

304. Падучева 1993 – Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 111–120.

305. Падучева 1996 – Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

306. Падучева 1997 – Падучева Е. В. Давно и долго // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 253–266.

307. Падучева 1998 – Падучева Е. В. Наблюдатель и его коммуникативные ранги: (о семантике глаголов появиться и показаться) // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1998. № 2. С. 23–28.
308. Падучева 1998 – Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3–23.
309. Падучева 1999 – Падучева Е. В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме глагола назначить // Типология и теория языка. От описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 488–502.
310. Падучева 2000а – Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 395–417.
311. Падучева 2000б – Падучева Е. В. Наблюдатель как Эксперимент «за кадром» // Слово в тексте и в словаре: сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 185–201.
312. Падучева 2001 – Падучева Е. В. К структуре семантического поля «восприятие»: (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–44.
313. Падучева 2002 – Падучева Е. В. О параметрах лексического значения глагола: таксономический класс участника // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 87–111.
314. Панкрац 1992 – Панкрац Ю. Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней: на материале сложноструктурированных глаголов английского языка. Автореф. дис... доктора филол. наук. М., 1992. 41 с.
315. Пауль 1969 – Пауль Г. Принципы истории языка / пер. с нем.; под ред. А. А. Холодовича. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 500 с.
316. Пеньковский 2004 – Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
317. Педченко 2013 – Педченко Л. В. Роль когнитивной мотивации слова в структуре концепта // Русский язык в поликультурном мире. 2013: Сб. науч. тр. К., 2014. С. 73–78.
318. Педченко 2017 – Педченко Л. В. Перцептивная метафора как средство создания «образа человека» в русском диалектном языке // Вісн. Харківськ. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». Вып. 77. 2017. С. 50–55.
319. Перцов 1996 – Перцов Н. В. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. Спорное в лингвистике. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 9–66.

320. Перцова 1999 – Перцова Н. Н. Заметки об инварианте // Типология и теория языка: От описания к объяснению. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 412–421.

321. Перцов 2001 – Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001. 280 с.

322. Петров – Герасимов 1988 – Петров В. В., Герасимов В. И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 5–11.

323. Пешковский 1956 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

324. Пихтовникова 2012 – Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений: монография. Х.: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2012. 180 с.

325. Плунгян – Рахилина 1988 – Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М.: Наука, 1988. С. 40–48.

326. Плунгян – Рахилина 1993 – Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Безумие как лексикографическая проблема // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 120–127.

327. Плунгян – Рахилина 1996 – Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Полисемия служебных слов: предлоги через и сквозь // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 1–17.

328. Плунгян – Рахилина 2000 – Плунгян В. А., Рахилина Е. В. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог под // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 115–133.

329. Плунгян 1998 – Плунгян В. А. Грамматические категории, их аналоги и заместители. Автореф. дис... доктора филол. наук. М., 1998. 42 с.

330. Попов 2013 – Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: монография. Х.: «НТМТ», 2013. 150 с.

331. Попов 2014 – Попов С. Л. Русская грамматическая вариативность в когнитивно-эволюционном освещении: монография. Х.: Мисъкдрук, 2014. 304 с.

332. Постовалова 1995 – Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 1995. С. 342–420.

333. Потebня 1958 – Потebня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I – II. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ства просвещения РСФСР, 1958. 536 с.

334. Потебня 1968 – Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968, 551 с.
335. Потебня 1989 – Потебня А. А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–201.
336. Правдин 1991 – Правдин М. Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. М.: Вдохновение, 1991. 231 с.
337. Правдин 2013 – Правдин М. Н. Лингвистика и философия: сборник научных статей / сост. И. И. Степанченко. К.: Українське видавництво, 2013. 260 с.
338. Приходько 2003 – Приходько А. М. Синтаксис естественного языка в фокусе когнитивно-дискурсивной парадигмы // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. 2003. № 609. С. 84–89.
339. Приходько 2008 – Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. Запоріжжя: Прем'єр, 2008. 332 с.
340. Разлогова 1988 – Разлогова Е. Э. Семантические инварианты. Логико-когнитивный анализ лексики естественного языка. М.: Наука. 1988. 504 с.
341. Рассел 1957 – Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 556 с.
342. Рахилина 1997 – Рахилина Е. В. О старом: аспектуальные характеристики предметных имен // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 201–218.
343. Рахилина 2000а – Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3. С. 3–15.
344. Рахилина 2000б – Рахилина Е. В. «Без конца и без края» // Исследования по семантике предлогов / под ред. Д. Пайара, О. Н. Селиверстовой. М.: Русские словари, 2000. С. 243–262.
345. Рахилина 2000в – Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
346. Ревзин 1977 – Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика: проблемы и методы. М.: Наука, 1977. 264 с.
347. Ревзина 1999 – Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М., 1999. № 1. С. 25–33.
348. Ревзина 2004 – Ревзина О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 11–20.

349. Ревзина 2005 – Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66–78.
350. Рикер 1990а – Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: сб.: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 416–435.
351. Рикер 1990б – Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры: сб.: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 435–455.
352. Розина 2002 – Розина Р. И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 3–15.
353. Роль человеческого фактора в языке 1988 – Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.
354. Рубинштейн 2003 – Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
355. Руденко – Прокопенко 1995 – Руденко Д. И., Прокопенко В. В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1995. С. 118–143.
356. Руднев 1999 – Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
357. Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова / Ин-т русск. яз. АН СССР. М.: Наука, 1982. Т. 2. 709 с.
358. Рябцева 1993 – Рябцева Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 51–57.
359. Рябцева 2004а – Рябцева Н. К. Ментальная сфера по данным языка: когнитивный аспект // Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 453–465.
360. Рябцева 2004б – Рябцева Н. К. Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 451–458.
361. Савченко 1985 – Савченко Л. Р. Семантическая организация высказываний с предикатами причинно-следственных отношений. Автореф. дис... канд. филол. наук. Х., 1985. 24 с.
362. Савченко 2006 – Савченко Л. Р. Теория А. А. Потебни в качестве научного диалога // Олександр Потебня: сучасний погляд:

матеріали міжнар. читань, присвяч. 170-річчю від дня народження фундатора Харківськ. філол. шк. 11–12 жовтня 2005 року. Х.: Майдан, 2006. С. 52–61.

363. Савченко – Чернега 1989 – Савченко Л. Р., Чернега И. Б. Семантика и функционирование глагольного предиката «казаться» // Вісн. Харк. держ. ун-ту. Сер. філологія. Деякі проблеми сучасного шевченкознавства. Х., 1989. № 329. С. 75–80.

364. Санников 2002 – Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

365. Сартр 2004 – Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004, 639 с.

366. Сватко 1986 – Сватко В. В. Лексико-семантическая группа глаголов чувственного восприятия // Русское языкознание. Киев, 1986. Вып. 13. С. 84–90.

367. Сватко 1987 – Сватко В. В. Лексико-семантическая группа глаголов чувственного восприятия как объект изучения в прагматическом аспекте // Вестн. Киев. ун-та. Методика обучения студентов-иностранцев. Киев, 1987. С. 94–98.

368. Сгал 1985 – Сгал П. Значение, содержание и прагматика // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 384–398.

369. Селиверстова 1975 – Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975. 240 с.

370. Селиверстова 1979 – Селиверстова О. Н. Константность и вариативность в семантической структуре глагола take и связанных с ним глаголов // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С. 27–107.

371. Селиверстова 1982 – Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–157.

372. Семенова 2007 – Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка). Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. 237 с.

373. Серию 1993 – Серию П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ / науч. ред. тома Д. И. Руденко. Х.: Око, 1993. С. 37–52.

374. Серию 1994 – Серию П. Троицын день в науке, или импровизированная философия языка // Философия языка: в границах и вне границ / науч. ред. тома Д. И. Руденко. Х.: Око, 1994. С. 75–84.

375. Серио 1995 – Серио П. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 321–341.

376. Серио 1999а – Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и порт. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 12–53.

377. Серио 1999б – Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и порт. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 337–383.

378. Серль 1986а – Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: вып. XVII. Теория речевых актов. Сб.: пер с англ. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

379. Серль 1986б – Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: вып. XVII. Теория речевых актов. Сб.: пер с англ. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.

380. Сёрль 1986в – Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: вып. XVII. Теория речевых актов. Сб.: Пер с англ. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.

381. Сёрль 1987 – Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.

382. Склярёвская 1993 – Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка / отв. ред. Д. Н. Шмелев. СПб.: Наука, 1993. 152 с.

383. Скребцова 2018 – Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательск. Дом ЯСК, 2018. 392 с.

384. Смирнова 1998 – Смирнова Т. Н. Корреляция «Я / ОН»-структур внутреннего и внешнего состояния с типами модальности // *Przegląd Rusycystyczny. Rocznik XX (1997). Zeszyt 3-4 (79-80)*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PNN, 1998. P. 271–276.

385. Соловьёв 1892 – Соловьёв В. С. Видимость // Энциклопедический Словарь Брокгауза – Ефрона. Т. VI (II). СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. С. 234–235.

386. Соссюр 1990 – Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике: пер. с фр. / общ. ред., вст. ст. и коммент. Н. А. Слюсаревой. М.: Прогресс, 1990. 280 с.

387. Соссюр 1999 – Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с франц. А. М. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999. 432 с.

388. Спринчак 1960 – Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса (простое предложение). К.: Гос. уч.-пед. изд. «Радянська школа», 1960. 256 с.

389. Степанов – Проскурин 1993 – Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Смена «культурных парадигм» и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ / науч. ред. тома Д. И. Руденко. Х.: Око, 1993. С. 13–36.

390. Степанов 1966 – Степанов Ю. С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966. 271 с.

391. Степанов 1981 – Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 с.

392. Степанов 1994 – Степанов Ю. С. Пространства и миры – «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие // Философия языка: в границах и вне границ / науч. ред. тома Д. И. Руденко. Х.: Око, 1994. С. 5–18.

393. Степанов 1995а – Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 7–34.

394. Степанов 1995б – Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 35–73.

395. Степанов 1997а – Степанов Ю. С. Мир [Ментальные миры (Воображаемый мир; Возможный мир, а также Вселенная-Универсум)] // Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 95–142.

396. Степанов 1997б – Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

397. Степанченко 2013 – Степанченко И. И. О метафоре в лингвистических дефинициях // Тест и его единицы в функциональной парадигме: сб., посвященный 85-летию со дня рождения М. Н. Правдина / сост. И. И. Степанченко. К.: Українське видавництво, 2013. С. 53–60.

398. Степанченко 2014 – Степанченко И. И. Функционализм как альтернативная лингвистическая парадигма (на материале художественных текстов): монография. К.: Українське видавництво, 2014. 200 с.

399. Стивенсон 1985 – Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 129–154.

400. Столнейкер 1985 – Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 419–438.

401. Стросон 1986 – Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике: вып. XVII. Теория речевых актов. Сб.: пер. с англ. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 131–150.

402. Сукаленко 1991 – Сукаленко Н. И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания. Автореф. дис... доктора филол. наук. К., 1991. 40 с.

403. Сукаленко 1992 – Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. К.: Наукова думка, 1992. 164 с.

404. Сукаленко 2000 – Сукаленко Н. И. Учение А. А. Потебни и современная антропоцентрическая лингвистика // Вісн. Харк. унту ім. В. Н. Каразіна. 2000. № 491. Традиції Харківської філологічної школи. До 100-річчя від дня народження М. Ф. Наконечного. С. 91–95.

405. Сэпир 1985 – Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 43–79.

406. Талми 2006 – Талми Л. Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики № 2. 2006. С. 23–44.

407. Телия 1986 – Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 146 с.

408. Теньер 1988 – Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Наука, 1988. 656 с.

409. Титчер – Мейер – Водак – Веттер 2009 – Титчер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. 356 с.

410. Тодоров 1978 – Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 450–466.

411. Толстая 2000 – Толстая С. М. Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi* // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 172–190.

412. Туровский 1985 – Туровский В. В. Как, похож, напоминать, творительный сравнения: толкования для группы квазисинонимов // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М.: Наука, 1985. С. 130–145.

413. Тюпа 2007 – Тюпа В. И. Актуальность новой риторики для современной гуманитарной науки // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии: Научно-методические материалы / Н. И. Басовская, Е. П. Батурина, Т. Ю. Красовицкая и др. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. С. 9–73.

414. Урмсон 1985 – Урмсон Дж. О. Парентетические глаголы // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Сб.: пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 196–216.

415. Урысон 1998 – Урысон Е. В. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 226–261.

416. Урысон 1998 – Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.

417. Успенский 1970 – Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 257 с.

418. Успенский 1994 – Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). М.: «Гнозис», 1994. 240 с.

419. Успенский 1995 – Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.

420. Успенский 2002 – Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

421. Успенский 2007 – Успенский Б. А. Ego Loquens: язык и коммуникационное пространство. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 320 с.

422. Уфимцева 1974 – Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 232 с.

423. Филлипс – Йоргенсен 2004 – Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер.с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2004. 336 с.

424. Филлмор 1981а – Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. Сб.: пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.

425. Филлмор 1981б – Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистиче-

ская семантика. Сб.: пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 496–530.

426. Филлмор 1983 – Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. Сб.: пер. с англ. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Радуга, 1983. С. 75–122.

427. Филлмор 1988 – Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

428. Философия языка 2004 – Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серль: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.

429. Фільчук 2003 – Фільчук Т. Ф. Мовна атракція в різних дискурсивних виявах. Автореф. дис... канд. філол. наук. Х., 2003. 18 с.

430. Фільчук 2010 – Фільчук Т. Ф. Категория интертекстуальности в ее лингвофилософской природе и дискурсивных проявлениях // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. Філологія. № 936. Вип. 61. Ч. 1. Х., 2010. С. 379–383.

431. Формановская 2002 – Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

432. Фортунатов 1956 – Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: в 2 т. М.: Учпедгиз, 1956.

433. Фреге 1977 – Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 181–210.

434. Фреге 1987 – Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 18–47.

435. Фролова 2009 – Фролова І. Є. Стратегія конфронтації в англомовному дискурсі: монографія. Х.: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2009. 344 с.

436. Фрумкина 1995 – Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 74–117.

437. Фуко 1977 – Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с франц. М.: Прогресс, 1977. 408 с.

438. Фуко 1996 – Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47–97.

439. Фуко 2004 – Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. 416 с.

440. Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М., 1993. 622 с.
441. Хельмьянова 2016 – Хельмьянова Ю. С. Категория кажимости на современном этапе ее изучения // *Man and Word. Foreign Languages*. 2016. Т. 18. № 3. Р. 40–49.
442. Хинтиikka 1974 – Хинтиikka Я. Вопрос о вопросах // *Философия в современном мире*. М.: Наука, 1974. С. 303–362.
443. Хинтиikka 1980 – Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.
444. Хомский 1972 – Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. с англ., под ред. В. А. Звегинцева. М.: МГУ, 1972. 259 с.
445. Храковский 2004 – Храковский В. С. Таксис в простом предложении (конструкции с предлогами после и до) // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой* / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 355–367.
446. Храковский 2005 – Храковский В. С. Адмиратив в русском языке (вводное слово оказывается и его функции в высказывании) // *Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой* / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 180–190.
447. Чейф 1982 – Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике*. Сб.: пер. с англ. / общ. ред. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316.
448. Чейф 1983 – Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика*. Сб.: пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1983. С. 35–73.
449. Чернцова 1998 – Чернцова Е. В. Пресуппозиция как контекст значения высказывания с частицей // *Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”*. 1998. № 411. С. 419–424.
450. Чернцова 2001 – Чернцова Е. В. Дискурсивное слово «наверное» (соотношение инвариантного значения и некоторых употреблений) // *Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”*. 2001. № 520. С. 84–88.
451. Чернцова 2002 – Чернцова Е. В. Семантика дискурсивных слов (контекстно-семантическое описание) // *Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”*. 2002. № 557. Вип. 35. С. 160–169.

452. Чернцова 2004 – Чернцова Е. В. Коммуникативные позиции дискурсивного слова // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2004. № 607. Вип. 39. С. 194–199.

453. Чернцова 2005 – Чернцова Е. В. Коммуникативная структура осложненного предложения // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2005. № 647. Вип. 43. С. 40–44.

454. Чернцова 2006 – Чернцова Е. В. Специфика значений дискурсивных слов русского языка // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2006. № 745. Вип. 49. С. 40–44.

455. Чернцова 2009 – Чернцова Е. В. Дискурсивные слова как маркеры нарративной семантики «возможного мира» // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2009. № 873. Вип. 58. С. 27–31.

456. Чернцова 2010 – Чернцова Е. В. Внутренняя форма как потенциал иллокутивного значения ДС вообще // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2010. № 910. Вип. 60. С. 148–153.

457. Чернцова 2011 – Чернцова Е. В. История парентетической позиции дискурсивных слов // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2011. № 963. Вип. 62. С. 113–118.

458. Чернцова 2012а – Чернцова Е. В. История парентезы как особой синтаксической и коммуникативной позиции в предложении // Литературный язык в проекциях истории и современности. К 90-летию юбилею профессора Георгия Ивановича Шкляревского: сб. научн. ст. / сост. Л. В. Педченко. Х.: ХНУ им. В. Н. Каразіна, 2012. С. 87–93.

459. Чернцова 2012б – Чернцова Е. В. Внутренняя форма и стилистические функции слов *казаться, оказаться* // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2012. № 994. Вип. 64. С. 72–78.

460. Чернцова 2012в – Чернцова Е. В. Древнерусские глагольные энклитические формы как протопарентезы (по данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского) // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2012. № 1021. Вип. 66. С. 180–184.

461. Чернцова 2012г – Чернцова Е. В. Дискурсивная семантика парентезы *кажется* // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2012. № 1014. Вип. 65. С. 91–98.

462. Чернцова 2012д – Чернцова Е. В. Дискурсивные проекции парентезы *кажется* в жанрах нарратива // Слов’янський збірник (збірник наукових праць). К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. Вип. 17. Ч. 2. С. 535–540.

463. Чернцова 2013 – Чернцова Е. В. Дискурсивные модификации субъектных значений предикатов *казаться, показаться* // Наукові записки Луганськ. нац. ун-ту. Серія “Філологічні науки”. Дискурсологія: мова, культура, суспільство: зб. наук. праць. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ ім. Тараса Шевченка», 2013. № 2 (38). С. 45–61.

464. Чернцова 2014a – Чернцова Е. В. Когнитивная семантика парентез *оказалось, оказывается* в разных дискурсивных контекстах // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. Wrocław, 2014. Nr 1 (6). С. 75–82.

465. Чернцова 2014b – Чернцова Е. В. Когнитивная семантика предикатов *оказаться, оказываться* в дискурсивном режиме интерпретации // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. № 20. Одеса: Астропринт, 2014. С. 200–205.

466. Чернцова 2015a – Чернцова Е. В. Когнитивная семантика парентез *оказываться, оказалось* в разных контекстах художественного дискурса // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2015. № 1152. Вип. 72. С. 163–168.

467. Чернцова 2015b – Чернцова Е. В. Когнитивная семантика глагольного предиката *оказываться* и художественная нарративная стратегия // Славянские чтения: научно-теоретический журнал. Кишинэу: Славянский университет, 2015. № 6 (12). С. 195–210.

468. Чернцова 2016 – Чернцова Е. В. Художественная нарративная стратегия и когнитивная семантика слова (на материале глагольных предикатов *казаться, показаться*) // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2016. Вип. 75. С. 6–11.

469. Чернцова 2017 – Чернцова Е. В. Когнитивная семантика и нарративные функции парентезы *кажется* в разных контекстах художественного дискурса // Studia Rossica Posnaniensia. vol. XLII. Poznan: Adam Mickiewicz University Press, 2017. P. 115–126.

470. Чернцова 2018 – Чернцова Е. В. Кажимость в структуре быденного vs. научного знания (на материале когнитивной семантики глагольных предикатов *казаться, показаться*) // Русская филология. Вестн. Харьк. нац. педагог. ун-та им. Г. С. Сковороды. 2018. № 3 (65). С. 3–9.

471. Чернцова 2019 – Чернцова Е. В. Метакогнитивная репрезентация концептуальной области «кажимости» (на материале семантики глагольных предикатов *казаться, показаться*) // Studia Rossica Posnaniensia. vol. XLIV. Poznan: Adam Mickiewicz University Press, 2019. P. 277–288.

472. Шатуновский 1989 – Шатуновский И. Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проб-

лемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 155–185.

473. Шатуновский 1993 – Шатуновский И. Б. Думать и считать: еще раз о видах мнения // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 127–134.

474. Шахматов А. А Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

475. Шахнарович 1991 – Шахнарович А. М. Проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 185–220.

476. Шведова 2004 – Шведова Н. Ю. Три заметки о смысловых пересечениях // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 242–254.

477. Шевченко 2003 – Шевченко И. С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія “Філологія”. 2003. № 586. С. 33–38.

478. Шевченко 2005 – Шевченко І. С. Когнітивно-прагматичні дослідження дискурсу // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: кол. монографія / заг. ред. І. С. Шевченко. Х.: Константа, 2005. С. 105–117.

479. Шевченко 2013 – Шевченко І. С. Концепты коммуникативного поведения и дискурс // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. 2013. № 1072. С. 15–20.

480. Ширяев 2004 – Ширяев Е. Н. Глаголы речи, восприятия и мысли в роли разговорных модальных средств // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 459–466.

481. Шмелев 1973 – Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

482. Шмелев 1989 – Шмелев Д. Н. Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М.: Наука, 1989. С. 3–33.

483. Шмелев 2001 – Шмелев А. Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001. С. 266–279.

484. Шмелев 2002 – Шмелев А. Д. Из пункта А в пункт В // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 181–194.

485. Шмелев 2005 – Шмелев А. Д. «Показатели хезитации» в русской устной речи // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 518–532.

486. Шмид 2008 – Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008, 312 с.

487. Шпербер – Уилсон 1988 – Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. Москва: Прогресс, 1988. С. 212–233.

488. Щерба 1957 – Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

489. Щерба 1974 – Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

490. Языковая картина мира и системная лексикография 2006 – Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.

491. Якобсон 1972 – Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

492. Якобсон 1985а – Якобсон Р. К общему учению о падеже // Избранные работы / пер. с англ., нем., франц. яз.; общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.

493. Якобсон 1985б – Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Избранные работы / пер. с англ., нем., франц. яз.; общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 176–197.

494. Якобсон 1985в – Якобсон Р. О структуре русского глагола // Избранные работы / пер. с англ., нем., франц. яз.; общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 210–221.

495. Якобсон 1985г – Якобсон Р. Мозг и язык // Избранные работы / пер. с англ., нем., франц. яз.; общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 270–286.

496. Якобсон 1985д – Якобсон Р. Часть и целое в языке // Избранные работы / пер. с англ., нем., франц. яз.; общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 301–305.

497. Якобсон 1985е – Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы / пер. с англ., нем., франц. яз.; общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 306–318.

498. Якобсон 1985ж – Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // *Избранные работы* / пер. с англ., нем., франц. яз.; общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 361–368.

499. Якобсон 1987 – Якобсон Р. Работы по поэтике: переводы / общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

500. Янко 1997 – Янко Т. Е. Обстоятельства времени в коммуникативной структуре предложения // *Логический анализ языка. Язык и время* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 281–296.

501. Янко 2000 – Янко Т. Е. Глагол гласить: от звука к знаку // *Язык о языке: сб. статей* / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 527–542.

502. Янко 2001 – Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.

503. Янко 2008 – Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

504. Boguslawski 1977 – Boguslawski A. Problems of the thematic-rhematic structure of sentence. Warszawa, 1977. 228 p.

505. Bradley 1969 – Bradley F. H. Appearance and Reality. London: S.Sonnehschein; New York: Machmillan, 1969. 413 p.

506. Jackendoff 1971 – Jackendoff R. On some questionable arguments about quantifiers and negation // *Language*. № 47. 1971. P. 282–297.

507. Jackendoff 1984 – Jackendoff R. Sense and Reference in a psychologically based semantics // *Talking minds*. Cambridge (Mass), 1984. P. 49–72.

508. Johnson 1987 – Johnson M. The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1987. 272 p.

509. Laclau – Mouffe 1985 – Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985. 197 p.

510. Lakoff 1987 – Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things / What Categories Reveal About the Mind. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987. 303 p.

511. Langacker 1991a – Langacker R. Concept, Image, and Symbol / The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.

512. Langacker 1991b – Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II. Stanford: Stanford University Press, 1991. 628 p.

513. Langacker 2000 – Langacker R. Grammar and Conceptualization. Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 2000. 427 p.
514. Talmy 2001a – Talmy L. Towards a Cognitive Semantics. Vol. I: Concept Structuring System. Cambridge: MIT Press, 2001. 565 p.
515. Talmy 2001b – Talmy L. Towards a Cognitive Semantics. Vol. II: Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge: MIT Press, 2001. 495 p.
516. Taylor 2002 – Taylor J. R. Cognitive Grammar. Oxford; NY: Oxford University Press, 2002. 634 p.
517. Tomasello 2003 – Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2003. 408 p.
518. Wierzbicka 1976 – Wierzbicka A. Mind and Body Syntax and Semantics. Vol. 7. New York etc., 1976, P. 129–157.
519. Wierzbicka 1980 – Wierzbicka A. *Lingua mentalis*. The Semantics of natural language. Sydney: Academic Press, 1980. 367 p.
520. Wierzbicka 1987 – Wierzbicka A. Boys will be boys: 'radical semantics' vs. 'radical pragmatics' // *Language*. 1987. Vol. 63. 1. P. 95–114.
521. Wierzbicka 1988 – Wierzbicka A. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam, 1988. 617 p.
522. Wierzbicka 1992a – Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. *Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. 496 p.
523. Wierzbicka 1992b – Wierzbicka A. Talking about Emotions: Semantics, Culture, and Cognition // *Cognition and Emotion*. 1992. № 6 (3/4). P. 285–319.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

524. БАС 1956 – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1060. Т. 5. 1956. 1916 с.

525. БТСРЯ 2008 – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2008. 1536 с.

526. Даль ТСЖВЯ 1955 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 2: И–О. 1955. 780 с.

527. ДСРЯ 1998 – Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / А. Н. Баранов, К. Бонно, Н. Б. Василевская, Р. Камю, К. Л. Киселева, К. Л. Кодзасов, М. В. Меркулова, С. Моро, Д. Пайар, Е. Э. Разлогова, Е. Л. Рудницкая, С. Л. Сахно; под общей ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.

528. КСКТ 1997 – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общей ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

529. КПС 1985 – Краткий психологический словарь / под общей ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985, 431 с.

530. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

531. МАС 1983 – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 2. 1983. 736 с.

532. НОССРЯ 2003 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцов, А. В. Санников, Е. В. Урысон; под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Шк. «Языки славянской культуры», 2003. 2-е изд., испр. и доп. 1488 с.

533. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [в:] электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>

534. ПДСРЯ 1993 – Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Метатекст, 1993. 213 с.

535. Преображенский ЭСРЯ 1958 – Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1958. 1284 с.

536. РЯЭ 2008– Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 2008. 703 с.

537. СО 1986 – Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов. М.: Русский язык, 1986. 797 с.
538. СЛТ 1969 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
539. ССЛТ 1976 – Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
540. ССМРЯ 1982 – Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. К.: Радянська школа, 1982. 240 с.
541. СУ 1935 – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 1. 1935. 1566 с.
542. Срезневский МСДЯ 1893 – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Типография императорской академии наук, 1893–1903.
Т. 1: А–К. 1893. 1420 с.
Т. 3: Р–Я. 1903. 1683 с.
543. ССЯ 2006 – Словарь старославянского языка: Репр. изд.: в 4 т. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. Т. 2. 648 с.
544. СРЯ XI–XVII 1980 – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 25 т. М.: АН СССР, Ин-т русского языка, 1978–2000. Вып. 7 (К – КРАГУАРЬ). 1980. 403 с.
545. СЭСРЯ 2003 – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
546. ТСРЯ 2006 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 4-е изд., доп. 944 с.
547. ФЭС 1989 – Философский энциклопедический словарь / редкол. С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильчев и др. М.: Советская энциклопедия, 1989. 2-е изд. 815 с.
548. Черных ИЭСРЯ 1999 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1: А–ПАНТОМИМА. 1999. 624 с.
549. ЭССЯ ПЛФ 1983 – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. акад. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980–1994. Вып. 9: *ЈЪZ–*KLEHЪE. 1983. 197 с.
550. ЭСБЕ 1892 – Энциклопедический Словарь Брокгауза–Ефрона: в 6 т. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. Т. 2. 489 с.

Таблица № 1

Сопоставительная характеристика дискурсов разного типа по релевантным для исследования параметрам

Тип дискурса	Дискурсообразующие метапозиции			Экстралингвистические условия	Глобальные интенции субъекта дискурса, его когнитивные и коммуникативные стратегии	Коммуникативные регистры
	Субъект	Адресат	Объект и когнитивная семантика глагольного предиката			
Обыденный	Конкретный говорящий	Конкретный слушающий	Воспринимаемая денотативная ситуация, ее участники. Восприятие и осмысление перцептивных данных.	Ситуация реального сенсорного восприятия: говорящий находится в локусе происходящего. Реальная коммуникативная ситуация.	Глобальные интенции : сообщить об увиденном и осмысленном. Когнитивная деятельность характеризуется малой информативностью, отсутствием аналитизма и рефлексии. Коммуникативным стратегиям присущи спонтанность, хаотичность, непродуманность, электичность.	Репродуктивный; информативный; реактивно-волеинтерный.
Публицистический	Автор-публицист (высокий интеллектуальный уровень, аналитизм мышления, высокий уровень языковой компетентности)	Абстрактный читатель/зритель	Стереотипы обыденного сознания; общественное сознание; сознание реконструируемой социальной группы. Критическое осмысление стереотипов обыденного сознания.	Пространственно-временная дистанцированность от денотативной ситуации; квазикоммуникативная ситуация: локальная и временная дистанцированность субъекта и адресата дискурса.	Глобальные интенции: Убедить читателя, вызвать доверие к информации. Когнитивная деятельность характеризуется информативностью, аналитизмом, рефлексией над предметом изложения. Публицистическим стратегиям свойственны целенаправленность, преднамеренность, продуманность, риторическая заостренность, особые нарративные тактики рассуждения.	Информативно-генеративный регистр (обобщенной информации, соотносенной с жизненным опытом и универсальным знанием).

<p>Научный</p>	<p>Ученый-исследователь, представитель научного сообщества (носитель научных знаний)</p>	<p>Ученый-коллега или все множество коллег, обладающих общим фондом научных знаний</p>	<p>Возникающие у реципиента зрительные иллюзии, галлюцинации, другие психологические проблемы, причины кажимости. Научное исследование объекта.</p>	<p>Высший уровень абстрагирования от денотативной ситуации; квазикоммуникативная ситуация.</p>	<p>Глобальные интенции: исследовать объект, собрать и обобщить эмпирические данные, сформулировать новое знание. Когнитивная деятельность, отличается методикой, системностью, процедурами верификации результатов, высоким анализом, высоким уровнем абстракции. Коммуникативные стратегии отличаются логичностью изложения, продуманностью, прозрачностью, понятностью, предсказуемостью.</p>	<p>Информативно-волепунктный регистр (инструкций, регулирующих различные коммуникативные ситуации).</p>
<p>Художественный</p>	<p>Писатель-художник, обладающий уникальной языковой компетентностью наивысшего уровня</p>	<p>Абстрактный читатель</p>	<p>Полидискурсивность возможного мира, воображаем, в соответствии с интенцией автора.</p>	<p>Квазикоммуникативная ситуация; автокоммуникация.</p>	<p>Глобальные интенции: этическое, эстетическое и эмоциональное воздействие на читателя. Когнитивная деятельность, связана с воображением, фантазией, памятью - творческими актами, служащими созданию возможного мира. Нарративные стратегии нарушают конвенции понятности и предсказуемости, отличаются нетривиальностью. Коммуникативной организации возможного мира свойственна полидискурсивность.</p>	<p>Репродуктивно-описательный, информативно-описательный, информативно-повествовательный.</p>

Таблица № 2.

Данные обыденного дискурса: корреляция между степенью выделенности/невыведенности когнитивного признака "знание о том, что первое впечатление/мнение может быть ошибочным/искаженным" и семантикой контекстов с глагольными предикатами (кто/что кому кажется/может показаться каким/чем)

Система контекстных значений глагольных предикатов	Коммуникативный регистр, тип контекста, тип стратегии	Субъектная структура контекста	Когнитивная семантика глагольного слова	Когнитивный статус признака "знание о том, что первое впечатление/мнение может быть ошибочным/искаженным"
1) <i>Издаലെ дом мне кажется/показался маленьким.</i>	Репродуктивный регистр; Я-контекст.	Субъект восприятия и субъект речи не противопоставляются (это конкретный говорящий).	Говорящий замечает объект и сообщает о полученном впечатлении (перцептивный акт конкретного субъекта).	Признак остается дефокусированным.
2) <i>Иван мне кажется/показался порядочным человеком.</i>	Информативный регистр; Я-контекст.	Субъект когнитивного акта и субъект речи не противопоставляются (это конкретный говорящий).	Говорящий интерпретирует ранее полученные перцептивные данные.	Признак остается дефокусированным.
3) <i>В тумане деревья казались сказочными великанами.</i>	Информативный регистр; Я-контекст метафорического сравнения.	Субъект когнитивного акта и субъект речи не противопоставляются (это конкретный говорящий).	Говорящий видит предмет в "ином обличье" (синтез когнитивных актов восприятия, воображения, памяти).	Признак "кажущегося подобия" получает особый когнитивный статус - акта воображения.
4) <i>Предсказания сбылись. Вода поднялась выше, чем мне казалось с берега и заливала лодку.</i>	Информативный регистр; нарративный Я-контекст воспоминания.	Субъект восприятия ("Я" в прошлом) противопоставлен субъекту речи ("Я" в настоящем).	Говорящий рефлектирует над ошибочностью первого впечатления, полученного в прошлом, акт воспоминания базируется на знаниях об описываемой ситуации.	Признак попадает в фокус, выделяется на "фоне" (если в семантике контекста возникает противоречие между актуальным знанием и прошлыми впечатлениями/мнением).

<p>5) Тебе это кажется /показалось!</p>	<p>Реактивно-волеинтивный регистр; Диалогический Ты-контекст.</p>	<p>Субъект восприятия (второе лицо) противопоставлен субъекту рефлексивного акта и субъекту речи (говорящему).</p>	<p>Говорящий рефлектирует над ошибочностью впечатления / мнения второго лица, оценка ошибочности чужого впечатления базируется на знаниях говорящего.</p>	<p>Признак попадает в фокус, выделяется на "фоне" (если в семантике контекста возникает противоречие между знанием говорящего и чужим впечатлением).</p>
<p>б) Ему это кажется /показалось!</p>	<p>Информативный регистр; нарративный ОН-контекст.</p>	<p>Субъект восприятия (третье лицо) противопоставлен субъекту рефлексивного акта и субъекту речи (говорящему).</p>	<p>Говорящий рефлектирует над ошибочностью впечатления /мнения третьего лица, оценка ошибочности чужого впечатления базируется на знаниях говорящего.</p>	<p>Признак попадает в фокус, выделяется на "фоне" (если в семантике контекста возникает противоречие между знанием говорящего и чужим впечатлением).</p>
<p>7) Ему так казалось /показалось.</p>	<p>Информативный регистр; нарративный ОН-контекст воспоминания.</p>	<p>Субъект восприятия отнесен в план прошлого (третье лицо) и противопоставлен субъекту рефлексивного акта и субъекту речи (говорящему, который мыслится в настоящем).</p>	<p>Говорящий рефлектирует над ошибочностью прошлого впечатления/мнения третьего лица, оценка ошибочности чужого прошлого впечатления базируется на знаниях говорящего.</p>	<p>Признак попадает в фокус, выделяется на "фоне" (если в семантике контекста возникает противоречие между знанием говорящего и чужим прошлым впечатлением).</p>

Таблица № 3

Данные публицистического дискурса: корреляция между степенью выделенности/невыведенности когнитивного признака "знание о том, что первое впечатление/мнение может быть ошибочным /искаженным" и семантикой контекстов с глагольными предикатами (кто/что кому кажется/может показаться каким/чем)

Система контекстных значений глагольных предикатов	Коммуникативный регистр; тип контекста; тип стратегии/ тактики	Субъектная структура контекста	Когнитивная семантика глагольного слова	Когнитивный статус признака "знание о том, что первое впечатление/мнение может быть ошибочным /искаженным"
8) <i>Сейчас "Динамо" мне кажется фаворитом.</i>	Репродуктивный регистр; Я-контекст; синхронное комментирование спортивного матча.	Субъект-экспертизер, субъект рефлексивного акта и субъект речи не противопоставлены.	Субъект рефлектирует над тем, что его прогноз не подтверждается.	Признак попадает в фокус, выделается на "фоне" (если в семантике контекста возникает противоречие между актуальным впечатлением /мнением и прошлым прогнозом).
9) <i>Если принять это условие, то информация кажется правдоподобной.</i>	Информативно-генеритивный регистр; Я-контекст; публицистическая тактика рассуждения.	Субъект рефлексивного акта (публицист) противопоставлен субъекту-экспертизеру.	Субъект рассуждает, рефлектирует над относительностью логического вывода – 'если принять другое условие, то и следствие будет другим'.	Признак приобретает самостоятельный когнитивный статус - опыта и знаний публициста.
10) <i>Процветание этого бизнеса мне кажется обеспеченным, но я могу ошибаться.</i>	Информативный регистр; Я-контекст; тактика рассуждения с эффектом 'соприсутствия автора и читателя' при рождении мысли.	Субъект актуальной саморефлексии над этапами формирования мысли. В контексте выражается рефлексия над собственным мыслительным актом.	Субъект рассуждает, рефлектирует над этапами формирования собственной мысли, умозаключения.	Признак попадает в фокус, выделается на "фоне" (если в семантике контекста возникают противоположные оценки публициста).

<p>11) Ему это казалось делом простым.</p>	<p>Информативный регистр; ОН-контекст воспоминания; биографическая стратегия.</p>	<p>Конкретный индивидуализированный субъект-экспериментер (ему) противопоставлен субъекту носителю знаний и субъекту речи (публицисту).</p>	<p>Публицист вспоминает о событии и его участнике, не претендует на абсолютную истинность, допускает возможность искажения фактов.</p>	<p>Знание о том, что первое впечатление/мнение может быть ошибочным/искаженным, становится маркером неавторитарного когнитивного стиля, диалогической манеры сообщения.</p>
<p>12) Сторонникам Хакамады это кажется крайне оскорбительным.</p>	<p>Информативно-генеритивный регистр; ОН-контекст.</p>	<p>Неопределенно-личный субъект-экспериментер (сторонникам) противопоставлен субъекту носителю знаний и субъекту речи (публицисту).</p>	<p>Публицист развенчивает стереотипы сознания моделируемой социальной группы.</p>	<p>Признак попадает в фокус, выделяется на "фоне" (если в семантике контекста возникает противоречие двух позиций: публициста и неопределенно-личного субъекта).</p>
<p>13) С первого взгляда ответ на этот вопрос кажется /может показаться простым.</p>	<p>Информативно-генеритивный регистр; ОН-контекст.</p>	<p>Обобщенный субъект обыденного сознания выступает субъектом-экспериментером и противопоставляется субъекту носителю знаний и субъекту речи (публицисту).</p>	<p>Публицист развенчивает стереотипы обыденного сознания, призывает адресата к более фундаментальному осмыслению предмета обсуждения.</p>	<p>Признак попадает в фокус, выделяется на "фоне" (если в семантике контекста возникает противоречие двух позиций: публициста и обобщенного субъекта обыденного сознания).</p>

Таблица № 4

Данные научного дискурса: корреляция между степенью выделенности/невыведенности когнитивного признака "знание о том, что первое впечатление/мнение может быть ошибочным/искаженным/ложным" и семантикой контекстов с глагольными предикатами (кто/что кому кажется/может показаться каким/чем)

Система контекстных значений глагольных предикатов	Коммуникативный регистр; тип контекста; тип стратегии	Субъектная структура контекста	Когнитивная семантика глагольного слова	Когнитивный статус признака "знание о том, что первое впечатление/мнение может быть ошибочным/искаженным/ложным"
14) <i>Даже то, что интуитивно кажется эквивалентным, оказывается не эквивалентным.</i>	Информативно-волеитивный регистр; Я-ОН-контекст; историографическая стратегия.	Обобщенно-личный субъект-экспериментер (коллеги и я) противопоставлен субъекту-носителю знаний и субъекту речи.	Субъект рефлектирует над тем, что интуиции исследователей не всегда подтверждаются результатами анализа.	Признак не только выделяется, попадает в фокус, но и приобретает статус общего методологического принципа, связанного с верификацией интуиции экспериментальными методами.
15) <i>Ученым сначала казалось, что расшифровав полную генетическую информацию геномной ДНК, они смогут управлять процессами, происходящими в клетке.</i>	Информативно-волеитивный регистр; ОН-контекст; историографическая стратегия.	Неопределенно-личный субъект-экспериментер (коллеги, но не я) противопоставлен субъекту-носителю знаний и субъекту речи.	Субъект рефлектирует над тем, что в истории науки происходит изменение взглядов исследователей.	Признак не только выделяется, попадает в фокус, но и приобретает статус знания об исторической смене научных парадигм.
16) <i>Два вертикальных отрезка равны, но правый кажется больше.</i>	Информативно-волеитивный регистр; Я-ОН-контекст; эпистемическая стратегия дискурса психологии.	Обобщенно-личный субъект-экспериментер (реципиенты и я) противопоставлен субъекту-носителю знаний и субъекту речи.	Субъект знает, что по определенным причинам у реципиентов (и у автора) возникают зрительные иллюзии.	Признак не только выделяется, попадает в фокус, но и приобретает статус научного факта - абстрактного знания об иллюзорных эффектах, возникающих у всех реципиентов в определенных условиях.
17) <i>Большим начинает казаться, что впереди виднеется оазис, в то время как на самом деле его нет.</i>	Информативно-волеитивный регистр; ОН-контекст; эпистемическая стратегия дискурса психологии.	Неопределенно-личный субъект (больные, но не я) противопоставлен субъекту-носителю знаний и субъекту речи.	Субъект знает, что по причине мозговых нарушений у больных возникают галлюцинации.	Признак попадает в фокус, усиленно выделяется, приобретает статус научного факта - абстрактного знания о галлюцинациях и их причинах.

<p>18) В процессе непосредственного созерцания мы иногда сталкиваемся с тем, что явления кажутся нам не такими, каковы они есть на самом деле.</p>	<p>Информативно-волептивный регистр; Я- /ОН-контекст; эпистемическая стратегия дискурса философии.</p>	<p>Обобщенно-личный субъект (все люди и я) противопоставлен субъекту-носителю знаний и субъекту речи.</p>	<p>Гносеологическая кажимость, ее причины: субъект знает, что у каждого человека могут искажаться зрительные образы объектов действительного мира, это создает гносеологические трудности, которые впоследствии могут быть устранены.</p>	<p>Признак попадает в фокус, усиленно выделяется, приобретает статус научного факта - научных знаний о комплексе гносеологических проблем (кажимости реальности).</p>
<p>19) На самом деле реальности нет, нам все только кажется.</p>	<p>Информативно-волептивный регистр; эпистемическая стратегия дискурса философии.</p>	<p>Максимально обобщенный субъект-экспериментер (все люди и я) противопоставлен субъекту-носителю знаний и субъекту речи.</p>	<p>Онтологическая кажимость: субъект знает, что нет реальности, есть только кажимость реальности. Понятие гносеологической кажимости онтологизируется.</p>	<p>Признак не просто усиленно выделяется, он абсолютизируется, приобретает статус псевдонаучных знаний об отсутствии реальности (кажимость вместо реальности).</p>

Таблица № 5

Данные художественного дискурса: корреляция между степенью выделенности/невыделенности признака "знание о том, что первое впечатление/мнение может быть искаженным/ложным" и семантикой контекстов с глагольными предикатами (кто/что кому кажется/может показаться каким/чем)

Система контекстных значений глагольных предикатов	Коммуникативный регистр; тип контекста; тип нарративной стратегии	Субъектная структура контекста	Когнитивная семантика глагольного слова	Когнитивный статус признака "знание о том, что первое впечатление/мнение может быть искаженным/ложным"
20) <i>Отсюда долина кажется ровною, и только привычный глаз рассмотри на ней едва уловимые линии глубоких лощин и оврагов.</i>	Я-/Мы-/ОН-контекст; репродуктивно-описательная стратегия поддержки фокуса.	Субъект-экспериментер (обобщенно-личный субъект, включающий рассказчика) противопоставлен второму субъекту-наблюдателю (привычный глаз).	В контексте создается перцептивный план возможного мира: «наблюдаемая» природная, предметная среда.	Первое, общее впечатление может сменяться другим, более детализированным описанием.
21) <i>Все кажется, что здесь меня убьют.</i>	Я-контекст; информативно-описательная стратегия внутренней речи персонажа.	Субъект-носитель знаний и субъект речи (нарратор) "оживается" в сознание персонажа.	В контексте создается эффект внутренней речи персонажа.	Признак остается дефокусированным.
22) <i>За станционным домом казалась тепло и тихо. Сверху, над головою не виднелось ни одной звездочки, и небо казалось чрезвычайно низким и черным.</i>	Я-контекст; репродуктивно-описательная стратегия "рассказ-воспоминание участника события".	Субъект-экспериментер ("Я" в прошлом) противопоставлен субъекту-носителю знаний и речи ("Я" в настоящем).	В контексте ретроспективно воссоздается перцептивный акт рассказчика, содержание его впечатлений, ощущений.	Признак остается дефокусированным.
23) <i>Пролептать всю ночь в мороз и метель в совершенно голой степи, какова эта часть Земли Войска Донского, казалось очень несвесело.</i>	Я-контекст; информативно-описательная стратегия "рассказ-воспоминание участника события".	Субъект-экспериментер ("Я" в прошлом) противопоставлен субъекту-носителю знаний и речи ("Я" в настоящем).	В контексте ретроспективно воссоздается ментальный акт рассказчика, его умозаключения, выводы.	Признак остается дефокусированным.

<p>24) Мне казалось иногда, что передо мной едет по косогору или под гору, тогда как степь была везде ровная.</p>	<p>Я-контекст; информативно-описательная стратегия "рассказ-вспоминание участника события".</p>	<p>Субъект-экспериментер ("Я" в прошлом) противопоставлен субъекту-носителю знаний и речи ("Я" в настоящем).</p>	<p>В контексте воссоздается экзистенциальный план сознания рассказчика: зрительные впечатления обманчивы, ненадежны, субъект не способен был адекватно воспринимать окружающее, анализировать происходящее.</p>	<p>Признак "люжность прошлых впечатлений" попадает в фокус, выделяется на "фоне", которым служит семантика контекста. В контексте возникает противопоставление впечатлений и знаний рассказчика.</p>
<p>25) Один буфет казался мне тогда одушевленным.</p>	<p>Я-контекст репродуктивно-описательной /информативно-описательной стратегии.</p>	<p>Субъект-экспериментер, субъект рефлексии и субъект речи не противопоставлены.</p>	<p>Акт метафорического сравнения представляет собой синтез зрительного восприятия, сравнения увиденного с хранящимися в памяти зрительными образами, понимания, воображения.</p>	<p>Признак "кажущегося подобия" попадает в фокус, получает особый когнитивный статус акта воображения, творческого видения мира художником в границах реального и воображаемого, реального и фантастического.</p>
<p>26) Потом он стал изобретать, как можно спастись стоя, упершись коленом в столик, и чтоб надзирателю казалось, что глаза твои открыты.</p>	<p>ОН-контекст; информативно-описательная двуфокусная нарративная стратегия.</p>	<p>Особый субъект-экспериментер (имплицитный /эксплицитный сторонний наблюдатель) противопоставлен субъекту-носителю знаний (автору) и субъекту речи (нарратору).</p>	<p>В контексте создается впечатление стороннего наблюдателя о персонаже, которое формирует внешнюю точку зрения (вспомогательный фокус). Знания автора формируют внутреннюю точку зрения (основной фокус).</p>	<p>Признак "намеренно проиводимое персонажем ложное впечатление (чтобы казалось надзирателю)" попадает в фокус, выделяется на "фоне", которым служит семантика контекста. В семантике контекста внешнее впечатление противопоставляется знанию автора.</p>

27) В камере он носил серый линялый рабочий халат прямо поверх белья, был неопытен, мог показаться подсобным тюремным рабочим, – пока не садился читать, и привычная властная осанка мысли озаряла его лицо.	ОН-контекст; информативно-описательная двуфокусная нарративная стратегия.	Особый субъект-эксперименцер (эксцентричный сторонний наблюдатель) противопоставлен субъекту-носителю знаний (автору) и речи (нарратору).	Автор/нарратор противопоставляет свое истинное знание о персонаже (внутренняя точка зрения) ложному впечатлению стороннего наблюдателя (внешняя точка зрения).	Признак "ложное впечатление стороннего наблюдателя" попадает в фокус, выделяется на "фоне", которым служит семантика контекста, противопоставляющая ложные впечатления истинным знаниям автора/нарратора.
28) Ему показалось, что пол возле кровати ушел куда-то и что сто минуто он головой вниз полетит к чертовой матери в преисподнюю.	ОН-контекст; информативно-описательная двуфокусная нарративная стратегия.	Субъект-эксперименцер (это персонаж, а не сторонний наблюдатель) противопоставлен субъекту-носителю знаний (автору) и речи (нарратору).	Автор/нарратор знает о том, что персонажу нечто мерещится, чудится, кажется.	Признак "ложность впечатлений" попадает в фокус, усиленно выделяется на "фоне": за счет семантики контекста, в котором нарратор разоблачает ложность впечатлений персонажа.
29) Человеку казалось, что, пока он в новой машине, он богат и удачлив, и все видят его таким.	ОН-контекст; информативно-описательная однофокусная нарративная стратегия.	Субъект-эксперименцер (персонаж) противопоставлен субъекту-носителю знаний (автору) и субъекту речи (нарратору).	Нарратор выражает ироническое отношение к несовершенству, легкомысленности персонажа.	Признак остается дефокусированным.
30) Она сидит рядом с ним в ресторане, ей кажется прекрасным этот кабак, молодые люди в чарльстонках, джазисты на эстраде.	ОН-контекст; информативно-описательная однофокусная нарративная стратегия.	Два субъекта-эксперименцера: персонаж и нарратор (во взгляд нарратора инкорпорирован взгляд персонажа), а также субъект речи (нарратор).	Нарратор сам наблюдает за персонажем и сообщает о том, что видит персонаж. Нарратор солидаризируется с персонажем в оценке происходящего, не иронизирует над ним.	Признак остается дефокусированным.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Наукове видання

Чернцова Олена Вадимівна

**ДИСКУРСИВНЕ ВАРІЮВАННЯ КОГНІТИВНОЇ
СЕМАНТИКИ СЛОВА:
ДОСВІД ІНТЕГРАЛЬНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ**

**(на матеріалі дієслівних предикатів *казаться, показаться,*
девербатива кажимость, парентези кажется)**

Монографія

В оформленні обкладинки використана картина
Робера Делоне "Ритм"
(1938)

Коректор *О. В. Анцибора*
Комп'ютерне верстання *О. С. Чистякова*
Макет обкладинки

Формат 60x84/16. Умов. друк. арк. 10,89. Тираж 300 прим. Зам. 37/19.

Видавець і виготовлювач
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.09

Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна
Тел. 705-24-32